

ДРЕВНЯЯ РУСЬ

СТЕПАН ГЕДЕОНОВ
ВАРЯГИ
И РУСЬ

Разоблачение
«норманнского мифа»

ДРЕВНЯЯ РУСЬ

СТЕПАН ГЕДЕОНОВ

**ВАРЯГИ
И РУСЬ**

**Разоблачение
«норманнского мифа»**

**ЭКСМО
Москва
алгоритм
2011**

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
Г 28

Гедеонов С. А.
Г 28 **Варяги и Русь : Разоблачение «норманнского мифа» /**
Степан Гедеонов. — М. : Эксмо : Алгоритм, 2011. — 352 с. —
(Древняя Русь).

ISBN 978-5-699-45930-8

«Варяги и Русь» известного отечественного историка Степана Александровича Гедеонова (1816—1878) – одна из главных книг, наносящих сокрушительный удар по норманнской теории возникновения русской государственности. Впервые изданная в 1876 г., она была сразу отмечена как значительное явление в русской исторической науке, как образец объективности и научной добросовестности. Книга не утратила актуальности и до сего дня является одним из основных пособий для тех, кто изучает происхождение Руси. Адаптирована для популярного чтения.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-699-45930-8

© ООО «Алгоритм-Издательство», 2011
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2011

Часть первая

«ВАРЯГИ»

I. О НОРМАННСКОМ НАЧАЛЕ В РУССКОЙ ИСТОРИИ

Призванием варяжских князей начинается политическая жизнь Руси; под влиянием нового династического начала Русь вступает на поприще европейской истории.

Значение этого события определяется народностью призванных варяжских князей. Их считали поочередно финнами, хазарами, норманнами; последнее мнение стало господствующим; но при замечательно ученой и совестливой разработке письменных (преимущественно иноземных) исторических документов норманнская система происхождения руси далеко не удовлетворяет существенному требованию русской науки, а именно, объяснению из скандинавского элемента начальных явлений исторического русского быта. Как все вопросы о народных началах, так и варяжский имеет две стороны, письменную и фактическую. К доказательствам письменным принадлежат дошедшие до нас свидетельства, сказания и предположения русских и иноземных летописателей о народности руси и варягов; таковы сказания и мнения Нестора о началах русского государства имени около половины IX века; свидетельства Вертинских

летописей о шведской, Ахмед-эль-Катиба и Лиутпранда о норманнской руси, Константина Багрянородного о названиях днепровских порогов и т. д. Взятые отдельно, эти свидетельства подтверждают, при первом взгляде, мнение о норманнстве руси; но, взятые отдельно, свидетельства Григория Турского подтверждают мнение о троянском происхождении франков; Феофилакта — об аварском происхождении славян; Ибн-Гаукала — о русском происхождении мордвы. Значение письменных документов и их толкований при решении вопроса о спорных народных началах, очевидно, подчинено необходимости согласования различных сказаний и мнений с положительными следами влияния одной народности на другую в отношении к языку, религии, праву, народным обычаям и преданиям. Теперь, удовлетворяет ли норманнская система этим условиям своего значения в области русской науки? Указывает ли она на непреложные, верные следы норманнского влияния на историю и внутренний быт словенорусских племен? Мы увидим противное; увидим не только явное отсутствие норманнского начала в основных явлениях древнерусского быта, но и совершенно невозможность согласовать их существование с предположением о скандинавизме призванных варягов. А в таком случае не вправе ли мы положить, что письменные свидетельства, на которых норманнская школа преимущественно (можно почти сказать, исключительно) основывает свою историческую теорию, или сами по себе неверны, или неверно поняты новейшими толкователями? Рассмотрению этих свидетельств с иной, по моему убеждению, более рациональной точки зрения, посвящена значительная часть моей книги; здесь я должен прежде всего утвердить отсутствие положительных следов норманнского влияния на Русь, а с другой стороны, указать на явное участие в развитии исторического русского быта иного, западнославянского начала.

Немецкие представители норманнского мнения в прошедшем столетии — Байер, Миллер, Тунманн и Шлецер — трудились над древнейшей историей руси, как над историей вымершего народа, обращая внимание только на письменную сторону вопроса. Для них Русь была то самое, что для других ученых немецких исследователей пелазги или этрусски; загадочная народность, о началах которой сохранились намеки у греческих и латинских писателей. Находя норманнским подобозвучные имена у первых русских князей, у послов Олега и Игоря, находя шведскую русь в Вертинских летописях, норманнскую в известиях Лиутпранда и Константина, они провозглашали норманнское происхождение Руси, нимало не заботясь о том, отозвалось ли это норманнство в истории и жизненном организме немецкого ими народа. Что, между тем, по крайней мере Шлецер понимал необходимость воззрения и на фактическую сторону предмета, в этом, при его научной опытности, не позволено сомневаться; дело в том, что для полного и беспристрастного обсуждения вопроса как его предшественникам, так и ему недоставало основательного знания русского языка, русского быта и письменности в связи их с прочими славянскими языками, народными особенностями и литературами. Или не отсюда его односторонний, исключительно норманнский взгляд на первый период русской истории? его невнимание к славянским началам ее? его непростительно вольное обхождение с русскою летописью? Где Нестор мешает ему, он укоряет его вставками; где случай наводит его на факты, явно опровергающие его систему, он или молчит, или довольствуется бесплодным на них указанием; при случае, возьмем для примера хоть бы выдумку понтийских псевдо-‘Рѡс’сов 866 года, он увлекается до изобретений. Созная Перуна и Волоса славянскими божествами, он считает излишним входить в объясне-

ние причин, по которым мнимые норманны Олаф (Олег) и Ингвар (Игорь) и их скандинавские сподвижники клянутся по русскому (норманнскому) закону славянскими божеествами, а не Одним и Тором. Он говорит в одном месте: «Надобно быть очень крепку на ухо, чтобы не слышать столь часто повторяемое Нестором, что новгородцы, киевляне и все прочие народы сего государства (дело идет о племенах, принимавших участие в греческом походе 907 года) назвались русами после пришествия варягов»; а в другом, что русами при Олеге и Игоре были еще одни только норманны, т. е. варяги; «владычествующий народ еще не смешался с прочими; долгое время возвышался Франк над Галлом и все делал один, не принимая в сотоварищество им побежденного» и т. д. Он замечает с удивлением непонятно скорое исчезновение норманнства в именах наших князей, тогда как «германские завоеватели Италии, Галлии, Испании, Бургундии, Картагена и пр. всегда в роде своем удерживали германские имена, означавшие их происхождение»; но как объясняет он этот факт, очевидно, противный норманнству варяжских князей? *неизвестными причинами*, вследствие которых «славяне рано сделались господствующим народом». О языке, праве, обычаях руси и т. д., с точки зрения норманнского влияния на Русь, у него даже нет и помину.

Современная наука не допускает ни молчания, ни изобретений, ни неизвестных причин. Она говорит: если варяги-русь скандинавы, норманнское начало должно отозваться в русской истории, как начало латино-германское в истории Франции, как начало германо-норманнское в истории английской. Не в мнимогерманских именах наших князей и послов их, не в случайных, непонятых известиях Вертинских летописей, Лиутпранда и Константина, — норманнство должно отозваться в самой жизни Руси, в ее религии, языке, праве, в народных обычаях, в действиях и образе жиз-

ни первых князей и пришлых с ними варягов. Без полного удовлетворения этим условиям исторического самопознания система норманнского происхождения Руси остается вне права науки, как остается вне права науки система славянского происхождения, покуда хотя одно из возражений норманнской школы будет оставлено без ответа.

Изыскания Круга изданы по смерти его, до приведения их самим автором в систематический порядок. Из статей, имеющих целью указать на живые следы норманнского начала в русской истории, особенно замечательны по содержанию:

№ VII. О языке Руси в IX и X столетиях.

№ VIII. Происхождение и объяснение некоторых русских слов в летописи Нестора и законах Ярослава.

№ X. Мысли о древнейшем устройстве и образе правления Русского государства.

№ XI. О гридьбе при первых русских князьях, в сравнении с учреждением Hirdmenn'ov¹ в Скандинавии.

№ XII. Примечания к известиям Ахмед-ибн-Фоцлана о языке, религии, нравах и обычаях языческой руси в начале X века.

Судя по одним заглавиям этих статей, читатель, конечно, подумает, что для исследователя, подобно Кругу, действительно убежденного в норманнстве варяжской руси, не могло быть недостатка в доказательствах норманнского влияния на внутренний быт русского общества. Выходит противное. За исключением № VIII, в котором Круг выводит самым неудачным образом чисто славянские слова из скандинавских, все остальные нумера или представляют исследования о норманнском языке, праве, норманнских обычаях и пр. без малейшей связи с языком, правом и обычаями так называемых варягов-руси, или указывают на факты,

---

¹ Телохранители скандинавских конунгов.

которым следовало бы проявиться в русской истории, если бы варяги-русь были норманны.

Из статьи о языке мы узнаем следующие положения: древнескандинавский язык назывался *Dönsk tunga*, *Norræn tunga* или *Norŕoena*; так как варяги были норманны, а при Рюрике множество скандинавов селилось в Новгороде, оба языка — норманнский и славянский — слышались одновременно в Новгороде; *без сомнения*, было даже время, когда норрена там господствовала; знатнейшие из славян, преклоняясь перед троном для снискания благосклонности новых русских, т. е. норманнских князей, *весьма вероятно*, стали вскоре изучать их язык и обучать ему своих детей; простые люди им подражали; употреблению норрены *надлежало* сохраниться на Руси долее, чем в Нормандии, ибо тамошние князья приняли христианство семидесятью шестью годами (в 912) ранее наших; так как в эпоху призвания грамота уже существовала в Скандии, *то должно непременно ожидать*, что русы, вскоре призванные оттуда в землю, назвавшуюся от их имени Русью, вместе с норманнским языком принесли с собою и норманнское письмо; из двух экземпляров договоров, заключенных между русью и греками, *вероятно*, один был составлен на скандинавском языке.

На каких доказательствах основаны эти *несомненные и вероятные* положения? Они двоякого рода: 1) русские названия днепровских порогов у Константина Багрянородного звучат по-норманнски. 2) В древнерусском, преимущественно юридическом языке встречаются многие слова, очевидно, германского происхождения, *занесенные к нам норманнами*. Критическое исследование этого последнего положения принадлежит к № VIII: происхождение и объяснение некоторых русских слов в летописи Нестора и законах Ярослава.

Прежде всего и один раз навсегда я делаю следующую оговорку: до нашего предмета не касаются те общеславян-

ские слова, каковы *князь, пенязь, град, хлеб* и пр., которым иные исследователи приписывают доисторическое германское происхождение. Как славяне от германцев, так германцы заняли изрядное количество слов от славян; это общелингвистический, уже давно обсужденный вопрос. «Все эти языки, — говорит Шафарик о славянском, греческом, латинском, кельтском и германском, — имеют многочисленные общие слова, составляющие в чистых корнях своих неоспоримую собственность каждого и для которых было бы бессмысленно отыскивать первенство обладания, напр., нос, *Nase, nasus*; око, *Auge, oculus*» и пр. К словам, долженствующим обнаружить влияние норманнского языка на русский вследствие призвания варяжских князей, норманнская школа вправе отнести только такие, которые, являя все признаки норманнства, с одной стороны, не встречаются у прочих славянских народов, а с другой, не могут быть легко и непринужденно объяснены из славянских этимологии. Конечно, эти правила не совсем согласны с лингвистическими законами, которыми руководствуются поборники скандинавизма; например, производя слово *болярин* от составного норманнского *ból-praedium, villa*, и *Jarl-comes*. Круг замечает, что слово *боляре* существует и в славянской Библии, и у сербов, ляхов, рагузинцев, виндов, хорутан и т.д. «Но, — говорит он, — не должно думать, чтобы норманнскому происхождению слова *болярин* противоречило его употребление у болгар *за сто лет до основания государства*. Только *здесь* я не могу этого доказать и отсылаю к моему исследованию о начале Руси». Этого исследования в посмертном издании его изысканий не оказалось. О слове *коляда*, происходящем, по мнению Круга, от скандинавского *Jolessen*¹, он говорит, «что

---

¹ *Йоль* — языческий праздник в честь зимнего солнцестояния, «поворота зимы» — увеличения продолжительности светового дня. Отсюда и славянские «колядки» (от слова «коло» — поворот, оборот). — *Ред.*

многие из этих слов встречаются и в прочих славянских наречиях, еще ничего не доказывает против предположения о норманнстве слова *коляда*. Так напр., русское *коляда*, у сербов *koleda*, у поляков *kolęda*, у крайнцев также, у кроатов *koledo*, у босняков *kolenda*, у чехов *koleda*, *kolemgda*; но оно не имеет корня в славянских языках». Что сказать об исторической системе, основывающей свои доказательства на лингвистике этого рода?

Из слов мнимогерманского и норманнского происхождения Круг приводит следующие: князь, пенязь, усерязь, витязь, шляг (*sic!*), стерляг, пуд, суд, град, грид (*sic!*), ряд, скот, хлеб, шнек (*sic!*), полк, вира, месячина, дума, броня, мыто, мытарь, свекорь, кароль, снедь, рыцарь, рухлядь, весь, ремень, люди, нетий, кнут. Эти слова он готовил для нового издания академического словаря. Сверх того, он основывает мнение о норманнском составе Русской Правды на мнимонорманнском происхождении слов *вервь*, *вира*, *говядо*, *гость*, *гривна*, *гридин*, *людин*, *огнищанин*, *скот*, *тиун* и т.д. Он говорит по этому поводу: «Иногда мучаются для отыскания славянских корней для слов очевидно норманнского происхождения, каковы *гридин*, *болярин*, *пенязь*, *вира*, *вервь* и значительное количество других, коих норманнство будет ясно показано». Между тем им исследованы только слова: *князь*, *пенязь*, *дума*, *ябетник*, *тиун* и *гридин*.

Образцовое рассуждение г. Срезневского о словах: *боярин*, *безмен*, *вервь*, *вира*, *верста*, *Господь*, *гость*, *гридь*, *дума*, *князь*, *луда*, *люд*, *мечь*, *мыто*, *навь*, *неги*, *обел*, *огнищанин*, *оружие*, *смерд*, *терем*, *якорь*, *город*, *дружина*, *колокол*, *котел*, *лодия*, *муж*, *стяг*, *холоп*, *цепь*, *челядь*, — избавляет меня от труда доказывать славянство их происхождения и общность у всех славянских народов. Но я не могу допустить с г. Срезневским и того десятка слов происхождения сомнительного или действительно германского, о которых он

упоминает и к которым причисляет слова тивун, шильник и ябетник. Слова, каковы напр., *шильник* и *шнека* не идут к вопросу о норманнском происхождении Руси; их позднейшее происхождение от германского и скандинавского языков имеет известное историческое основание в торговых и иных сношениях Новгорода с шведами и немцами в XII—XIV столетиях и доказывает происхождение руси от норманнов, как английские, голландские и французские слова в русском языке доказывают происхождение руси от англичан, голландцев и французов. Что касается до прочих слов, встречающихся в древнейших памятниках нашей письменности и означающих основные русские учреждения, они, как и приведенные выше у г. Срезневского, все объясняются из славянских источников или перешли к нам славянским путем. Из этих, у г. Срезневского необъясненных или допускающих иные, дополнительные объяснения слов, я привожу следующие:

Боярин. Круг производит слово боярин от скандинавского *ból-praedium, villa* и *Jarl-comes* и считает форму *болярин* древнейшей. Та же форма и у болгар; Феофан пишет *βοιλάδες*; Конст. Багр. *βοιλάδες*. Слово *боляре* в книге Эсфирь I, 16, вероятно, позднейшая вставка. Погодин принимает словопроизводство протоиерея Сабинина от исландского *baear-villa, praedium* и *menn* — мужи; *baear-menn* — мужи града. Г. Куник полагает, что слово *болярин* есть не что иное, как славянская форма народного *bolgar*, болгарин и указывает на переходные связующие формы *Bileres* у Платона Карпини; *Byler* у *Vine, de Beauvais*; *terra Bular* у безымянного нотариуса короля Бельи; от первоначального *болярин* позднейшее *боярин*. Шафарик производит греческое *βοιλάδες, βοιλάδες*, от финно-уральского *boilas, bulias, collect. boilad, buljad*; срвн. аварское *beled-proceres*. К славянам оно перешло в двоякой форме:

1) *byl'*;

2) *boljarin, bojarin* древнерусск. *baarin*, откуда сокращенное средневековое латинское *Baro*.

Ни одна из этих этимологий не объясняет, каким образом германо-скандинавское *bol-jarl*, исландское *baear-menn*, народное болгарин, финно-уральское *bulias* перешли во все славянские наречия; ни почему, при болгаро-сербской форме болярин, встречаются формы: на Руси — боярин; у хорватов и хорутан — боjar, bojar, боjarин, воярин; у поляков — *bojar*; у чехов — *bojar, bojařiu*; у рагузинцев — *bojâr*; у молдаван и валахов — *un boiarin* в смысле *vir nobilis*; у мадяров — *bojar*, герой; в новогреческом языке *μπολιάρος*.

Г. Срезневский принимает для слова боярин, болярин два корня: бой — вой; боль — вель (большой, великий), как напр., два корня (свят — *sanctus* и свет — *lux*) для имени славянского божества Святовита, Световита. Но разрешает ли это толкование затруднения вопроса? и не ясно ли, что из двух корней все же один остается основным?

Я думаю, Карамзин был прав, считая форму боярин древнейшей.

Против этимологического родства греческого *βοιλάδες, βολιάδες*, со славяно-болгарским *боляре* говорит то обстоятельство, что этим формам, равно как и финно-уральской *boilas, bulias*, недостает основной в слове *боярин, болярин* буквы *р*. Этими формами греки выражали славянское слово *быль* (*senior*). В переводном Георгии Амартоле: «Коуръ (Квръ) скоро посла быля своего къ нему (Дашилу), да съ честью приведууть и». В Слове о полку Игореве: «А уже не вижду власти сильнаго и богатаго и много вой брата моего Ярослава съ Черниговскими *былями*». «В просторечии (в Рязанск. губ.), — замечает Снегирев, — называется *небылем* человек незначущий».

У болгар и сербов господствует исключительно форма *болярин*; на Руси формы *боярин, болярин* являются одно-

временно; у остальных славянских народов известны только формы *бояр*, *боярин*. Во всех ли славянских наречиях, за исключением болгар и сербов, слово *боярин* явление позднейшее, как уверяет, но без доказательств, Круг? От руси ли оно перешло к чехам, хорутанам, хорватам, рагузинцам? Если же от болгар или сербов, почему известно оно у них не под болгаро-сербской формой *болярин*!

Окончательная форма на -ин в славянских языках предполагает или существующее, или утратившееся, или воображаемое собирательное. Так *челядь* — челядин; *люд* — людин; *русь* — русин; *гридь* — гридин и т.д. Форма *боярин* предполагает первородное (утратившееся) собирательное *боярь*; память его сохранилась в древнечешском *vujaгу* — храбрый, удалый; *vujarost* — храбрость, удалство. *Vujaгу* составлено из двух корней: *буй* — храбрый, безумный;; *яр*, *ярый*.

Как буква *у* в новогреческом $\mu\theta\upsilon\acute{\iota}\rho\omicron\varsigma$, так буква *л* в болгаро-сербском *боляре* есть не что иное, как евфоническая вставка. Сербы говорят *србин* и *срблин*; река *Varbana* в Далмации ныне *Војапа* и *Војјапа* и т. д. К нам форма *болярин* перешла вместе с книгами Св. Писания от болгар.

Броня. «Наши брони не одно ли с шведским *brunior?*», — спрашивает Погодин. В самом деле, в средневековых германских документах встречаем слова: «*Brunea, brunia, bronia — logica*». В древнейшем Евангелии Отфрида (нач. IX века): «*Ist uns thas girusti, Brunia alafesti*». Слово *brunia, bronia*, не имеющее корня в германских наречиях (ибо его этимология от британского *bron-тамма* более чем сомнительна), вероятно, проникло в Германию славянским путем. У чехов *břn* — панцырь; *broń* — по-польски оружие; *bronіć* — защищать; у нас — *бронити* и *боронити*.

Вервь. Взятое в смысле округа слово *вервь* означает еще и ныне у крестьян Архангельской губернии поземельную меру 1850 квадр. саж. Веревками и жердьми мерили все в

мире народы. Гейзерих делил веревкой землю. Побезденная Нормандия размежевана по веревке Роллоном. Что такое: *de pratis duodecim worpal*, спрашивает Гримм. Не наше ли славянское *вервь*? срвн. «от Елизара шло пять *вервей*, а другая пять *вервей* шла от Онтона».

Весь. «Въ онъже аще (колийждо) градъ или *весь* внидете, испытайте, кто в немъ достоинъ есть». *Wes* по-чешски, *wieś* по-польски, *vás* по-краински — деревня, село. Смерды-владельцы в Богемии назывались *wiesnicy, villani*.

Вира. Г. Срезневский указывает на хорватское *вира* — вольная оценка, вольный переход; *завирити* — обязать задатком или залогом; *веровати* — обвинять, в Записке о правах дубровницких купцов (XIII—XIV века). В самом деле, по смыслу *вира* и *вина* однозначуци в русской юридической терминологии; вместо *мыта* списки Воскр., Ник. и Соф. читают вины: «Не платить вины нивчемже». В Лавр. сп. о русских детских под 1176 г.: «Они же много тяготу людемъ симъ створиша, продажами и *вирами*»; Радз. и Троицк., читают: «*винами*». «Обычай откупаться за убийство существует в Черногории и доныне, — говорит Булгарин, — это называется: послать на веру».

Напрасно, стало быть, к тому же и в ущерб самой себе относит норманнская школа слово *вира* к перешедшим будто бы к нам из Скандинавии. Карамзин указывает на шведское *ога*; но *ога* (у датчан *oge*) означает не пеню, а монету или часть денежного фунта; да и едва ли переход формы *ога* в русское *вира* будет согласен с законами строгой лингвистики. Погодин приводит германское слово *wehrgeld* (в древнегерманских памятниках *wiregildum, wirgildum, wirgildi — wirigelt, wirgelt*); но это слово не встречается ни в простой, ни в составной форме в скандинавских законах, за исключением *vereldi*. Техническое выражение древнескандинавского права для пени — *bot*; в древнешведских законах

mordgiald, sporgiald. Сага Олафа Тригвасона передает русское *вира* скандинавским *вое-tur*. Вира, если допустить ее происхождение от *германского* *wirgelt*, указала бы не на сношения Руси с норманнами, а вендских славян с германцами и Руси с балтийским Поморьем.

Волхв. У скандинавов *Alfve*. «*Се волсви* отъ востокъ приидоша во Иерусалимъ». В истории взятия Трои: «Класъ (Калхасъ): низокъ, тонокъ, чистъ, седъ главою и брадою кудрявою, и *вълховъ* и кобникъ хитръ». Черноризец Храбр: «А персомъ и халдеомъ и асиреомъ звездочътение *вълшвение*, врачевание, чарования и все хыткость человека». В Супрасльской рукописи XI века: «*вълхвовате* и *вълхвъ*».

Вено. У Погодина от скандинавского *Vingaef*. На древнесакском *morgen gifa*. Источники польского права употребляют выражения: *dos, donatio propter nuptias, parapherna*; в польском переводе: *wiano, danina, dziedzina wzelka, wyprawa*. Чешское право знает *wěno* и *dziedziny wienne*. В силезском праве: *Dothalicium propter nuptias, quod vulgariter Wyeno nuncupatur*».

Гривна. «Что за слово гривна? — спрашивает Погодин. — Оно употребляется в разных славянских наречиях и встречается в славянском переводе Библии, но давно ли? есть ли оно в древних списках?». Воцель производит слово *гривна* от гривы, санскр. *grīwa*. В древнепольском праве *grzywna* означает марку. У литовцев: «*Griwina — marca, quae 20 grossos*».

Грид, *гريدъба*, *гريدин*. Мы находим у Круга особую статью о *гريدъбе* при первых русских князьях; он производит русские *гريدъба*, *гريدин* от *Hirdmenn'ov*, телохранителей скандинавских конунгов.

Совершенно правильно относит г. Срезневский слово *гريدъ* к всеславянскому *громада*, у хорутан *грида*, означающим собрание людей, дружину. *Гридити* — быть в сборе. Подобно князьям, города имели свою *гريدъ* или *гريدъбу*.

«И новгородьци... идоша съ княземъ Ярославъмъ, огнищане, и *гридьба*, и купци». «Онъ же (Мстислав Ростиславич) приеха Ростову, совокупивъ ростовци и боляре, *гридьбу* и пасынки, и всю дружину, поеха къ Володимерю». Гридь, стало быть, то же, что стража, дружина; *гридин от гриди*. На Руси это древнеславянское слово отозвалось во множестве личных и местных имен: «...У Олешки да у *Гриди* у Никитиныхъ детей»; деревня *Гридинское*, *Гридское* болото, деревня *Гридино*. *Гридя* Мельников. *Гридко* Возило. У чехов в грамоте 1088 г. *Grid*; под 1026 *Gridon*; под 1055, *Gridata*.

Коляда. Как слово *коляда*, так и обряд *колядования* существуют у всех славянских племен; этого одного уже достаточно для полного опровержения предположения Круга о происхождении *коляды* от скандинавского *Jolessen*. Круг замечает, однако же справедливо, что это слово не имеет корня в славянских языках, но заключать отсюда о его скандинавизме невозможно, не доказав предварительно: 1) что слово *коляда* и обряд *колядования* не существуют на Руси, ни у прочих славянских народов до второй половины IX века, т. е. до призвания варягов; 2) что языческий обряд *колядования*, вместе со словом *коляда*, перешел к чехам, сербам, ляхам, краинцам, хорватам и пр. или от скандинавов, или от онорманившейся руси. Слову *коляда* приискивали и другие этимологии; его приводят обыкновенно в связь с латинским *calendae*, французским *chalendes*; и действительно, нельзя не признать сходства между обрядом русских святок и языческими каландами Древнего Рима и христианскими средних веков. Между тем, уже общность обряда *колядования* у всех славянских народов указывает на источник древнее римского; выводы лингвистические подтверждают предположение г. Буслаева о следах древнейшего геродотовского предания в обрядах и повериях, справляемых на празднике *коляды*; и слово, и отчасти сам праздник от древнегрече-

ского источника. Существенная особенность колядования состоит в хождении *славить*; святочных песен — в припеве *слава*. В одной из древнейших этих песен сохранился в своей первобытной форме древнегреческий припев, соответствующий нашему переводному *слава*. Я выписываю эту песню, представляющую поразительное описание древнеэллинического вакхического жертвоприношения.

За рекою за быстрою, ой калиодка
Леса стоят дремучие,
.....
В тех лесах огни горят,
Огни горят великие.
Вокруг огней скамьи стоят,
Скамьи стоят дубовые;
На тех скамьях добры молодцы,
Добры молодцы, красны девицы
Поют песни *калиодушки*.
В середине их старик сидит;
Он точит свой булатный нож;
Возле его козел стоит.

Теперь, что такое припев: *ой калиодка*; что такое: песни *калиодушки*? Я думаю, не что иное, как греческий припев — $\acute{\omega}$ $\mu\alpha\lambda\acute{\eta}$ $\acute{\omega}\delta\acute{\eta}$. Известно специальное значение слова *какое*, в древнегреческом язычестве. Припев $\acute{\omega}$ $\mu\alpha\lambda\acute{\eta}$ $\acute{\omega}\delta\acute{\eta}$ отражается в названии праздника лаконской Артемиды. От греческого $\acute{\omega}$ $\kappa\alpha\lambda\acute{\eta}$ $\acute{\omega}\delta\acute{\eta}$ — наши *ой калиодка*, песни *калиодушки*; от $\kappa\alpha\lambda\alpha\omicron\iota\delta\iota\alpha$ — общеславянское *коляда*, песнь славления.

Обел, (круглый, полный) — обло; сферическая форма — обельство, *obly* (česk.) — овалный. Зажиточные крестьяне в Мораве именовались *obilny*; в Сиирии у краинцев и у хорутан *obiln* — полный.

Скот. Это слово производят обыкновенно от шведского *skatt*, сокровище, подать, плата. «Если это шведское слово, — спрашивает Каченовский, — то как оно попало и к полякам; *scotus* — *scojес* содержал в себе $\frac{1}{24}$ часть гривны, или 2 гроша». Мы находим его и у чехов и в Силезии. Как куна от куницы, так скот от скота. Погодин замечает: «Скот, скотина, — слова русские; но есть ли малейшее указание в памятниках, песнях, языке, чтоб скотом когда-нибудь назывались у нас деньги, скотницею — казна. Так можно ли сомневаться, что в словах летописи это слово есть норманнское *skat*, а не наше». Слово *скотница*, как общепотребительное, встречается по несколько раз в летописи: «Повеле (Владимир) всякому нищему и убогому приходитьи на дворъ князь и взимати всяку потребу, питье и яденье, и отъ *скотьницъ* кунами». «И ту дворъ Святославль раздали на 4 части, и *скотьницть*, бретьяницъ, и товаръ, иже бе не мочно двигнути» и пр.. У Востокова: «*Скотница* твоя по Божей благодати нескоудна есть и неистошима». На каком же основании выдавать за норманнское слово, признаваемое чисто славянским у поляков, чехов, балтийских славян? Осторожный Гримм этого не сказал.

Смерд. Протоиерей Сабинин объясняет слово *смерд* из скандинавского: «*Smaerd, parvitas, res parvi momenti, homo rauci*». В *Шестодн. Экс. Болг.*: «Яко же бо и *смердаа* чедь вещьнеа» и пр. По всей вероятности, слово *смерд* перешло в германские языки от славян.

Тиун, тивун. Это слово, скорее сродное с древнесаксонским *ðeng* или *ðeing, thingus* — *minister, baro*, чем со скандинавским *rîón* — *servus*, могло перейти к нам вместе с другими германскими (см. гл. IX) от вендских славян; Розенкампф указывает на встречающуюся в разных списках Р. Правды форму *тиен* вместо *тиун*. Слово *tyun, ciwun* сохранилось и донныне в польском языке и означает окружного начальника и воеводу.

Щьяг и стерляг. Нет сомнения, что этимологической основой нашим *щьяг* и *стерляг* служат германские *schilling* и *sterling*. Но тоже германское *schilling* находим и у польских славян под формой *szelag*. Что к нам шиллинги зашли не норманнским, а польским путем, видно ясно из летописи. Щьягами платят дань *только два ляшские племена*, радимичи и вятичи. «И вѣдаша (радимичи) Ольгови по *щьягу*, якоже козаромъ даху». «Они же (вятичи) реша: козаромъ по *щьягу* отъ рала даемъ». Как самая монета, так и способ взимания дани указывают на польский источник; *radlo* у поляков и чехов — *плуг*. Погодиъ пишет по недосмотру «щляг радимичей и *древлян*». Древляне платили кунами. Замечание г. Куника, что «слова щьяг по фонетическим причинам нельзя производить от польского *szelag*», мне кажется тем произвольнее, что там, где Лаврентьевский список пишет *щьяг*, списки Ипат., Хлебн. и Троицк, читают: *щеляг* и *шеляг*.

В Арханг. списке летописи сказано о вятичах: «Козаромъ по *стерлягу* отчю отъ плуга даемъ». Слово «отчю», которое Шлецер считал необъяснимым, а Круг производил от *очага*, взято здесь в смысле *отечественного, народного* и означает *национальную монету вятичей-ляхов*.

Ябетник. У Круга: *ambaht, ambacht* — *minister*. Уже Эверс указывал на польское *gabać* — настаивать, беспокоить. Еще ближе к русскому *ябетник* чешское *gebati* — резать и поносить; польское *gebaty* — крикливый, злоязычный. В белградском прологе у Миклошича: «оклеветани быше отъ индикта *ябѣдника*».

Как видно, Круг негодовал понапрасну на Академию наук за то, что, допуская в славянском языке *греческие* слова, перешедшие к нам вследствие принятия христианской веры, *татарские* — вследствие монгольского ига, она не склонялась на убеждение, будто бы в раннейшие времена Русского

государства было принято в язык одного большое количество германских слов, которые отчасти исчезли со временем, отчасти сохранились до наших дней. Приведенных г. Срезневским и мною примеров достаточно, чтобы увериться в том, что русский язык не принял от скандинавского ни *одного слова*. А в таком случае, где значение выводов Круга о влиянии норрены на наш язык, о двух языках — норманнском и славянском — в Новгороде и при дворе русских князей, о норманнском письме на Руси и т.д.?

Что о языке, то самое можно сказать и о мнимонорманнском влиянии на государственное устройство Руси. Пусть будут китайцы вместо норманнов, значение для русской истории статьи Круга от этого не изменится. В этой статье он сознает, что главным побуждением призвания варяжских князей было высокое их рождение; что древнее право новгородцев, вследствие заключенных условий, оставалось неприкосновенным; что Киев и южная Русь завоеваны варягами, почему и должно принять отличие в управлении землею, завоеванною от управления призывавшими племенами и т.д. Но в чем, в каких особенностях государственного быта Руси проявляется норманнство завоевателей, какие норманнские учреждения перешли к нам, почему русская история не знает ни деления земли, ни ленной системы, ни гильд, ни городских общин и пр., об этом не говорится вовсе; а о Новгороде должно заметить, что до Ярослава его положение в отношении к южной Руси и варяжской династии было совершенно второстепенное, угнетенное; чему доказательством могут служить варяжская дань, установленная Олегом; две тысячи гривен, платимых от Новгорода Киеву уроком от года до года; ответ Святослава новгородцам о князе и т.д.

Из особенностей русского язычества, за исключением совершенно бесцветных примечаний к известиям Ибн-Фоц-

лана, Круг приводит только общее славянским племенам, не с одними норманнами, но и со многими другими языческими народами обыкновение клясться оружием; у болгар оно существует и после принятия христианства; о боготворении оружия у вендов см. *Giesebr. W. G. 1.64*; но, выписывая из текста летописи слова: «По русскому закону кляшася оружиемъ своимъ, — Круг забывает или выпускает следующие за ними, — и Перуномъ богомъ своимъ, и Волосомъ скотымъ богомъ». Замечательный пример исторической осторожности!

Г. Куник, допуская, что только немногие норманнские слова перешли в восточнославянский язык, считает эти слова тем более знаменательными, что они относятся к учреждениям и званиям, которые не могли существовать на Руси до основания государства; но какие это были учреждения и звания — оставлено в неизвестности, а из предполагаемых к объяснению слов указано только на два: *верста*, будто бы происходящее от шведского *rast* — покой, путевая мера; срвн. готское *rasta* — миля, германское *rast* — промежуток времени и пр., и *луда*, принадлежащее, по мнению Шегрена, к шведскому диалекту. Г. Куник писал до появления в свет сочинения г. Срезневского *Мысли об истор. р. яз.*, в котором существование слов *верста* и *луда*, при этимологическом их значении, доказано во всех славянских наречиях. К частным значениям слова *верста* в славянских языках можно прибавить *размер* вообще: «Въ коую *врѣстоу* доуша силнеиши телесе кть?» и *возраст*: «Се благоверный и христоролюбивый князь Андрѣй отъ млады *версты* Христа возлюби». *Луда* как у нас, так и у хорватов — покров; *лудити* — покрывать; срвн. *москолудство* вместо мужеложство(?) в поучении Луки Жидяты.

Из других доказательств, относящихся к вопросу о влиянии норманнов на древний быт Руси, я нахожу у г. Ку-

ника только следующие: 1) Освобождение варягами от хазарского ига полян, северян, радимичей, вятичей; ослабление хазарской державы при Святославе и Владимире. Мнение о норманнстве варягов-избавителей основано на той данной, что только одни воинственные норманны были в состоянии сломить тюркскую силу; славяне же оставались спокойными зрителями борьбы, заменившей для них хазарское иго норманским. 2) Намек на прежние завоевания и воинственность руси (норманнской) в речи Святослава у Льва Диакона. Слова Святослава: «Погибла слава русского оружия, победившего без труда соседние народы и покорившего целые государства без кровопролития, если ныне постыдным образом сдадимся грекам» — эти слова могут относиться только к покорению норманнами славян и финнов. 3) Вера Святослава и его сподвижников в Валгаллу. Лев Диакон говорит о русском поверии, будто бы руссы, убитые в сражениях врагами, служат в аду рабами своим победителям. 4) Присутствие дев щита (скандинавских *skjaldmeyjar*) в войске Святослава; факт, будто бы засвидетельствованный следующими словами Кедрина: «При разоблачении убитых варваров (русов) греки нашли между убитыми женщин в мужской одежде; они сражались против них вместе с мужьями».

Вероятно, и сами норманисты не придают особенного значения историческим доказательствам, основанным на риторических фигурах Льва Диакона или взятым из общих мест о воинственности норманнов. К особенностям, заслуживающим внимание критики, можно отнести только народное поверье о состоянии после смерти душ русов, убитых врагами — и участие в битвах русских женщин. Что Лев Диакон плохо понял сообщенное ему о поверье руси — очевидно; религиозная система, обрекающая на вечное замогильное рабство убитых в *сражении* врагами — немыслима; не говоря уже о словах летописи: «мерт-

вый бо срама не имам». Рабами своим победителям после смерти могли служить только те из руси, которые отдавались в плен и — либо умирали в плену, либо были приносимы врагами в жертву чужим богам. Сами русь, по свидетельству Льва Диакона, убивали пленников над кострами, в которых сожигались их падшие воины, и г. Куник, кажется, вполне справедливо относит этот обычай к поверью, что закланный должен служить в аду рабом своему врагу. За исключением не слишком ясного намека о чем-то подобном в древней Эдде, можно утвердительно сказать, что это поверье чуждо языческим представлениям норманнов; о нем не знает и Гримм, так глубоко изучивший германскую и северную мифологию. К нам (если не отнести его к коренным славянским верованиям) оно могло перейти и от венгров, с которыми, как увидим, русь находилась в тесных связях до их переселения в закарпатские земли. Вполне согласными с известием Льва Диакона являются слова Игорева договора: «И иже помыслить отъ страны Рускиа разрушити таку любовь... да будутъ раби въ весь векъ, въ будущий». Грекам было, вероятно, известно это поверье славянских народов; для устрашения руси они казнили русских пленников.

О мифических девах щита рассказывает много невероятного Саксон Грамматик. То, что Кедрин повествует о русских женщинах X века, говорит почти теми же словами патриарх Никифор о славянских женах при императоре Ираклии в 626 году. Известно, что славяне брали жен и детей с собой в поход. Саксон Грамматик упоминает в числе участников в знаменитой Бравалльской битве о славянской амазонке Визне. Как свидетельство о воинственном духе славянских жен, предание о чешском Девине имеет значение положительного исторического факта.

В более широких против своих предшественников размерах излагает Погодин в третьей части своей книги те осо-

бенности русского исторического быта, которым он приписывает норманнское происхождение. Как финский, хазарский, греческий элемент, так и норманнский имеет в ней свое место, и место, конечно, значительное; точка опоры, стало быть, существует. Дело в том, принадлежит ли норманство в русской истории к явлениям случайным или основным?

К явлениям случайным (если бы и считать их существование вполне доказанным) отношу я норманнские браки наших князей, сообщения со Скандинавией, военную помощь от норманнов. Эти особенности — естественное последствие нашего соседства со скандинавами; они в нашей истории общи норманнам с печенегами, половцами, греками, немцами, ляхами, венграми и т. д.; сверх того, как значение, так и самый объем их крайне преувеличены. Я не могу допустить в доказательство норманнских браков наших князей основанного на одних подобозвучиях имен скандинавского происхождения Ольги, Малуши и Рогнеди. Скандинавские саги не знают о Рюрике, Олеге, Игоре, Святославе; а о Владимире, знаменитом и по всему северу прославленном Гардском династе, нигде не сказано, чтобы он состоял в родстве с норманнскими конунгами; такое молчание (при заботливости, с которою саги выводят генеалогию своих князей) тем более подозрительно, что в исчислении жен Владимира и наш летописец не знает ни шведской, ни даже варяжской княжны. Конечно, Нестор мог позабыть и даже не знать о норманнской супруге Владимира; если в числе его жен были грекия, чехия, болгарыня, — могла быть и норманнка; но от возможности до достоверности далеко; мы увидим в своем месте, что должно думать о мнимоскандинавском происхождении Аллогии, мнимой супруги Владимира.

Как у вендских славян со времен загадочного Борислава, так у русских родство между варяжским княжеским до-

мом и северными конунгами начинается с Ярослава и Ингигерды. Олаф Святой был женат на Эстреди. Теперь, было ли супружество Ярослава с Ингигердой делом случая или следствием отношений Олафа Шведского и самого Ярослава к родственным им вендским князьям — решить мудро; оно замечательно в нашей истории как исходный пункт теснейших родственных сношений между киевскими и северными государями. При Владимире скандинавские саги знают на Руси только двух норманнов-дружинников; Сигурда и племянника его, известного Олафа Тригвасона; при Ярославе Олаф Святой ищет убежища в Киеве; Гаральд Гардред, его сводный брат, женат на дочери Ярослава Эллизифе; являются воины-промышленники Рагнвальд, Эймунд, Рагнар, Эйлиф и т.д. Как шведский Олаф отправляет своего сына Эмунда в Виндландию, так Олаф Святой поручает Ярославу и Ингигерде сына своего Магнуса; так Вальдемар, сын Кнута Лаварда и Ингебиарги, вырастает при дворе русского князя Мстислава. Скажу более; при отношениях Руси и балтийского Поморья к Скандинавии, нет сомнения, что частые браки между русинами и норманнками (и наоборот) имели место и в прежние времена; на внутренний быт словенорусского общества эти случайные союзы и сообщения со Скандинавией оказываются без влияния. Олаф Тригвасон, Магнус, Гаральд Гардред для нас иноплеменники; Эйнар называет Русь *terra incognita*; Олаф Тригвасон, явясь в сновидении Олафу Святому, укоряет его в принятии даров и владений от Ярослава, иноплеменного и неизвестного князя. Отправляя посольство в Голмгардию к Гаральду (Мстиславу Владимировичу), внуку Ингигерды, сыну английской Гиды и супругу шведской Христины, Кнут Лавард избирает в послы Видгота. Не то знают северные саги и франкские летописцы об отношениях норманнов к своим западным родичам. При сравнении этих свидетельств скандинавских и запад-

ных источников с совершенным молчанием саг и русской летописи о норманнском происхождении варяжских князей довольно неловко выводить род их из Швеции.

Увлекаясь законами исторических аналогий, Погодин приводит в подкрепление своему мнению о единоплеменности руси и норманнов военную помощь, которую русские князья получали от варягов (в его убеждении, чистых скандинавов) и отождествляет это историческое явление с тем, что нам известно об отношениях норманнов к их поселениям в Англии и во Франции. Между тем, различие очевидно. Англия и Нормандия были общескандинавским, национальным приобретением. Здесь, в землях, ими завоеванных, выселения из Скандинавии норманнских викингов не умолкают в продолжении двух с лишком столетий; по первому зову своих соотечественников норманны стремятся толпами на помощь Роллонову внуку Рихарду, против франкских королей Людовика и Лотария; скандинавские язычники помогают христианским герцогам. Дело шло о сохранении общенорманнского завоевания; о борьбе скандинавского начала с сакским или галло-франкским. Ничего подобного не видно у нас. Норманнского завоевания у нас не было; из славянских племен только некоторые восстают против варяжской династии; еще менее против небывалой варяжской руси; территориальных приобретений у нас норманнам отстаивать не приходилось. В двух греческих походах (Олега и Игоря) варяги являются союзниками руси наравне с печенегами; затем не иначе как по найму и малыми шайками. Саги знают не о наводнении Руси норманнами, а об отдельных дружинниках-наймитах в Гардарикии; такие же промышленники (иногда те же самые, напр. Олаф Тригвасон) встречаются и у вендов. Скальд Тиодольф не умолкает в похвалах Эйлифу и Гаральду за их умение вымучивать добычу и значительную по возможности плату от своих доверите-

лей; Эймундова сага есть не что иное как развитие того же денежного чувства в большем размере. И русская летопись рассказывает об алчности варягов, которых нанимали Владимир и новгородцы: «Реша варязи Володимеру: се градъ нашъ, и мы прияхомъ е, да хотимъ имати окупъ на нихъ, по 2 гривне отъ человека». «Начаша (новгородцы) скоть сбирати отъ мужа по 4 куны, а отъ старость по 10 гривенъ, а отъ боярь по 18 гривенъ; и приведоша варягы, вдаша имъ скоть, и совокупи Ярославъ воя многы». Все это весьма далеко от образа действий норманнов в их поселениях на западе; о случайности норманнского кондотьерства у нас знал уже и мерзбургский епископ (976—1019).

Напрасно, стало быть, относит норманнская школа к мнимоскандинавскому происхождению варяжских князей то обстоятельство, что по основанию государства, вследствие дружеских и родственных отношений между обоими народами, норманны будто бы не делают более нападений на восточные славянские земли. Не говоря уже о том, что скандинавские викинги не отличались особою сентиментальностью, а в мирных сношениях с русью находили для себя несравненно более выгод (по торговле и службе), чем в отношениях враждебных, я могу указать на положительные свидетельства о норманнских набегах на словено-русские владения, на войны руси с норманнами как в первые два столетия по основанию государства, так и позднее. Эрик опустошал северную Русь во времена Владимира. Новгородская летопись свидетельствует о непрерывных войнах Новгорода с шведами; на шведские набеги новгородцы отвечали русскими; в 1187 году они вместе с чюдью разорили знаменитую Сигтуну на Меларском озере.

К явлениям основным можно отнести только обнаруживающие неперенные следы преобладания одной народности над другой; таких следов норманнства в русской ис-

тории не существует. О языке мы это уже заметили выше; до какой степени, будь сказано мимоходом, лингвистический вопрос существенно важен в спорном деле о происхождении Нестеровых варягов-руси, видно из упорства, с каким представители норманнского мнения (вопреки ясным до очевидности доказательствам противного) держатся своих отживших псевдоскандинавских этимологий. Еще в прошедшем 1874 году по поводу мнимого происхождения всеславянской *дружины* от шотландского *to drug*, ирландского *drugaire*, саксонского *draggen* Погодин писал: «По-моему — все наши древние до управления, до гражданского устройства относящиеся слова суть норманнские, в чем я вижу и одно из крепких доказательств норманнского происхождения варягов-руси: бояре, тиуны, гридни, гости, смерды, люди, ябетники, верви, дума, губа, вира, ряд, скот, гривна, стяг... В мужах княжих, отроках и детских, добрых людях, дружине, рабниче, огнищанах, закупах слышится перевод. Есть исследователи, не признающие норманнства в некоторых из этих слов, и я согласен, что можно благовидно это доказывать: но в совокупности их с прочими, *бесспорными*, в согласии со всеми обстоятельствами, они или понятия к ним у нас присоединенные, представляют для меня, *кто бы что ни говорил*, важное доказательство». Покуда не будет выяснено, каким образом из мнимоскандинавских слов, будто бы вошедших в русский язык, большая часть обретается и у прочих славянских народов, остальные же просто и без натяжек объясняются из славянских этимологий, историческая логика не может допустить норманнства в словенорусском наречии; излишним считаю оспаривать мнение и тех представителей норманнской школы, которые производят русский язык от скандинавского или находят в нем смесь скандинавского с финским.

В области права главные доказательства, на которых автор «Исследований» основывает свое мнение о влиянии

норманнов на Русь, исчезают (по крайней мере для анти-норманистов) вместе с мнимоскандинавским происхождением слов *боярин, вервь, гость, дума, людин, огнищанин, смерд* и т. д. Остается отысканный Струбе в Русской Правде закон о езде на чужом коне, являющий неоспоримое сходство с одинаковым законом в *Judtsche Lowbok* III. 54. «Ютландский закон, — говорит Карамзин, — *новее* Ярославова; но сие сходство доказывает, что основанием того и другого был один древнейший закон скандинавский или немецкий». Почему? Розенкампф указывает на статью в греческих правилах в Кормчей книге, еще ближе ютландской подходящую к русскому подлиннику; Тобиен полагает, что как эта, так и другие статьи о коне перешли к германцам от славян; о скандинавах в особенности должно заметить, что до XII века они не знали верховой езды. Денежные пени, суд двенадцати присяжных, испытание железом, судебные поединки существуют у всех славянских народов наравне со скандинавскими. О пенях свидетельствует Дитмар. Пеня за голову (*carputgłowa*) основана, по мнению Лелевеля, на древнейшем польском и силезском праве; у чехов эта пеня именовалась *пороком*. О суде 12 граждан читаем у Богухвала; у чехов эти судьи именовались *кметами*. Мартин Галл свидетельствует о *двенадцати* советниках Болеслава I; Вельский именует их судьями. Испытание железом и водой находим у Козьмы Пражского. Ордалии существуют во всех славянских землях с наидревнейших времен. Поединков, основанных на обязанности мстить за оскорбление, нанесенное словом или действием, у нас не было; и в позднейшей Русской Правде нет следов постановлений о словесных обидах. О поединках, имевших целью оправдание или решение спорного иска, знают Ибн-Даста и Мукаддеси в X и XI столетиях; такие судебные поля общих всем славянским народам обычай. Погодин указывает на единоборство Яна усмошвеца с пече-

нежиным; Мстислава с Редедю; подобных примеров можно найти не один и у прочих славянских народов; о единоборстве между вендом язычником и саксонцем христианином при императоре Конраде II читаем у Виппо. Я умалчиваю о баснословном единоборстве Старкатера с Русином и Ляхом Васце или Вильце. Круг находит в словах Льва Диакона о русах Святослава указание на скандинавский обычай *голмганга*. Но это известие относится, конечно, не к поединкам, для которых у греков есть особое слово. Слова Льва Диакона: «И донныне тавроскифы (русь) обыкли рассуждать свои несогласия *убийством и кровью*» указывают на мирские сходки у славян, где кровь нередко лилась ручьями, как еще в позднейшие времена на польских сеймах. Ламберт Ашафенбургский представляет нам яркую картину кровавой сходки лутичей в 1073 году.

О вражде между концами Новгорода, насилии и убийствах на вечах сохранилось немало свидетельств и в наших летописях.

В основных положениях и духе русского права нет и тени норманства; о древнем праве кровавой мести это обстоятельно выведено у Тобиена. Круг сознает, что многое как в Русской Правде, так и вообще в древнерусском государственном устройстве совершенно противно тому, что известно о законах и учреждениях германских племен. У всех славянских народов находим одну и ту же, в основных статьях, юридическую терминологию; те же существенные коренные отличия от германского мира в отношении к утвержденному на родовом начале праву преемства, к значению женщины, к положению рабов. Замечательно, как в нашем, так и в других славянских правах отсутствие тех изумительно разнообразных и зверских казней, о коих свидетельствует каждая строка уголовных германских законов, — не знает ни телесных наказаний, ни смертной казни.

Одного, даже поверхностного взгляда на начала русского язычества достаточно для определения разноплеменности руси и норманнов. Русские князья Олег, Игорь и их сподвижники клянутся *по русскому закону* Перуном и Волосом. По возвращении из варяжских земель Владимир ставит кумиры Перуну, Хорсу, Симарглу, Мокошю, Дажьбогу и Стрибогу. Шлецер, Круг и г. Куник молчат об этих сокрушающих фактах; Погодин решается признать Перуна и Волоса скандинавскими божествами.

Летосчисление у всех славянских народов начинается с марта, а не с сентября, как у греков; следовательно, нет причины считать его заимствованным у норманнов.

Об одежде руси сохранилось любопытное известие у арабского писателя начальных годов X века Ибн-Даста: «Шалвары носят они (русь) широкие; сто локтей материи идет на каждый. Надевая такие шалвары, собирают они их в сборки у колен, к которым затем и привязывают». О норманнах известно, что они носили узкое исподнее платье, какое и видим на рисунках ковра герцогини Матильды.

Я не продолжаю этого утомительного разбора; как русский язык, русское право и религия, так и народные обычаи, действия первых князей, военное дело, торговля и пр. совершенно свободны от влияния норманнского. Многие из мнимоскандинавских частных русского быта будут для нас еще и впредь предметом дальнейших, отдельных замечаний; общие места и произвольные выводы не требуют опровержения. Впрочем, что наша история в общем значении не допускает влияния норманнского начала на внутренний организм Руси, это сознает и сам автор «Исследований»: «У нас, — говорит он, — нет решительно ни одного характеристического явления западных историй, по крайней мере, в том виде; нет ни разделения, ни феодализма, ни убежищных городов, ни среднего сословия, ни ненависти, ни гордости, ни борьбы».

Отсутствие следов норманнского влияния на Русь не объясняется различием призвания от завоевания; допускать основой государства у нас *любовь*, тогда как на западе ему положена *ненависть*, несообразно с понятиями европейских народов IX века. «Очевидно, — говорит г. Кунник, — что дикие, грубые воины, каковы были норманны 844 и 866 годов, не могли (несмотря на заключенные условия) оставаться долго друзьями и защитниками славян и финнов». Но, допустив предположение Погодина, устранив еще и всем уже известные возражения против призвания враждебного норманнского племени, мы все-таки вправе спросить: почему норманнство не отозвалось в южной Киевской Руси? Киев не призывал варягов; норманнам следовало бы завоевать южную Русь. «Олег принят в Киеве без сопротивления», — говорит г. Погодин. Почему? какое было дело киевлянам до Олега, до варяжских князей (если они были норманны), до рода и до княжества Игоря? «Чувство, так сказать, призвания оставалось при виде этой беспрекословной покорности, которой обезоружено было даже зверство норманнов». Вследствие какой исторической логики беспрекословная покорность славянского народонаселения выражается, вместо восприятия, отсутствием норманнского влияния на Русь? И где данные, служащие основой подобной характеристике славянских народностей? Оставляя без ответа невинные мечтания исследователей, созидающих на свидетельстве Феофилакта о трех славянских гусярах, какой-то идиллический славянский мир, в котором волынка заступает место меча, я обращаю внимание читателей на особую, характеристическую черту всех славянских народов, подмеченную как византийскими, так и западными летописцами, а именно на непреодолимую любовь славянского племени к независимости.

Покорение, или вернее истребление горсти вендских славян, брошенных судьбой между германскими племенами с одной, скандинавскими и Польшей с другой стороны, стоило германо-скандинавским народам четырехсотлетних кровавых усилий; что эти усилия не всегда были удачны, об этом знают и северные саги, и немецкие летописцы. История чехов, сербов, хорутан свидетельствует о непрерывной борьбе их с германскими и иными народами. Или восточная отрасль славянского племени проникнута особым духом миролюбия? На севере изгнание варягов, их избиение при Ярославе (чувство призвания здесь, видно, не оставалось), вековые войны с шведами, победы Александра Невского; на юге воины полочан, древлян, уличей с Аскольдом; восьмидесятилетняя борьба древлян с Олегом, Игорем, Святославом; северяне побеждены Олегом; с уличами и тиверцами он ратует; вятичи и радимичи окончательно покорены только при Владимире. Где же тут беспрекословная покорность? где отсутствие завоевания? Впрочем, по мере надобности, норманнская школа изменяет свои положения. Шлецер принимает поочередно призвание и завоевание; Круг думает, что в землях, покоренных первыми Рюриковичами, норманны действовали в роде Кнутовых датчан в Англии. И об этом враждебном столкновении двух разноплеменных народностей, славянской и скандинавской, не сохранилось бы и намек у Нестора? ни следа в народной жизни, в преданиях? Об аварском иге в VII, о хазарской дани в IX столетиях свидетельствуют и летопись, и сказания, и народные пословицы; а иго норманнское, сопровождаемое всеми ужасами подобных явлений на Западе, прошло незаметно для народа, незаметно для летописи? Пусть сравнят варяжское завоевание у нас с германскими завоеваниями в земле прибалтийских славян; летопись Нестора с известиями Эйнгарда, Дитмара, Гельмольда; народные русские песни и Слово о полку Игореве с поэмами кралодворской рукописи!

В последнее время стали искать согласования этих исторических невозможностей в немедленном слиянии обоих начал или, лучше сказать, в поглощении норманнского элемента славянским. В IX веке, думает г. Соловьев, национальности германских и славянских племен еще не выработались, а потому и не могло быть и сильных национальных отвращений; поклонник Тора так легко становился поклонником Перуна, потому что различие было только в названиях и т.д. Г. Ламбин полагает, что горсть иноплеменной варяжской руси переродилась в славян еще при жизни Олега; сам Олег, утверждая в 907 году договор с греками, по всей вероятности, не для виду только, не притворно, а уже сознательно и по убеждению клялся Перуном и Волосом как своими богами. Г. Куник в дополнениях к «Каспию» г. Дорна также не признает антагонизма между норманнской и славянской народностями в IX—X веке; норманны, говорит он, уже вследствие незначительного своего числа и по недостатку норманнских женщин рано стали сливаться с туземным элементом и во втором поколении, вероятно, лучше говорили по-славянски, чем по-шведски.

Конечно, малочисленность сподвижников Рюрика, отсутствие всяких следов норманнского влияния на внутренний быт Руси, преобладание туземного славянского начала над занесенным из-за моря варяжским — исторические факты, в действительности которых, при современном положении науки, уже не позволено сомневаться; между тем, едва ли можно признать удовлетворительными приводимые им, с точки зрения норманнской теории, объяснения. Антагонизм народностей не изобретение новейших времен: о язычниках саксах, о норманнах, опустошавших прибрежные германские земли, франкские летописцы никогда не отзываются с той ненавистью и высокомерием, как о славянах. Олеговым норманнам в 881 году не было никакого

следа обращаться с покоренными полянами, радимичами и пр. иным образом, как в 896 норманны Рольфа обращаются с покоренной Неустрией. Становясь поклонниками Перуна и Волоса, норманнские конунги тем самым отрекались от своих родословных; Инглинги вели свой род от Одина. Еще в конце X века человеческие жертвы были в полной силе у киевской руси; победоносные норманны не согласились бы приносить чужим богам, давно уже вышедшие у них из употребления человеческие (на собственных их детей падавшие) жертвоприношения. Вообще промена одного язычества на другое не знает никакая история. «В Нормандии, — говорит г. Куник, — норманны чрезвычайно скоро разучились своему языку». Этого нельзя сказать положительно; современные хроники о норманнах в Нормандии писаны не как наши на туземном наречии, а на латинском, все национальные идиотизмы сглаживающем языке. Вильгельм I герцог нормандский посылал своего сына Рихарда в Байё для изучения скандинавского языка. Вследствие принятия христианской веры и под влиянием подавлявшей их своим превосходством галло-франкской цивилизации норманны со временем отказались и от своих обычаев и от своего языка; зато силою навязали и свои новые обычаи, и свой новый язык стоявшим на низшей против них степени образования британцам.

Ни в каком случае норманнская школа не выиграет от данного ей старому делу нового оборота; принимая быстрое поглощение скандинавского элемента славянским, она должна вслед за тем отказаться от всего, что до сих пор составляло ее мнимую силу. Ибо какой смысл имеют для совершенно ослабяившейся руси 950 года норманнские названия днепровских порогов у Константина Багрянородного? О каких норманнах-русах говорит в 958 году Лиутпранд, если русь Игоря и Святослава давно уже позабыла о своем

норманнском происхождении, поклонялась Перуну и Волосу, говорила не норреной, а чистым словено-русским наречием? Какого норманна-русина приводит в противоположность покоренному славянину Русская Правда около 1020 года? Значение этих свидетельств в вопросе о скандинавском происхождении руси обуславливается прежде всего полным отчуждением до половины XI столетия норманнского элемента от славянского; при новой теории о быстром слиянии обоих начал норманнская школа теряет свои (по-видимому) надежнейшие точки опоры. Это сознавал, кажется, и г. Куник, когда (не отрекаясь, однако же, от прежде им сказанного) он писал: «Не к слишком ли раннему времени мы отнесли окончательное слияние варяго-руси со славянами и не более ли правдивым будет мнение М.П. Погодина?»

Не одна история, — наука, действующая с математической определенностью, — нумизматика представляет со своей стороны веское доказательство против мнения о норманнстве варягов.

До 1847 года монеты англо-саксонские и германской империи найдены в России вместе с куфическими только в двух кладах: 264 англосаксонских Кнута, Этельреда и других королей в Ораниенбургском уезде С.-Петербургской губернии и серебряные немецкие деньги императоров Оттона II, Оттона III и Гейнриха близ города Владимира на Клязьме; сверх того, одна англосаксонская монета 1040—1066 гг. в Псковской губернии близ города Холма. В кладах, открытых после 1847 года в С.-Петербургской, Псковской, Московской, Владимирской, Смоленской, Ярославской, Вологодской и Пермской губерниях, найдено еще несколько немецких и англосаксонских монет, но всегда, замечает г. Кёне, не в большом числе. В южной России их не найдено почти вовсе. Напротив, «в наших *остзейских провинциях*, в Швеции, Дании и Германии, они (т. е. англосаксонские и немецкие монеты)

находятся вместе с куфическими, по крайней мере, в четвертой части всех найденных кладов».

Откуда это различие между русскими и остзейскими губерниями? это сходство в составе кладов остзейских губерний и кладов, находимых в Швеции, Дании, Германии?

По всей вероятности, Эстляндия завоевана северными викингами в начале X века; Аландские острова и Лифляндия еще прежде. О раннем поселении норманнов в этих землях свидетельствуют, кроме саг и исторических известий, влияние шведского на финский и эстский языки, существование шведского наречия на островах эстляндского Поморья, явное физическое отличие между потомками шведов и эстов на острове Куноё, наконец, *языческие* шведские названия разных местностей в остзейских землях; явления, будь сказано мимоходом, которым следовало бы проявиться и у нас, если бы государство было основано норманнами. Здесь, стало быть, в этих прибалтийских землях норманны были у себя дома; здесь они селились, жили, и по этому состав кладов, находимых в остзейских губерниях, представляет те самые особенности, какие встречаем в кладах, вырываемых в самой Скандинавии; вместе с арабскими диргемами, монетами, приобретенными путем восточной торговли, встречаются во всех кладах и монеты западные, англосаксонские, свидетельствующие о постоянной связи с норманнскими поселениями в Англии. У нас этого явления нет или оно очень редко и встречается только в малых размерах, потому что норманны в Руси не селились, а только проезжали через Русь для торговли; за пушной и иной товар они получали плату арабскими диргемами; такими же диргемами платили им, вероятно, и русские князья, у которых они состояли на службе; иногда вместо серебра они брали жалованье собольими и бобровыми мехами; сами же в крайне редких случаях платили англосаксонскими монетами. Об-

щее заключение: там где присутствие норманнов как поселенцев исторически доказано (т.е. в остзейских губерниях), англосаксонские монеты составляют неперемнную принадлежность всех кладов, как в Швеции, Дании, Германии; в России, где они были только гостями, англосаксонских монет почти не находят.

Норманны не основной, а случайный элемент в нашей истории. Что, между тем, ни один из народов, обитавших в соседстве древней Руси, не принимал в ее жизни, в ее политическом и внутреннем развитии того постоянного, деятельного участия, каким уже с первых годов IX века ознаменованы отношения скандинавского к русскому миру, — факт несомненный, естественный, истекающий как из географического положения обоих племен, так и из однородности их европейского организма. Отсюда и проявление в древнейшей истории Руси тех, всем известных случайностей, которые, при особом на них научном воззрении, могли дать повод к обращению примет знакомства в приметы родства и тем самым положили основание теории скандинавского происхождения Руси. С меньшим, но все же в некоторой степени присущим правом на историческую вероятность выводили другие исследователи аналогичные заключения из отношений к Руси других ей соприкосновенных народностей; что для представителей норманнского мнения известия Вертинских летописей, Константина Багрянородного и Лиутпранда, то для Эверса показания Бакуви, Мирхонда, Димешки о тюркском происхождении руси; для г. Костомарова русская земля Петра Дюсбурга и т. д. Но уже одна возможность подобного разногласия исследователей, как явно основанная на отсутствии внутренних, фактических свидетельств о влиянии на Русь какого бы то ни было внешнего этнического начала, доказывает, что ни одна иноплеменная народность не вошла в состав словено-русского общества.

II. КТО ПРИЗЫВАЛ ВАРЯЖСКИХ КНЯЗЕЙ?

При исследовании о началах Русского государства представляются три вопроса:

- 1) Кто призывал варяжских князей?
- 2) Вследствие каких побуждений?
- 3) Кто были призванные варяги?

До сих пор внимание исследователей было преимущественно обращено на последний вопрос; о двух первых мы имеем только поверхностные суждения; между тем, их точнейшее изучение необходимо для рационального, по возможности, определения спорной варяжской народности.

Летопись говорит: «Въ лето 6367. Имаху дань варязи изъ заморья на чюди и на словънехъ, на мери и на всехъ кривичьхъ; а козари имаху на полянвхъ, и на северехъ, и на вятичъхъ, имаху по беле и въверице отъ дыма.

Въ лето 6368. Въ лето 6369. Въ лето 6370. Изъгнаша варяги за море, и не даша имъ дани, и почаша сами въ собъ володѣти; и не бѣ въ нихъ правды, и вѣста родѣ на родѣ, быша въ нихъ усобице, и воевати почаша сами на ся. Реша сами въ себе: поищемъ собе князя, иже бы володелъ нами и судилъ по праву. Идоша за море къ варягомъ къ руси... Реша руси чюдъ, словени и кривичи» и т. д.

На этих словах, принятых в буквальном смысле, основывают Шлецер, Карамзин и г. Соловьев мнение, что финские племена были равными со славянскими участниками в деле призвания; другие исследователи, Круг, Порошин и пр., полагают, что чюдъ была главнoдействующей народностью в финно-славянском союзе. Круг приводит то обстоятельство, что у Нестора имя чюди всегда стоит впереди словен. Порошин прямо говорит: 1) финны были преобладающей народ-

ностью в союзе чюди, мери, веси, словен и кривичей; 2) князья (избранные) принадлежали к тем иноземцам (варягам), которых финны именовали русью; 3) славянское племя — словене играли второстепенную роль в призвании иноземцев, что явствует из самого имени русь, которым они прозвали пришельцев и которое было только заимствовано от финнов; 4) подданные прозвались русью в политическом смысле, как ныне лифляндцы и другие именуется русскими за границей. Одним словом, здесь утвердилось в то время новое, до той поры не существовавшее государство, коего восприемниками были финны.

На то же мнимое преобладание финского начала над славянским указывает и г. Куник: «Если мы примем во внимание, что именно финские обитатели просторных прибрежий Финского залива гораздо более, чем отдаленные от прибрежья славяне в верховьях Волхова или на средних частях Двины, подвергались нападениям шведских и датских морских разбойников и нуждались в защите, то эти финны, которые уже в течение нескольких столетий были гораздо ближе знакомы со шведами, нежели с датчанами, поморянами и лютичами, призывая чужеземных владык, конечно, вправе были заявить и свое, может быть, и порешившее этот вопрос мнение, хотя впоследствии, когда Рюрик променял Ладогу на столицу среди славянских племен, они и отступили на второй план».

Понятно, почему норманнская школа так дорожит своей финской гипотезой; отнимая у призвания варяжских князей его чисто славянский характер, представляя этот основной факт русской истории общим делом разнородных финно-славянских племен или даже финским делом по преимуществу, она тем хотя несколько умаляет невероятность избрания славянами князей не из родного славянского племени, а из враждебной норманнской народности. Только соглас-

но ли это мнение с ходом русской истории и известиями летописца?

Для утверждения своей теории норманистам приходится прежде всего заменить положительное сказание летописи об избрании князей миротворцами между враждовавшими племенами догадкой о призвании этих князей в качестве сберегателей границ. О неудачности этого весь смысл русской истории извращающего предположения, будет сказано подробнее в следующей главе. Покуда спрашиваем: от кого следовало призванным шведам оберегать финно-славянские племена? Оказывается, что эти шведы были призваны по настоящему требованию преобладавшей в союзе северных племен финской народности преимущественно для защиты ее приморских владений от набегов (других?) шведских и датских разбойников. Между тем, старший из трех братьев Рюрик садится в словенском Новгороде; Трувор у кривичей. Казалось бы, Синеусу, представителю финских интересов, следовало поселиться у чюди, на побережии Балтийского (Варяжского) моря. Он селится у веси на Белозере, за семьсот с лишком верст от чюдского берега. Или принять с Миллером, что шведы были призваны словено-чюдскими племенами для защиты мери от пермяков?

Ни сказания летописи, ни сама история не допускают мысли не только о преобладании финского элемента над славянским, но даже об историческом равенстве в IX веке обеих народностей. Рюрик, старший князь, утверждает свой стол в Новгороде; имя Руси, в убеждениях Нестора, переходит только на славянские, отнюдь не на финские народности. По мере их сосредоточения под властью варяжских князей словено-русские племена (северяне, древляне и пр.) обращаются из данников в участников нового государства; а финские, не покоренные, но призывавшие народности, являются данниками («А се суть иши языци, иже дань дают»

Руси: чюдь, меря, весь, мурома» и пр.), и это без малейшего намека на исторический переворот, который объяснил бы подобное изменение в судьбе их. Нигде чюдь не является самостоятельной народностью; летопись не знает на Руси ни одного финского деятеля, за исключением, быть может, ведущего свое происхождение от финнов Изяславова мужа Чюдина, о котором упоминается в Правде детей Ярослава и в летописи под 1072 и 1078 годами.

В каком же смысле должно принять известие летописца об участии чюди в призвании варяжских князей? в каких отношениях к Новгороду состояли поименованные у него финские племена?

Шлецер принимает союз чюди, мери, словен и кривичей, основанный на федеральной системе. О союзе финно-славянском толкуют и Карамзин, и Савельев и пр. Между тем (не говоря уже о других исторических невозможностях), в самом факте призвания князей проглядывает такое единство мысли, интересов и побуждений, которое едва ли может быть отнесено, в равной степени, к двум разноплеменным народностям.

Г. Соловьев замечает справедливо, что летописец не мог употребить выражение «усобицы» о войнах между тремя различными племенами. Что Нестор думал только об одной преобладающей народности, ясно выражено словами «и воевати почаша *сами на ся*». Наша история не знает ничего о воображаемой тесной связи между славянскими и чюдскими племенами; но, предположив эту невозможную связь, она разрывалась войной; славяне и чюдь могли воевать друг на друга, но не *сами на ся*. Допустить ли, что речь идет о внутренних, родовых усобицах каждого из отдельных племен? Тогда должно допустить, в одно данное время, у двух совершенно отличных народностей одинаковое проявление внутренних несогласий, одинаковую потребность наряда,

одинаковое ее выражение посредством призвания из третьей враждебной народности *одного* общего князя! Ибо если случай и навел на избрание трех братьев, то все же избравшие хотели сначала только *одного* князя: «Поищемъ себе князя, иже бы володелъ нами и судилъ по праву». Этими словами утверждается мысль или, лучше сказать, положительный исторический факт, что в главе избирателей стояла одна, господствующая народность, та самая, у которой должен был поселиться призванный князь, у которой садится *старший* из трех избранных братьев — Рюрик. В этом *старшинстве* Рюрика и кроется основная мысль, историческое значение призвания. Словене-новгородцы *старшее* из славянских племен на севере; кривичи-полочане *младшее*; чудь, весь, меря, мурома — словенские данники; Белоозеро, Ростов, Муром — *словено-русские колонии, словено-русские города в финских землях*. Эти предположения отчасти уже высказаны, и, должно сказать, с замечательной ясностью взгляда г. Костомаровым; на них наводит весь ход, все политическое развитие русской истории. Без принятия особого влияния словен на чюдские племена, без допущения словенской колонизации финских земель славянские названия Белоозера, Клещина озера, Ростова необъяснимы. Эти местности нигде не являются финскими центрами; их славянский характер проглядывает в каждом слове, в каждом известии Нестора. Если принять в смысле норманно-финской системы положительное этнографическое указание летописи: «И по темъ городомъ суть находници варязи; а перьвии насельници въ Новегородте словене, полотьски кривичи, въ Ростове меря, въ Бельозере весь, въ Муроме мурома», значит, Нестор думал, что в его время население Белоозера, Ростова, Мурома состояло из норманнов (варягов) и финнов? Каким же образом из смеси норманнов и финнов выходят славяне? Откуда, если не допустить словенских поселений в финских

землях, положительные следы славянских языческих верований, упорная привязанность к славянскому идолопоклонству в Ростове и Муроме? По свидетельству Густинской летописи, Владимир разрушил в 990 году идол *Волоса* в Ростове; о вторичном ниспровержении *Велесова* идола в Ростове св. Авраамием в XII столетии упомянуто в Прологе. По рукописному житию св. князя Константина, он нашел в Муроме все древние обыкновения славянской веры. Праздник в честь Велеса под названием *Велекс* совершается и донныне у мордвы, потомков ростовской мери. Не могли же финские земли ославяниться в продолжении одного столетия под влиянием норманнской династии.

Ранняя словенская колонизация Поволжья была естественным следствием новгородской торговли с востоком, опередившей двумя, быть может, столетиями основание государства варягами. И в позднейшие времена идет между Новгородом и князьями Ростовской области постоянный спор о восточных городах, находящихся на Волжской системе; в числе новгородских владений мы встречаем Торжок, Волок Ламский, Бежецк; в географическом отрывке Полетиковского списка у Шлецера Волок Ламский и Бежецкий Верх причислены к Залесским городам. Как притязания суздальских князей основаны на объеме Ростовской области, так притязания новгородцев — на словенском происхождении русских колоний в финских землях. О подобных словенских поселениях сохранились подробные и достоверные известия в Хлыновском летописце; новгородцы именовали хлыновских выселенцев своими беглецами-рабами. Я полагаю, что мордовская Пургасова Русь есть не что иное, как выселение словен-язычников из Ростова и Мурома в мордовскую землю.

Противоречат ли эти факты и выводы известию летописца о варяжской дани на чюди и на словенах, на мери и

на кривичах? О призвании князей словенскими и чюдскими племенами? Нисколько. Имея дань на словенах, варяги имели ее и на словенских поселенцах в землях чюди и мери. По основавшимся посреди их словенским колониям племена чюди, веси, муромы состояли к Новгороду в отношениях младших племен к старшему, пригорода к старшему городу; без них и без кривичей новгородцы не могли приступить к избранию новой династии; так делали они и после в подобных случаях: «Новгородьци призваша пльсковиче и ладожаны, и сдумаша яко изгонити князя своего Всеволода». Только из совокупности этих явлений объясняется, каким образом, с одной стороны, финские племена (здесь словенские колонии в финских землях) принимают участие в призвании, а с другой, являются данниками Руси.

Призвание варяжских князей исключительно славянский факт; но если этот факт в первый момент своего проявления принадлежит одному только новгородскому северу, то по основным своим побуждениям, по общности своего значения в русской истории они общее достояние всех словено-русских племен. Олег водворяется в Киеве не случайно, а вследствие летописцем засвидетельствованного права. Уразумение этого исторического явления зависит немало от точного определения объема и значения словено-русской народности в девятом веке.

«Под именем русских славян, — говорит Шафарик, — понимаем мы все те славянские племена, кои по основании русской монархии во второй половине IX века вскоре одно за другим вошли в состав нового государства и заменили свои прежние туземные наименования чужим именем своих покорителей, сохраняя оное и до сего дня. Конечно, известно, что славянские племена, населявшие безмерное пространство позднейшей России, отличались друг от друга как происхождением, так и наречиями; между тем, при скудости

дошедших до нас известий, это отличие не может быть определено без больших затруднений; оно же и мало входит в предмет наших изысканий».

Понятно, что знаменитому исследователю, столь блистательно воссоздававшему древний общеславянский мир, нельзя было отвлекаться от конечной цели труда своего специальным изучением частных вопросов, касающихся до каждого отдельного славянского племени. У нас другая обязанность; на определении словено-русской народности в эпоху призвания варяжских князей основана вся первобытная история Руси. Нестор писал летопись *русского* племени, повести временных лет откуда есть пошла *Русская земля*; неужели в них не сохранилось и намека на отличие от забредших в Русь разнородных и разноязычных славянских племен той совокупной славянской народности, которой было суждено преобладать над другими и слить в одно *русское* целое все посторонние народности и наречия?

В эпоху призвания, т.е. около половины IX столетия, славянская раса уже с давних пор занимает назначенное ей историей пространство Европейского материка. Она делится на несколько народностей, отличных одна от другой особыми наречиями, отраслями одного общего корня; у каждой из них (за исключением так называемого полабского племени, смеси от ляхов, чехов и сербов) свое народное имя. В восточной части Европы от Ильменя до низовья Днепра сидит однокровная прочим народность славянского происхождения, говорящая особым *словенским* наречием. Это наречие — *русское*; эта народность — *русь*.

Шесть племен входят в состав ее, а именно: поляне, древляне, дреговичи, словене, полочане и северяне. *Эти данные высказаны у Нестора.*

1. «Также и ты словене пришедше и седоша по Днепру, и нарекошася поляне, а друзии древляне, зане седоша въ

льсехъ; а друзш седоша межю Припетью и Двиною, и нарекошася дреговичи; инии седоша на Двине и нарекошася полочане, речки ради, яже втечеть въ Двину, имянемъ Полота, отъ сея прозвашася полочане. Словени же (в некоторых списках прибавлено: пришедше з Дуная) седоша около езера Илмеря, прозвашася своимъ имянемъ, и сделаша градъ, и нарекоша и Новегородъ; а друзш седоша по Десне, и по Семи, по Суле и нарекошася северъ».

2. «И по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княжене въ поляхъ; въ деревляхъ свое, а дреговичи свое, а словени свое въ Новегороде, а другое на Полоте иже полочане. Отъ нихъ же кривичи, иже седять наверхъ Волги, и наверхъ Двины и наверхъ Днепра, ихъ же градъ есть Смоленскъ; туда бо седять кривичи, таже северъ отъ нихъ».

3. «Се бо токмо словенскъ языкъ въ руси: поляне, деревляне, ноугородци, полочане, дреговичи, северъ, бужане, зане седоша по Бугу, послъже вельняне».

Почему кривичи стоят только во втором из трех приведенных мест, будет объяснено ниже; бужане были не особое племя (как о таком о них в летописи более не упоминается), а племенное подразделение полян, как некогда, уже в Несторово время исчезнувшие дулебы: «Дулеби живяху по Бугу, где нынѣ¹ вельняне». Затем, из сличения выписанных мест, оказывается, что летописец имел в виду особую *шестиплеменную* славянскую народность, отличную от прочих по наречию и происхождению. Известно, что кроме сказанных шести племен в состав подвластных варяжской династии славянских народов входили и другие, от центров своих отторгнувшиися славянские племена; таковы были радимичи, вятичи, хорваты, уличи, тиверцы и т. д. Но эти славянские племена не стоят наряду с шестью русскими племенами, потому что они случайный, а не основной элемент русской народности. Летописец не упоминает о них

при рассказе о переселении с Дуная на Днепр и на Ильмень восточных славянских племен, потому что здесь дело идет о расселении по своим местам особых, совокупных славянских народностей; потому что он должен указать свое место руси, как указал свои места мораве, чехам, хорватам, сербам, хорутанам, ляхам. Он не упоминает о них при исчислении и территориальном распределении доваряжских княжений в Руси, потому что князья радимичей, вятичей, тиверцов, уличей не принадлежат к русским княжеским родам, а их территории не входят в состав общих, совокупных владений русского племени. Наконец, он не полагает этих племен в числе говорящих на Руси особым словенским наречием, потому что выражение «словенск язык» (будь оно принято в смысле народа или народного говора) имеет частное, племенное значение; потому что на Руси только шесть племен отличались особым словенским наречием и происхождением; остальные имели хорватскую, ляшскую, сербскую речь. В другом месте летописец выражает свою мысль еще яснее: «Поляномъ же живущемъ особъ якоже рекохомъ, *суще отъ рода словеньска*, и нарекошася поляне, а древяня же *отъ словень же*, и нарекошася древляне; *радимичи бо и вятичи отъ ляховъ*». Здесь, с одной стороны, поляне и древляне отличаются от двух ляшских племен *словенским* наречием и происхождением *от словен*; с другой, несмотря на свои местные, племенные названия, оказываются такими же *словенами*, как и прозавшиися своим именем новгородцы. В том же смысле и с той же целью указать на единоплеменность Киева с Новгородом говорится впоследствии: «Аще и поляне звахуся, но *словеньская* речь бе».

Что эти шесть племен, составлявшие особую совокупную славянскую народность, искони назывались русью (как племена, составлявшие чешскую, ляшскую, сербскую народность, назывались чехами, ляхами, сербами), я постараюсь

доказать в своем месте; покуда, если не ошибаюсь, нами приобретены исторические данные немаловажного значения, а именно *этнографическое* определение той особой славянской народности, коей два центра, Новгород и Киев, будут точками отправления варяго-русского государства и русской истории.

Теперь, что разумел Нестор под выражениями *словене*, *словенский язык*?

В гл. XIII я по возможности выясняю этническую терминологию Нестора и эпохи его. Как *народное*, имя руси принадлежит всем племенам (первоначально только шести основным) союза восточных славян; как *племенное*, одному только югу. Имя словен имеет исключительно племенное значение; всегда и во всех случаях под ним понимаются только славянские обитатели Новгородской области. Остальные русские племена словенцами не именуются; но отличаются от прочих славянских народов происхождением *от словен и словенским* наречием. На чем основано это отличие?

Кроме словенского племени на Руси были вне руси и другие *словенские* племена; имя словен имеет племенное значение у Прокопия; у Иорнанда; у Кадлубка; в его настоящем, общем смысле оно славянским народам неизвестно; славянскими летописателями употребляется только в случаях крайней, литературной необходимости. Только четыре племени в Словенщине носили генетическое имя *словен*; словене мизийские (болгарские), на чье наречие переведены книги Св. Писания; *словенцы* в Иллирии и Паннонии; *словаки* в верхней Венгрии; наконец, *словене* ильменские. В исследовании о происхождении славян Шафарик принимает однородность этих словенских племен как по имени, так по языку и происхождению; в своих «Древностях» он берет назад прежде сказанное о родстве между словенцами хорутанскими и словенцами мизийскими; между тем, сих последних счита-

ет прямо колонией наших ильменских словен. По всей вероятности, все эти племена составляли некогда одно общее, отдельное целое по языку и происхождению; свидетельство русской летописи подтверждает, как увидим, историко-лингвистические выводы Шафарика и рассеет, надеюсь, им самим возбужденные сомнения. Он говорит: «Что касается до болгар, свидетельства Моисея Хоренского и византийских писателей доказывают непреложным образом, что задолго до нашествия болгар, этих татарских скифов, славянские племена населяли Мизию, Фракию, Эпир и Иллирию. Имя словен в византийской истории осталось родовым достоянием этих метанастов; оно, в сущности, не прилагается вселившимся в позднейшее время сербам и хорватам. Когда задолго до крещения своих татарских завоевателей эти метанасты отстали от язычества; когда около 855 года Константин и Мефодий, желая утвердить в них христианскую веру и приобщить простонародье ее божественного духа, возвысили простую народную речь до письменного слова; в то время этот язык получил название не болгарского, не сербского, а словенского, в чем каждый может удостовериться из древних рукописей. И здесь, конечно, имя завоевателей, как некогда у роксолан и яцыгов (ютунги, ютунгаланы), а позднее у руси, вскоре стало вытеснять имя побежденного народа (уже Симеон 911—927 гг. титуловался, по Абульфараджу, князем болгар и словен; а в продолжении всей средневековой эпохи Мизия было поочередно называема Болгарией и Склавинией); но заглушить его стоило ему немало труда, истребить же его совершенно оно не могло и донныне. Взглянув на древнюю историю словен в Болгарии, Паннонии и верхней Венгрии, мы находим, что в VIII—IX веках эти племена, ныне столь отличные друг от друга по языку и обычаям, состояли еще в тесной географической, а отчасти и политической взаимной связи. Не по

одному сомнительному сказанию безымянного нотариуса короля Белы, а по испытанным свидетельствам византийских и франкских источников, болгарская держава простиралась к северу на всех славян по правому берегу Дуная до Дравы, а по левому до береговых равнин реки Тисы. В северо-западной Венгрии моравские князья владели тамошними словенскими племенами; в верхней Паннонии господствовали собственно словенские князья, будучи отчасти вассалами франков. Вследствие соседства болгар и франков на Драве и на Дунае возникали нередко столкновения между завоевателями, и положение границ изменялось; но не этими столкновениями, а вторжением мадьяров в Паннонию и их поселением на берегах Дуная и Тисы окончательно произведен разрыв в географической связи словенских племен. Этими историческими фактами ярко освещается история жизни и действий Мефодия. Только при непрерывности в поселениях мизийских, паннонских и карпатских словен, и при первоначальном тождестве их наречий понятны, как одновременная деятельность Мефодия во всех трех словенских владениях, так и скорое распространение в словено-македонском переводе греческой литургии в Паннонии и Словакии. Это основное тождество наречий (вторичное доказательство одноплеменности трех, ныне разрозненных народов) еще ощутительно и в наше время, после тысячелетнего разделения. Известно, что болгары, словаки и словенцы объявляют одинаковые притязания на так называемый церковный словенский язык. «Наречие древнейших славянских метанастов в Паннонии, — говорит Копитар, — на южном и восточном отвесе норийских и иульских Альп, вдоль реки Савы, Дравы, Муры, Раба и т. д., и теперь еще подходит к церковному словенскому ближе иллирийского (сербского и далматского); истина, в которой беспристрастный иллириец и сам убедится, если верно переведет

какое-нибудь известное место сначала на так называемое кroatское или краинское наречие, а потом на свое собственное, и сравнит оба перевода, писанные кирилловской азбукой и правописанием, с древнеславянским». «Нынешние сербы в Славонии и Кроации, — говорит Цаплович, — говорят языком, который разнится от церковнословенского, как итальянский от латинского. Гораздо ближе к нему наречие словацкое. Словак понимает сербское Евангелие лучше самого серба, не изучившего церковно-словенского языка» (я прибавлю: хотя уже около тысячелетия словак не имеет, подобно сербу, случая ежедневно слышать этот язык; хотя словенский язык настоящих церковных книг проникнут руссизмами; хотя, наконец, нынешний его выговор относится к древнему, как нынешний греческий и латинский выговор к древнему).

А что народный язык древних словен в Македонии и во Фракии (по сознанию самого Добровского, величайшего из славянских лингвистов-историков) впервые положен на письмо двумя братьями-апостолами, это можно принять за достоверный факт на основании как самой истории, так и множества дошедших до нас болгарских рукописей. Начавшаяся в Болгарии (т. е. в верхней и средней Македонии, верхней Фракии и Мизии), словенская церковная литература продолжалась в Паннонии. Конечно, в IX веке, быть может, уже существовало незначительное различие наречий между словенским в Болгарии, словенцким в Паннонии и словацким в Венгрии; это следует из отдаленного положения племен и их смешения с дальними родственными и чужими народностями, болгар — с остатками трибаллов, иллирийцев и фракиян; словенцев — с древними паннонцами и франками; словаков — с чехами, ляхами, аварами и т.д., и подтверждается письменными свидетельствами; между тем, первобытное тождество трех наречий проявляется не-

сомненным образом и в позднейшие времена (напр., в словакском переводе кириллицею Евангелия Богианского монастыря), и теперь еще может быть грамматически и лексикографически доказано в отдельных частностях, несмотря на беспримерное, почти метадиалектизирование словакского и болгарского языков».

Это существование словенских племен вне руси было известно и Нестору; он прилагает имя словен, в племенном смысле, только тем народностям, в состав коих вошли эти три словенские племена. Он пишет: «Ту бо есть Илюрикъ, его же доходилъ апостоль Павелъ, ту бо бяша словени первее»; и в исчислении потомков Яфетовых: «Илюрик, словене». Как Илюрик, т. е. иллирийских словенцев, так и мораву-словаков он зовет словенами, Моравскую землю словенскою. О болгарах он не употребляет имени *словен*, ибо в его время оно уже не существовало у них в племенном значении, как при Кирилле и Мефодии; но сохраняет для болгарского письма название *словенской* грамоты. Ляхи, чехи, сербы, хорваты несмотря на общеславянское происхождение, для него не словене. Только не должно думать, чтобы он имел ясное, определенное понятие о нерусских словенских племенах и их географическом положении. Под именем Илюрлика он понимает все дунайские земли; под именем дунайских словен всю юго-западную Словенщину.

Его мысль может быть угадана только из сравнения его сведений о трех нерусских словенских племенах с понятиями, какие он имел о своей словено-русской народности. При недостаточном определении Несторовой этнографии, при смешении в одно хаотическое целое всех славянских народов, обитавших в России, Шафарик не мог включить словенскую русь в систему своих историко-лингвистических исследований. Но теперь перед нами не безымянная смесь всех племен и наречий, а отдельный народ, отличный по

наречию и происхождению от окружающих его нерусских славянских племен, тождественный по наречию и происхождению, а отчасти и по имени, с остальными *словенскими* племенами. Это тождество, ясно высказанное в летописи, служит верным подтверждением мысли Шафарика о родстве и первобытном одноязычии всех так называемых *словенских* народов. Понятия Нестора о словенстве русских племен основаны: 1) на смутном историческом предании о их доисторическом родстве с остальными *словенскими* племенами, о первом поселении всех *словенских* племен на Дунае, о прямом выселении с Дуная *ильменских словен*; 2) на тождестве наречий словено-русского с остальными словенскими; 3) на желании удержать за своим народом освященное переводом книг Св. Писания *словенское* имя. Описав деятельность Мефодия в *словенской* земле (Мораве), Нестор прибавляет: «Темже словеньску языку учитель есть Анѣдроникъ апостоль: въ моравы бо ходилъ, и апостоль Павелъ училъ ту; ту бо есть Илюрикъ, его же доходилъ апостоль Павелъ, ту бо бяше словени первее. Темже словеньску языку учитель есть Павелъ, отъ него же языка и мы есме русь: темже и намъ руси учитель есть Павелъ апостоль, понеже училъ есть языкъ словенескъ, и поставилъ есть епископа и намѣстника по себе Андроника словеньску языку. А словенескъ языкъ и русский одинъ, отъ варягъ бо прозвашася русью, а первѣе беша словене; аще и поляне звахуся, но словеньская рѣчь бе, полями же прозвашася занеже въ поле седяху, языкъ словѣньскш бе имъ единъ». Шлецер, не понимавший ни исторического, ни грамматического смысла этого места, называет его несносно глупой вставкой; он не подозревал, сколь важно было для летописца определить, с одной стороны, одноплеменность всех *словенских* народностей, с другой, однокровность Киева с Новгородом (*словеннами*) по языку и происхождению. Круг впадает в другую

ошибку, принимая здесь слово *язык* в смысле *народа*; выражения «Словенская речь бе — языкъ словенский бе имъ единъ», очевидно, доказывают, что дело идет о наречии в племенном, не о народе в общем смысле. Значение слов летописца не допускает двух толкований, если вспомнить сказанное им в начале, а здесь повторенное, о словенстве полян и древлян, о несловенстве радимичей и вятичей.

Для Нестора было одно отдельное *словенское* целое, распадавшееся на два центра: 1) *словене* ильменские, к которым примыкают и остальные русские племена; 2) *словене* дунайские.

Что было верного в этих представлениях летописца; в чем заключались его заблуждения?

В сущности, Несторова мысль справедлива. Между словенскими племенами существовала родственная связь; словенское имя было достоянием только четырех генетических словенских племен; подобно словенам мизийским, словенцам и словакам Русь сохранила словенское имя для старшего из своих племен в Новгороде; для других — предание о происхождении от словен. О тождестве словенского языка в болгарях, моравских словаках и хорутанских словенцах мы видели мнения Шафарика и Копитара; что еще в Несторово время то же самое, или, по крайней мере, мало изменившееся словенское наречие господствовало и на Руси, несомненно; только отсюда объясняется немедленное восприятие на Руси книг Св. Писания, составленный болгарями перевод договоров и пр. Таково было, основанное на положительных фактах, на собственном опыте, наконец, на убеждении современников и мнение самого Нестора: «А словенскъ языкъ и русский одинъ» — «Языкъ словенскъ бе имъ единъ» — «Симъ бо первое преложены книги маравы, яже прозвася грамота словенская, яже грамота есть въ Руси и въ болгарехъ дунайскихъ».

Между тем, утвержденные на исторической действительности и верных лингвистических выводах понятия летописца о связи и этнографическом значении словенских племен затемнены для нас и для самого Нестора, с одной стороны, принятой им ложной системой происхождения русского имени от варягов; с другой, заблуждениями, к которым вело его желание согласовать словоупотребление словенского имени в церковном смысле с неверным убеждением в переводе книг Св. Писания для моравы. О первом из этих положений будет сказано подробно в своем месте; второе основательно и, кажется, навсегда опровергнуто Шафариком по следам Добровского. Словенская грамота — было техническим названием изобретенного Кириллом для болгарских *словен* алфавита; Кирилл везде именуется *словенским* учителем; кирилловская литургия *словенской*. Но вследствие известного посольства к греческому императору *моравских* князей Ростислава, Святополка и Коцела и долголетней деятельности Мефодия в *Моравской* земле вскоре распространилось (и Нестором разделенное) мнение о переводе книг для моравы. Отсюда недоумения летописца; двойное значение у него моравского имени; неверный объем его моравы. Как особое племя моравских славян Несторова моравы принадлежат к западным, *несловенским*, от словен выродившимся племенам; как земля (вместилище словаков и иллирийских словенцев и, вместе с тем, классическая почва словенской грамоты) моравы имеет для него значение дунайской Словенщины. Вот почему при повествовании о переводе церковных книг он постоянно отличает мораву племенным названием «словене», а Ростислава, Святополка и Коцела зовет князьями *словенскими*, не моравскими. «Словеномъ жиущимъ крещенымъ и княземъ их, Ростиславъ, и Святополкъ, и Коцель послаша ко царю Михаилу... и послаша я въ Словенскую землю къ Ростиславу, и Святополку, и Къцьлови.

Сима же пришедьшема, начаста съставлявати писмена азъбуковъная *словенъски*... ради быша *словени*, яко слышаша величья Божья своимъ языкомъ». Здесь выражение «словене» о мораве и моравских князьях, очевидно, основано на церковном значении словенского имени; на мысли о переводе для них церковных книг на словенский язык. В сербских памятниках всегда говорится о моравлянах: «Растиславль бо моравьский кнезь, богомъ оустимъ советъ сотвори съ кнези свои моравляны». Черноризец Храбр именует Ростислава (Растица) князем моравским, Коцела — блатенским. Итак, на понятиях Нестора о значении словенского языка в смысле наречия церковных книг утверждались, пополняя друг друга, его понятия о племенном, особом значении словенского имени; между славянскими племенами одни только *словенские* говорили церковным наречием. Апостол Павел и Андроник были учителями только словенскому языку, не ляхам, чехам, хорватам. Из того же источника, как сказано выше, и фантастически неопределенное представление Нестора о Моравской земле; если бы он знал, что Кирилл и Мефодий переводили на *словено-болгарский* язык, название Моравы исчезло бы у него для Иллирика и дунайских словен. Наконец, Нестору было известно общее значение славянско-го имени у иноземных народов, преимущественно у греков. Сами славяне не знают для себя всенародного туземного прозвища; по крайней мере оно до нас не дошло; общим достоянием всей расы у иноземных писателей славянское имя стало, по мнению Шафарика, вследствие войн славянских племен с франками и греками. Употребление его в этом иноземном общем смысле проявляется только в редких случаях и чисто литературным образом у славянских писателей. Как в летопись Мартина Галла и Кадлубка от немцев, так в Нестеру славянское имя в общем значении могло при случае перейти от византийцев; между тем, влияние

греческого словоупотребления отразилось не столько в этнографической терминологии летописца, сколько в его понятиях о первенстве и первородстве генетических *словенских* племен в общеславянском мире. Только об одном месте летописи можно сказать с некоторой уверенностью, что в нем славянское имя является в общем смысле; это следующее: «Бе единъ языкъ словенскъ: словени, иже седяху по Дунаеви, ихъ же прияша угри, и маравя, чеси и ляхове, и поляне, яже ныне зовомая русь». Но принимать исключение за правило невозможно, и напрасно утверждает Шафарик, что по примеру латинских и греческих писателей средних веков Нестор именуется словенскими все славянские племена в Европе. Мы разобрали тексты летописи, на которых основано это мнение; везде имя *Словен* явилось в значении особом, племенном, как у скандинавов норманнское имя; только при недостатке определенных географических сведений и невозможности согласовать значение словенского имени с ложным понятием о переводе книг Св. Писания для моравы сами племена обозначены темно и неверно, а границы земель произвольно отодвинуты и перемешаны.

Таковы, если не ошибаюсь, были понятия и данные об этнографии славянских народов и о значении словенского имени, по которым надлежало Нестору расположить свою историю славянского племени, сообразив ее с преданием, основанным на исторической действительности о первом поселении славянских племен на Дунае.

Отсюда два основных положения славянской истории в его летописи:

1. *Словенское* племя — зародыш и начало всех славянских племен; во главе его стоит словенская русь, словене ильменские. Он пишет: «Отъ сихъ 70 и 2 языку бысть языкъ словенскъ отъ племени Афетова, норци, еже суть словене».

О нориках здесь думать нельзя. Во-первых, в Несторово время, нориками (*ногичи*) у западных летописцев именована

лись баварцы. Во-вторых, нельзя допустить, чтобы имя нориков (если бы под этим именем Нестор понимал первородных славян) встречалось только один раз в его летописи и не было бы им употреблено о дунайских славянах. Наконец, откуда могло оно зайти в его летопись? Нигде византийские историки не именуют славян нориками; а по славянским преданиям он мог знать только туземное славянское имя. Шафарик вместо норци, норцы читает *илюрци*; но против его предположения говорит справедливое замечание Шлецера, что в списках, читающих *инорци*, начальное *и* приставлено от предыдущего *нарицаемии*. «Замечание, — возражает Шафарик, — что в шести списках, читающих *инорци*, начальное *и* только пристало от предшествующего *нарицаемии*, неуместно; ибо в множественном числе отвлеченной формы склонения причастие имеет только одно *и*». Конечно, не в русском наречии: одинаковая форма причастия с окончанием на *ги* встречается во многих местах летописи. «...Придоша отъ скуфъ, рекше отъ козаръ, *рекомии* болгаре». В Никоновском списке и Степенной книге читаем: «Роди же *нарицаемии* Руси». *Норци*, *норцы* — по всей вероятности, не что иное, как искаженное или небрежно сокращенное *новгородъци*. На это чтение указывает как смысл Несторовой этнографии славянских племен, так и сохранившаяся в варианте *иноверци* буква *в*. Значение Несторовых слов было бы следующее: «Въ числе сихъ же 72 народовъ, былъ народъ словенскш, отъ племени Яфетова, такъ называемые (ныне) Новгородцы» или «такъ назвавшиися (впоследствии) новгородцы, кои суть и словене». Тому, кто знаком с одинаковым у всех народов стремлением древних летописцев к прославлению своего племени перед другими, не покажется странным это притязание нашего летописца на старшинство своих ильменских славян.

2. Первородное славянское племя, говорящее первородным словенским (церковным) наречием, имеет в Евро-

пе только два центра: словенскую Русь и дунайских словен. Все прочие славянские племена выродки от словен.

По переселении на Дунай словенское племя распадается на две части. Одна, отказавшись от словенского имени и от словенского языка, превращается в мораву, чехов, хорватов, сербов, хорутан, ляхов. «По мнозехъ же времянъхъ сели суть словени по Дунаеви, где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска. Отъ техъ словенъ разидошася по землте и прозвашася имени своими, где седше на которомъ месте яко пришедше седоша на реце имянемъ Морава и прозвашася морава, а друзш чеси нарекошася; а се ти же словени хрвате белии, и серебрь, и хорутане. Волхомъ бо нашедшемъ на словени на дунайския, седшемъ въ нихъ и насмящемъ имъ, словени же ови пришедше седоша на Висле и прозвашася ляхове, а отъ техъ ляховъ прозвашася поляне, ляхове друзии лутичи, ини мазовшане, ини поморяне».

Другая половина первородного словенского племени, сохранившая словенское имя и словенский язык, подразделяется, как сказано, на два центра:

а) *Словене ильмено-днепровские*. «Тако же и ти словене пришедше и седоша по Днепру, и нарекошася поляне, а друзии древляне, зане седоша въ лесехъ; а друзии седоша межю Припетью и Двиною, и нарекошася дреговичи; иши седоша на Двине и нарекошася полочане, речьки ради, яже втечеть въ Двину, имянемъ Полота, отъ сея прозвашася полочане. Словени же (пришедше з Дуная) седоша около езера Илмеря, прозвашася своимъ имянемъ, и сделаша градъ, и нарекоша и Новъгородъ; а друзии седоша по Десне, и по Семи, по Суле, и нарекошася северъ». Этим русским словенам Нестор не дает отдельного народного имени как вследствие принятой им системы происхождения руси от варягов, так и потому, что похвалается словенским именем и происхождением своей народности. В отношении к прочим славянским народностям русские племена словене, как в отноше-

нии к норвежцам и датчанам все шведские племена шведы; на Руси словенами именуются только одни новгородцы, как в Швеции шведами одни только населенцы собственно Swealand, Swithiod.

б) *Словене дунайские*. «Словенську же языку, якоже рекомъ, живущо на Дунай, придоша отъ скуфъ, рекше отъ козаръ, рекомии болгаре, седоша по Дунаеви, населници словеномъ быша. Посемъ придоша угри белии, наследиша землю словенську». Эти дунайские словене, эта словенская земля на Дунае, остаток от первородного словенского племени после выселения в Русь другой его половины. Нестор, видимо, дорожит одноименностью и родством своих ильменских словен с дунайскими, учениками апостола Павла. Вот почему он пишет: «Словени же *пришедше з Дуная* седоша около озера Илмера». В Никоновском списке сказано, что перед избранием варяжских князей словене долго спорили между собой о выборе; одни предлагали козаров, другие полян, *дунайчей* и *варягов*; некоторые единомышленников своих «и бысть о семъ молва велия». Здесь, кроме исторического убеждения, действовало и предание о Дунае (преимущественно русское), как о святой словенской реке; и донныне воспоминания о Дунае живут в припевах народных песен у нас и у венгерских русинов.

III. ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ ПРИЗВАНИЯ

Вопреки положительному сказанию летописи Шлецер не допускает призвания князей в смысле правителей. «Люди, — говорит он, — возвращенные к дикой свободе, и, может быть, подобно далекарльским крестьянам столь же мало знавшие, что такое значит король, не могли вдруг и

добровольно переменить гражданское свое право (civitas) на монархическое (imperium). Они искали только защитников, предводителей, сберегателей границ (по-исландски Landvarnarmenn) в случае прихода новых грабителей». Мы не узнаем отсюда, ни в каком качестве, на каких правах и условиях были призваны эти Landvarnarmenn'ры; ни вследствие каких логических побуждений славяне и чюдь, выведенные из терпения жестокостью и насилиями норманнов, сначала изгоняют своих притеснителей, а потом, опасаясь возвращения изгнанных, призывают их сберегателями своей безопасности. Эверсу не стоило большого труда опровергнуть эту теорию; если бы выведенные Шлецером положения принадлежали и самому Нестору, историк имел бы полное право отбросить их, как противные исторической вероятности и здравому смыслу; что же, когда они только плод шлецеровского воображения! Приводимые из истории других народов мнимые примеры подобных призваний убеждают нас только в одном, а именно, что факт призвания, каковым он представлен у Шлецера, явление беспримерное в истории народов древних и новых. Британцы призывают англосаксов на помощь против пиктов и скоттов, не против самих себя. Жители Руана, изнемогая от набегов Гастингса, угрожаемые нападением от норманнов Роллона, лишённые, наконец, всякой надежды на помощь от короля Карла, решаются признать над собою власть Роллона, с тем, чтобы он защищал и судил их по праву. Это более или менее история всех беззащитных, к сдаче принужденных людей; но что общего между жителями Руана, ожидающими погибели от двух, уже остальной землей овладевших врагов, и победными, только что от ига освободившимися племенами славян и финнов? Об отличии между сдачею Руана и призванием варяжских князей можно судить по последствиям той и другого. Роллон владеет Нормандией на правах завое-

вателя; земля побежденных размежевана по веревке; товарищи Роллона делят между собой города и деревни; прежние владельцы изгоняются или становятся вассалами новых. Знает ли русская история о подобных явлениях? Допуская причину, норманнская школа не вправе отделять ее от последствий.

Круг, принимающий призвание князей, ссылается на герулов и указывает на отправленное ими посольство из Мизии в Скандинавию, чтобы избрать себе там властелина из царского рода. Но герулы и скандинавы были одного племени, одного языка. Славянские народы были не менее германских привержены к своей национальности. Мы не видим, чтобы славяне балтийские, бывшие в несравненно теснейших против Руси то враждебных, то дружеских отношениях к норманнам, призывали их княжить над собой; венды платят дань германскому императору, князья их ездят за решением споров в Компьень; но ни венды, ни чехи, ни другие славянские племена не просят князей у своих врагов германцев, норманнов, аваров. В эпоху позднейшую, когда по мере возрастающего образования должна была усилиться в людях привязанность к родной почве, киевляне грозят Ярославичам покинуть Киев и уйти в Грецию; и мы знаем, что вообще подобного рода выселения были в духе славянских народов. Не решились ли бы скорее словене и кривичи выселиться из Новгорода, Изборска или Полоцка (допустив вероятность ничем не оправдываемого в них панического страха от изгнанных варягов), нежели «подвергнуть себя снова игу тиранов раздраженных, или искать в них самих защитников против их самих»?

Сознавая основательность этого возражения, Погодин полагает, что были призваны не изгнанные в 859 году (?), а особое норманнское племя, варяги-русь «известное им (славянам и финнам) вероятно более других, вследствие каких-

нибудь предыдущих обстоятельств, напр., торговли, которую искони производили новгородцы на море Балтийском» и пр. Я не думаю, чтобы в призвании того или другого норманнского племени могло быть существенное различие; самое призвание не могло слишком разниться от завоевания. Как бы то ни было, если принять с большинством норманистов, что варяги-русь были шведские россы, обитавшие на ближайшем к новгородским словенам и чюди упландском берегу, на так называемом Родене, выходит, что варяги-норманны, имевшие дань на словенах, чюди и пр. и изгнанные в 862 году, принадлежали к *дальнему*, менее известному племени; роденские же шведы, наши *sоседи*, жили с нами в согласии, почему и призваны княжить над нами! Где же тут историческая вероятность и логика?

Ни Круг, ни г. Куник не обращают особого внимания на вопрос о причинах призвания; последний (несмотря на заглавие своей книги) едва ли не принимает чистого норманнского завоевания.

Г. Соловьев не отвергает предания летописи; но, основываясь преимущественно на словах Нестора «и почаша сами въ себе володѣти; и не бе въ нихъ правды, и вѣста родъ на родъ, быша въ нихъ усобиц, и воевати почаша сами на ся», полагает, что до призвания князей общественное устройство славянских племен на Руси не переходило еще родовой грани... веча, сходки старшин, родоначальников не могли удовлетворить возникшей общественной потребности, потребности наряда... чему доказательством служат усобицы родовые, кончившиеся призванием князей. Целью призвания, говорит он далее, было установление наряда, нарушенного усобицами родов: «Роды, столкнувшиеся на одном месте и потому самому стремившиеся к жизни гражданской, к определению отношений между собою, должны были искать силы, которая внесла бы к ним мир, наряд, должны

были искать правительства, которое было бы чуждо родовых отношений, посредника в спорах беспристрастного, одним словом *третьего судью*, а таким мог быть только князь из чужого рода».

Взирая на причины призвания варяго-норманнских князей как на естественное следствие тогдашнего положения славянских племен, а на самый факт призвания как на явление исторически необходимое, г. Соловьев забывает, что этот факт (если допустить норманнство варяжской Руси) является случаем беспримерным, единственным в истории народов, тогда как причины его (беспорядки и смуты вследствие родовых уособиц) существуют в данную эпоху и при тех же самых условиях у всех известных народов. Что Нестор говорит о восточных славянах в IX веке, то самое говорят Дитмар, Адам Бременский, Гельмольд о западных; его слова «и не бе въ нихъ правды, и вѣста родъ на родъ» представляют живую картину состояния вендских племен в конце XII столетия; между тем вендские славяне не призывают князей от норманнов или от немцев. Каким образом (при относительно меньшей степени образования) является у восточных славян в девятом веке политическая потребность наряда, выражающаяся призванием князей от чужого народа, неизвестная при одинаковых условиях западным славянам XII? Может ли народ или общество, желающие князя миротворца и судью, обратиться к князьям чужого, враждебного племени, не знающим ни языка, на котором должны выслушать притязания родов, ни права, по которому судить своих подданных? Заметим, что у г. Соловьева, несмотря на его теорию славяно-чюдского союза, дело идет здесь об одних только славянских племенах; при участии финнов в призвании являются новые, неразрешимые затруднения. Между славянами и финнами не может быть речи о столкновении родов на одном месте, о возник-

шем отсюда стремлении к жизни гражданской, к определению отношений между собою и пр.; а только о столкновении двух разнородных и враждебных народностей, историческом явлении, всегда и везде вызывавшем не призвание одного общего князя, а кровопролитные войны, завоевания, истребление одного народа другим. Самое стремление к новому порядку вещей, к переходу из патриархального состояния в политический быт понятное (в смысле проводимой г. Соловьевым теории) у славянских народов, оказывается произвольной мечтой историка относительно финских племен; подобные стремления в народах не исчезают; а о чудских населенцах Руси сам г. Соловьев замечает, что еще в XIII веке они оставались на той же ступени гражданственности, на какой, по его мнению, славянские племена дреговичи, северяне, вятичи находились в половине IX века; жили особными и потому бессильными племенами, которые, раздробляясь, враждовали друг с другом. Наконец, позволяет ли историческая вероятность допустить в славянах и финнах IX столетия странное убеждение, что норманские конунги, призванные со своими родами или дружиною, явятся не завоевателями, а миротворцами?

Норманнская теория не объясняет ни причин, ни последствий призвания; и те, и другие чисто славянского свойства; для настоящего их уразумения необходимо предварительное указание на те, всем славянским народам общие условия их внутреннего организма, из случайного развития которых вышло, по нашему мнению, дело призвания. Только посредством аналогического сравнения известных явлений общеславянского быта с одинаковыми явлениями в быте доваряжской Руси можно извлечь из скудных известий Несторовой летописи сокрытые в ней намеки на то особое состояние восточных славянских племен, которое во второй половине IX века вызвало их к избранию князей из иноплеменного, хотя и славянского рода.

Два основных факта проявляются во всех славянских историях; это, с одной стороны, особое преобладание родового и религиозного старшинства в отдельных племенах; с другой, утвержденное на понятиях о родовой собственности значение княжеского достоинства.

Совокупность родов образует племя; совокупность племен землю. Понятие о земле неразлучно у славян с понятием о народности; *Cechy* и *Ceska zeme*, *Morawa* и *Morawska zeme*, Русь и Русская земля означают вместе народ и землю. При общей основе их организма, отношения как родов, так и племен определяются законами старшинства. Каждый род в племени, каждое племя в земле составляют особый мир; старшинство в отношениях родов и племен получает значение *благородства* и *власти*, прямой источник раздоров, нередко взаимной ненависти племен. По свидетельству безымянного биографа св. Отгона, юлинцы, уважая старейшинство и благородство щетинян, не решались принять христианства без предварительного их согласия. По мере размножения родов и племен, на основании особых родовых отношений образуются союзы (таковы у прибалтийских славян союзы оботритов и лутичей), постоянно изменяющие свой состав и значение вследствие вольного или вынужденного перехода племен от одного союза к другому. Отсюда непрерывные изменения в этнографии и самой ономастике западных славянских племен у Эйнгарда, Дитмара, Адама, Гельмольда, Видукинда и других. Как у нас дулебы переходят в бужан, а бужане в волынчан, так Эйнгардовы велетабы в Дитмаровых лутичей. Имена линонов, смельдингов и бетенцев сменяются именами варов или вукраинцев и абатаренов. Вукраинцы переходят у Гельмольда в вагиров; изменения, вызываемые временным преобладанием одного племени над другим, иногда слиянием двух или нескольких племен и свидетельствующие о вечном со-

стоянии брожения в самобытно развивающихся славянских народностях. Делению на племена и союзы отвечает деление на религиозные обединции; старшинству племенному старшинство теократическое. В Гельмольдово время теократическое первенство над всеми славянскими племенами принадлежало Арконе и Руе. Вражды племенные вызывают религиозные и наоборот; нередко и самое понятие о княжеской власти определяется теократическим значением или старшинством племени или города. Премыслид, владевший вышеградским столом, был ipso facto законным князем Чешской земли.

Князьями начинается история всех славянских народов. У хорватов пять братьев: Клюкас, Лобель, Козенец, Мухло, Хрват и две княжеские сестры, Туга и Буга. У сербов два брата неизвестных по имени; у хорутан Борут; в биографии св. Руперта упоминается о «Carentanorum rege» около 684—718 годов. У ляхов Попел; у чехов Чех, Само, Крок и т. д. Напрасно навязывают славянам первоначально демократический быт. «Сей народ, — говорит Карамзин, — подобно всем иным, в начале гражданского бытия своего не знал выгод правления благоустроенного, не терпел ни властелинов, ни рабов в земле своей, и думал, что свобода дикая, неограниченная, есть главное добро человека». Это мнение не основано на изучении коренных законов исторического быта славянского общества; в превратности толкования приводимых ему в доказательство мест иноземных писателей удостоверяют положительные, исторические факты, засвидетельствованные этими же писателями или их современниками. Понятно, что при множестве однородных князьков, деливших верховную власть между собою, при княжеских съездах, определявших права их, при городских вечеах и пр., внутреннее устройство славянских племен не отвечало понятиям византийцев о монархии, в греческом смысле еди-

нодержавия. В самом деле, славянские племена признавали власть не одного лица, а всех членов княжеского рода. От Прокопьева современника императора Маврикия (582—602) узнаем мы настоящее значение этого мнимого демократизма славянских народов. «Non fuerit inconveniens, — говорит он о славянских князьях — aliquos eorum trahere in partes suas, vel persuasionibus, vel largitionibus... ne se omnes hostiliter jungant, et, subunius imperium concedant»). Выводить из Прокопьевых слов демократическое устройство славянского общества так же неверно, как основывать мнение об отсутствии у славян княжеской власти на известии Константина Багрянородного об управлении далматских славян не князьями, а старейшинами и жупанами. Это плохо понятое, а может быть, и переписчиком искаженное место Константина, поясняется соответствующим ему в летописи продолженного Феофана; по словам ее, все эти народы управлялись собственными князьями еще до крещения при Василии Македоняnine. Сам Константин свидетельствует о существовании князей и княжеских родов у всех славянских племен *при первом их появлении в истории.*

Как в VI веке Прокопий, так в XI Дитмар свидетельствуют не о демократическом устройстве славянского общества, а об основном начале славянской гражданственности, о начале родовом, в его применениях к княжеской власти. Из современных германских источников нам известно существование княжеских родов у лутичей уже в VIII веке; у оботритов эти роды ведутся в непрерывной связи от конца VIII до конца XII столетия. У чехов Козьма Пражский пересчитывает до времен исторических, т. е. от Крока (VII век) до Боривого I десять князей, наследственных обладателей Чешской земли. Самые историки, утверждающие свое мнение о первоначально демократическом быте славянских народов на неверно толкуемых свидетельствах писателей X, XI

и XIII столетий, сознают развитие у них монархического и аристократического начала уже в VI и VII веках.

Под какими бы названиями ни являлись эти властелины (у большей части славянских племен *князья*; у славян диоклейских *великие жупаны*, переходящие потом в *королей*), основные начала и права княжеской власти одинаковы у всех славянских народов; у всех повторяются известные нам явления русской истории, при князьях варяжской династии. Владение сообща родовым наследием под верховным управлением старшего в роде или семье, коренное общеславянское право, существующее и донныне у черногорцев, сохранившееся у чехов до XVII столетия. Отсюда встречающееся только у славян выражение *дедина* (у поляков *dziedzictwo*; у чехов *dedina*) для обозначения общего родового наследия; отчина уже выдел из общего достояния, основанный на частном приобретении, в строгом смысле нарушение права дедины. На применении к управлению землею этих органических законов славянской семьи утверждается значение княжеской власти в славянском мире. Все князья члены одного рода; обладание землею составляет нераздельную родовую собственность; великий князь означает старшего в роде.

Самая теогоническая система языческой Славянщины основана на законах родового начала, в их применении к верховной власти богов, небесных князей; славяне, по свидетельству Гельмольда, признавали одного верховного бога, родоначальника всех других богов, а их исполнителями порученных им должностей, так что, происходя от него, они были тем сильнее, чем ближе родством к всемогущему богу богов. Утвержденное на одних и тех же патриархальных началах старшинство родов, племен, религиозных объединений и городов не противоречит идее о княжеском полномочии, а только довершает органическое здание славянского общества. Славянский князь полный хозяин в земле;

но над княжеской властью есть древний обычай, закон, правда. Выдающиеся отсюда славянские особенности, мирские сходки, веча, советы старшин, могут представляться в исключительно демократическом виде только неславянским или предубежденным историкам.

Как из начала родового и религиозного старшинства племен вражды племенные, так из начала старшинства в родах княжеских уособицы княжеские; о тех и о других свидетельствуют летописцы всех времен и народов. Уже в VI веке главные явления всех славянских историй: вражда племен, отсутствие единой державы, существование княжеских родов, уособицы княжеские.

История словено-русских племен должна повторить в IX веке общие всем славянским народам условия их внутреннего устройства, как их повторяет впоследствии при князьях варяжской династии. Эти русские исторические явления могут быть дознаны и определены, несмотря на сухость и неясность источников.

О состоянии Руси в эпоху призвания перед нами два мнения, отличных по выражению, но ведущих к одинаковым историческим заключениям; Шлецера о дикости, г. Соловьева о младенчестве словено-русских племен. И то, и другое воззрение вынуждено (быть может, и бессознательно) необходимостью согласовать историческую вероятность с теорией о скандинавском происхождении Руси; добровольная подчиненность славянских племен враждебному игу полудиких норманнов логически немыслима, если не представить этих племен стоящими в IX веке на несравненно низшей, против своих скандинавских властителей, степени гражданского образования.

Под влиянием этой необходимости Шлецер принимает в буквальном смысле слова летописца о звериных обычаях славянских племен, населявших в IX веке нынешнюю Рос-

сию; вследствие чего и изображает их людьми, не имевшими до 860 года политического постановления, сношения с иноплеменными, письма, искусств, религии, или только глупую религию; дикарями вроде ирокойцев и альгонкинцев и пр.

В наше время, после исследований Шафарика и трудов русской исторической школы последних десятилетий, после нумизматических открытий Френа, Савельева и других, мнение Шлецера о чрезмерной дикости словено-русских племен уже далеко не имеет прежнего значения; оно основано не на изучении фактов, не на определении настоящих законов гражданского устройства доваряжской Руси, а на ложных понятиях энциклопедической школы XVIII столетия об исторических началах народов. В девятом веке ни западные, ни восточные славяне не стояли на той низкой ступени человеческого образования, о которой, вместе с Шлецером, мечтали Гебгарди и большинство немецких, славянам враждебных, историков. Исследования, основанные на положительных фактах, утвердили за славянским языческим миром существование, в известной степени, права, торговли, городов, письма, сложной языческой теогонии, всех условий общественной жизни. Переводы церковных книг, чешские поэмы времен язычества и пр. явно свидетельствуют как о высокой степени раннего образования славянского языка, так и о его превосходстве, по развитию грамматических форм, над современными ему наречиями других, новейших европейских народов. Из беспристрастных немецких историков многие сознают сравнительное превосходство славянского над германским образованием в эпоху язычества; пораженные торговым и земледельческим благосостоянием поморских славянских земель, бамбергские миссионеры сравнивали Вендскую область с обетованной землей. «Еще в то время, — говорит граф Столберг, — когда германские

племена жили только охотою и рыбною ловлею, мало занимаясь земледелием, славяне были уже искусными и трудолюбивыми хлебопашцами, готовили неизвестные немцам земледельческие орудия, ткали полотно и выделывали шерсть, промышленяли и иными ремеслами. Для многих житейских потребностей, предполагающих уже высшее развитие образования, славянские языки знают туземные, определенные, чисто славянские выражения, тогда как те же предметы означены в германском языке словами, явно заимствованными из латинского; ясное доказательство, что германцы узнали их гораздо позднее от римлян». Отличались ли восточные славяне от западных особой суровостью нравов, особою невосприимчивостью начал просвещения? Мы имеем доказательства противного; уже одни торговые связи с Востоком не могли не способствовать развитию в Руси всем славянским племенам природных склонностей к гражданственности и образованию; и если Шафарик зашел слишком далеко в представлении новгородских славян IX века народом, изнеженным роскошью и богатством, то все же основная его мысль исторически верна; в рассказах исландского севера Гардарикия времен Владимира и Ярослава представлена земля блеска и пышности; из американских дикарей Шлецера и Добровского никакое призвание не создаст Руси XI столетия. Само дело призвания (если только не извращать смысла летописи в угодность прихотям скандинавизма) обличает замечательную, не одного исследователя поразившую степень развития гражданского чувства в словено-русских (по крайней мере северных) народностях. Противопоставлять исторически дознанным фактам мрачную картину дикости славянских племен у Нестора или Козьмы Пращского значит не ведать духа и направления христианских летописателей средних веков; отличительная черта их, умышленное унижение всего былого, в похваление книжной образованности своего времени.

Теория г. Соловьева о состоянии младенчества словено-русских племен в IX веке утверждается на двух главных положениях: 1) отдельный, уединенный быт по родам этих племен; 2) управление родов родоначальниками, ненаследственными старшинами.

Он говорит: «Летописец прямо дает знать, что несколько отдельных родов, поселившись вместе, не имели возможности жить общей жизнью вследствие усобиц; нужно было постороннее начало, которое условило бы возможность связи между ними, возможность жить вместе; племена знали по опыту, что мир возможен только тогда, когда все живущие вместе составляют один род с одним общим родоначальником; и вот они хотят восстановить это прежнее единство, хотят, чтобы все роды соединились под одним общим старшиною, князем, который ко всем родам был бы одинаков, чего можно было достичь только тогда, когда этот старшина, князь, не принадлежал ни к одному роду, был из чужого рода».

Я оставляю покуда в стороне несколько произвольное толкование летописи; допускаю правильность выводимых г. Соловьевым из слов Нестора заключений о первобытном состоянии словено-русского общества в IX веке, но спрашиваю: на чем основан авторитет летописца в общем деле о степени образования русских племен до варягов? Он мог знать по преданиям, былинам и песням о положительных фактах, о варяжской и хазарской дани, о призвании варяжских князей, о действиях Рюрика, Олега, Игоря; но здесь перед нами не факты, а представление, какое монах XI—XII столетий себе составил об устройстве словено-русского общества в эпоху мифической древности. Почему должны мы верить на слово Нестору в вопросе, о котором так смело и решительно отвергаем свидетельство его современника Козьмы Пращского? В подобных случаях сказания лето-

писца имеют вес только при согласии с законами исторической аналогии и правдоподобия, при подтверждении их свидетельствами современных иноземных писателей. Но, за исключением еврейской семьи, история не знает ни одного земледельческого народа в том состоянии и при тех условиях первобытности, в которых является Русь IX века у г. Соловьева. Дионисий Галикарнасский, Плутарх и другие сохранили память о началах римского общества; но в основу ему полагают *не род* (gens), а *племя* (tribus) рамнетов, составленное из тысячи родов, распадавшихся на десять *курий*, при совете старшин (decuriones) или сенате, во главе коего стоял князь — гех. За восемь столетий до Рюрика Тацитовы германцы являются совокупной народностью, распадающеюся на племена, с общим для всех народным правом, верховной властью, судами, сословиями. Прямых свидетельств о внутреннем состоянии Руси в IX и предшествующих веках до нас не дошло; но мы имеем известия Эйнгарда, фульдских летописателей, Видукинда и пр. о прибалтийских славянах, византийских историков о славянах болгарских и адриатических; ни те, ни другие не представлены американскими дикарями или израильтянами времен Авраама. Да и к какой эпохе относятся слова летописи, на которых г. Соловьев утверждает свою систему? Он говорит: «Что касается быта славянских восточных племен, то начальный летописец оставил нам об нем следующее известие: каждый жил со своим родом, отдельно, на своих местах, каждый владел родом своим». Летопись говорит: «Поляномъ же живущемъ особе и владеющемъ роды своими, иже и до сее братья бяху поляне, и живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ местехъ, владеюще кождо родомъ своимъ. Быша 3 братья...» и пр. Здесь речь идет не о девятом столетии, а об эпохе задолго до построения Киева. Положим, что Нестор не отличал быта полян Киевских от быта новгородцев и кривичей в

эпоху призвания; историк XIX столетия не имеет права впадать в ту же ошибку, не смешивать славян времен Рюрика со славянами, у которых гостил апостол Андрей.

Я не знаю той эпохи всемирной истории, к которой можно бы отнести то состояние словено-русских племен, в котором они представляются г. Соловьеву; но только, конечно, не к IX веку. В это время нам известны не отдельные роды, живущие на своих местах без общения и связи; а словено-русский народ, отличный от прочих славянских народов по наречию, распадающийся на шесть известных племен, имеющий свои города, свое право, свое особое язычество, свою торговлю, свои общие и племенные интересы. Если вникнуть в смысл летописи, мы увидим, что в доваряжский период нашей истории принадлежат такие общественные явления, которые невозможны иначе как при соединении всех словено-русских племен в одно гражданское целое. Эта история знает при самом начале своем князей, воевод, бояр, княжих мужей, денежные пени, налоги, пошлины, права наследства; не говоря уже о тех многочисленных юридических постановлениях и лицах, о которых упоминается в Русской Правде и большая часть коих была, без сомнения, исконным достоянием словено-русского общества. Возможны ли эти учреждения при том состоянии первобытности русских людей, какое предполагает г. Соловьев? Или, в самом деле, это явления позднейшие? В таком случае должно указать на их происхождение. Норманнская школа, если и не для пояснения народного русского быта, о котором она никогда не заботилась, но из этимологических видов выводила князей, бояр, тиунов, грид, мечников, ябетников, вирников, метников, огнищан, смердов, людей, обла и пр. и пр. из скандинавского источника; это понятно; по крайней мере, последовательно. Принимая славянские племена в IX веке за разъединенные стада человекообразных

сущестъ, еще не дошедших до понятий о Боге и о княжеской власти, она вносила к ним все учреждения германоскандинавского общества; даже самый скандинавский язык. Конечно, все это неверно и даже смешно; но для допускающих норманнское происхождение варяжских князей естественно и логически необходимо; так естественно и логически необходимо, что в продолжении ста слишком годов весь ученый славянский и не славянский мир верил в норманно-русских боярлов, гирдменнов, ейн-гандинов, лидов, смаердов, танов, думансов и т.д.; и только недавно г. Срезневский покончил с этой этимологической мистификацией. Варягами ли (т. е. как увидим, западными славянами) занесены к нам все общественные учреждения и звания, о которых упоминается в первые два века нашей истории? Иные, конечно; но далеко не все, далеко не большая часть их. Как на западе славянские земли делятся на союзы оботритов и лутичей, моравов и словаков, так шестиплеменная земля на востоке распадается на словен и на южную Русь. Прокопий, кажется, уже знал об этом делении; у Нестора связь и антагонизм Новгорода и южной Руси проглядывают в первых строках летописи. На родственной и политической связи Новгорода с Киевом и выдающихся отсюда исторических особенностях основана вся первобытная история Руси. Заметим здесь, что уже из Несторова предания о словенском происхождении шести русских племен следует заключить о племенном старшинстве Новгорода в Русской земле; от словен, по сказанию летописца, принимает Киев сначала Аскольда, потом династию Рюрика; и в обоих случаях не вследствие прямого завоевания. Еще при Всеволоде Георгиевиче (несмотря на изменившиеся отношения племен после перенесения великокняжеского стола на юг) Великий Новгород считается старшим городом на Руси: «А Новъгородъ Великий старшинство имать княженью во всей Русь-

ской земли»; историческое явление, далеко восходящее за эпоху призвания варягов. На юге летописец свидетельствует о племенной вражде между полянами и древлянами; Аскольд и Дир воюют на древлян; по смерти Игоря древляне домогаются власти и старшинства посредством сочетания своего князя с вдовой Игоря. Нет сомнения, что и между прочими племенами велись кровавые споры о старшинстве; о подобных, всем славянским народам общих явлениях, находим отголосок и в позднейшее время: «Непротиву же Ростиславичема бяхутся володимерци, но не хотяще покоритися ростовцемъ, зане молвахуть: пожжемъ и, паки ли посадника въ немъ посадимъ; то суть наши холопи каменьници». «Новгородци бо изначала, и смоляне, и кыяне, и полочане, и вся власти якоже на думу на веча сходятся, на что же старейшии сдумають, на томъ же пригороди стануть; а зде городъ старый Ростовъ и Суждаль, и вси боляре, хотяще свою правду поставити, не хотяху створити правды Божья, но како намъ любо, рекоша, тако створимъ, Володимеръ есть пригородъ нашъ» и пр. И здесь опять древний обычай, остаток прежнего порядка вещей, основанного на древнеславянском праве.

Труднее, при известной скудости дошедших до нас преданий о словено-русском язычестве, указать на следы нераздельных от племенных междоусобий религиозных распрей у русских славян. В существовании самого явления не позволяют сомневаться как законы исторической аналогии, так и засвидетельствованное летописью нерелигиозное отличие между славянскими племенами. Г. Буслаев справедливо заметил, что Нестор определительно и ясно отличает три брачных обычая; древлянский (умыкание), северский (побеги) и полянский (брак с родительского согласия). Только напрасно, думаю, видит он здесь три ступени, три эпохи в историческом развитии брака. Поляне, древляне, северя-

не, как одновременные поселенцы в земле, как однокровные члены словено-русской семьи, не могут быть отличены друг от друга по эпохам и периодам образования; и ныне древлянский обычай насильственного, враждебного умыкания сохранился у сербов. Здесь отличие по сектам, по религиозным обедиенциям племен, как у балтийских славян; то же самое видим и в отношении к сожжению и погребению мертвых. Радимичи, вятичи и северяне сожигали мертвых; арабские писатели и Лев Диакон свидетельствуют об обряде сожжения у руси X века; другие племена держались обычая погребения; Аскольд и Олег преданы земле; Игорь погребен древлянами. У вендов и чехов оба обряда существовали одновременно; явление, очевидно, основанное на преобладании того или другого племенного богопочтения. По всем вероятностям, кривичи принадлежали к обедиенции ромовского жреца Криве-Кривейто; уже одним этим обстоятельством, так явно свидетельствующим о значении, какое словено-русские племена придавали религиозным вопросам, обуславливаются и необходимые последствия этого мистического направления умов; и при отсутствии прямых исторических указаний очевидно, что разнообразие религиозных обрядов и сект вызывало религиозные усобицы на доваряжской Руси, как их заведомо вызывает в земле балтийских славян.

Как теория Шлецера о дикости, так теория г. Соловьева о младенческом состоянии Руси в эпоху призвания необходимо ведет к отрицанию княжеской власти у словено-русских племен до варягов. Мнение это, нашедшее себе опору в неверно понятых свидетельствах двух-трех иноземных писателей о мнимодемократическом быте славянских племен вообще, стало, вместе с норманнским происхождением руси и призванием варяжских князей из Скандинавии, каноническим догматом русской истории от Шлецера до на-

ших дней; между тем, для утверждения этого догмата приходится, как сейчас увидим, отвергнуть целый ряд исторических фактов, внесенных в Несторову летопись; отвергнуть понятие самого Нестора о значении слов князь, княжение, княжить; допустить, что русские славяне стояли несравненно ниже всех остальных славянских народностей не только по образованию, но и по самой способности к образованию; принять, наконец, что дикари, еще неспособные к самому понятию о княжеской власти, вдруг почувствовали (в соединении с другими финскими дикарями) необходимость монархического устройства и приняли от скандинавов, основанное на неизвестном скандинавам родовом начале, отдельное управление землей одним княжеским родом.

Мы привели утвержденные свидетельством современных писателей доказательства древнейшего существования княжеских родов у всех славянских народов; в эпоху призвания мы знаем у моравских славян князей Ростислава, Святополка и Коцела; у ляхов Пястов; у чехов Премыслидов; у оботритов и лутичей потомков Дращка и Драговита; у всех княжеская власть и княжеские роды со времен незапамятных. Где причины предполагать невозможное отличие в основных формах народной жизни между славянами русскими и остальными славянскими племенами? Если бы летопись не упоминала положительно о русских князьях до варягов, и тогда бы законы исторической аналогии утвердили это основное, общеславянское явление и за словенорусским миром. Но мы не имеем недостатка в положительных, несомненных доказательствах. «Но се Кий княжаше въ роди своемъ», — говорит летопись и далее: «И по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженъе въ Поляхъ, въ деревляхъ свое, а дреговичи свое», и пр. «А наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю». Кий с братьями в Киеве, князь Мал у древлян, «князья подъ Ольгомъ

сущее» — как увидим покорившиеся остатки прежних владетельных родов — явно указывают на существование у нас, наравне с прочими славянскими племенами и при тех же, конечно, условиях, родового монархического начала.

Шлецер и г. Соловьев, каждый по-своему, толкуют значение князей и княжеского имени в летописи Нестора.

О русских князьях до варягов Шлецер даже не помышлял. Он искал аналогий Руси у американских дикарей, у далекарлийских крестьян и т. д., везде, кроме славянских племен. «Какая нужда русским, — говорит он, — до всех мелких подробностей о мизийских болгарях, моравах, дунайских словенах, вендах при Балтийском море и пр.?» На основании и вследствие исторических понятий, выдающихся из применения этого положения к изучению древнерусского быта, мы узнаем, что русские славяне в IX веке, подобно далекарлийским крестьянам при К. Сверре, еще не знали, что такое король; слово князь имело у них значение не государя, а главного супана, главного старейшины; в Лаузице оно вообще означает почтение; в нижнем Лаузице и в Богемии священник преимущественно называется *кнезь*.

Эверс опровергал Шлецера примерами из Св. Писания и самой летописи; и в том, и в другой слово *князь* имеет постоянное значение владыки, государя; о князьях до варягов он заботился не более Шлецера. Я не знаю, до какой степени известие Торфея о невероятной дикости далекарлийцев во второй половине XII столетия понято Шлецером в его настоящем значении; но позволю себе заметить, что понятия о княжеской власти, о знаменитости рода и пр. проявляются у всех народов при первом их вступлении на историческое поприще и нисколько не предполагают необыкновенного развития общественного образования. Не говоря уже о народах древнего мира, мы знаем, из Тацита и других писателей, что германцы имели князей и старинные княже-

ские роды задолго до Рождества Христова. Как маркоманы и квады из родов Марбода и Тудра, так вандалы избирали своих королей из рода Ардингов; вестготы из Бальтов, остготы из рода Амалов. Мне допустят, надеюсь, что славянское племя в IX веке стояло по образованию не ниже германского в первом. Аттиловы гунны не отличались особенной утонченностью просвещения; между тем едва ли кому войдет в голову превратить Аттилу из царя в обер-супана или Landvarnarmann'a. Что же касается до религиозного значения слова *князь*, оно не умаляет, а усугубляет его политическое значение. Славянский князь был вместе жрецом и судьей. Как Лех Воймир в поэме Cestmir а «Vlaslav», так у нас Владимир лично приносит жертвы богам. У древних греков, времен героических, достоинство жреца было неразлучно с княжеским званием; о готском короле Комозике читаем у Иорнанда: «Nie etenim et rex illis et pontifex ob suam peritiam habebatur et in sua justitia populos judicabat». «Слово *князь*, — говорит Эверс, — является без числа в летописи Нестора и при различных сочетаниях, но никогда не означает оберохранителя границ, молодого дворянина или попа».

Г. Соловьев именует прежних князей до варягов родоначальниками, старшинами, князьями племен; достоинство старшин у славян, говорит он, не было наследственно в одной родовой линии, т. е. не переходило от отца к сыну; боярские роды не могли произойти от прежних славянских старшин (у Нестора князей) по ненаследственности этого звания; вот почему славянские князья исчезают с приходом князей варяжских и пр. Единственная причина, по которой словено-русские князья до варягов представлены у г. Соловьева какими-то ненаследственными старшинами-родоначальниками, заключается в том обстоятельстве, что, по его мнению, старшинство их не было наследственно в одной линии, не переходило от отца к сыну, как в быте кла-

нов; «у наших славян князь долженствовал быть старшим в целом роде, все линии рода были равны относительно старшинства, каждый член каждой линии мог быть старшим в целом роде, смотря по своему физическому старшинству». Это, впрочем, совершенно правильное представление княжеских отношений и прав на доваряжской Руси, очевидно, взято г. Соловьевым из примера отношений между князьями Рюрикова дома в XI, XII и последующих веках; и у них старшинство не переходило от отца к сыну, не было наследственно в одной родовой линии; следует ли отсюда превращать их в ненаследственных старшин? Где отличие между прежними князьями и Ярославичами, Ольговичами, Мономаховичами? Или одно и то же проявление родового начала в быте доваряжских и варяжских князей принимает по надобности название «ненаследственности старшин» или «права князей на дедовское наследство»? Одно из двух: или прежние князья были временными, на известный срок или пожизненно избираемыми старшинами, без внимания к роду и происхождению, как в наше время президенты Соединенных Штатов; или они были наследственными князьями в славянском значении этого слова, в смысле Премыслидов, Пястов, Рюриковичей. Мы видели наследственных, однородных князей у всех славянских племен с времен незапамятных. Обратимся к Нестору. Только в двух местах летописи говорит он прямо о князьях до Рюрика: «Но се Кий княжаше въ роде своемъ» — «И по сихъ братье почаша родъ ихъ держати княженъе въ поляхъ, въ деревляхъ свое» и пр. Мне кажется, эти слова не допускают двух толкований, особенно, если к ним применить то специальное, строго определенное значение, какое всегда имеют у летописца выражения князь и княжить; здесь перед нами уже, конечно, не ненаследственные старшины, а князья, княжеские роды в полном смысле этих выражений во

всех местах летописи, у всех славянских народов. Не иначе понимали сказаний Нестора и позднейшие составители летописей; особенно замечательна так называемая Густинская летопись по верности взгляда на его определение доваряжской Руси.

Представителем значения в летописи и в истории доваряжских князей на Руси является древлянский князь Мал около половины X века. Он не норманн, не варяг; он единственный, нам известный по имени, не покорившийся варяжской династии князь от прежних словенорусских князей. Г. Соловьев не признает его князем всей Древлянской земли: «По всему видно, — говорит он, — что он был князь коростеньский только, что в убиении Игоря участвовали одни коростеньцы под преимущественным влиянием Мала, остальные же древляне приняли их сторону после, по ясному единству выгод; на то прямо указывает предание; «Ольга же устремися съ сыномъ своимъ на Искоростень градъ, яко те бяху убили мужа ея». Малу, как главному зачинщику, присудили жениться на Ольге; но, повторяем, ниоткуда не видно, чтоб он был единственным князем всей Древлянской земли; на существование других князей, других державцев земли, прямо указывает предание в словах послов древлянских: «Наши князи добри суть, иже распали суть Деревьску землю»; об этом свидетельствует и молчание, которое хранит летопись относительно Мала во все продолжение борьбы с Ольгою». Что именно хотел сказать г. Соловьев этим не совсем понятным объяснением, угадать мудрено; по всему видно, что Несторов Мал никак не ложился в принятое им представление о доваряжских князьях на Руси. Одни коростеньцы, говорит он, участвовали в убиении Игоря под влиянием Мала? Но не все же древляне, от первого до последнего, могли убивать киевского князя в одно данное время. Ольга пошла на Коростень? Но куда же ей было идти?

Слова древлянских послов доказывают существование, кроме Мала, других князей, державцев Древлянской земли? Без сомнения. Как Изяслав Ярославич не был единовластцем в Русской земле, а только киевским, т. е. старшим русским князем, так и коростеньский князь Мал в отношении к прочим древлянским князьям, своим родичам. История Мала свидетельствует до очевидности как о старшинстве Коростеня между древлянскими городами, так и о старшинстве Мала перед прочими князьями-родичами Древлянской земли. Древляне, посланные к Ольге, договариваются от имени всей Древлянской земли, не одного Коростеня. «Посла ны Деревьска земля, рекуще сице: мужа твоего убихомъ, бяше бо мужь твой аки волкъ восхищя и грабя, а наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю; да поиди за князь нашъ за Малъ; бе бо имя ему Малъ, князю деревьску». Не знаю, можно ли выразить яснее понятие о Мале как о старшем в роде древлянских князей. Что слова «а наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю» относятся к одному, определенному древлянскому княжескому роду, разумеется само собой. Сказанием о Мале объясняется прежде выведенное о доваряжских князьях вообще: «И по сихъ братье почаша родъ ихъ держати княженъ въ поляхъ, въ деревляхъ свое, а дреговичи свое» и пр. Мысль летописца ясна; ее выражения определены; никакая софистическая изворотливость не возможет против положительно засвидетельствованного Нестором существования на Руси до варягов наследственных князей и княжеских родов наравне с другими славянскими племенами.

Были ли русские князья до варягов членами одного рода, как у оботритов и лутичей в VIII—XII веках, как Премыслиды у чехов, как впоследствии у нас Рюриковичи? При начале вероятно; эпоха призвания застаёт княжеские роды уже в полном расстройстве. Несомненно кажется деление

Руси на два родовых княжеских центра (так было и у вендских славян), соответствующих ее древнейшему племенному делению на словен и на собственную южную русь. Вследствие не дошедших до нас и, вероятно, до самого Нестора исторических переворотов, каждое из южных племен является у него уже отдельным княжением; мы видим то же самое и на Руси XIII столетия; Русь разделяется на несколько независимых княжеств, из которых каждое имеет своего великого князя и своих удельных князей. Северный центр обозначен яснее по волостям. Я повторяю, с надлежащими по моему мнению объяснениями, слова летописца: «И по сихъ братья держати почаша родъ ихъ княженъе въ поляхъ; въ деревляхъ свое, а дреговичи свое, а соловени свое въ Новѣтороде, а другое (т. е. словене держали другое княжение) на Полоте, иже полочане. От них же (т. е. от словен же имели свое княжение) кривичи, иже седять на верхъ Волги, и наверхъ Двины, и наверхъ Днепра, ихъ же градъ есть Смоленскъ; туда бо седять кривичи, таже северъ отъ нихъ».

Этих слов нельзя, кажется, понять иначе ни в грамматическом, ни в историческом смысле. Шлецер переводит неправильно и произвольно. Он говорит: «Также дреговичи, словене новгородские и полочане, сидящие на Полоте, имели каждый свое особое княжение». Слова «и другое на Полоте» относятся очевидно к словенам; одно княжение в Новгороде, другое в земле полочан, вот смысл Нестеровых слов. Иначе ему следовало бы сказать: «А полочане свое на Полоте».

Далее у Шлецера «отъ сихъ (в сторону?) сидять кривичи на Двине» и пр. У Нестора сказано «отъ нихъ же кривичи иже седять». По какому праву выпускает Шлецер слово иже? Между тем, все значение Нестеровой мысли заключается в этом слове. От словен же, говорит он, имели свое княжение и остальные кривичи, те, что сидят наверх Волги и пр., т.е. кривичи смоленские. Кривичи у Нестора делятся

на полоцких («а первии насельници въ Новѣгородѣ словене, Полотъски кривичи» и пр.) и смоленских. Кривичи полоцкие – те же словене как по происхождению, так по языку и по имени; они стоят в летописи под именем полочан в числе племен, говорящих особым словенским наречием; смоленские, вероятно, смешанные с литвой или ляхскими племенами, не упоминаются в исчислении шести словенских племен; новое доказательство в пользу вышеприведенного мнения Касторского, что имя кривичей не этнографическое, а служило отличием тех племен на Руси, которые в религиозном отношении признавали власть ромовского жреца Криве-Кривейто. Полоцкие кривичи (вернее, полочане) единоплеменники словен новгородцев, участвуют в призвании варяжских князей; Трувор садится в их старшем городе Изборске «а то ныне пригородокъ псковский, а тогда былъ въ кривичехъ большій городъ». Мы не имеем ни малейшего повода принимать ни старейшинство Полоцка перед Изборском, ни завоевания Синеусом мери и муромы; Трувором Полоцка. Это мнение основано единственно на опущении в летописи мери и муромы в числе призывавших племен; Полоцка в числе городов Рюрика, Синеуса и Трувора в первую минуту призвания. Но если придерживаться буквально слов летописца в тех местах, где он ясно выражается в общем смысле, каким образом объяснить его молчание об Изборске в числе городов, перешедших к Рюрику после Трувора? Все эти города, иные как чисто словенские, таковы Изборск, Псков, Полоцк; другие как словенские поселения в финских землях: Белоозеро, Ростов, Муром, входят в состав северных волостей и по смерти двух братьев поступают в единую власть старшего, Рюрика. «По дву же лету Синеусъ умре, и братъ его Труворъ, и прия власть Рюрикъ; и раздая мужемъ своимъ грады, овому Полотескъ; овому Ростовъ, другому Белоозеро». О смоленских кривичах мы зна-

ем наверное, что они не участвовали в призвании, и Рюрик не сажает у них своих мужей; что, между тем, их земля была действительно уделом новгородского княжения, видно не только из слов летописи «отъ нихъ же кривичи, иже седять наверхъ Волги» и пр., но также из действий Олега и предания Нестерова: «Поиде Олегъ... и приде къ Смоленську съ кривичи (разумеется полоцкими) и *прия* градъ, и посади мужь свой». Выражение *прия* не допускает мысли о завоевании; так выше «и *прия* власть Рюрикъ». Замечание летописца «и приде къ Смоленську съ кривичи» указывает на добровольную сдачу; вероятно, смоленские кривичи состояли к полоцким в отношениях младшего племени к старшему. Олег принял Смоленск от имени и по праву новгородского (в теснейшем смысле полоцкого) княжича Игоря. Наконец, у Шлецера: «На северъ отъ нихъ у Белаозера сидить весь» и пр. Здесь, посредством произвольной пунктуации, Шлецер соединяет не менее произвольно два совершенно отдельных предложения, а под словом «северъ» разумеет ошибочно «на северъ». Я замечаю: 1) Нестор всегда упоминает о северянах в исчислении словенских племен; опущение их в этом месте было бы непонятно; 2) «таже северъ отъ нихъ» по-русски не значит «на Северъ»; 3) как в этом, так и в следующем за ним тотчас месте северяне означены под собирательной формой «северъ»: «Се бо токмо словенскъ языкъ въ Руси: поляне... северъ» и пр. Из Нестеровых слов должно заключить, что в прежние времена северяне принадлежали к новгородскому княжеству, т. е. что их область была волостью княжеского рода, имевшего свой стол в Новгороде. Имя северян указывает на северную колонию; Новгород Северский так назван в память о Великом Новгороде. При повествовании о расселении племен северяне также приводятся в связь с новгородцами; Нестор как бы указывает на них, в смысле словенской (новгородской) колонии: «Словени же седоша око-

до езеря Илмеря, прозвашася своимъ имянемъ, и сделаша градъ, и нарекоша и Новъгородъ, а *друзи* седоша по Десне, и по Семи, по Суле, и нарекошася *северъ*». В обоих местах упоминается о северянах не по географическому их положению, после полян и древлян, но по родственному, после новгородцев-словен. Не случайным образом соединяет летописец северян и в религиозном отношении с ляхскими племенами, радимичами и вятичами. «И радимичи, и вятичи, и северъ одинъ обычай имяху», а о сожжении мертвых «еже творятъ вятичи и ныне». Северяне были от новгородцев; а Новгород, как увидим, состоял уже задолго до Рюрика в особых отношениях к вендскому западу. И впоследствии вятичи принадлежали к Черниговскому (Северскому) княжеству. По всему видно, что Нестору были хорошо известны отношения княжений и племен на доваряжской Руси. Вполне верно замечает по этому предмету г. Срезневский: «На правах древних княжеских родов основано первое деление Руси на волости; в роде Рюрика оно только повторилось, уже утвержденное древним обычаем».

Как на Западе, так и у нас, основанное на патриархальном начале господство княжеских родов должно было непременно вести к усобицам княжеским. Мы уже видели, что об этих усобицах, как об общеславянском факте, свидетельствуют все иноземные писатели. Об этих усобицах сохранилось предание и в позднейшее время. «Не можемъ знати, въ кая времена и лета княжаше сей Кий, и колько летъ княжи, и какова дела и строения и брани его быша, или кто по немъ княжи, имеяше ли сына, или не, и колико летъ по немъ премину до великаго князя Рурика, его же бояре Аскольдъ и Дирь княжаху въ Киеве; о томъ бо писания не имамы, токмо се вемы, яко по смерти сихъ братий многая нестроения и междособныя брани быша, возста бо родъ на родъ». Нестор знал, разумеется, более составителя Густинской летопи-

си об эпохе до Рюрика, по крайней мере, по народным преданиям, песням и пр., и если его летопись не представляет нам подробностей о быте и об отношениях прежних князей, это должно отнести не к одному неведению летописателя. Сухость известий, а иногда и умышленное его молчание о княжеских родах до варягов понятны; новая династия боялась воспоминаний и переворотов. Как у подозрительных греков, так и у нас не терпели князей из чужого рода. Из благочестия Нестор молчит о язычестве; из осторожности о прежних князьях, о судьбе, постигшей Мала и древлянский княжеский род после Ольгиной мести и пр. Предание о Вадиме и о восстании новгородцев дошло до нас только в одном, позднейшем списке летописи.

Ни законы исторических аналогий, ни положительное свидетельство наших летописей, ни, как увидим, самый ход и развитие начальной русской истории не допускают уединения словено-русских племен от общих органических условий славянской жизни. Шлецер удивлялся, каким образом Шторх, ученый человек, *сведущий в немецкой словесности*, мог напасть не только на неученую, но и уродливую мысль о торговле России с Востоком в VIII столетии, мысль, говорит он, которая, конечно, опровергала бы все, что до сих пор о ней (о России) думали. Нам известно теперь, что эта торговля восходит не к VIII, а к VII столетию, а может быть, и далее. Что арабские монеты в отношении к торговле, то самое в отношении к гражданскому развитию и быту доваряжской Руси, ее неперменная аналогия с остальными славянскими племенами, засвидетельствованные в ней летописью общеславянские гражданские учреждения, положительные указания Нестора на существование княжеских родов в древней Руси, ход и развитие русской истории в последующие эпохи. Отвергать совокупность этих явлений так же неверно, как представлять наше древнее язычест-

во еще неразвившимся до поклонения богам; Перун и Волос в мифологии имеют значение Кия и Мала в истории; г. Соловьев, не допускающий князей на Руси до варягов, не имеет права отвергать, основанного на его же учении мнения г. Кавелина об отсутствии у наших предков-язычников понятия о богах и теогонической системы. Вообще все эти представления о дикости и младенчестве древних, оседлых народов берут свой источник в ложном понятии о законах нравственного организма человека, в неверной точке сравнения прошедшего времени с настоящим. Грекам времен Гомера было неизвестно письмо; между тем герои Троянской войны не были ни ирокойцами, ни альгонкинцами. Оседлое русское племя, имевшее города и торговлю (несравненно более развитую, чем остальные славянские племена), не могло в органическом развитии своем отстать на несколько столетий от прочих ему однокровных народностей. Как у них, так и на Руси патриархальному началу следовало проявиться (и оно действительно проявляется), с одной стороны, в особом значении родового и племенного старшинства, вызывающем вражды племенные и религиозные; с другой, в утвержденном на понятиях о родовой собственности значении княжеских родов и власти, вызывающем усобицы княжеские.

После всего сказанного до сих пор о характере словенорусского быта до варягов мы считаем себя вправе заключить: будь призвание князей проявлением в словенорусских племенах потребности перехода от родового или, как другие хотят, общинно-семейного быта в гражданский, следы этого перехода отозвались бы в каждой строке летописи; но где они? Где намек на Рюрика, Олега, Игоря, Святослава как на миротворцев, посредников между враждующими родами или общинами? Как до Рюрика, так и при князьях варяжской династии начальная история знает одни только

племена. Ольга идет по Древлянской и Новгородской земле, уставляя уставы, уроки и дани; о примирении родов, общин, старейшин нет и помину. Представление, какое иные из наших исследователей себе составили о внутреннем устройстве доваряжской Руси, взято, по их собственному сознанию, из примеров позднейшего времени, указывающих, говорят они, на древний быт племени, а не на последующие нововведения. Но по учению тех же исследователей, варяжские князья призваны именно для нововведений. Находя на Руси XII—XIII столетий те самые учреждения, для безотлагательной отмены которых новгородцы и полочане решились на призвание князей от враждебного скандинавского племени, мы вправе предположить, что необходимость наряда, как цель, мало отвечала отчаянной попытке северных общин, как средство. Варяжские династы не только не касаются коренных постановлений словено-русского общества, но еще при первой возможности подчиняются добровольно его основным законам; Святослав делит Русскую землю между своими детьми на общих всем славянским народам правах княжеских родов. Где же новый элемент, внесенный варягами в русскую жизнь? Где отличие во внутреннем быте восточных племен до варягов и при варяжских князьях?

Я не отрицаю присутствия родового начала в коренных явлениях древнерусского быта; это начало живет и доньше в исконных учреждениях славянского мира. Но между началом и бытом есть рознь; первое допускает даже противоречащие ему постановления общегражданского свойства; при исключительно родовом или исключительно общинном быте не может быть речи ни о сословиях (а они были: бояре, гридь, огнищане); ни о городах, как отдельных центрах, при особом значении племенного и религиозного старшинства; ни о наследственности в родах княжеских и т.п. Вообще жизнь народов явление сложное, не удобоподводимое

под какой-нибудь предвзятый теоретический уровень; всего менее здесь, где дело идет о народе древнем, земледельческом, бывшем, как думают не без основания, еще до Геродота в близких сношениях с греческими поселенцами Черноморья. Ни в каком случае, а для нас это главное, сказание летописи о призвании князей не найдет себе пояснения в навязываемых славянам и финнам искусственных побуждениях; по учению норманистов, варяги призваны для оберегания славян и чюди от нападений балтийских пиратов, и они не оберегают их ни от каких нападений; по учению приверженцев родового и общинного устройства, они призваны миротворцами между родами и общинами; и они не мирят никаких родов или общин.

Слова летописца «и почаша сами въ собе володети; и не бе въ нихъ правды, и вста родъ на родъ, быша въ нихъ усобице, и воевати почаша сами на ся» представляют живую, всеславянскому историку знакомую картину того состояния брожения и смут, откуда вышло призвание новой династии князей. По мере размножения прежних княжеских родов, при недостатке образования и письменности терялась нить старшинства и вместе с ней идея законности; пользуясь враждами племен, разжигаемыми донельзя притязаниями одного города перед другим, на родовое и религиозное старшинство, князья находили в них неисчерпаемый предлог к усобицам; сами же, при неясности своих прав и выдающейся отсюда шаткости княжеской власти, постепенно теряли в глазах народа свое значение как владельцев земли. Нет сомнения, что вражды племен и междоусобия князей имели место и при варяжской дани; норманны и германцы, бравшие временные дани с вендских славян, хазары на южной Руси, монголы в XIII—XIV столетиях не вступались во внутреннее управление покоренных ими земель; изгнание варягов было, по всем вероятностям, нечто вроде избиения

татарских баскаков в Твери при князе Александре Михайловиче. Между тем, понятно, что первое упоение торжества над иноплеменниками обнаружилось новым разгаром страстей в князьях и в народе, новыми притязаниями на старшинство родов, племен и князей; из этого хаотического состояния новгородская держава могла выйти только передачею княжеских прав в новую княжескую династию.

Эта мысль, этот факт не представляются явлением беспримерным в истории славянских народов. Наша летопись полна известий об изгнании (особенно новгородцами) одного князя для замещения его другим; мы знаем, что у вендских славян, в случае несоблюдения князем основных законов государственного устройства, народ считал себя вправе отрешать его от стола. В 819 году по настоянию оботритских бояр и нарочитых мужей император Людовик осудил оботритского князя Славомира к изгнанию, передав все права его Сидрагу Дражковичу. В 823 году лутичи изгоняют своего старшего князя Милогостя и сажают на великокняжеский стол меньшего, Сидрага Любовича. Еще в 762 году уже ослабявшиеся болгары, истребив до последнего отпрыска свой древнекняжеский род Кубратичей, избирают себе в князья (впрочем, ими также вскоре убитого) Тальца. Об изгнании новгородцами, полочанами и т.д. прежних князей как предшествовавшем призыванию варяжских, я надеюсь представить положительные, по возможности, доказательства в следующей главе.

Теперь, чего искали словене в своих новых князьях, куда должны были обратиться для избрания новой династии? Требования призывания определяются его причинами. Притязания прежних княжеских родов прекращались только передачей прав их в иной, высший по своему значению в Славянщине род славянских князей; потребности наряда могло удовлетворить только призвание князя, который бы

владел Словенской землей и судил *по праву*, разумеется, *словенскому*. «Поищемъ собе князя, иже бы володеть нами и судить по праву». Таковым не мог быть никто из южных князей; Новгород был старшим городом, его князья старшими князьями в Руси; никто из князей неславянского происхождения, ибо старшинство или благородство иноземного князя не имело смысла для словенских племен; судить же по словенскому праву мог очевидно только славянский князь, вскормленный на основных законах славянской гражданственности. «Советъ даю вамъ, — говорит новгородский старейшина, — да послете в Руськую землю мудрые мужи, и призовете князя отъ тамо сущихъ родовъ». Если бы не история и народное предание, историческая логика указала бы на поморских князей.

IV. ПРИЗВАНИЕ

Что в IX веке новгородские словене уже издавна были в сношениях с прибалтийскими вендами, более чем вероятно. Клады куваческих монет, отрывааемые в прибалтийских землях от Любека до Куришгафа, доказывают положительно, что в IX, а быть может, и в VIII столетии между полабскими славянами и Дальним Востоком существовал торговый союз, коего посредниками были Русь, Хазары и Болгар. Об этих сношениях в позднейшее время свидетельствуют Мартин Галл, Адам Бременский и другие; без них непонятны известия арабских писателей о вендских славянах; двинский варяжский путь относится прямо к торговому сообщению между Русью и балтийским Поморием. Другим поводом к сношениям Новгорода с Поморием было, вероятно, религиозное первенство балтийских вендов над прочими сла-

вянскими племенами; мы знаем из Гельмольда, что на поклонение идолу Радегаста в Ретре стекались ежегодно из всех славянских земель. Еще в конце XI столетия чехи посылали тайным образом в Аркону и Ретру за языческими наставлениями и оракулами. Каченовский и Погодин думали о колонизации Новгорода от балтийских славян; мы увидим ниже, что поселение еще задолго до Рюрика вендской колонии в Новгороде имеет неоспоримую историческую вероятность.

Мы положили конечным требованием и целью призвания высокое рождение избранных варяжских князей. Уважение к благородству и старшинству уже само по себе необходимое следствие патриархальных форм быта; оно проявляется основной чертой славянского характера во всех славянских историях. «Но се Кий княжаше въ роде своемъ» — «вы неста князя, ни рода княжа, — говорит Олег Аскольду и Диру, — но азъ есмь роду княжа». Митрополит Иларион о Владимире: «Сий славный отъ славныхъ рождься, благородный отъ благородныхъ, каганъ нашъ Владимиръ». Знаменитые роды у чехов восходят к временам доисторическим, к первому поселению племени в Чешской земле. О высоком значении племенного благородства и знаменитости родов у прибалтийских славян знают уже летописцы VIII и IX веков. Князья и бояре встречаются у вендов с первых годов их истории. Само собою разумеется, что значению и благородству князей отвечало религиозное значение и старшинство городов и племен; как у языческих чехов, так, кажется, и у нас, достоинство жрецов было наследственно в родах княжеских; мы видели, что у многих славянских народов слово *knez* было первоначально общим наименованием жреца и князя. Из сказанного выше о религиозном первенстве балтийских славян над прочими славянскими племенами, выдается и преимущество вендских князей перед

русскими; на них должен был пасть выбор новгородских словен, если бы его не оправдывали и самая близость сношений и, как уже сказано, вероятная родственная связь между Новгородом и Поморием.

Не на одних вероятностях и возможностях мнение о призвании варяжских князей от балтийских славян основано (кроме фактических доказательств, о которых будет сказано в своем месте) на исторических преданиях, на убеждении летописца, его современников и потомства.

Как в конце XI столетия Аркона и Руя, так в половине IX Старгард и оботритское племя вагиров имели первенство во всей Славянской земле. Гельмольд жил и писал у вагиров; он называет их землю «*nostra Wagirensis provincia*»; он знает о славянах по славянским преданиям; в одном месте он говорит: «*Narrant seniores Slavorum, qui omnes Barbarorum gestas res in memoria tenent*» etc. Конечно, это известие об обладании родом вагирских князей землей *дальнего* народа как относящееся к призванию варягов, есть намек и не более; но при других исторических вероятностях такой намек получает историческое значение; он знаменателен и в сравнении с известным молчанием скандинавских саг и историй о мнимонорманском происхождении варяжских князей.

Еще другое темное предание о выселении целого рода славянских князей из балтийского Поморья в глубину Европейского материка сохранилось у арабского писателя Эдриси, известного под названием Нубийского географа. Кто знает, вследствие каких внутренних переворотов было предложено трем братьям и они решились выселиться в Русь.

Есть у нас и свои предания, предания истинно народные, выдающиеся из самого хода и смысла нашей истории. Как эта история, так и они распадаются на две категории, относящиеся к двум эпохам и фактам, отдельным друг от друга. К первой категории принадлежат предания древней-

шие, собственно *русские*, не знающие ни летописи, ни варягов, ни Рюрика. Таково историческое предание о Русе, Чехе и Лехе, напрасно относимое к XIII столетию; о нем уже знали византийцы при Игоре; географическое, производящее Русь от реки *Рось* или *Русы*; этимологическое, выводящее имя Руси от *рассеяния*. Предания новейшие, относящиеся к варягам, основаны, с одной стороны, на известиях летописи; с другой, на общенародном убеждении о выходе Рюрика из земель балтийского Помория или Пруссии. В этих преданиях Шлецер и г. Куник хотят видеть плод подражания и проникшей в Русь XVI столетия польской учености; между тем, ни один польский историк не производит и не мог производить русских князей от Августа Кесаря; как поляки, так и немцы смеются, не без тайной досады, над генеалогическими притязаниями русских царей. Плодом польской учености было известие о занесенных бурей в Балтийское море римлянах, о ромовской колонии, Палемоне и т.д.; плодом русской учености сказка об Августе Кесаре, Прусе и пр. Но основой этой сказки все-таки остается убеждение, что варяги, у которых поселился брат Августов Прус и от которых в 862 году вышли Рюрик, Синеус и Трувор, жили не в Швеции, не в упландском Родене, а на берегах Вислы реки, т. е. были западнославянского происхождения. Не от сказки об Августе и Прусе родилось предание о поморской отчизне варяжских князей, а наоборот; в эпоху, когда никто еще не думал об этой сказке, летопись упоминает о сербских князьях «съ кашубъ, отъ помория Варязскаго, отъ Стараго града за Кгданскомъ».

Неразлучно с преданием о выходе варяжских князей из Помория другое, о новгородском старейшине Гостомысле. Сомнения Шлецера, основанные на хронологических несообразностях и на существовании только в двух списках летописи, Воскресенском и Алатырском, позднейшей вставки

«о Рускихъ князехъ», были бы на своем месте при критическом обсуждении спорного исторического факта; здесь, где дело идет о народном предании, коего главное значение состоит в связи между Гостомыслом как представителем западнославянского начала в Новгороде и сказанием о поморском происхождении князей, они свидетельствуют только о большей или меньшей сообразительности летописца. Круг в специальном исследовании о Гостомысле почитает относящееся к нему известие изобретением Герберштейна, будто бы перенесшего в Новгород оботритского князя *Gotzomiuszla*, о котором упоминается в фульдских и других летописях, под 844 годом. «Оботритского князя Табомысла, — пишет он, — о котором говорится под 862 годом, нельзя было пустить в ход, как малолетнего. Удобнее приходился упоминаемый в 844 году rex *Obotritorum Gotzomiuzl*; он, конечно, мог посоветовать ильменским славянам выбрать себе князя из своего соседства». Едва ли! Если в 862 году Табомысл был слишком молод, то оботритского Гостомысла уже 18 лет как не было на свете. Что не русский летописец списывал Герберштейна (которого он знал послом Максимилиана, но не автором комментариев о московских делах), а наоборот, очевидно. Во-первых, Герберштейн повторяет (исправляя его по возможности) грубый промах русской летописи, упоминающей об одном и том же новгородском старейшине Гостомысле и при первом поселении славян на Ильмене, и в эпоху призвания. Он пишет: «*Alii circum lacum Ilmen, qui Novvogardiam occupaverunt, sibi que Principem Gostomissel nomine constituerunt*» — и далее: «*Turn Gostomissel, viret prudens, et magnae in Novvogardia auctoritatis, in medium consuluit, ut ad Waregos mitterent*» etc. Здесь два Гостомысла; один князь, другой муж. Изобретая своего Гостомысла (в каких видах и с какой непонятной целью, у Круга не сказано), умный и ученый посол Фердинанда и Максимилиана умел бы найти два имени для двух от-

личных исторических личностей и эпох; в фульдских летописях, у Адама Бременского, у Дитмара и Гельмольда нет недостатка в славянских именах. Во-вторых, если бы русский летописец или составитель списывал Герберштейна, неужели бы он взял у него только одного Гостомысла, а дельную (хотя и не совсем верную) догадку о вагирах-варягах оставил без всякого внимания?

Гостомысл не историческое лицо; он более; как по имени, так и по отношениям к балтийскому Поморию он представитель в русской истории народного предания о западнославянском происхождении варяжской династии.

Не иначе понимали вопрос о варягах и другие, конечно, позднейшие составители временников; понимали его не по одним догадкам или преданиям, а на основании положительных убеждений и фактов.

Где Нестор говорит о варягах, позднейшие списки летописи именуют *немцев* и *немецкую* землю. Пол.: «И избрашась отъ варягъ отъ немецъ три братиа с роды своими». — ПНлк.: «В лето 6370 поидоша изъ немецъ три браты со всемъ родомъ своимъ». — Арх.: «Въ лето 6371, приидоша князи немсия на Русь княжити три браты». — В Алат.: «В лето 6370. И приидоша отъ нъмецъ три браты с роды своими». — Пол. 2: «...И избрашася отъ немецъ три браты сроды своими».

Норманнская школа видит здесь ясное доказательство скандинавского происхождения варягов-руси; «ибо, — говорит г. Куник, — нельзя доказать, чтобы в древнейшие времена славянское название германцев (немцы) было употребляемо и о негерманских народах». Уже Эверс приводил примеры противного. «*Немъци отъ Рима* послаши отъ папежа къ Владимиру», не германские немцы; в Ипат. л. под 1254 г. чехи названы немцами; в описании путешествия митрополита Пимена в Грецию в 1398 году читаем: «Бяху же ту и римляне отъ Рима, и отъ *Испании немцы*, и фрязове отъ Галаты» и пр. Но не в этом дело.

Кого именно понимали составители позднейших летописей под названиями *варягов-немцев*, какую землю под названием *Немецкой*? В одном месте списки Воскресенский и Алатырский читают: «В лето 6370. И приидоша отъ нѣмецъ три брата сроды своими», а в другом: «Обладающу Августу всею вселенною, и нача ради покладати на вселенную. Постави брата своего Патрекия Египту... А брата своего Пруса въ березехъ Вислы реки, во градъ Мадборокъ и Торунь и Хвоиница и преславы Гданескъ, и иныхъ многихъ градовъ по реку, глаголемую Немонъ, впадшую в море. И до сего часа по имени его зовется Пруская земля. А отъ Пруса четвертое на десять колено Рюрикъ». То же самое и Степенная книга. Ясно, что для позднейших летописцев эти варяги-немцы, вышедшие к нам в 862 году, были не из Скандинавии, а из Пруссии; не с берегов Родена, а с берегов Вислы и Немана.

Кто же теперь эти немцы? Литвины, венды, поляки? Здесь расстаемся мы с народными преданиями и входим в область истории.

Не один Рюрик с братьями, не одни Рогволод и Тур вышли к нам из Помория; мы знаем и о других выходах. Вместе с Рюриком, по свидетельству Курбского, вышли к нам и Морозовы: «Тогда же, або мало предъ темъ, убиенъ отъ него мужъ благоверный, Андрей, внукъ славнаго и сильнаго рыцаря Дмитрия, глаголемаго Шейна, съ роду Морозовыхъ, яже еще вышли отъ немецъ, вкупъ съ Рюрикомъ, прародителемъ русскихъ княжатъ, седьмъ мужей храбрыхъ и благородныхъ». «И вкупъ побиени съ нимъ предреченные мужи, Феодоръ и Василий Воронцовы, родомъ отъ немецка языка, а племени княжатъ рещскихъ» т. е. *имперских Reichsfürsten*¹. «Потомъ погубиль родъ Колычевыхъ, также мужей светлыхъ и нарочитыхъ въ роде, единоплеменныхъ сущихъ Ше-

---

¹ Reichsfürsten (нсм.) — имперские князья. — Ред.

реметевымъ; бо прародитель ихъ, мужъ светлый и знаменитый, отъ Немецкия земли выехалъ, ему же имя было Михаилъ: глаголютъ его быти съ роду княжатъ решскихъ».

Итак, варяги-немцы, выходцы из Пруссии, товарищи Рюрика, решские княжата — одно и то же для Курбского и его современников. В достоверности иных, Курбским приводимых генеалогических подробностей сомневаться можно; общая основа неоспоримо верна. Прародители Морозовых, Колычевых, Шереметевых, Воронцовых вышли от немцев, из Пруссии, из родины Рюрика. Происхождение Воронцовых и Колычевых от решских (имперских) князей объясняет окончательно, что должно разуметь под названиями *прусская земля — немцы, варяги*.

О германских имперских князьях думать нельзя. Выселение в Русь германских княжат не могло пройти незаметно; в исторических отношениях Руси к германскому Западу не находим никакого повода к подобному выселению; к тому же у Курбского германские выходцы были бы означены родом из Цесарии; выражение *от немец, от немецкие* земли всегда указывает на Пруссию. Но решскими князьями со второй половины XII столетия являются поморские герцоги; Богуслав возведен в 1180 году императором Фридрихом I в достоинство герцога Славии (*Slaviae dux*) и имперского князя; в 1184 он уже является на имперском празднике (*Reichsfest*) в Майнце. От этих поморских решских князей вели, без сомнения, свой род наши варяго-пруссские выходцы Воронцовы, Шереметевы, Колычевы и т. д. Для составителей родословных и летописей они были от немец и от Немецкие земли, как для Эйнгарда славяне VIII столетия: «*Natio quaedam Sclavorum est in Germania, sedens super littus Oceani*». Ни Эйнгард, ни русские летописцы не думали о германском происхождении поморских варягов или славян; но в XVI веке земли, некогда населенные полабами, были

уже землями чисто германскими. Отсюда, за невозможностью согласовать исторические предания Руси с географией эпохи, название Пруссии для бывшей вендо-славянской земли; славянские Висла и Неман на место онемеченных Лабы и Одера. Самая несвязность этих известий, географические несообразности и промахи свидетельствуют об основной действительности предания, выведившего династию Рюрика из Поморья; варяжская родина исчезла; но память о ней сохранилась в легендарных сказаниях народа.

Славянский характер призвания определяется окончательно характером отношений прежних князей и подвластных им словено-русских племен к варяжской династии.

Г. Соловьев полагает, что «славянские князья исчезают с приходом князей варяжских; нельзя искать их и в боярах... потому что достоинство старшин у славян не было наследственно в одной родовой линии». В предыдущей главе я старался показать неосновательность этого взгляда на значение доваряжских князей на Руси; не признавать в Мале и древлянских князьях рода славянских князей, тождественного по правам и значению с княжескими родами у всех остальных славянских племен и народов, значит жертвовать для системы очевидной исторической действительностью. Одно заблуждение ведет за собой другое; отвергая существование на Руси при варягах прежних князей, г. Соловьев вынужден под именем мужей, разосланных первыми князьями по городам, разуместь князей-родичей Рюрика, потому что в прелиминариях договора с греками сказано: «Даяти уклады на руские городы... по темъ бо городомъ седяху князья подъ Ольгомъ суще». Между тем, он тут же говорит: «Князьями никогда не называются простые мужи, но всегда только члены владетельных родов. Об отношениях этих родичей к князьям мы ничего не знаем; можем только сказать, что эти отношения не были подобны последую-

щим родовым княжеским, именно уже потому, что родичи Рюрика называются мужьями его, что указывает на отношение дружинное, след. служебное, а не на родовое». Я не вижу возможности согласить эти противоречащие друг другу воззрения; и не доказывает ли самая сухость известий летописца об этих князьях, что дело идет не о родичах варяжской династии?

Новгородские словене, а с ними и прочие племена, входившие в состав северного союза, возмутясь против своих прежних князей, показали им путь от себя; изгнанные пошли, вероятно, на юг, сказав своим тамошним родичам: кормите нас! Рюрик и его братья не находят князей у призывавших племен; по смерти Синеуса и Трувора Рюрик раздаст своим мужам города их Полоцк, Ростов, Белоозеро; ясное доказательство, что варяжских княжеских родичей (за исключением Олега) не было; в противном случае нельзя объяснить их отчуждения от обладания землей. Понятно, что при избрании князей словене, испытанные усобицами княжеских родов, искали по преимуществу князей малосемейных; сначала они хотели только одного князя: «Поищемъ собе князя». Роды, о которых упоминается в летописи («и избърашася 3 братья съ роды своими»), означают здесь не княжеские роды, а единоплеменников вообще. У трех братьев, вместе вышедших из Поморья, мог быть только один род; так о Кие, Щеке и Хориве: «И по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженъ въ Поляхъ». Никоновский список поправляет: «Со всемъ родомъ своимъ»; другие говорят о дружине. Нигде летопись не намекает на существование князей, родичей Рюрика и Олега; считать же с гг. Соловьевым и Куником князей, о которых говорится в договорах Олега и Игоря, варягами-родичами, невозможно, кроме других причин, о которых ниже, и потому: 1) что эти князья известны только на юге, после водворения Олега в собст-

венной Руси; при Рюрике о них не упоминается; а называть князьями простых мужей мы не имеем права; 2) что вместо необходимого развития летопись знает о постепенном упадке этих княжеских родов, до совершенного их исчезновения при Святославе.

На юге русская история образуется иначе; здесь Олег является не по призванию; здесь он находит прежних славянских князей. Основание новой державы на юге, перенесение на Киев всего, что предназначалось Новгороду, факт первенствующий в русской истории; между тем, насколько мне кажется, значение и побудительные причины этого факта еще недостаточно выяснены.

Г. Соловьев полагает, что Олег, как старший в роде, а не как опекун малолетнего княжича, получал всю власть Рюрика и удерживал ее до конца жизни своей. Но выражение летописи «въдавъ ему сынъ свой на руце», на котором преимущественно основано это мнение, указывает именно на опеку до совершеннолетия; так в Русской Правде, II, § 93: «Аще будутъ въ дому дети мали, а не джи ся будутъ сами собою печаловати, а мати имъ поидеть за мужъ, то кто имъ ближни будеть, тому же дати на руце и съ добыткомъ и съ домою донеле же возмогутъ»; и в Ипатьевской летописи: «Давыдъ же столъ свой далъ сыновцю¹ своему Мъстиславу Романовичю, а сына своего Костантина въ Русь посла, брату своему Рюрикови на руце». С другой стороны, до водворения в Киеве Олег не князь; он говорит Аскольду и Диру: «Вы нъста князя, ни рода княжа, но азъ есмь роду княжа, и се есть сынъ Рюриковъ». Игорь единственный представитель княжеского достоинства отца своего; но и он, как состоящий под опекой Олега, следовательно, не полновластец в земле своей, назван не князем, а княжичем; ибо князьями начальная летопись именуется только владетельных князей,

---

¹ Племяннику.

князей княжащих, а не, как думает г. Соловьев, всех членов княжеского рода. Олег мог сделаться князем, потому что он был *роду княжа*; но для этого ему было нужно княжение.

«В некоторых новых исторических повестях, — говорит Карамзин, — Олег назван племянником Рюрика». Действительно, мы читаем в Воскресенском и Алатырском списках летописи: «Князже Рюрикъ взя с собою два брата Синеуса и Трувора и племянника своего Олга». Судя по вероятностям возраста, Олег мог быть сыном старшего, умершего до призвания брата Рюрика; и в этом случае не Игорю, а ему следовало после Рюрика право на княжение по закону славянскому. Между тем, притязание на это право (допустив его предъявление Олегом) должно было встретить в Новгороде отпор, основанный на заключенных с Поморием условиях; ибо, если новгородцы и согласились на принятие к себе (по общеславянскому обычаю) трех братьев-князей, то, вероятно, не иначе, как выгородив себя предварительно от обратного действия славянского права наследства, т.е. от какого бы то ни было домогательства власти со стороны заморских родичей Рюрика. Этим объяснилось бы то постоянное нерасположение Олега к Новгороду, о котором находим не одно свидетельство в летописи. Как бы то ни было (ибо я нисколько не дорожу своей эпизодической догадкой), Олег решился основать уже для себя новую, независимую державу на юге; средства были у него в руках; с одной стороны — варяги и подвластные Игорю словено-чюдские племена; с другой — обаяние варяжского княжеского имени и на южную Русь. На эту мысль наводит и образ действий его; он представлен в летописи не завоевателем, а восстановителем своего права, права рода своего, нарушенного дерзкими дружинниками. Он принял Смоленск от имени Игоря, будущего словенского князя; он отнимает Киев у хищников Аскольда и Дира. Здесь он становится *князем*, полновластием в

своей Русской земле. Южные племена и князья их (разумеется, сначала не все, и не все по доброй воле) признают господство Олега, и как князя варяжского, имеющего над туземными преимущественно родового и, вероятно, религиозного благородства; на последнее указывает, может быть, прозвание Олега Вещим; и как князя, обладающего двумя старейшими на Руси городами: Новгородом — как представитель словенского князя; Киевом — по собственному княжескому праву. Об этом династическом, можно сказать, мирном завоевании свидетельствует вся начальная история Руси; сюда хотелось бы мне отнести и характеристическое выражение Льва Диакона о покорении русским оружием соседних племен и областей *без труда и кровопролития*; в речи Святослава эти слова не у места; но самая странность их показывает, что они не изобретенные, а слышанные.

Нестор молчит вообще об отношениях к варяжским князьям туземных, покорившихся династов; между тем, довольно определенное понятие о природе этих отношений можем извлечь из истории древлянского княжества. «В лето 6391. Поча Олегъ воевати деревляны, и примучивъ и, имаше на нихъ дань по черне куне... И бе обладая Олегъ поляны и деревляны, северены и радимичи, а съ уличи и теверци имяше рать». В 907 году древляне участвуют в походе против греков. «Въ лето 6421... И деревляне заратишася отъ Игоря по Ольгове смерти. — Въ лето 6422. Иде Игорь на деревляны, и победивъ възложи на ня дань болшую Ольговы». Наконец, в 945 году, восстание древлян и их князя Мала; убиение Игоря; в 946 мщение Ольгино; присоединение Древлянской земли к Киевскому княжеству. Итак, в течение 63 годов древляне платят дань, при случае дают войско, иногда восстают против киевского князя, но сохраняют свою внутреннюю независимость, свой княжеский род, своих князей, «иже распасли суть Деревьску землю». То же

самое, хотя и не в столь резких размерах, должно принять и у прочих племен; варяжское завоевание проявляется не как норманнское в Англии и во Франции порабощением одной народности другой, замещением прежних владельцев новыми; оно основано на известном праве, на условиях; это преимущественно династическое явление. Варяжские князья обладают покоренными племенами в том смысле, что получают от них дань и военную помощь; но прежние владельцы остаются на своих столах и по-прежнему владеют своей землей, за исключением городов и волостей, вошедших в непосредственный состав новой державы; таковыми, кроме северных городов, участвовавших в призвании, являются на юге Киев, Чернигов, Переяславль, Любеч. Г. Соловьев полагает напрасно, что в этих городах сидели князья-родичи, подручники Олеговы: Белоозеро же, Муром, Смоленск пропущены у Нестора, потому что в них сидели простые мужи. В определении исторического явления, основанного единственно на отличии, по юридическому значению, мужа от князя, невозможно смешивать произвольно этих названий, ни толковать текст летописи: «Поиде Олегъ... и прия градъ (Смоленск), и посади мужъ свой. Оттуда поиде внизъ, и взя Любець, и посади мужъ свой», таким образом, что муж в Смоленске означает действительно простого мужа, а в Любече князя-родича. В тексте летописи «...даяти уклады на руские городы: первое на Киевъ, таже и на Черниговъ, и на Переяславъ, и на Полътескъ, и на Ростовъ, и на Любечъ, и на прочая городы; по темъ бо городомъ съяху князья подъ Ольгомъ суще», последние слова: «По темъ бо городомъ седяху князья подъ Ольгомъ суще» относятся не к Киеву, Чернигову, Полоцку, Любечу и т. д., а к прочим, непоименованным городам. Мы знаем, что в Полоцке и Ростове Рюрик посадил своих мужей; Олег сажает также мужей (а не князей-родичей, которых у него быть не мог-

ло) в Смоленске и Любече; откуда же было взяться князьям? Само выражение «князья подъ Ольгомъ суще» — «отъ сущихъ *подъ рукою* нашихъ князь светлыхъ» указывает на отношения не родовые, а державца-победителя к вассалам-подручникам. Никогда наши князья Рюриковичи не являются под рукой великого или старшего князя (срвн. чешское *rodručj* — подданство). Князь Мстислав говорит послу Андрееву: «Иди же ко князю своему и рци ему: мы тя досихъ месть акы отца имели по любви; аже еси съ сякими речьми прислалъ, не акы къ князю, но акы къ *подручнику* и просту человеку, а что умыслилъ еси, а тое дей, а Богъ за всемъ». Князья *под Ольгом* суще, князья *сущие под рукой* означают покорившихся прежних династов. В слове Даниила Заточника: «И умножи, Господи, вся челоуьки *подъ руку его*». Олег требовал укладов, 1) на все свои собственные и Игоревы города Киев, Полоцк, Чернигов, Любеч, Ростов и т. д., 2) на города, в которых сидели (а не были посажены) прежние славянские князья, бывшие *под его рукой* (напр., на Коростень у древлян), т. е. *по одному городу* на каждого малого князя. Этими укладами, как частью военной добычи, он вознаграждал словено-русских князей за полученную от них военную помощь. На природу отношений к князьям данникам указывают слова договора: «И не вдадимъ, елико наше *извовете быти* (т. е. на сколько зависит от нас) отъ сущихъ *подъ рукою* нашихъ князь свелыхъ, никакому же съблазну или вине». Олег является здесь не родовым старейшиной в Русской земле, а главой покорившихся, емшихся по дань, но, в сущности, еще независимых мелких династов.

При Игоре эти отношения изменяются как по причине завоеваний и постепенно возрастающего могущества и значения варяжских князей, так, без сомнения, и вследствие слияния русских династий с варяжской посредством брачных союзов между представителями прежних княже-

ских родов и княжнами варяжскими, родными и двоюродными сестрами Олега и Игоря. О существовании этих союзов свидетельствуют упоминаемые в договоре Игоря его нетии, т. е. сестрыничи Слуды и Акун, являющиеся послами, один от самого Игоря, другой от русского князя или боярина Карша. С другой стороны, в числе жен Олега и Игоря были, вероятно, и родственницы, сестры и дочери покоренных русских князей; древляне помышляют о слиянии киевского княжества с Древлянской землей посредством брака Мала с Ольгой. Верным кажется, что из князей-данников около половины X века уже многие уступили Киеву лучшую часть своих волостей (Чернигов и Переяславль еще прежде), при заметной утрате своего княжеского значения; другие обратились в бояре; является нечто вроде двора. Новый порядок вещей явно обнаруживается при сличении Игорева договора с Олеговым. При Игоре уже нет тех светлых князей *под рукой* Олега, покоренных, но самовластцев в своих княжениях, независимых данников варяго-русского князя. Игоревы послы договариваются: «Отъ Игоря великаго князя Рускаго, и *отъ всякая княжьа*, и отъ всехъ людш Руския земли». Являются формулы: «Великий князь Игорьъ и князи и бояре его». — «Великий князь русьский и бояре его» — «къ великому князю русьскому Игорю, и къ людемъ его». Нигде Олег не говорит от одного своего имени; греки договариваются и с ним и через него с подчиненными ему мелкими, племенными династами; в основных статьях Игорева договора речь идет только о великом князе, как о единомдержавце в земле; прежние князья упоминаются только в формулах; жены их, русские княгини, сопровождают Ольгу в Царьград; как бояре, так и князья имеют своих послов едва ли не ради одного блеска и пышности; новое доказательство раннего образования великокняжеского двора в Киеве. Конечно, не все прежние князья одинаково скоро

уступали свои права на независимость и княжение; древляне держат себя вдали от варяжской династии; при Игоре они не участвуют в греческом походе, вероятно, откупаясь данью. С покорением Древлянской земли при Ольге падет сильнейшее независимое словено-русское княжество; Древлянская земля входит в состав варяжской державы. Ольга уже не довольствуется одной данью, как Олег и Игорь; она идет по Древлянской земле, уставляя уставы и уроки; Святослав сажает сына своего Ольга «въ деревехъ», как в своей волости. Род Малов, если не был истреблен совершенно, перешел, по примеру других княжеских родов, в боярский.

При Святославе исчезает самый княжеский титул для потомков прежних князей; в договоре с греками упоминается только о боярах; Святослав говорит от себя: «Азь Святославъ князь руский». Князья окончательно превратились в бояр; прежние роды исчезли; естественный исторический ход.

Не так, конечно, понимают эти факты представители норманнского мнения. «Рюрик, Трувор и Синеус, — говорит г. Куник, — выселились на восток со своими кровными, родственниками. Кроме Олега к ним, по всей вероятности, принадлежали все те лица, которым Игорев договор приписывает княжеское происхождение. По своим отцам, матерям и мужьям все они могли состоять в близких отношениях к Рюрикову княжескому дому, образуя более или менее древние боковые его линии, из коих иные выводили свое начало еще из Швеции». Мы видели, что и по мнению г. Соловьева, эти Smakonungar под названием князей сидели в Чернигове, Полоцке, Переяславле, Ростове, Любече и прочих городах. Но подобное состояние новорожденного общества усложняет целый ряд явлений, о которых нет даже и намека в нашей истории. Я возражаю:

1. Если эти малые князья были норманны, Smakohungar (Kleinkönige), родичи Рюрика, мы вправе, как и прежде,

спросить: почему этих норманнских князей нет на севере при Рюрике, а только на завоеванном юге при Олеге и Игоре? Норманнское влияние должно быть тем ощутительнее, чем ближе к началу государства.

2. На каком праве состояли при Олеге и Игоре эти князья (Smakonungar), родичи их? С норманнской точки зрения, конечно, на ленном; по крайней мере, нет повода предполагать, чтобы норманнские конунги (будь они родичи Рюрика или нет) согласились оставаться в завоеванном ими крае управителями Олега и Игоря, когда те же норманны в Англии и во Франции делят между собой завоеванную землю на участки и наследственные феодалы. Но разве русская история знает о делении земель? о наследственных баронах или ярлах Чернигова, Ростова, Любеча? Предполагаемое норманнство малых князей условливает развитие на Руси в высшей степени феодальной системы. Исчезают ли такие явления, не оставя по себе ни памяти, ни следа в народной жизни, в истории? и что же случилось с этими Smakonungar и потомством их после Игоря? При Рюрике их еще нет; при Святославе их уже нет более.

3. Князьями, как сказано, назывались у нас только владельческие; но если допустить, что слова летописи «по темъ бо городомъ седяху князья подъ Ольгомъ суще» относятся к варяжским родичам Олега (Smakonungar), выходит, что Чернигов, Переяславль, Любеч и пр. образовали отдельные княжения, подвластные особым норманнским династам?

4. В предположении норманнской школы, все личности, являющиеся историческими деятелями на Руси от Рюрика до Ярослава включительно, чисто норманнского происхождения. Неужели между ними (я разумею Аскольда, Дира, Ольму, Свенгелда, Люта, Мстиша, Ясмуда, Претича, Блуда и пр.) не было ни одного Smakonung'a — родича варяжских князей? А если были такие, каким образом родство их с княже-

ским русским домом остается тайной как для Нестора, так и для северных саг? Неужели, с другой стороны, между мнимыми многочисленными князьями-родичами Рюрика, Олега, Игоря, Святослава не было ни одного, чье имя, с обозначением родства его, проникло бы в нашу летопись?

5. При норманнской системе равно невозможны малые князья норманнского и славянского происхождения; в последнем случае отношения туземных династов к норманнам завоевателям и князьям их представляются неразрешимой исторической загадкой. Да и что же станет с норманнскими именами этих князей в Игоровом договоре?

Норманнская школа не имеет права основывать на одних (более чем спорных) подобозвучиях имен, исторические явления которых она не объясняет и объяснить не в состоянии. Свидетельства письменные требуют подтверждения от фактов и наоборот. Навязывать же истории факты огромного политического значения, предоставляя будущим векам их невозможную разгадку, значит писать повесть не того, что было, а того, что могло бы случиться при данных обстоятельствах и условиях.

V. ВАРЯГИ — ВАРАНГОИ — VAERINGJAR

Имя варягов вне памятников русской письменности является впервые под формой *vaeringjar* в исландских сагах около 1020 года; под формой *варанг* у Абу-Рейхан Мухаммеда Эль-Бируни в 1029; у византийца Кедрина под формой *βάρανγοι* в 1034 году.

Так как слово *варяг* обличает не собственно русское лингвистическое начало, а между тем известно на Руси уже в IX столетии, т.е. за 150 с лишним лет до первого помина

о варягах у скандинавов, арабов и греков, то мы вправе заключить, что оно зашло к нам не скандинавским, арабским или греческим путем; что, стало быть, те варяги, от которых по сказанию летописи вышел Рюрик, были, по всей вероятности, не из Швеции.

Этого заключения норманнская школа допустить не может.

В прежние годы отыскивали скандинавских *vaeringjar* в федератах IX века и фарганах Константина Багрянородного.

Ныне эта связь порвана.

В своих дополнениях к изысканиям Круга г. Куник покончил с высказанным впервые Стриттером предположением о мнимом тождестве варангов с фарганами. К представленным им вполне убедительным доводам я прибавил указание на приводимое Рейске из Абулфеде свидетельство о восточном происхождении фарганской дружины и на сохранившееся у Нубийского географа известие об азиатской (трансоеанской) провинции *Farghana*, отчизне этих фарганов.

Фарганов, как известно, считали продолжением псевдоготской дружины федератов, будто бы исчезающей в начале IX века. Но уже Олимпиодор и Прокопий знали о разноплеменном составе этого войска, готского только при начале; г. Куник, отрекшийся еще в 1862 году от предположения о происхождении варягов от федератов, приводит в «Каспии» г. Дорна, место из Кедрина, в котором об отряде Федератов, как состоявшем из диких обитателей Ликаонии и Писидии, упоминается под 1041 годом, следовательно, современно варангскому корпусу и совсем независимо от него.

Как фарганов, так и федератов следует считать выбывшими из русской истории.

Что же станет теперь с теорией норманнского происхождения варягов?

С последним манифестом норманнской школы по вопросу о зачатках варяжского имени выступил г. Куник в изданных им дополнениях к сочинению г. Дорна «Каспий». Из этих дополнений мы извлекаем следующие положения: под предполагаемой формой waring на древнешведском наречии, разумелись дружинники (ратники, от предполагаемого же древнескандинавского waga = обет, присяга) шведских конунгов; от этого шведского waring, около 850 года или ранее, наше варяг; около 950-го греческое βάραυρος.

Система эта, как видно, зародилась не под влиянием каких-либо новых открытий по части истории варягов, а только вследствие вынужденного отречения норманистов от тех внешних точек опоры, которыми до последних годов они привыкли считать, с одной стороны, мнимую связь норманнских вэрингов с готскими федератами; с другой, мнимое существование у народов готской крови, из среды коих греки по временам набирали наемное войско, соответствующей греческому βάραυρος, но в исторических памятниках не имеющейся и, притом, лингвистически невозможной формы warang.

Об употреблении у скандинавов варангского или варяжского имени нам известно следующее:

1. Оно дошло до нас в норвего-исландских источниках под формой *vaeringi* (мн. ч. *vaeringjar*). Никакой другой формы скандинавская письменность не знает.

Отсюда, конечно, еще не следует, чтобы в вопросе, загадочном по преимуществу, норманнская школа не имела права искать подкрепления своим убеждениям в открытой для всех области исторических и лингвистических предположений. Выговаривая это право для себя, мы охотно предоставляем его и другим. Дело однако же в том, что предлагаемая форма waring далеко не отвечает выводимым из ее мнимого существования заключениям. Возможность ее перехода в греческое βάραυρος более чем сомнительна; из waring мог-

ло бы образоваться только βάρυγος. В приводимых из византийской письменности примерах мнимого усиления первоначальной основной гласной перед носовой гортанной я вижу только происшедшие от нерадения или произвола переписчиков варианты различных кодексов; то же самое должно сказать и о встречающихся в грамоте 1088 г. формах βάραυγοι, κοῦλλιννοι; они, очевидно, произошли от таковой же ошибки списывателя, принявшего двойное γυ за двойное vv. Да и самая форма waring не может устоять против дошедшего случайно до нас, в названии острова Varingö (ö = остров) подлинного древнешведского имени Varing. «Varingö, — сообщают мне из Стокгольма, — островок лежащий вблизи от твердой земли, в большом проливе между Стокгольмом и Фурусундом». Название Varingö этот остров, вероятно, получил потому, что служил сборным местом наемникам, отправлявшимся в Грецию для поступления в варангскую дружину; оно вполне тождественно с норвего-исландским vaeringi и доказывает, что подобно норвежцам, шведы X—XI столетия говорили не waring, а vaering. Но от общескандинавского vaeringi = väringi не могли произойти ни русское *варяг*, ни греческое βάρυγος.

2. В памятниках древнескандинавской письменности о *варингах* (vaeringjar) упоминается не прежде первой четверти XI столетия.

На основании системы, относящей начало (и притом начало русское) варангской дружины в Греции к 988 году, г. Васильевский полагает, что Болле сын Болле был первым норманном (в общем значении этого слова), поступившим в эту дружину около 1020—1026 года. Если бы даже такова и была мысль записанной в начале XIII столетия Лаксдэльской саги, то все же нельзя основать строгого хронологического вывода на словах: «Nee nobis quidem relaturn est, Normannorum aliquem sub Constantinopolitano rege meruisse prius, quam Bollium, Bollii filium». Этими словами доказыва-

лось бы только, что около 1020 года учреждение постоянного варангского корпуса в Греции было действительно еще новизной для норвего-исландских слагателей саг, или что здесь говорится о Болле Боллесоне только в смысле знаменитого и по знатности рода известного норманна. Но должно заметить, что там, где издатели Лаксдэльской саги по рукописям Арна Магнусона читают *ordmadr*, в тех рукописях, которыми пользовался Эрихсен, стояло несравненно вероятнейшее *Islandskr madr*; к тому же вся та часть саги, к которой принадлежит история Болле Боллесона, почитается позднейшим и весьма сомнительной достоверности ее дополнением. Что норманны ездили в Грецию для поступления на императорскую службу задолго до 1020 года, исторический факт, основанный не столько на положительных свидетельствах, сколько на том логическом выводе, что при постоянных сношениях норманнов с Русью IX—X века (будь эта Русь скандинавского или славянского происхождения), почти немислимо, чтобы некоторые из них не доходили до Киля и, по примеру своих союзников или (как думают норманисты) однокровников, не служили наемниками в византийских войсках. Только, как вместе с тем следует признать не менее положительным фактом и позднее учреждение в Греции варангского корпуса и позднее упоминание в памятниках древнескандинавской письменности об имени вэрингов (*vaeringjar*), то этих норманнов, греческих наймитов в IX—X веках, придется искать не под варангским, а под другим именем.

3. Вэрингами у норманнов назывались только служившие в варангском корпусе в Греции.

До сих пор это положение, утвержденное на бесчисленных, вполне достоверных свидетельствах, считалось исторической, всеми принятой, аксиомой. Г. Васильевский старается подорвать его указанием на мнимое употребление Гейдарвига — сагою названия *vaeringjar* для обозначения и тех

норманнов, которые служили варягами у русских князей. Вига-Барди, рассказывается в этой саге, изгнанный судом из своей исландской родины, после долгих скитаний «прибыл в Гардарики, и сделался там наемником, и был там с вэрингами, и все норманны высоко чтили его и вошли с ним в дружбу». Это свидетельство имело бы цену, если бы дело шло о временах Олега, Игоря, Святослава; как вошедшее в народное предание или сагу не менее сорока лет после учреждения варангского корпуса в Греции, оно может быть отнесено только к варангам в Византии или к норманнам, возвращавшимся на родину из Греции через Русь по отбытке своей варангской службы. На Руси все норманны слыли варягами; между тем сага именно отличает Вига-Барди от вэрингов (как при начале Гаральдова сага Гаральда Гардредда), указывая только на его сообщество с ними; значит (если даже и допустить, что дело идет собственно о Руси), сага думала не о русских варягах, а о греческих варангах. Да и какой вес может иметь уединенное свидетельство Гейдарвига саги, при отсутствии во всех остальных, имени вэрингов для норманнов, служивших наемниками у русских князей? «Если где-либо, — говорит Сенковский, — то в этой (Эймундовой) саге, слово варяги, *vaeringar* или *vaeringiar* должно было встречаться на каждой странице, потому что повествователи сами служили здесь в звании варягов, сами исполняли их должность; к удивлению, оно нигде не встречается и кажется им неизвестным». Уже Байер говорил с тем же выражением изумления: «*Inauditum apud hos piratas nomen varegotum*». Слишком часто приводимая норманистами ссылка на недостаток шведских источников IX и X столетий здесь не у места; исландские саги рассказывают с возможными подробностями о пребывании именно на Руси (и нередко по найму русских князей) своих норвежских выходцев Олафа Тригвасона, Магнуса, Эйлифа, Рагнара, Эймунда и пр.; но варягами (вэрингами) их не называют.

Норвежцы Гаральд и Эйлиф служат у Ярослава в качестве оберегателей границ; для Руси они варяги как по народности, так и по служебному званию; но сага признает за Гаральдом имя вэринга только со дня его поступления в варангскую дружину, в Константинополе. Допустить ли, что варяжским именем на Руси отличали себя одни только шведы; норвежцы же и датчане, отправлявшие вместе с ними варяжскую службу у русских князей, варягами себя не называли, сберегая это имя (под формой *vaeringjar*) только для тех из своих соотчичей, которые служили наемниками в варангской дружине греческих императоров? Я не думаю, чтобы это предположение могло рассчитывать на большое сочувствие в ученом мире.

Позднее и вместе с тем одновременное появление варяжского имени у греков и у норманнов понятно только при следующих условиях: а) варяжское имя водворилось у греков вследствие учреждения в Греции, при посредничестве Руси, особого, постоянного норманнского корпуса варягов-варангов в последние годы X века; б) норманны приняли от греков имя варангов под формой *vaeringjar* и обозначали этим именем только служивших наемниками в варангской дружине.

Откуда же на Руси имя *варяг* и какое имеет оно значение?

Это имя кажется не коренное русское. По причинам, о которых ниже, я не могу вполне согласиться с мнением тех ученых, которые приписывают исключительно иноземное, преимущественно германское происхождение всем словам славянских наречий, заканчивающимся суффиксом *-ang*; относительно русского языка оно, в известной степени, основательно.

Но непосредственных сношений с германскими народами дорюриковская Русь не имела. Остается предположить

(и с этим предположением вполне согласна и историческая вероятность), что подобно тому, как слова *szelag* и *sterlag* перешли к нам от германцев польским путем, слово *varag*, германское по своему корню, занесено к нам с варяжского (балтийского) Поморья господствовавшими на нем славянскими племенами.

В др. верхнегерманском наречии *wari* (Wehr) оборона; *warjan*, готск. *varjan* (wehren) оборонять; отсюда и *Wehr* в смысле оружия. С другой стороны, в сохранившемся в трех редакциях вендском словаре Геннига (по списку Гильфердинга) имеется:

Ped. I. Degen — Warn. Schwerdt — Warang, ward. Wehren, sich wehren — Warrjoissa.

Fed. II. Degen — Warow, Warang. Auf dem Degen — No wdra. Schwerdt — warang, warov, Wehren, sich wehren — warryjoysa.

Ped. III. Degen — Ward, accus. Warang. Auf den Degen — no wara. Schwerdt — warang, ward. Wehren, sich wehren — warryoisd.

Что *warn* есть не что иное, как древнегерманское *wari* (Wehr), несомненно; но *warang*? У Геннига *warang* противоплагается *waro*, как меч шпаге; по другой редакции, оба слова признаются однозначными: по третьей *warang* оказывается винительным падежом *warn*. Как видно, показания вустровского пастора довольно неопределенны. О винительном падеже *warang* (*wara*-варя) при именительном *waro* думать нельзя; *warang* (*wara*) могло бы быть винительным падежом только (мужск. рода) слова *war'*-варь (срвн. царь, царя и т. п.), если бы дело шло о существе одушевленном; при обозначении неодушевленных предметов мужского и среднего рода винительный падеж не разнится от именительного. Г. Шлейхер объясняет *warä* (*warang*) уменьшительным от *waro*; но средние уменьшительные на *я* также исключительная принадлежность одушевленных существ (напр., теля, курия, ягня); приводимые мнимые примеры противного ни-

мало не убедительны. Скорее можно бы предположить особую форму варя (срвн. имя, пламя, буря, тля); но что же станется тогда с другой, однозначашей формой *waro*?

Грамматическая правильность производства русского *варяг* от живого, по всем законам славянской лингвистики составленная, у Геннига буква в букву записанного вендского *varag* — *warang*, неотрицаема; естественность этой этимологии особенно заманчива в виду тех невероятных истязаний, которым ревнители норманизма подвергают скандинавские языки и истории в тщетной надежде вымучить у них нечто подходящее к вендо-русскому *varag-варяг*, к словено-русскому *Русь*. В этом отношении норманнская школа оказала существенную услугу русскому делу; каждая новая, не удавшаяся ей попытка разъяснения основных пунктов вопроса умаляет в значительной степени веру в непогрешимость ее положений; между тем, при настоящем состоянии науки выбор предоставляется едва ли не исключительно между шведским и вендским происхождением варягов; между шведским и словено-русским происхождением Руси. Эта-то необходимость выбора и упрочивает за не слишком богатой письменными свидетельствами (в особенности историческими памятниками вендского края) славянской теорией строго научное значение.

Как норманны понимали норманно-вендских пиратов под общим именем *viking'ов*, так, по всей вероятности, вендо-германские слыли в Помории под общим названием *varag'ов* (меченосцев, ратников). О постоянных союзах вендов с норманнами в деле морского разбоя. В этом смысле — пиратов-воинов (при том почетном значении, каким, в свое время, отличаются равносильные варяжскому названия гучулов, казаков и т.п.), перешло слово *varag* от балтийских славян к восточным; под этим названием стали они разумеать всех вообще балтийских пиратов, были ли они шведы, норвежцы, оботриты, маркоманны-вагиры и пр. Это перво-

начальное значение варяжского имени никогда не исчезало совершенно в русских понятиях; в книге о древностях Рос. государства упоминается о варягах (разбойниках), живших еще до основания Киева на берегах Теплого (Черного) моря; в сказании о Мамаевом побоище князь Дмитрий Ольгердович говорит о собранной им (против венгров?) дружине: «Божиимъ промысломъ совокуплени быша иные люди, брани дея належащая отъ Дунайскихъ *Варягъ*». В Никоновской летописи под 1379 г. варягами названы, кажется, литовские ратники: «Князь Ягайло Литовский... совокупилъ литвы много и *варягъ*, и жемоти, и прочее и поиде на помощь Мамаю царю». Полабское *varag* отозвалось и в польском названии местечка *Waraz* в Галиции. Словом *варяжа* областной архангельский говор обозначает заморца; заморье, заморскую сторону.

Сами венды себя варягами, в этническом смысле, не называли; это имя, как уже сказано, было походным, подобно имени *viking*; в русской летописи (то же самое должно сказать о договорах, о Русской Правде, О похвальном слове митрополита Илариона) нет и следа, чтобы первые русские князья считали себя варягами или от варяжского рода. У восточных славян слово *varag* вскоре перешло из нарицательного в географическо-народное, в смысле имени франк на востоке; им стали обозначать все те народности, от которых выходили балтийские пираты-варяги. Многозначание в этом отношении слова летописи: «Ти суть людье ноугородьци отъ рода варяжьска». Голый факт, засвидетельствованный этими словами, тот, что еще в Несторову эпоху новгородцы похвалялись если не прямым варяжским происхождением, то родством с варягами; отличались от прочих русских племен варяжскими особенностями своего быта. Этих слов Нестор не мог бы написать, если б они не были, в самом деле, выражением основанного на верных предани-

ях и приметах, народного убеждения. Теперь, были ли эти новгородцы-варяги скандинавского происхождения? Тогда пусть нам укажут на следы норрены в новгородском наречии; на следы Одиновой веры в новгородском язычестве; на скандинавское начало в праве, обычаях, образе жизни древнего Новгорода. Если же норманнская школа не в состоянии удовлетворить этим более чем справедливым требованиям исторической логики (а что она не в состоянии, мы уже видели), остается допустить, засвидетельствованный и фактическими доказательствами западнославянский характер новгородского варяжства в IX—XII веках. Это варяжство Нестор относит к влиянию именно тех дружинников, которые пришли вместе с Рюриком; но трудно предположить, чтобы в 17-летнее княжение Рюрика (княжение, как известно, ознаменованное не совсем дружелюбными отношениями новгородцев к пришлым варягам) Новгород мог сделаться варяжской землей (когда и Киев не назван варяжским у Нестора), да еще в том, до невозможного преувеличенном раз- мере, о котором свидетельствует летопись: «Преже бо беша словени». Рюрик привел с собой не более трех-четыре-х сот человек; призывавшие князей племена не разрешили бы им дружины, которая при составе более многочисленной могла бы немедленно сделаться господствующей силой. Но под влиянием ли этих 300—400 человек оваряжилась Новгородская область в течение нескольких лет? Всего естественнее предположить, что еще до Рюрика (и не позднее половины VIII столетия) колония вендов, быть может, тех маркоманнов, поселилась в Новгороде; у туземцев они слыли под общим названием варягов.

Такова, по нашему разумению, была история варяжского имени до второй половины IX века; таковы исторические события и особенности, с которыми мы имеем сообразить дошедшие до нас в летописи и во многом уже против прежнего изменившиеся понятия Нестора о варягах.

О судьбах варяжства и варяжского имени после призвания, независимо от воззрений самого летописца, должно заметить, что, если его сильно занимают варяги (и потому, что Рюриковичи были от варяжского рода, и вследствие того значения, какое получило варяжское имя по учреждении в Греции дружины варангов), то собственно русских людей X века они мало интересовали. Варяжские князья, утвердившие свой стол в Киеве и выселившиеся с ними поморские дружинники, стали русью; варяжские наемники, приходившие в Русь по редкому зову князей, были явлением случайным, мало заметным в русской жизни; варягами русь себя никогда не называли. Вот почему, идущие от Руси известия арабских писателей о варягах начинаются не прежде второй четверти XI столетия, то есть с того времени, когда поездки норманнов в Киль усилились до того, что, по вестготскому закону, никто из сидевших в Греции не мог пользоваться правом наследства в Готландии, а имя варангов приобрело особый почет и известность (даже в самой Руси) как отборного византийского войска. Если бы основателями государства в 862 году были так называемые варяги-русь (норманны); если бы эти норманны прилагали себе всегда и везде название варягов (*waring*); если бы, наконец, известия арабов о варягах шли от норманнов, было бы совершенно необъяснимо, почему варяжское имя не отозвалось в сочинениях Ибн-Даста, Ибн-Фоцлана, Масуди и других писателей X века, так подробно рассказывающих о Руси, как с 1029 года оно отзывается у Бируни, а за ним у Ибн-Эль-Варди, Димешки и пр. Ясно, что только с водворением варяжского имени в Греции оно проникает через Русь и на Восток; но отсюда и двойкий характер арабских известий о варягах. С одной стороны, под названием варангов арабы понимают уже одних скандинавов; в самом деле, с принятием христианства сношения Руси с вендо-варяжским Поморием долж-

ны были прекратиться; при Ярославе варяги состоят исключительно из норманнов. С другой стороны, в тех же арабских известиях передаются не скандинавские, а коренные русские понятия о варягах. Варангами называется *народ*, Варенгским — *море*. У норманнов Варяжское море — *Ostersalt*; варяжский путь — *Austurweg*; вэрингами (*vaeringjar*) именуются только состоящие в греческой службе. Но не могли же норманны вместо своих собственных передавать арабам словено-русские понятия о варягах.

Мы читаем в летописи под 944 годом: «А хрестеяную русь водиша роте въ церкви святаго Ильи, яже есть надъ ручаемъ, конецъ Пасынъче беседы и Козаре: се бо бе сборная церкви, мнози бо беша варязи хрестеяни». В этих словах г. Куник видит доказательство отождествления летописью руси и варягов. Мне кажется, они свидетельствуют о противном. Выражение «сборная церкви» прямо указывает на церковь св. Ильи (без сомнения, единственную христианскую в Киеве), как на общую руси (туземцам) с варягами (иноплеменниками). Русских христиан в 944 году было, конечно, немного; Святослав говорит еще в 955 году: «Како азъ хочю инъ законъ прияти единъ?» По всей вероятности, церковь св. Ильи построена крестившимися в Греции варягами. Русинами не называет летопись и варягов-мучеников при Владимире; но об Ольге, как о русской святой, восклицает восторженно: «Си первое вниде въ царство небесное *отъ Руси*, сию бо хвалять *Русие* сынове, аки началницу: ибо по смерти моляше Бога за *Русь*»; то же самое о святых Борисе и Глебе. Я уже не говорю о том, что против исключения из числа присягавших Игоревых людей всего славянского элемента его войска, равно протестует и летопись, и история.

Я высказал еще в 1862 году предположение о зачатке варангского корпуса в Греции в 980 г., как состоящем в прямой связи с поступлением в греческую службу отпра-

ленных Владимиром к императору сварливых варягов-норманнов. В монографии, впрочем в высшей степени замечательной, как по верности научной оценки скандинавских саг, так и по собранным в ней новым известиям и данным о значении и составе греко-варангского корпуса, г. Васильевский относит начало варангской дружины к 988 году, а первыми варангами считает тот шеститысячный русский отряд, который был послан Владимиром на помощь императору Василию. Против моего предположения г. Васильевский приводит, с одной стороны, свидетельство Лаксдэльской саги о Болле Боллесоне, как о первом норманне, вступившем в военную службу к византийскому императору; с другой, то обстоятельство, что на основании этого (моего) предположения пришлось бы допустить, что император не послушался совета Владимира: «Не мози ихъ держати въ граде... но расточи я разно» и т. д. Слова Лаксдэльской саги, как сказано выше, относятся, по всей вероятности, к одним исландцам; данного ему совета император послушался наполовину. Варягов в *град* не пустили; в *граде* не держали; еще в 1034 году, при первом помине о варангском корпусе, он квартирует в отдаленном фракисийском феме в Малой Азии. Менее удобоисполнимой оказалась вторая половина совета (быть может, изобретение самого летописца); норманны не дали бы себя расточить по два и три человека, кого в хазарский, кого в фарганский, кого в армянский отряд. К тому же сила и ценность варангской дружины состояла в ее совокупности; норманны имели свое оружие, свою тактику, свою сноровку в битвах; все эти выгоды исчезали при расточении их по другим войскам. Не могла, наконец, и греческая империя бояться переворота от горсти, в отдаленную провинцию Малой Азии отправленных норманнов, когда эти самые норманны не смели противостоять Владимиру, «сольстившему ими» и вдобавок выгнавшему их из Киева.

Остается рассмотреть, на чем основана теория о русском происхождении варангского корпуса.

В приводимых г. Васильевским из истории Афона пресов. Порфирия, из греческой вивлиофики г. Сафы, из византийской истории г. Гопфа и пр. грамотах 1060, 1075, 1079 и 1088 гг. варанги и русь стоят рядом и притом без разделительной частицы «или», которой отделяются остальные члены предложения. Отсюда г. Васильевский заключает о равнозначимости в греческом словоупотреблении выражений βάραυροι и ῥώς и о первоначально русском составе варангской дружины, допуская однако же, что скандинавы, которые ушли в Византию в 980 году от князя киевского Владимира, могли поступить в состав корпуса, организованного через восемь лет. И здесь, насколько мне кажется, приметы товарищества двух друг от друга различных народностей произвольно обращены в приметы родства. Судя по воззрениям норманистов на деятельность скандинавов в Руси IX—XI веков, едва ли не придется допустить, что не только норманны, призванные в 862 году, и потомство их, но еще и все вообще скандинавы (шведы в особенности) хозяйничали по произволу в земле восточных славян, приходили на Русь когда и куда им хотелось то малыми партиями, то сотнями и тысячами, отправлялись через Новгород и Киев в Грецию без зова и дозволения русского князя и греческого императора; одним словом, видели в обреченных «на свое любезное земледелие славянах» своих поставщиков дарового провианта, в греках — своих природных банкиров. Этого не было и быть не могло, даже если бы призванные варяги и были норманнами. Из дошедших до нас постановлений договоров: «Приходящей русь да витають у святого Мамы, и послеть царство наше, да испишють имена ихъ... и да входять въ городъ одиними ворота, съ царевымъ мужемъ, безъ оружья, мужь 50», видно, во-первых, что най-

мом руси у греков распоряжался великий князь киевский; во-вторых, что греки не допускали к себе иноземцев-наемников иначе, как при известных мерах предосторожности. От варягов-норманнов требовалось, разумеется, то же, что от руси. Без дозволения новгородских посадников шведы не могли прибыть в Новгород; без дозволения и посредничества русского князя (конечно, взимавшего с них установленную пошлину) — в Константинополь. Уже при Игоре водились писанные паспорта: «Нынѣ же уведель князь вашъ посылати грамоту ко царству нашему: иже посылаеми бывають отъ нихъ сли и гостье, да приносятъ грамоту, пишуче сице: яко послахъ корабль селько». На писаную грамоту или паспорта указывают прямо слова варягов Владимиру: «Да покажи нам путь въ греки». Отправленное перед ними посольство имеет характер извинительного (по случаю многочисленности варягов 980 года) объяснения. При этих условиях, то есть, с одной стороны, при выходе варягов из Руси с русской грамотой; с другой, при естественном, почти обязательном товариществе руси и варангов неудивительно, что греки соединяли как бы в один оба корпуса; почти то же делают они и в отношении хазар и фаранов. Иные из византийских и армянских писателей XI века считали, кажется, варангов видом руси; Пселл в рассказе о возмущении Варды Фоки в 988 году указывает, по всем вероятностям, на новоучрежденный в 980 году варангский и Василием к русскому присоединенный отряд. Ни одно из приводимых г. Васильевским свидетельств не оправдывает его предположения, будто бы «сами русские, служившие в Византии, называли себя варягами, принеся с собою этот термин из Киева». На Руси под именем варягов (будь оно принято в смысле народа или воинов-наемников) постоянно разумеются иноземцы. Никакого особого повода прилагать себе это иноземное, варяжское прозвище не могли

иметь те шесть тысяч русов, которые в 988 году состояли на службе у греческого императора. Византийские писатели знают о руси-наемниках в 902, 935, 949, 962, 963 годах; о «работающихъ въ Грецехъ руси у хрестьяньского царя» упоминается в договорах Олега и Игоря; почему же и эти русь не называют себя варягами?

Противно мнению г. Васильевского г. Куник полагает на основании известного места Льва Остийского о гуаланах, что имя «варанг» раздавалось в Византии по крайней мере уже около 950 года. Я думаю, действительно, что под названиями Gualani, Guarani, Guarain южноитальянские летописи понимают варангов; но отсюда еще не следует учреждение постоянного варангского корпуса в Греции до 980 года. Константин Багрянородный, исчисляющий (преимущественно по поводу лангобардского похода в 935 и критского в 949 году) все наемные войска, служившие в его время у греков, знает между ними русов, далматов, мардаитов, фарганов, хазар, мослемов, палермитанцев, турок, армян; но о варягах не упоминает, чего, при его точности, нельзя объяснить ни небрежностью, ни умысленным включением варангов в состав русской дружины. По всей вероятности, Guarani Льва Остийского были варягами-наемниками, посланными с русским отрядом и под именем которым их отличала русь, великой княгиней Ольгой на помощь греческому императору по случаю одного из лангобардских походов, между 950 и 964 годами. По отбывке своей службы, эти варяги возвратились через Русь восвояси. Это явление уединенное, не записанное и забытое византийцами.

Что касается до другого мнения г. Куника, будто бы из русской формы *варяг* не могло, в лингвистическом отношении, образоваться греческое βάραυρος, я замечу, что гг. норманисты вольны не признавать западнославянского происхождения Рюрика и варягов его; для нас слово *варяг* еще

долго после призвания произносилось по законам вендской фонетики, *vařag*, как Святослав *Světoslāv*; да и в самом русском наречии IX—XI веков, вероятно, еще господствовал (по крайней мере, отчасти) ринизм общеславянского «я».

От греков приняли скандинавы имя варангов под формой *vaeringi* — *vaeringjar*, заменяя греческое *-ang* своим северным *-ing*, а начальное *a* в слогe βάρ, скандинавским *aē*. Названию *vaeringjar* прилагался, кажется, смысл наемников; что этим названием отличались *исключительно* служившие в греческой варангской дружине, показано выше. Как в лингвистическом, так и в историческом отношении скандинавские βάραιουοι — *vaeringjar* представляют разительную аналогию с другой греко-германской дружиной, с так называемыми немцами. И те и другие отличаются в Греции специальным, от славян греками занятым именем; и те, и другие знают это имя только в Греции; ни норманны-варанги, ни германцы-немицы не именуют себя варангами и немцами вне пределов своей византийской дружины. Отыскивать первородную форму варяжского имени у шведов VIII века то же самое, что указывать на греческое ημιτσοι как на туземное германское прозвище герулов времен Одоакра.

VI. ВОПРОС ОБ ИМЕНАХ

А) *Рюрик, Синеус, Трувор, Олег,
Ольга, Игорь, Владимир*

Увлекаясь легкостью, с которой всевозможные в мире имена могут быть (хотя бы только и приблизительно) объяснены из богатой до невероятности германо-скандинавской ономотологии, норманнская школа выводит из скандинавского источника все варяжские и все русские имена

нашей истории, от Рюрика до Ярослава. Что некоторые из встречающихся в ней неславянских имен, преимущественно в договорах, действительно принадлежат германо-скандинавскому миру (как другие остальным, в ее развитии участвовавшим народностям: литве, угре и т. д.) уже следует из сказанного прежде о тесной связи, бывшей между вендскими славянами и германскими племенами с одной, норманскими с другой стороны; о составе Рюриковой дружины; о сношениях варяжских князей с норманнами; наконец, из географического положения самой Руси. Но выводить все варяго-русские имена и личности, или хотя большую часть из них из норманнского начала; относить к этому началу имена Святослава, Передславы, Володислава и пр.; видеть одних норманнов в дружинниках и мужах князей Святослава, Владимира, Ярослава; производить от норманнов, по имени, князей явно славянского происхождения по своим действиям и историческому значению, Рюрика, Олега, Игоря, Рогволода; это значит основывать русскую историю не на фактах, не на исторической логике, а на этимологических случайностях и созвучиях. Ни здесь, ни при исследовании других явлений народных историй лингвистический вопрос не может быть отделен от исторического; филолог от историка. А в состоянии ли кто уяснить себе начальный характер нашей истории, когда, с одной стороны, на основании одних ономастических подобиозвучий норманнская школа требует от нас безусловного верования в скандинавское происхождение князей и пришедших с ними варягов-дружинников; а с другой, не может указать ни на одну норманнскую особенность в русском праве, язычестве, образе правления, обычаях; ни на одно норманнское слово в русском языке; ни на один намек самих скандинавов на существование у них под рукой громадной свео-славянской колонии? При отсутствии иных, положительных следов нор-

маннского влияния на внутренний быт Руси норманнство до XI столетия всех исторических русских имен уже само по себе дело несбыточное.

Тем не менее, основанные на созвучиях некоторых варяго-русских имен со скандинавскими, этимологические выводы о мнимонорманнском происхождении призванных варягов не могут быть оставлены без ответа. До сих пор исследователи славянской школы не обращали должного внимания на эту сторону занимающего нас вопроса. Одни объясняли норманнский (по их мнению) склад имен варяжских князей и их сподвижников сношениями вендов с германцами, русских славян со скандинавами; но такое изъяснение идет к одним только исключениям в русской истории; распространенное на всю массу варяго-русских имен, оно теряет свое значение и силу. Другие признавали исключительное славянство спорных имен; но, к сожалению, без достаточных доказательств. Или эти доказательства действительно невозможны?

В противность германо-скандинавской, славянская ономастология в том виде, в котором дошла до нас, не отличается числительным богатством имен. С одной стороны, по самому свойству внутреннего организма славянских народов отдельные личности редко являются двигателями народной жизни в славянских племенах; славянские истории знают одних князей и народ. Ни Нестору, ни Козьме Пращскому, ни Мартину Галлу не известна так называемая анекдотическая история; отсюда соответствующая малочисленности исторических деятелей малочисленность в их сказаниях личных славянских имен. С другой стороны, за немногими исключениями истории славянских народов писаны иноземцами, на иноземном языке; они не обращали и не могли обращать внимания на частности. Невыгодность этих условий, с точки зрения ономастических разысканий, оче-

видна. Сверх того, и в сделанных в последнее время попытках систематической разработки древнеславянской ономатологии, при всей неоспоримой ценности этих трудов, нас все-таки преследует неправильная, а нередко и фантастическая транскрипция выписанных из германо-латинских источников славянских имен.

Напрасно требуют ревнители норманнского мнения от всех славянских имен как определенного смысла, так и неизменных славянских окончаний на *слав, мир, гость, влад* и т. д. «Довольно есть древнеславянских имен, — говорит г. Куник, — у полабов, ляхов, чехов и сербов; у них находим многочисленные примеры древнерусским Ярослав, Яромир (?), Святослав, Святополк, Владимир, Людмила (?) и пр.; у них же должно указать и на соименников князьям Рюрику, Трувору, Аскольду, Диру, Олегу, Рогволоду, Свенке, Игорю, Ивору и т.д.; на имена русских княгинь Ольги, Рогнеды и Малфреды; варяжских воинов и сановников, если кто и впредь еще вздумает отыскивать родину варягов-руси вне Швеции». На основании этих ономастических правил мы должны выключить из славянских историй более половины их деятелей, как представляющих все требуемые условия к подозрению в германо-скандинавском происхождении. Если бы исследователи норманнской школы не состояли под влиянием известных предубеждений, они вероятно бы заметили, что, во-первых, кроме составных прозвищ с окончанием на *слав, мир, гость*, обыкновенно повторяющихся в известной мере у отдельных славянских родов (как у древних римлян их *praenomena*), славянская ономастика знает немало количество *простых* имен, которые, *по смыслу*, для нас уже непонятны; *по форме* — нередко удаляются от принятого славянского первообраза; *по употреблению*, являются и исчезают в славянских историях без повторения (за исключением переходящих в родовые).

Таковы у чехов *Čech, Klen, Bech, Heriman, Tetwa, Mun, Tepta, Weš, Chyna, Keien, Česta, Tuѓa, Porej, Bezprem, Tas, Prkoš, Olen, Čač, Tista, Preda, Chren, Ben, Čuch, Syndal, Nas* и пр.; у сербов *Жунь, Жань, Бальде, Гатальд, Бранен, Бунь, Мик, Бучь, Мильц, Тольчь, Грдань, Плень, Тусь, Грипонь, Гуня* и пр. Или эти имена (я беру только чешские и сербские, засвидетельствованные туземными документами, следовательно, не искаженные) звучат по-славянски более наших *Рюрик, Трувор, Игорьь, Олег, Дир, Лют, Блуд, Рогволод?* Или норманнская школа знает многим из них примеры вне чешской и сербской письменности? Во-вторых, как наша история не Святославами, Всеволодами, Ярополками, так и прочие славянские истории начинаются не Болеславами, Бранимирами, Спитигневами, а являют имена, у ляхов *Popiel, Piast, Krak, Leško, Wanda*; у чехов *Čech, Samo, Krok, Kasi, Teta*; у хорутан *Валух, Борот, Карат*; у хорватов *Клюкас, Лобель, Козенец, Мухло, Хрват, Туѓа, Буга, Порѓа, Борна, Порин*. Почему же и их не считать германо-норманнами? И впоследствии, как у нас, так и у прочих славянских народов имена составные (праепомина, cognomina) редко являются принадлежностью личностей не княжеского происхождения; особенность, как увидим, основанная на известных ономастических требованиях. В-третьих, отозвавшаяся в русской истории вендская ономотология удаляется, более прочих, от обычного склада общеславянских имен; само племя полабских славян состоит по языку, вере, обычаям под влиянием, с одной стороны, литовского начала; с другой, германской (преимущественно сакской) и скандинавской народностей. При сравнительно малом количестве составных имен, обнаруживающих с первого взгляда славянское происхождение, каковы: *Sclaomir, Meligastus, Gotzomuizl, Miseco, Praebislavus* и т.п., вендская история знает много простых славянских имен, являющих отпечаток, иные — по-видимому, другие — действительно

иноземный, преимущественно германский. Таковы у Эйнгарда: Thrasico, Godolaibus, Ceadrag, Borna, Tunglo; у Дитмара: Nacson, Zolunta, Flopan, Connildis, Procui, Deiux; у Адама Бременского: Estred, Gneus, Anatrog, Sederich; у Гельмольда: Billug, Grin, Race, Mike, Rochel. В колбязском монастыре хранилась следующая надпись с именами шести славян, гонителей св. Оттона: «Nomina eorum qui percusserunt d. Ottonem episcopum Bambergensem cum doceret et baptizaret in Wollino anno 1124: Cistemil, Tredegras, Boydan, Knips, Jesse, Golias. Hi sex dant plagas o Otto dive tibi».

У Саксона Грамматика славяно-вендскими и русскими именами являются: Dagus, Dal, Due, Floccus, Tranno, Rotho, Regnaldus, Scalcus и пр. Если бы вместо Рюрика, Синеуса и Трувора варяжские князья назывались западнославянскими именами: Grin, Borna и Skalk, без сомнения, норманнская школа привела бы в доказательство их скандинавизма своих Grim'ов, Bjorn'ов и Skalk'ов. И наш древлянский Мал попал бы, вероятно, в норманны (от северного Amal), не будь его славянство положительно засвидетельствовано летописью.

Отсюда еще не следует ни невозможность рационального объяснения значительной части варяго-русских имен, ни право для славянской школы оставить вопрос об именах без должного рассмотрения. Разумеется, это исследование может быть основано на законах только славянской, а не скандинавской ономотологии. Известно, и всеми славянскими филологами принято за правило, что большая часть местных славянских имен происходит от личных; на этом основании указывает Шафарик на личные Крак, в именах городов Краков, Кракополь, Краковец; Witorad, в имени города Witorazi (Витраж), ныне *Weitrach* и т.п. Мы не можем, в угодность невозможным требованиям, исключить из круга наших ономастических доказательств, утвержденных славянской наукой аналогий, ни верить, чтобы между названи-

ем города Reric и личным Рюрик не было лингвистической связи, существующей между именами городов Ярославль, Олжичи, Володимер и личными Ярослав, Ольга, Володимер. Не менее странно и другое притязание норманнской школы не допускать к объяснению простых славянских имен тех же имен в их составной форме, т. е. славянских Lutomir, Kasi-mir, Wladi-slaw, к объяснению славянских Ljut, Kasi, Wlad. Дело в том, чтобы ономастические исследования были основаны не на произволе, не на одних, часто случайных созвучиях, а на правилах благоразумной филологии в связи с историческим значением тех лиц, имена которых подлежат нашим разысканиям. Что же до уверенности, с которой норманнская школа полагается на безгрешность своих этимологических выводов, я замечу, во-первых, что до появления в свет исследований г. Куника эта школа основывала свое мнение о скандинавском происхождении варяго-русских имен нашей истории на этимологических изысканиях Байера, представляющих, по мнению Шлецера, настоящий образец благоразумной и ученой этимологии и сравнения имен. Г. Куник не утверждает Шлецера суждения, а выводы Байера признает крайне неверными и отчасти принужденными. Удерживая только немногие из прежних этимологии, он является с новым, полнейшим (и, должно сказать, несравненно более рациональным и ученым) запасом скандинавских имен; вместо байеро-шлецеровых Alak, Alogia, Askel, Tyr, Rotwigda он читает Hölgi, Hölga, Höskuldr, Dýti, Ragnheidr и т. д.; тем не менее в продолжении около полутора года мы были обмануты, с одной стороны, крайне неверными и принужденными словопроизводствами Байера; с другой, положительными уверениями Шлецера в их непогрешность, ученость и благоразумие; во-вторых, что в продолжении тех же полутора года было принято в число аксиом русской истории, что общеславянские слова

боярин, безмен, вервь, верста, луда, огнищанин и пр. происходят от скандинавских *boljarl*, *bismer*, *hvarf*, *rasta*, *lodha*, *eingandin* и т.д. Не могут ли наши Рюрик, Олег, Рогволод происходить точно так же от скандинавских *Hraekek*, *Hölg*, *Ragnwaldr*?

Рюрик. В германо-латинских документах средних веков встречаются формы: *Roricus*, *Roric*, *Rorigo*. Вероятно, имя *Roric* есть сокращенное *Roderich*; у датчан и у норвежцев оно является под формами *Hrorecur*, *Hraekek* (вар. *Hraedrekr* и *Rodrekr*); у шведов оно неизвестно. «В древнешведских памятниках, — говорит г. Куник, — Рерики (*die Roriker*) встречаются, кажется, не часто; я знаю только одного Стефана Рериксона и одного Анунда Рериксона, двух редакторов древнего сюдерманландского уложения». Для шведского конунга имя *Hraekek* так же странно и необычайно, как для русского князя имена Казимира или Прибислава; вследствие чего норманнская школа должна или отказаться от шведского происхождения нашего Рюрика и выводить его уже не из Швеции, а из Дании или Норвегии, чем подрывается все учение знаменитейших корифеев скандинавизма; или же, по примеру, сделанному в отношении к именам варяг и Русь, прибегнуть к изобретению (никакими, даже косвенными свидетельствами не утвержденной) формы шведского имени, которая бы подходила к русскому Рюрик.

Коллар отыскивал этимологию имени Рюрик в чешском *garoh*, польском *garog* = сокол; *goryk* = стриж; в имени вендского племени рериков-*regegi* и города *Reric* (Мекленбург). При отсутствии указаний на историческую и лингвистическую связь между этими названиями и именем Рюрика предположения Яна Коллара, без сомнения, много теряют из настоящего своего значения. Г. Куник отвергает их по двум причинам: 1) в древнепольских и древнеславянских именах нет живых примеров имени Рюрик; 2) *garog* имя не личное,

а название города или птицы; сходство имени Рюрика с названием города Reric и сокола garoh явление случайное.

На первое из этих возражений я мог бы отвечать, что историк, не допускающий славянского происхождения Рюрика потому, что имя его не встречается у прочих славянских народов, должен, вместе с ним, производить от норманнов и князей Sederich'a, Пяста, Крока, Tunglo, Щека, Хорива и т.п., коих имена не только неизвестны у прочих славян, но и в своих собственных историях являются только по одному разу. Но мы не имеем надобности прибегать к этому толкованию. Псковская летопись упоминает о польском воеводе Ририке под 1536 г.: «*Ририка* воеводу убиша лятцакаго». Имя Рюрика под его основной формой Рерик-Rerich встречается в числе имен древнечешских родов, заседавших на богемских снечах. Оно сохранилось и в горлицком дипломатическом акте 1490 года: «*Peter Rerig der Stadschreiber*». Если не ошибаюсь, это *живые примеры*, ничем не уступающие шведским Рериксонам.

Ответ на второе замечание требует исследования более подробного.

Имя Рериков (Rerigi) не есть собственно племенное, а прозвище. Как лутичи *волками*, так оботриты прозывались *соколами* вследствие особого уважения к религиозному и символическому значению этих животных у той и у другой народности. «Должно заметить, — говорит Шафарик, — что древние славяне и литовцы сражались под стягами, на которых были представлены изображения животных, служивших им религиозными символами; имена этих зверей могли весьма легко перейти на роды или племена, состоявшие под этими стягами. Примером служат кршане, т. е. иллирийцы, обитающие на острове Крке и получившие от изображенного у них на стягах коршуна название Чучей. Не есть ли это ключ к объяснению многих родовых и фамильных имен?»

Орел (или сокол) изображен у Маша на двух фигурах оботритских богов; на прозвание оботритов соколами намекает и скальд Гуторм Синдри, прославляющий короля Гакона за то, что он покорил Зеландию и подчинил себе гнездо *вендского сокола*. Г. Куник читает по Шафарыку. Rarozane и Rarog, вместо Reregí и Reric; но Шафарик употребляет эти формы только в переводном значении; он сам говорит в другом месте: «Мы заметим (о древанском наречии), что многие явления, по-видимому, происходящие от позднейших искажений языка, встречаются уже в наидревнейших источниках и, без сомнения, берут свое начало не столько в иноземном влиянии, сколько в организме и самобытном развитии славянского языка. Я прибавлю, что общеславянское *рок, рог* является у древанского племени под формой *rik*; так *wotrok* (отрок) = *woatrik*; *rog* (рог) = *rik*. Формы *Рерики, Рерик* принадлежат, стало быть, не германскому искажению, не неведению Эйнгарда, Адама Бременского и т.д., а грамматическим свойствам славянского племени, произносившего *re-rik* (сокол) вместо *ragoh, rarog*. На форму *Reric* указывает и постоянно одинаковое чтение имени города *Reric, Rerich* у Эйнгарда; *Reric* в *Annal. Fuldens. et Met.* под теми же годами. Ту же форму находим и в названиях впадающей в Одер, под Кенигсбергом, реки *Рерик die Rorike* и принявшего от нее имя *Рерик* командорства иоганнитеров, около половины XIII столетия.

Теперь, в каких отношениях состоят личное *Рюрик* к нарицательному *geric* (сокол); к племенному *Reregí* (*Рерики*); к названиям города и реки *Рерик*?

а) Брат *Рогволода* именуется *Тур*; в *Ипатьевской летописи* под 1208 г. *Петр Турович*. Другие славянские вожди и князья называются *Волками*. Имя *Сокол* встречается между чешскими дворянскими родами. *Рюрик* (*geric* — сокол) может быть личным именем, как *тур, волк, дятел*.

b) Племенному названию *драговиттов* отвечает личное имя вендского князя *Драговита*. Племенному названию *вильцев*, личное княжеское *Wiltzan*. Племенному названию *древане*, личное княжеское *Древан* или *Дерван*. Племенному *рерики* (*Reregi*) отвечает личное княжее *Рюрик*.

с) Имени города *Оногощь* отвечает личное Оногость, имя славянина-патриция у греков в 470 г. Имени города *Радогость*, личное *Радгость*. Имени города *Olstin*, личное *Ольстин*. Имени крепости *Сокол*, личное *Сокол*. Имени города *Bezpret*, личное *Bezpret* и т. д. Имени города *Reric*, личное *Рюрик*.

d) Названию реки *Radogost* отвечает личное *Радогость*. Названию реки *Дунай*, личное *Дунай*; реки *Днепр*, личное *Днепр*. Названию реки *Рерис* (*Rorike*), личное *Рюрик*.

Шлецер упоминает в следующих кратких словах о мнимофризском герцоге Ререке: «В Фрисландии был около 810 года герцог Ререк». Этот Ререк был не фрисландский герцог, а вендский князь.

Ни в одной из германских летописей не упоминается об убиении Готриком фрисландского герцога Ререка; все, напротив, утверждают, что Годафрид не принимал личного участия в фризском походе. О герцоге Ререке не знает и Саксон Грамматик. Молчание германских летописей тем знаменательнее, что в 810 году собственно фризских князей уже не было; последний из древнего рода их *Radbod* бежал в Данию после убиения майнцкого архиепископа Бонифация в 754 году; Фризией же стали управлять германские герцоги от имени императора. Но возможно ли допустить, чтобы германские летописцы (преимущественно Эйнгард), описывающие с такой подробностью поход Годафрида на фризов в 810 году, не знали об убиении им наместника императора?

С другой стороны, скандинавские саги, знающие о датском походе на Фрисландию в 810 году, не упоминают во-

все о предшествовавших ему походах Готрика против оботритов в 808 и 809 годах. Из германских летописей узнаем мы, что датский король с согласия нарочитых оботритских мужей, недовольных своим князем Дражком, вступил, вместе с враждебными лутичами в землю оботритов, прогнал старшего князя Дражка, а младшего повесил, разорил торговый город Рерик, подчинил себе две трети оботритской земли и возвратился восвояси с огромной добычей, но при утрате лучшего цвета своего войска. В следующем 809 году Готрик велел предательски умертвить князя Дражка в его городе Рерике.

Если не ошибаюсь, скандинавские саги соединили в одно два различных происшествия и похода и отнесли к фризам убиение славянского князя Рерика. Главным поводом к этому смешению был тот действительный факт, что при императоре Людовике норманн Rorih (соименник, по созвучию, оботритскому Рерику) держал на ленном праве Дорештадскую волость в Фрисландии. К тому же, исландские писатели беспрестанно смешивают Саксонию (Saxland), Фризию (Frisland) и Вендию (Vindland). Между народами этих земель существовала действительно тесная связь. В 789 году фризы являются союзниками оботритов против лутичей, союзников датчан. Как датчане с норвежцами, шведы с готами, так фризы приводятся у северных летописцев в связи с вендами. Этому сближению было причиной, кроме соседства обоих народов, славянское поселение в Фризской земле, еще вполне ощутительное в первые годы IX века. Подобные ошибки не редки у летописателей средних веков; как скандинавские саги выдают славянского Рерика за фризского князя, так одни только английские летописцы (первый Флоренций под 1029 г.) знают о небывалом вендском князе Виртгорне (Wirtgeorn, rex Winidorum), смешивая вендов с датской землей Wendile. У Саксона Грамматика вместо по-

бежденных Готфридом славян являются не фризы, а саксы: «Gotricus, speciosam ex Saxonibus victoriam referens».

Теперь, почему убитый Готриком славянский князь Дражка (Драговит) назван Рериком в скандинавских источниках? По всей вероятности, имя Рерик (сокол) было прозвищем вендского Дражка, а город его Рерик был *civitas Rerici* (у Эйнгарда *civitas Dragawiti*) как *Wiztrach — civitas Wiztrachi*; *Bezprem — civitas Bezpremi* и т.д. Прозвище Рерик могло быть родовым в семействе оботритских князей, родичей нашего Рюрика. Где кралодворская рукопись знает Честмира, воеводу Неклана, Козьма Пражский и Далимил именуют Тира или Стира, конечно, не по ошибке; подобно Дражку-Рерику воевода Некланов носит два имени *Cestmir-Styr*. Туроц знает имя Безен для Ярослава Святополковича. Как прозвище без имени, так имя употребляется нередко без прозвища; напр., Водовик, Русалка и т.д.

Замечательно, что с убиением Дражка название *Reric* исчезает для Мекленбурга.

Синеус. «*Snio, Sinnuitr, Signiauter, Siniam, Sune*». Г. Куник останавливался когда-то на форме *Signiautr*; удовлетворительнее ли она прочих? Насколько мне лично известно, ученый автор призвания родов причисляет ныне имя *Синеуса* к необъяснимым ономастическим гиероглифам.

Длугош писал: *Scyniew, Sciniew*; Стрыйковский — *Sinaus albo Syniew*. Они думали, без сомнения, о польском имени Сигнев, Сигнав; в польской грамоте 1256 г. латинизированное *Signeus*.

Корень имени *Синеус* должно искать в прилагательном *синий*, польск. *sinu*; в Игоровом договоре один из слов именуется Синко; в грамоте сербского короля Стефана (1222—1228) встречаются имена: Сина, Чърнота, Белота: у чехов *Besenez Sina*; у ляхов *Sinoch* и т. д. Окончание на *ус* (камень преткновения для скандинавских наречий) не пред-

ставляется необычайным явлением в славянской ономотологии; у вендов: *Blusso*, очевидно тождественное с русским *Блус*; *Vitus*; у чехов и моравлян: *Мочгус* (*Mochus*); у сербов: *Тусь* и т.д. На Руси: *Белоус*, *Сивоус*, *Прудыус* и т.д.; река *Миус* и город *Калмиус*. Быть может, *Синеус* есть нечто иное, как переделанное на русский лад (с окончанием на *-ус*) западное *Синеуш* или *Синуш*, то есть сокращенное *Sineslaw*, *Sinoslaw* (в Анатолии славянский город *Синеславль*), как *Негуш*, *Драгуш*, *Длугош* — сокращенный *Негослав*, *Драгослав*, *Длугослав*. Пример перехода западного окончания на *-usz* в русское *-ус* представляет название понизовского города *Kaluscz*; в летописи *Калиус*.

Трувор, *Тривор*, *Труббер*. «*Thruwar*, *Truere*, *Truve*, *Trygge*, *Trygr*». Г. Куник указывает на прозвище *thruwar*, которым, по свидетельству Саксона Грамматика, отличался один из норвежских воинов, участников в Бравалльской битве. Но *thruwar* (слово, не существующее ни в древнескандинавских, ни в древнегерманских наречиях) есть не что иное, как один из обычных Саксону Грамматику евфимизмов, вроде его *Regnaldus* вместо *Rognwaldr*, *Siritha* вм. *Sigrid*, *Syfridus* вм. *Sigfrid* и т.п.; это самое *thruwar* записано под своей настоящей формой *rajugr* (*treu*, верный) в исландском *Сегубро*те, где и является прозвищем (пропущенного по ошибке у Саксона Грамматика) норвежца *Эйнарра*. Приводимые г. Куником в объяснение русскому *Трувору* формы *Thrugillus* и *Thrugotus* опять-таки Саксоновы искажения скандинавских *Thorgill* и *Thorgot* (у Ад. Брем. *Thurgot*, имя первого готландского епископа). Остается перед нами, вместо вымышленной Саксоном формы *thruwar*, только скандинавское *rgjugr* (произн. *трюг*), в котором едва ли кому из современных лингвистов вздумается признать противень славянскому *Трувору*. Других, подходящих к *Трувору* форм, северная ономотология не знает.

Имя третьего варяжского князя является у нас под формами Трувор, Тривор; Трубер. У Длугоша — *Trubor*, у Стрыйковского — *Truwor albo Trubor*.

Помещенный в принадлежавшем императрице Екатерине II сборнике XV века *Летописец русских царей* оканчивается 1214 годом; списан он, по всей вероятности, с одного из древнейших экземпляров начального Русского временника. Встречающееся дважды в нем чтение Труберъ может быть отнесено к первородной (вендской) форме этого имени; живой противень этой форме находим в имени известного краинского проповедника *Primus Truber* (1508—1586). То же чтение, под малоизмененной формой *Trubor*, находим у Длугоша и Стрыйковского; оно не схвачено с воздуха и, без сомнения, указывает на существование в западных славянских наречиях славянского имени *Trubor*. На Руси вендское *Trubor* (*Truber*) переходило в Трувор, как *Lutobor* в Лютавор и Литавор; *Voges* в Ворш и т.д. Впрочем, новгородская летопись читает Раковор и Ракобор, Гравор и Грабор.

Ольг (*Олег*) и *Ольга*. У Байера — *Alak*, у Шлецера — Олоф, Олаф; Ольга — *Alogia*. Г. Куник приводит скандинавские формы *Helgo*, *Hölgi*, *Helga*, *Hölga*, ссылаясь преимущественно на греческое 'Ελυα (Ольга) у Константина Багрянородного и у Кедрина. Нет сомнения, что скандинавские *Hölgi*, *Hölga* могли бы проявиться у нас под формами Ольг, Ольга как западные *jedin*, *jelen* под формами один, олень и т.д. Но в предположении норманнской системы греки слышали Ольгино имя не под его славянской, а под его скандинавской формой *Hölga*; а в этом случае греческое 'Αλυα едва ли могло обойтись без придыхания. Естественнее объясняется переход русского Ольга в греческое 'Ελυα из природной греческому и славянским языкам равнозначимости звуков *o* и *e*. Да и на каком основании будем мы допускать переход скандинавского *Hölga* в русское Ольга, когда то же началь-

ное Нö в форме Hösकुldr превращается, по мнению норманистов, в начальное *a* в форме Аскольд? Все эти созвучия простая случайность, которой можно найти десятки примеров и в других языках.

Начальный слог *ол* входит в состав множества местных и личных имен у всех славянских народов. У моравлян город и погост Olomutici в 864—882 гг., нынешний Олмюц; река Ольцава; у чехов личные: Olata, Olbram, Olek, Olen, Olata и т. п.; у полабских славян город Ольгоць; на Руси реки: Олто (Алта), Олыч (Олиц), Олшаница; Ольстин Олексичь; Olimarus rex Orientalium sc. Ruthenorum и т.д. Что этот слог *ол-ol* есть не что иное, как *вел-wel* (велий, великий), уже видно из того, что почти каждое из приведенных имен имеет соответствующее на *вел*; напр., Olek — Welek, Olen — Welen, Olimarus — Welemir, Wolin — Welin, Olstin — Welestin, волот — welet, Волос — Veless и т.д. Теперь, в каком значении проявляется коренное славянское *ол* в имени Ольг, Олег?

Непременным правилом сокращения славянских имен, кончающихся на *мир, мысл, слав, гость* и т.д., должно признать удержание в конце сокращения основных звуков *м, с, г*. Радим сокращенное Radimjr, древнеславянское имя; отсюда и Длугошевы Radzymierzane, Радимирцы. Branım, сокращенное Branımır, имя хорватского князя около 879 года. Гостим сокращенное Гостомысл (Gotzomiuzli, Gostomwil). Негуш, Драгуш, Мирош, Радиш, Ярош, Браниш, Мстиш — сокращенные: Негослав, Драгослав, Мирослав, Радослав, Ярослав, Бранислав, Мстислав. — Anatrog, имя вендского князя у Адама Бременского сокращенное Ядрогость, Jadrogost. Billug сокращенное Белогость (срвн. личные Беловолд, Белота и пр.). Mileg, Radeg, Jareh, Spitieh — сокращенные: Milgost, Radhost, Jarohnew, Spitihnew и т.д. Ольг, Олег сокращенное Ольгость. Но имеем ли мы основание полагать личное Ольгость в числе славянских имен?

Мы уже видели, что большая часть местных славянских имен образуется из личных. Таковы, без исключения, все местные имена с окончанием на *гощь, славль, мирь, мыгиль* и т.п. Из происходящих от личных с окончанием на *гощ*, нам известны города и села: Оногощ, Радогощ, Оргощ, Пирогощ (Пирогощая Богоматерь в Сл. о полк. Иг.), Домагощ и т.д. Очевидно, что форма поморского Ольгощ (Hologost, Wolgost, Ologast) предполагает личное вендское Ольгость; в самом деле, между личными именами, приводимыми у Шафарика, мы встречаем форму Wolhost. Как Ольгощ и Вольгощ (Hologost, Wolgost), как Олимир и Волимир, как Ольга и Вольга в летописи, так Ольгость и Wolhost; Ипат. л. читает Волгович вместо Ольгович.

Существование личного Ольгость, Wolhost несомненно: его сокращение под формой Ольг, Олег, неременная потребность лингвистических аналогий. Под этой сокращенной формой находим мы личное Oleg или Oley у чехов в 1088 г. Герберштейн, хорошо владевший славянскими языками и произношением, пишет Olech.

Как от сокращенного Туго (Tungo, Tugost) женское Туга, так от сокращенного Ольг женское Ольга.

Г. Куник производит это имя от скандинавского Hölga. Но скандинавы знали русскую Ольгу под другим именем; они называли ее Аллогией, Allogia.

Уже некоторые исследователи (между прочими и протоиерей Сабинин) догадывались, что под именем Аллогии, супруги Владимира, сокрыта бабка его Ольга. Г. Куник отвергает это предположение; но, кажется, без основания. Сага Олафа Тригвасона знает об Ольге, с одной стороны, по преданиям, вывезенным из Руси норманнами-дружинниками; как у Нестора Ольга, так в саге Аллогия именуется «мудрейшею всъхъ человекъ»; и в саге, и в летописи она является первой христианкой на Руси. Составителю саги приходилось

согласовать предание об Ольге, как о первой христианке на Руси, с эпохой пребывания в Киеве Олафа Тригвасона и крещения Владимира, что он и сделал по-своему. У Дитмара находим тоже известие, но при следующих обстоятельствах: «*Amplius progrediar disputando, regisque Russorum, Vlodimiri, actionem iniquam prostringendo. Hic a Grecia ducens uxorem Helenam nomine, tertio Ottoni desponsatam, sed ei fraudulenta calliditate substractam, Christianitatis sanctae fidem eius hortatu suscepit, quam iustis operibus non ornavit*». Как в care, так и у Дитмара, поставлена Ольга (*Allogia-Helena*) супругой Владимира вместо греческой царевны Анны. Ошибка естественная; предание соединяло в одно две эпохи христианства и двух великих просветителей Руси. Скандинавы знали под именем Аллогии ту самую Ольгу, которая была известна Дитмару под именем Елены.

И теперь, норманнское ли это имя *Allogia*, *Arlogia*? Оно известно в скандинавских сагах только о мнимой супруге Владимира. Г. Куник называет ее норманнкой и утверждает, на свидетельстве Снорре, что она имела собственных норманнских телохранителей-вэрингов. Но саги не знают ни о норманнском происхождении Аллогии, ни о норманнских телохранителях, ни о вэрингах, а только о телохранителях, дружине и придворных в общем значении. Сознывая отсутствие у норманнов имени *Allogia*, автор призвания родов однако же говорит: «Быть может она называлась также и *Nalogia*; по крайней мере должно принять, что норманнские жены носили это имя в самодревнейшие времена, ибо иначе его присутствие на Руси необъяснимо».

Имя Аллогии неизвестно как на Руси, так и у норманнов. Этим именем, занятым ради его подобозвучия с именем Ольги от прозвища *Nalogi* (*Hochlohe*), которым отличался у скандинавов бог огня *Logi* (отсюда и название Гелгоlanda — *Nalogaland*; у Сакс. Грамм. — *Nallogia*), северные

саги передают имя русской княгини, которую очевидно смешивают с известной Ольгой. Называют ли они эту княгиню норманнкой? Нисколько. Где же причины приписывать ей скандинавское происхождение?

С вопросом об имени Ольги тесно связан вопрос о роде ее.

Единственное достоверное об ее происхождении свидетельство сохранилось в следующих словах летописца: «В лето 6411 (903). Игореви възрастьшю и хожаше по Олзе и слушаше его; и приведоша ему жену отъ Плескова, именемъ Ольгу».

В 903 году Игорю было 25—26 лет от роду. Уже одним этим обстоятельством опровергается рассказ Степенной книги и Макариевых больших рукописных Миней, будто бы Ольга была «отъ рода ни княжеска, ни вельможеска, но отъ простыхъ людей». Таких девушек «от простых человек» было немало в Киеве; при тогдашних обычаях (16-летний Владимир берет за себя Рогнедь) нет сомнения, что у Игоря были наложницы до 903 года. Брак Игорев решен вследствие засвидетельствованных летописью его сыновних отношений к Олегу; жену (то есть будущую княгиню) ему приводят из Пскова, не иначе как по воле и по распоряжению великого князя. Этот заочный брак заключен на основании политических соображений, как на основании других политических соображений древлянский Мал сватается заочно за Ольгу, Владимир заочно за Рогнедь, а впоследствии за царевну Анну, Ярослав за Ингигерду и т.д. Как возраст Игорев, так и Ольгин имеет особое значение в спорном деле о роде ее. Если допустить с Шлецером, что в 903 году ей было около 16 лет, окажется, что в 942 (год рождения Святослава по летописи) ей было 55 лет, а Игорю 67—68. Должно думать (как бы оно ни казалось странным при господствующем воззрении на начала общественного быта

древней Руси), что Ольга привезена в Киев младенцем, быть может, двух лет от роду; в 942 году ей было бы 41 год. Браки по приличию, между малолетними, были в обычае у всех народов того времени. В 1221 году малолетний сын Андрея, короля венгерского, обручен с малолетней же дочерью князя Мстислава. Этим, хронологию летописи нисколько не нарушающим предположением о возрасте Ольги, объясняется и возможность древлянского сватовства.

Была ли Ольга княжной норманнской? Но в Швеции не могло быть недостатка во взрослых княжнах; для чего же было выбирать малолетнюю? Да и летопись говорит положительно, что Ольга приведена из Пскова; а мы видели, что норманнских князей не было ни в Пскове, ни в иных городах.

Татищев пишет по Иоакиму, что Ольга была рода прежних князей славянских, внука Гостомысла. Оставляя в стороне сомнительное, быть может, самим Татищевым изобретенное родство с Гостомыслом, нельзя не признать за известием Иоакима, значительной, против всех других сказаний, степени вероятности. Мысль о слиянии посредством браков прежних династий с новой варяжской ясно высказалась в предложении Мала; удивительно ли, что, со своей стороны, Олег задумал укрепить себя и Игоря на владении Русской землей тем же простым и совершенно естественным политическим способом? Ольга могла быть одной из главных представительниц прав прежних кривских князей. Отсюда, должно быть, частью и те княгини, родственницы ее, о которых упоминает Константин Багрянородный.

Вероятностью славянского происхождения Ольги обусловливается в значительной степени и славянское происхождение имен Ольг (Олег), Ольга. Не знаю, в какой мере можно причислить к *языческим* древнечешским именам встречающееся в сборнике Палацкого Olha.

Игорь. «Ингвар, Ивар, Ифвар, Ифар, Ингвер». У г. Куника — Ingwar.

Что ни одна из этих форм не могла перейти непосредственно в русское Игорь, знают ныне и сами норманисты, почему и должны поневоле прибегнуть к предположению необходимой для них (но на деле не существующей) посреднической формы Inger, Ingari (которую пишут Ing(v)ari), признаваемой за сокращение имени Ingwar. В вопросе ономастическом сражаться против имен *предполагаемых* — бесполезно; такова, между тем, сила полутора столетнего предрассудка, что едва ли не будет преждевременно (собственно в видах славянского учения) довольствоваться одним отсутствием в скандинавских источниках формы имени, которая бы ложилась, *по законам лингвистики*, в русское Игорь; найдутся верующие, для которых Игорь останется все-таки воспроизведением норманнского Ingwar, как Синеус — Sune, Трувор — Tryggv'a и т. п. К счастью, имя Игоря есть одно из тех, которые носят в самих себе достаточные доказательства против мнимого норманнства их происхождения.

Мы спрашиваем: какой из двух форм, Ingwar или Игорь, был прозван, в смысле норманнской системы, сын Рюриков при рождении? Разумеется, Ingwar. Чтобы дать ему имя Игоря, было бы необходимо, чтобы эта (положим) славянизированная форма шведского Ingwar уже существовала у новгородских славян; а в этом случае она не доказывает ничего в пользу норманнского происхождения варяжской династии, а напротив.

Откуда же форма Игорь в договоре; форма "Ἰγῳρ у византийцев?

Греческие послы были в Киеве; русские в Царьграде. Греки имели дело не со славянами, а с господствующей норманнской русью. От самого Игоря в Киеве, от приближенных его и послов они слышали имя Ingwar. Между тем, в

договоре пишется Игорь. Остается предположить, что Нестор переделал на свой славянский лад стоявшую в греческом оригинале форму Ingwar.

Но если греческий оригинал договора гласил Ingwar, "Ἰγγουαρ, почему подписывавший этот оригинал император Константин Багрянородный пишет в своих сочинениях не "Ἰγγουαρ, а "Ἰγγωρ? почему встречается та же форма "Ἰγγωρ и у Льва Диакона? Ясно, что Игорь был известен византийцам не иначе, как под формой "Ἰγγωρ; что, стало быть, русские (норманнские) послы говорили не Ingwar, даже не Ingari или Inger, а Ингорь; что и для Руси Святослава Игорь был не Ingwar, а Ингорь. Но в таком случае окажется, что греки имели дело не с шведской, а с единственной в истории известной славянской Русью.

Княжее русское имя Игорь является под двойкой формой: 1) в договоре 944 года, у Нестора и в летописи вообще под формой Игорь; 2) у Конст. Багрянородного, Льва Диакона, Лиутпранда и в летописи, при помине о двух князьях Рюрикова дома, под формой "Ἰγγωρ, Inger, Ингорь. В первобытном тождестве обеих форм сомневаться нельзя; варяжские князья и их единоплеменники, славяне поморские, проносили Ингорь, от них перешла эта форма к византийцам и через византийцев к Лиутпранду; русские славяне говорили Игорь. Ту же одновременную двойственность форм, варяжской или княжей и русской, замечаем и в других именах нашей истории; так Вольга (Wolha) и Ольга; Володимер и Володимир; Велес и Волос и т.п. В отношении к имени Игорь эта двойственность засвидетельствована летописью, безразлично употребляющей названия *Инжир* брод и *Игорев* брод. Впоследствии обе формы отделились, кажется, совершенно и образовали каждая особое имя: Игорь, Ингорь.

История хорутанских славян знает под 803 годом славянского князя именем Инго. Hansitz считает его тожде-

ственным с виндским герцогом св. Домицианом. У чехов находим коренное *инг* в составном Hunchwog (Инговой), о котором Hagek упоминает под 736 г.; в местных Ingrowitz (Ингоревичи) у Коллара; Ingmerovicz (Ингомировичи) у Бочка и т.д. Мы сами не имеем недостатка в свидетельствах о существовании на Руси языческого славянского *инго*, *инг*. В числе Игоревых послов в договоре 944 года встречается Ингивлад. В числе литовских городов географического отрывка у Шлецера Ижослав; между рязанскими XIII столетия Ижеславец. Как формы Ижора, Ижера передают финское Ingeri, так формы Ижослав, Ижеславец западные Ингослав или Ингислав. То же начальное Ingoslaw переходит через среднее Ижеслав в княжее русское Изяслав.

Ingo форма юго-западная; срвн. Иво, Шварно, Tungo или Tunglo и т.д. Окончание на *орь*, *ор* преимущественно принадлежность восточных наречий; на Руси: Тудорь, Жихорь, Лазорь, Лихорь; у сербов: Тудорь, Букорь. Впрочем у чехов и моравлян: Владор, Синогорь и т. д.

Имя Игоря под формой Ингер встречается и у греков в IX веке. Байер и г. Куник полагают, что прадед Константина Багрянородного, Ингер или Инкир из рода Мартинаков, был скандинавского или германского происхождения. О знаменитых готских или скандинавских родах в византийской истории той эпохи ничего не известно; о славянских свидетельствам все летописцы. Византийская история знает о греческих воеводах и сановниках из славян Добрегосте, Всеграде, Татимире; о патриции Оногосте; о константинопольском патриархе Никите и т.д. Нестонги (Андроник и Исак) — двоюродные братья Иоанна Дуки, носят славянское прозвище; Нестонгом именовался брат хорватского князя Срема или Сермона, убитого греками в 1019 году. Из греческих императоров славянского происхождения особенно известны Юстиниан и Василий Македонянин; за последне-

го выдал император Михаил Евдокию Ингоревну, без сомнения, как и он сам, славянского рода.

Владимир. Шлецер считает имя Владимира совершенно отличным от Валдемара: «Первое, — говорит он, — есть славянское, а последнее скандинавское, и кажется имеет совсем особенное начало и значение». Г. Куник полагает, что оба имени — испоконная принадлежность германских и славянских племен, хотя, с одной стороны, окончание на *мир* занято славянами от гото-германского; *merjan* = *verkiindigen*; *vailamers* = *wohllautend*; *mari* = *kund, ruchbar, beriihmt*; а с другой, имя Владимира под этой формой известно только сербским и болгарским славянам.

Искусственного нет, кажется, ничего в этимологии славянского Владимир от *владети* и *мир*; окончание на мир (*Friede*) соответствует германским *Siegfried, Meinfried, Warnefried* и т. п. Форма *Владимир*, кроме болгар и сербов, известна у чехов: «*Wladimir dux de Holomucz cum fratre suo Brecizlao*»; о городе или местечке *Wladimierz* в Моравии упоминается под 1204 г. Один из девяти аманатов, врученных польским Премыслом поморскому Святополку в 1256 году, именовался Владимиром; Владимиром (*Woldemarus*) назывался также один из сыновей оботритского герцога Прибислава-Генриха.

Имя *Waldemar, Waldomar, Waldomeris* etc. держится у германских племен еще в VIII веке; что оно не скандинавское, а зашедшее к скандинавам от руси, доказано его норманнской историей. Первым Валдемаром был Великий (род. 1131 г.), сын св. Канута и Ингибиарги, дочери Мстислава Гаральда; имя Валдемара (по славяно-скандинавскому обычаю того времени) дано ему в честь Владимира Мономаха, его прадеда по матери, обстоятельство, засвидетельствованное с возможной точностью Саксоном Грамматиком. Сум верил сомнительному известию Книтлинга-саги о ро-

ждении и воспитании на Руси датского Валдемара, единственно потому, что русское имя он мог получить только в Руси; вероятно, и сам составитель саги не имел иного повода к обнаружению своего известия. Мы увидим в следующей главе, что сын Кнута Лаварда назван русским именем совершенно правильно и сообразно с обычаями эпохи; сказанного до сих пор, кажется, довольно для укрепления за славянским миром исключительной (в X веке) принадлежности спорного имени.

В древнерусской письменности преобладает почти исключительно форма Володимер вместо Володимир; между тем, остальные имена с окончанием на *мир* пишутся всегда: Творимир, Станимир, Судомир и т.д. Это явление имеет свою причину. «У славян, — говорит г. Буслаев, — *мир* сближается своей формой с *мера*, напр., у лужичан: *mer* — *рах*, *мега* — *modus*, соединяющиеся или смешивающиеся в прилаг. *ternу*». В вендо-немецком словаре Бозе: *mjer* — *der Friede*; *mjera* — *das Maas*. Варяжские (вендские) князья сохраняли на Руси вендскую форму панславянского имени Владимир.

* * *

Г. Куник замечает справедливо, что имена Рюрика, Олега и Игоря составляют у нас исключительную принадлежность князей варяжской династии; но, приводя это явление в доказательство их скандинавского происхождения, он забывает, что то же самое должно сказать и о прочих княжеских именах, каковы Святослав, Святополк, Ярослав, Ярополк, Всеволод и т. д. Эти имена, не исключая и святых Владимира, Бориса, Глеба и Ольги, малоизвестны в древней истории Руси вне княжеского рода; из простых людей я знаю только Глеба Тириевича и Вячеслава Малышева внука;

Святополк Одович, о котором Ипатьевская летопись упоминает под 1229 г., был родом поморянин. Как у древних римлян известные роды имели каждый свои особые прозвища, так и княжеские роды у славян отличались особыми княжескими именами. У поляков господствуют: Leško, Boleslaw, Mecislaw или Meško, Casimir, Wladislaw; у хорватов: Branimir, Krjesimir, Trpimir; у чехов: Wratislaw, Wenceslaw, Spitihtnew, Pribislaw. На Руси, с одной стороны, древнерусские княжеские имена: Святослав, Ярослав, Ярополк, Святополк, Всеволод и т.д.; с другой, перешедшие к нам от варягов: Рюрик, Олег, Ольга, Игорь. Эти последние имена были, вероятно, принадлежностью какой-нибудь особой отрасли одного из княжеских поморских родов, как имена Рогволода, Брючислава и Рогнеды в отрасли князей полоцких. У вендов они должны были исчезнуть с выселением в Русь того княжеского рода, которому принадлежали.

VII. ВОПРОС ОБ ИМЕНАХ

В) Имена прочих князей, княгинь, воевод, мужей и т.д.

Автор «Исследований» говорит: «Варяжскими воями на войне и по городам, разумеется, начальствовали варяги. Этого мало, князья были окружены ими; наместники, посланники, кормильцы их, даже ближайшие слуги были норманны, домашние и наезжие. Все важные места предоставлялись им. Так было и во всех странах, где поселялись норманны... Туземцы совершенно не употреблялись, обреченные на свое любезное земледелие». Г. Куник относит к норманнам по имени и происхождению (кроме князей, бояр, послов и гостей, о которых упоминается в договорах

Олега и Игоря): Аскольда, Дира, Рогволода, Тура, Рогнедь, Малфредь, Глеба, Сфенга, Хрисохира, Голтия, Якуна, Шварна, Ольму, Асмуда, Свенальда, Претича, Икмора, Сфенке-ла, Люта, Блуда, Варяжка, Ждъберна, Волчий хвост, Рогдая, Улеба. Из непричисленных здесь к норманнам русских исторических личностей до Ярослава, кажется, остаются только Малуша, Малк и Добрыня и пять убийц Глебовых: Путьша, Талец, Еловит, Ляшко, Горясер, «коих имена, — говорит он, — звучат, кажется, более по-славянски».

С первого взгляда на это норманизирование Древней Руси рождается вопрос: каким образом норманны-варяги, родственники или слуги норманно-варяжских князей, сохраняют до XI столетия свои норманнские имена, когда сами князья, уже со второго поколения династии принимают славянские: Святослав, Передслава, Володислав, Ярополк, Владимир, Святополк и т.д.? Или потомство норманнов, пришедших на Русь вместе с Рюриком и Олегом, воспитанное на Руси вместе с князьями, отличалось от них особым норманством обычаев и образа мыслей? Или в лицах, окружавших варяжских князей, в их наместниках, кормильцах, воеводах, служителях должно видеть не домашних, а только наезжих норманнов? На каком основании предполагать норманнское *Gliрh* или *Glibr* в имени Глеба, сына Владимира и болгаро-византийской царевны, когда сыновья того же Владимира и норманнки Рогнеди именуются Изяслав, Мстислав, Ярослав и Всеволод? Г. Куник думает, что Святослав носил норманнское имя при славянском. Но почему в договоре Игоря, акте официальном и государственном, Святослав, Передслава и Володислав не являются под своими норманскими именами? Я уже не говорю о невозможности исключить из русской истории не только словено-русский, но и прочие, в ее развитии участвовавшие элементы. Вообще воззрение норманнской школы на русскую историю имеет нечто отвле-

ченное, мертвое; до призвания норманнских князей какие-нибудь двадцать или тридцать славянских народцев, не соединенных между собой живой, внутренней связью, живут, разбросанные по огромному пространству России, дикарями вроде ирокойцев и альгонкинцев, без имени, без князей, без торговли; являются триста-четырееста шведов, и вдруг все преобразовалось; есть народ, есть имя, города, торговля, государство; финны, преобладающая в деле призвания народность, исчезли; хазары пропадают в волжских степях; печенеги и венгры, ближайšie соседи Руси на юго-востоке, литва на западе, едва известны по имени; везде норманны и одни норманны. Полно, так ли?

Аскольд и Дир. У Байера: Оскель, Ашкель, Аскель; у г. Куника: Höskuldr и Dýti.

Hölgі превращается у нас в Ольг, Олег; почему же Höskuldr не в Оскольд'а в Аскольд? (Что форма Осколд позднейшее искажение, сознают и Бередников, и Карамзин и, наконец, сам г. Куник. С другой стороны, скандинавскому Asmodhr отвечает славянское Асмуд; славянскому Аскольд должно бы отвечать скандинавское (несуществующее) Askold, Askuldr. От системы, основывающей свои доказательства на одних лингвистических соображениях, мы вправе требовать лингвистической точности.

Аскольд и Дир, если допустить норманнство варяжских князей, были не скандинавского происхождения; это явствует из слов летописца: «не племени его но боярина». Г. Соловьев говорит: «Если у Рюрика было 2 мужа, не племени его, то могли быть мужи племени его — родичи». Но, во-первых, слово *племя* имеет в древнерусской терминологии определенный смысл; им обозначается или *потомство*, как напр., в выражениях летописи: племя Хамово, Афетово, Хананейское, Авраама, Давыда. «Иаковъ же сниде въ Египеть, сый летъ 100 и 30, съ родомъ своимъ (т.е. семьей) числомъ

60 и 5 душ; поживе же въ Египте летъ 17 и успе, и поработиша племя его (т.е. потомство) за 400 летъ». «Князи же милостиви племя (т.е. потомство) Ростиславле». «А ты, брате, въ Володимери племени старей еси насъ», или *народ*, то есть совокупность однокровных родов (*natio, gens, tribus*); напр., болгарское, эллинское племя. Отсюда выражение *иноплеменники* для иноземцев: «И разъгневался Богъ, предашь ты *иноплеменникомъ* на расхищенье». «Се бо ангель вложи въ сердце Володимеру Манамаху поустити братью свою на *иноплеменники*, русския князи». «Придоша *иноплеменьници* на Рускую землю, безбожнии измалтяне, оканьнш агаряне». О племени Рюрика, в смысле потомства, не могло быть речи в 864 году; значит, летописец имел в виду *народность*. Другим выражением, кроме «не племени его», он и не мог передать понятия об инородстве Аскольда и Рюрика; во-вторых, имея означить однокровность Рюрика и Олега, он тут же, через несколько строк пишет совершенно правильно и уместно: «Умершю Рюрикови, предасть княженье свое Олгови, *отъ рода* ему суца»; выражение «не племени его» указывает на исключение, на особенность. Но, взятое с точки зрения норманнской системы, это выражение являет тот смысл, что многим большая часть дружинников Рюрика были от рода ему, то есть его родичи. Это очевидная невозможность. Трехсот родичей на примерно четыреста человек дружинников не мог взять с собой ни Рюрик, ни какой-либо другой князь на свете. Да и не странно ли, при подобном толковании слов летописи, что из этой поистине громадной родни Рюрика она знает только одного его родича, Олега?

Что Аскольд и Дир были в убеждениях народа и летописца иноплеменники Рюрику и Олегу, что вся их история есть не что иное, как развитие первых слов летописи «не племени его», в смысле инородцев, истина ясная, но, конечно, несовместная с системой норманнского происхождения

Руси; ибо, если Аскольд и Дир норманны, то Рюрик, Олег и призванные варяги не скандинавского происхождения; если Аскольд и Дир иного, не скандинавского, рода, откуда имя руси (Ῥώς) для пиратов 865 года у Нестора и у византийских писателей?

Эверс первый вывел научным образом мнение о венгерской народности Аскольда и Дира, основываясь на чтении Воскресенского списка летописи: «Яко гость есмь *подугорской*... да придъте къ намъ *къ родомъ своимъ*». Шлецер находит смешными слова «подугорские гости»; Круг укоряет Воскресенский список вставкой переписчика. Всего более повредил своему предположению сам Эверс, утверждая, что «гость подугорской» бессмыслица, ибо никто не знает подугорской земли; почему и предлагает чтение «родоу оугорьска». Название «Подугорие» могло и должно было существовать у славянских народов, как равносильные ему Подрусие, Подляшие, Подлитовие. Подчехами, Подугорием, Подлитовием назывались ближайшие к тому или другому славянскому племени части этих земель, как пограничные латыши (украинские) летгаллами (летгола) от латышского gall, граница. Основательнее ли другие возражения Круга? Он думает, что Олегу было естественнее назвать себя русским, т.е. скандинавским купцом, чем венгерским. Если Аскольд и Дир были венгры, [то] конечно нет; ибо норманн не скажет угрину: «Да придете къ намъ *къ родомъ своимъ*». Если они были норманны, еще менее. Предание гласило о убиении киевских династов посредством хитрости и обмана; оно признавало между Киевом и варяжскими князьями отношения враждебные, недоверчивость; в самом деле известно, что вскоре после призвания Киев стал притоном недовольных Рюриком новгородцев и варягов. Олег таится от своих врагов Аскольда и Дира; но предупредит ли он их подозрения насчет выходцев с севера, если скажет: «Я нор-

маннский купец; иду от враждебных вам Олега и Игоря в Грецию; приходите ко мне, вашему (но и Олегову) единоплеменнику, норманну»? Недоверчивость Аскольда и Диры исчезала только перед вымыслом Олега, выдающего себя за венгерского гостя, единоплеменника венграм Аскольду и Диру, изменяющего варяжским князьям (норманнам или вендам, все равно) в пользу своих соотечественников. Весь рассказ летописи о походе Олега на Киев, о его хитрости, о убиении Аскольда и Диры и их погребении, без сомнения, взят из народных песен; а народный смысл редко обманывается в затейливости своих вымыслов и соображений.

Другое, из саги взятое доказательство венгерского происхождения Аскольда и Диры находим в названии «угорским» места их погребения: «И убиша Аскольда и Диру, не соша на гору, и погребоша и на горъ, еже ся нынъ зоветь Угорское, где ныне Олминъ дворъ». О происхождении этого названия «Угорское» было довольно прений; Погодин и Круг думают, что угорским прозвано то место, на котором угры при Олеге (или еще до него), шед мимо Киева, останавливались вежами: «Въ лето 898 идоша оутри мимо Киевъ горою, еже ся зоветь ныне Оугорское, пришедше къ Днепру и сташа вежами». Будь это место гора или берег, ясно, что угры становились вежами не на нем, а прошед мимо него. Откуда же для этой горы или части берега название угорского? Погодин говорит: «Место об Аскольде и Дири в Архангельском списке, испорченное переписчиками, удовлетворительно поправляется Лаврентьевским списком: при доста Олегъ... и приплу подъ Оугорьское, похоронивъ вой своя, и приела ко Асколду и Дирови, глаголя: яко гость есмь, идемъ въ греки отъ Олга и отъ Игоря княжича; да придетъ къ намъ къ родомъ своимъ». Но как Погодин само продолжение, так Круг забывает объяснение продолжения этого места: «И убиша Аскольда и Диру, не соша на гору, и по-

гребоша и на горе, еже ся ныть зоветь угорское, кде ныне Олминъ дворъ». Эти слова, очевидно, содержат этимологическое объяснение слова Угорское, от погребения на месте, носившем это название, венгра Аскольда. На это объяснение указывает и само размещение слов «еже ся ныне зоветь угорское», поставленных не после первого предложения «несоша на гору», но после следующего за ним «и погребоша и на горе»; и чтение Полетиковского списка «еже и ныне нарицается Угорское», как относящееся прямо и исключительно к местоположению могилы Аскольда. Относить эту этимологию не к первому, а ко второму помину об этом месте и его названии, натяжка тем менее дозволительная, что повторения вроде приводимого Погодиным нередки в летописи; напр., под 915 г.: «Придоша печенези первое на Рускую землю»; а под 968: «Придоша печенези на Руску землю первое». Так и под 898 годом летописец буквально списывает уже сказанное им под 881: «Еже ся ныне зоветь Угорское».

Взятая с этой точки зрения сага или песня об Аскольде и Дире является вполне и логически довершенной. Основные пункты ее: инородность венгров Аскольда и Диры и варягов Олега и Игоря; хитрость Олега, основанная на присвоении себе угорской народности; название Угорским места погребения угорских династов. В понятиях норманнской школы слова «не племени его» грамматическая невозможность; «придета къ намъ къ родомъ своимъ» бессмыслица; «гость подугорской» вставка; «еже ся ныне зоветь Угорское» (о месте погребения Аскольда) случайность необъяснимая.

К доказательствам, взятым из летописи, я присовокупляю сказанное в другом месте (см. гл. XVIII) о существовании русского хаганата в 839—871 годах; о названии Киева венгерским именем *Sambath*; о вассальских отношениях русских династов к хазарским хаганам до водворения в Киеве

варяга-славянина Олега и т.д. Азиатское происхождение Аскольда падает не иначе, как с опровержением приведенных по этому поводу исторических документов и фактов.

Я перехожу к ономастическому вопросу.

Под 556 годом Феофан упоминает о посольстве, отправленном к греческому императору, Аскелом или Аскелтом, князем гермехионов, народа, живущего на берегах океана. Круг относит без дальних исследований это известие к германской народности, а имя Аскела считает тождественным с русским Аскольд. Но кому известны германские гермехионы? Думал ли он о Тацитовых гермионах: «*Proximi Oceano Ingaevones, medii Hermiones, ceteri Istaevones*»? Но в VI веке имя гермионов уже давно исчезло, уступив место названию свевов. Гермихионы или Кермихионы были тюркским племенем, обитавшим на восток от Дона, без сомнения, на берегах Каспийского моря, слывшего у греков под именем Океана от Страбона до Приска, Прокопия и позднейших времен. Сходства тюркского Аскел или Аскелт с русским Аскольд норманнская школа, вероятно, отрицать не будет; Круг почитал оба имени тождественными, а Байер производил русское Аскольд от скандинавского *Askel*. Прибавка конечного *д*, кажется, особенность южных русских племен; так Дир и Дирд, Свенгел и Свенгелд, Тур и Турд и т. п. То же имя Аскольд сокрыто, может быть, и под именем венгерского короля *Malescoldus* (*Malaskold?*), к которому бежал сын английского Эдмунда. Основное *old, olt* встречается в венгерских именах *Zoltan, Solt, Caroldu, Sarolt, Mykolth, Hadolth* и пр.

Я не знаю о Дире, имеет ли он соименников у мадьяров; если бы не слишком произвольная смелость предположения, я счел бы его за словено-русского князя, вассала и данника хазарских хаганов. Дир чисто славянское имя; у Масуди является славянский князь именем *Addir* или *Aldir*; д'Оссон читает *Dir*.

Алма и Алмин двор (Архангельск); *Ольма* прибавлено между строк в *Ипат.*; *Полет. Воскрес.* и *Никон.* читают *Ольма*, *Ольма* и *Олме*. Как Осколд из древнейшего Асколд, так Олма образовалось из первобытного Алма; срвн. Ондрей и Андрей, Олексей и Алексей и т.д. У г. Куника *Holma*.

Татищев заключает справедливо о крещении Аскольда как из свидетельства Фотия, так и из того обстоятельства, что христианская церковь св. Николы была построена над его могилой. Шлецер, вследствие своего изобретения понтийских 'Рѡс'сов, отличных по происхождению от настоящей руси, не допускает этого факта; после Эверса его опровергать не стоит. Удивительно сомнение Карамзина о построении Альмою или Ольмою церкви св. Николая: «Шлецер, — говорит он, — называет его строителем церкви св. Николая; почему? летописец не говорит этого». Имя Альмы (Ольмы) стоит, кроме Ипатьевского, и в тех именно четырех списках, которые сохранили нам чтение «гость подугорской». Пропуск того и другого в Лаврентьевском и иных списках одинаково бессмыслен; ибо что значат без имени Альма слова «на той могиль поставилъ церковь святаго Николу»? Кто поставил? Над могилой крестившегося угрина Аскольда поставил церковь св. Николая христианин угрин Альма, Ольма; это имя есть не что иное, как венгерское (латинизированное) *Almus*. Туроц читает *Alm* и *Alom*. Окончания на *a* обычны в венгерских именах; напр., *Tulma*, *Oluptulma*, *Boyta*. Венгерское происхождение имени Альма служит новым доказательством венгерского происхождения самого Аскольда.

Свенгелд, Мстиши и Лют. Списки Пол., Воскр., Арх. и Никон, знают Свенгелда воеводой Игоря уже в 915 году; о нем упоминается в последний раз под 975. На основании этих хронологических данных Шлецер полагает, что Свенгелд, отец Мстишин, отличен от Свенгелда, отца Лютова в

975 г.; но, кажется, без достаточной причины. Из свидетельства летописи видно, что Свенгелд, воевода Игоря и отец Мстишин, Свенгелд, воевода Святослава и, наконец, Свенгелд, воевода Ярополка и отец Лютов, одно и то же лицо. Под 971 г.: «Створивъ же миръ Святославъ съ греки, поиде въ лодьяхъ къ порогомъ, и рече ему *воевода отень Свендель*: поиди княже, на конихъ около, стоять бо печенъги въ порозьхъ». Слова «воевода отень» определяют тождество Свенгелда, воеводы Святослава в 971 году, с Свенгелдом (отцом Мстишиным), воеводой Игоря в 945. Далее под 972 г.: «Поиде Святославъ въ пороги, и нападе на нь Куря, князь Печенежский, и убиша Святослава... *Свеналдъ* же приде Киеву, къ Ярополку». Очевидно, этот Свенгелд, пришедший к Ярополку в 972 году, не отличен от Свенгелда, воеводы Ярополка (отца Лютова) в 975. Сомнение могло бы пасть только на Свенгелда, воеводу Игоря в 915; в 975 ему было бы около 80 лет. Но здесь должно заметить: 1) что «саны или достоинства, высшие должности принадлежали у нас в древности известным родам и передавались как бы по наследству от отца к сыну, подобно сану княжескому». Вышата был воеводой Ярослава в 1043 году; Ян, сын Вышатин, ходил воеводой на половцев еще в 1106. Между воеводством отца и сына его, по крайней мере, 63 года. Свенгелд мог быть сыном воеводы Олегова и наследовать двадцати лет должности отца своего; 2) что русские князья всегда чтити и держали *отних мужей*; так *Лавр, под 1096 г.*: Святополкъ и Володимеръ послаша къ Олгови, глаголюще сице: поиде Киеву, да порядъ положимъ о Рускей земли, предъ епископы и предъ игумены, и *предъ мужи отецъ нашихъ*». *Ипат, под 1182*: «Оставиже (Володимер) у нихъ воеводу Фому Назаквича, а другаго Дорожая, *то бо бяшетъ ему отнь слуга*» и пр. Свенгелд переходит от Игоря к Святославу, от Святослава к Ярополку.

При множестве вариантов Свенгелдова имени, проявляющихся в трех главных формах: Свенгелд, Свеналд и Свентелд, этимологические исследования теряют необходимую для них прочность лингвистического основания. «Имя Свенделда или Свинделда, — говорит Байер, — находившегося между варяжскими воеводами князей Игоря и Святослава, есть настоящее скандинавское, и так, что мне советую приводить пример из такого множества». Г. Куник избирает форму Свеналд (у скандинавов *Svenald*), относя все остальные к неведению переписчиков. Но как в Лаврентьевском списке форма Свеналд, так в Ипатьевском преобладает форма Свенгелд. Я читаю Свенгелд потому:

1) что гораздо естественнее предположить у переписчиков выпуск, нежели прибавку одной лишней буквы; *tywun* переходит у нас в тиун, *Mestiwoi* в Мьстиуй, но не наоборот; так и Свенгелд в Свеналд;

2) что то же имя и, по всей вероятности, та же личность встречается и у Льва Диакона под формой *Σφεύκελος*, близко подходящей к нашему Свенгелд, но отнюдь не к норманнскому *Svenald*. Обыкновенно принимают, что Свенкел убит под Дористолом; но слова как Льва Диакона, так и Кедрина могут относиться к раненому в сражении. Ни в каком случае нет причины отделять Свенкела, *первого* на Руси по Святославе у Кедрина, от Свенгелда, *первого* на Руси по Святославе, в летописи и договоре с греками. При всем богатстве германо-скандинавской ономотологии она не знает или еще не отыскала соименника Свенкелу; г. Куник указывает или на скандинавское *Svenke*, или на составное, предполагаемое *Svenkel*, или на мифическое *Fengo*, или на женское *Fenja*. Свенкел, по всем вероятностям, литовское Свинкели, Свелкений, то есть искаженное *Svengiel*. Конечное *δ* в форме Свенгелд (вместо *Svengiel*), как уже сказано, особенность древнерусской ономотологии.

Был ли Свенгелд родом литвин или поморский венд с литовским именем? При тесной связи Помория с Литвой оба предположения равно возможны. На последнее указывают славянские (западные) имена его сыновей, Мстиш и Лют. Мстиш, сокращенное Мстислав, является именем чешского вельможи под 1061 годом: «Mztis comes»; Лют, по-чешски Luta, именем пустимирского жупана в 1034 г.; отсюда уменьшительные и составные: Lutek, Lutik, Lutko, Luten, Luthomissel, Lutmir, Lutobran, Lutohnew, Lutbor и т.д. Погодин видит в словах летописи «тоже отецъ Мистишинъ» примету, что они писаны тогда, когда жил сей неизвестный Мстиша, след., не позднее начала XI века; сын современника Свенельдова не мог жить долее. «Не может быть, — прибавляет он, — чтобы эти слова принадлежали Нестору; к чему бы ему означать неизвестного боярина родством с Мистишею, о котором после он не говорит ни слова». И г. Куник полагает, на основании вышеприведенного замечания Погодина, что слова «тоже отецъ Мъстишинъ» позднейшая вставка переписчиков. Но из летописи невозможно заключить о существовании двух воевод Святослава, первого Свенгелда, другого — неизвестного боярина, отца Мстишина. Арх. список читает: «тоже (т.е. он же) отец Мстишлашин и Лютов», а Шлецер переводит правильно: «Дядькою был у него Ясмунд, а воеводою Свенелд, отец Мстиславов». Обычай обозначать известные лица напоминанием о родстве существует у всех славянских народов. У нас Вышата отец Янев; Туки Чудин брат, Мирослав Хилич внук, Ольстин внук Прохоров, Вячеслав Малышев внук, Божин внук и т.д.

Икмор по свидетельству Кедрина, первый после Свенгелда в войске Святослава. Г. Куник полагает, что Икмор славянская форма скандинавского Ingimar.

Мы уже заключили о существовании личного, славянского Ingmer или Ingmir (в русской форме Игомир). У Саксона Грамматика: «*Ismarus rex Slavorum*».

Ясмуд, кормилец Святослава в 945 году. У г. Куника Asmund и Asmodr.

О существовании у вендов личного имени Jasmund, Jasmud свидетельствует местное jasmund, название восточной части острова Рюгена, некогда вместилища Ранограда и Арконы. Личное Ясмуд или Асмуд относится к волостному Ясмудь (Jasmund, Asmoda), как личное Stodor к волостному Стодорь, Stodor; как личное Zirmunt, Zirmut к волостному Zirmunti; как личное Halogi к местному Halogaland. Впрочем, до сих пор еще не решено, не было ли города Jasmund (Ясмудь) в земле этого имени; Миллер принимает существование города Asund (сканд. форма славянского Jasmund) на основании Книтлинга-саги. Форма Ясмуд составилась из коренного *Яс* и конечного славяно-литовского *мунт, муд*; срвн. Olomut, Dumud и т.д.

Малуша, Ольгина ключница, мать Владимира. — *Малко* Любчанин ее отец.

Погодин считает Малушу норманнкой, полагая, что Малуша быть может то же, что и Малфредь, с переменой норманнского окончания на славянское. «Малк, — говорит он, — мог быть мужем, посаженным от Олега в Любече»; но Малуше, рабе, не доводилось быть дочерью княжого мужа. Мал чисто славянское имя; Малко относится к нему, как уменьшительное Радько к имени Рад, Михалко к имени Михаил и т.д. У чехов под 1230 г. Malko; у поморян под 1219 также Malko; у ляхов Malkovic и в грамоте 1519 г. Иван Малка. Что женское Малка или Малуша происходит от мужского Малко, не требует доказательств.

Монах Оддур зовет Владимирову мать (Малушу) ворожеей, pythonissa, Spakona. Это древнейшее свидетельство о колядском гадании на Руси. Круг основывает на словах Оддура мнение, будто бы языческая Русь справляла скандинавский Иулский праздник, Jol- или Julfest. Но сканди-

навское Jolfest праздновалось, как общеславянская коляда и римские brumalia, 24 декабря; Оддур Мунк не мог передать коляды иначе, как своим festum jolense. Так и в хартейной Кормчей XIII века о врумалиях: «Сице глаголемыя коляды». У скандинавов сам праздник Рождества Христова сохранил языческое наименование Иулского: «Legibus sanciri fecit (rex Hakon), ut festum jolense ethnici auspicarentur eodem, quo Christiani tempore;... olim vero a nocte, Hokunott dicta, id est a nocte mediae hiemis, festum jolense auspicabatur, quod per triduum mansit». «Die S. Thomae sacro ante festum Jolense» etc. Если в выражении «festum jolense» о русской коляде видеть доказательство ее скандинавского происхождения, то нет причины не допускать поклонения Юпитеру германских язычников на основании выражений «a presbytero Jovi tactante» или «*robur Jovis*», а изваяния греко-римского язычества не принимать за изображения вольсунгов и азов. О волхвах, гаданиях и женщинах-ворожеях сохранились бесчисленные предания в русских песнях и летописях; любопытно, что как у скандинавов ворожеи Spakonur, так у литовцев волхвы именовались Swakones.

Добрыня, брат Малушин. У болгар Добрина; у поляков Dobrina и Dobrin, Dobryn, Dobrzyn.

Претичь, воевода Святослава в 968 г. Г. Куник считает это имя скандинавским (прозвищем) frettr со славянским окончанием на *ичь*. Претичь — Претча (Pretza). Корень имени Прет от древнеславянского прет — *minaе*, прети — *contendere* (*Miklos.*); у вендов составные: Pretslaw, Prethslaw, Pretbor и т.д.

Рогволод и Рогънедь. Байер приводит германо-скандинавские: Raghwaltr, Ragnwald, Roegnvald, Rotvidha, Ragnhilda, Ragnilta. Г. Куник указывает на формы: Rognvaldr, Ragnheidr.

Рог, Roh древнее общеславянское имя. Под 1096 г. летопись знает новгородца Гуряту Роговича; Roh, личное имя у

чехов. Отсюда и Рогволод, по примеру составных Всеволод, Володимир, Беловолод и пр. Напрасно отзывается г. Куник об имени Рогволод, как о неслыханной в славянщине ономастической форме. Rohowlad личное имя у чехов.

Г. Куник полагает, не без основания, что удержание звука *n* в имени Рогнедь указывает на существование этого звука в производящей, коренной его форме. В самом деле Рогнедь не непосредственно от Рогъволод, а от основного Рог, Roh, через прилагательное *rozni*. Отсюда чешские *Rozneta* и *Roznet*, относящиеся к формам *Rohneda* и *Rohned*, как *Vozen*, *Vozena* к формам *Bohun*, *Bohuna*. У нас первобытное западное *Roznet* сохранилось в новгородских летописях: «Въ лето 6643. Заложил той же князь Всеволодъ Святую Богородицу на Торгу, а Рожнетъ Святаго Николу на Яковлевоу улице». «Въ то же лето заложил церковь камяну Святыя Богородицы на тѣрговищи Всеволодъ, Новѣгородѣ, съ архиепископомъ Нифонтомъ. Томъ же летъ и Рожнетъ (вар. Ирожнетъ), заложил церковь Святаго Николы, на Яколи улице». Г. Куник принимает это имя за мужское; но по окончанию (срвн. Лыбедь, Эстредь, Малфредь, Димудь) оно принадлежит к женскому роду. Вероятно, эта Рожнетъ или Рогнедь была сестрою или женою Всеволода Мстиславича.

Рогволод пришел из-за моря и является в летописи владельцем полоцким князем. Что этот, носящий бесспорное славянское имя князь вышел из того же заморья, из которого вышли Рюрик и братья его, кажется несомненно; в Швеции ли искать это заморье? Но мы уже видели, что норманнских князей, владельцев родичей Рюрика, у нас не было, да и быть не могло. Должно полагать, что Игорь имел сестру или дочь, которую отдал за поморского князя, отца или деда Рогволодова, а Полоцк в вено; слова летописца: «Бе бо Рогъволодъ пришелъ изъ заморья, имяше власть, (вар. волость) свою въ Полотьске, а Туръ въ Турове, отъ него

же и туровци прозвашася» доказывают, что подобно, быть может, Олегу Рогволод и брат его Тур вели свое старшинство из Поморья, общей отчины вендо-варяжских князей; они не получили, но имели от прежних времен по наследству свою отчину в Полоцке и Турове, состоявших до окончательного их присоединения к варяго-русской державе при Владимире в волостном отношении к Поморию.

«Не хочу розути робичича», — говорит Рогнедь о Владимире. У германских народов жених обувал невесту или дарил ее обувью. «Наш германский обычай, — говорит Яков Гримм, — особенно налегает на обутие невесты; русское предание на розутие жениха». Ломоносов и Татищев знали о существовании обряда розутия жениха невестой у русских крестьян; Олеарий упоминает об этом обыкновении в своем Описании России XVII столетия; г. Соловьев указывает на тот же обряд у литовских племен. Но если допустить скандинавское происхождение варяжских князей, каким образом могла норманнка Ragnheidr ожидать от норманна Waldemar'a никогда у норманнов не существовавшего унижительного обычая?

О сношениях и в позднейшее время потомков Рогволода с Поморием свидетельствует Татищев по летописи Еропкина; Борис Давидович, князь полоцкий (1217 г.) был женат вторым браком на Святохне, дочери поморского князя Казимира; она замышляла о новом подчинении полоцкого княжества Поморию.

Туры, брат Рогволода. Г. Куник ссылается на имя скандинавского громовержца Тора.

У чехов и сербов: Tura, Тура; у ляхов: Tur, Thur; в Ипат. л. под 1208 г. Петр Турович. «Как Туров и Турец, — говорит Шафарик, — так Тур, Туры древнейшие славянские наименования мест и людей».

Блуд, воевода Ярополка в 980 г.. У г. Куника: Blotmar, Blotsveinn, Blodlin, Blundkettill, Hrisablundr. Блуд одно из са-

мых обыкновенных западнославянских имен. В Новгород. л. под 1230 г. — Волос Блуткинич.

Борис, по свидетельству Иоакима и тверской летописи, сын Владимира от греческой царевны Анны. Нестор называет ее болгарыней без сомнения потому, что она вела свой род от Василия Македонянина. Г. Куник ссылается на Шафарика, приводящего имя Борис в числе гунно-болгарских, по-славянски будто бы не звучащих имен. Нет сомнения, что оно было преимущественно в употреблении у болгарских славян, но как славянское, а отнюдь не финно-уральское имя. Мы встречаем его во всей Славянщине и под его полной формой *Борислав*, и под сокращенной *Борис*. Дитмар знает в 1005 году двух поморских бояр Бориса и Незамысла. В Силезии под 1234 г. местечко Borissow. От славян перешло имя Бориса и к венграм; Борисом (Boriarig) назывался воевода императора Ман. Комнина; он был от рода Гейзы.

Глеб, брат Борисов от одной матери. Г. Куник приводит скандинавские *Gliph, Gliber, Glibor*; в дополнениях к «Каспию» г. Дорна он останавливается на хазарской форме Глиабар. *Глеб* и *Хлеб* одно имя; в сербском прологе XIII века у Калайдовича: «Въ тѣжде день светою мученику, рушьскою царю, Борыса и Хлъба». У чехов под 840 г. *Chleboslav*. У поляков личное *Gleba* и местное *Glebovo*.

Ждѣберн. В слове *Успение в. к. Владимира* читаем: «Шедъ взя Корсунъ градъ; князя и княгиню уби, а дщерь ихъ за Ждѣберномъ. Не распустивъ полковъ, и посла Олга воеводу своего съ Ждѣберномъ въ Царьградъ къ царямъ, просити за себя сестры ихъ». Г. Куник думает о норманнском *Sigbern*; но этому имени, по законам лингвистических аналогий, приходилось бы скорее проявиться под формой *Жигоберн*; срвн. *Сигисмунд* и *Жигимонт*; звук *д* не имеет смысла при передаче норманнского *Sig*. Начальное *ждѣ*, *жди* чисто славянского свойства и происхождения; так напр., *Ждан*;

Жидимир, Жидислав. *Берн*, как увидим, равно принадлежит славянской и скандинавской ономотологии. Ждьберн мог быть мужем, посаженным Владимиром в Тмутаракани.

Рахдай, один из сказочных богатырей времен Владимира. «Того же лета (1000 г.) преставися Рахдай удалой, яко наеждаше сей на триста воинъ». Г. Куник производит имя Рахдай от *предполагаемого* норманнского Rogndagr, германского Regintac. Имя Рахдай, быть может, монголо-уральского происхождения; срвн. Себедяй, Бурундай и т. п. С другой стороны, Рах общеславянское имя. «Сын боярский, Михайлович, именем Рах». Форма Рахдай, Рогдай могла составить и по образцу славянских Доброжай, Буслай, Дунай, Волдай и т. п.

Путьша, Талец, Еловитп, Ляшко, Горясер, Торчин, убийцы Бориса и Глеба. Из них славянскими кажутся: Путьша, срвн. чешское Pouta под 1052 г., сербское Путко и т. д., Ляшко и Горясер. Шафарик сравнивает последнее с западными Neuzir, Radzir, Wratizir; но окончание на *жир* существует у нас под обычной формой; срвн. Нажир в Правде Мономаха; Жирослав Нажирович в 1160 г. и т. д. — *Талец* имя, вероятно, половецкое. *Еловит* (вар. Еловичь), кажется, то же, что половецкое *Елчиць*. *Торчин* (как Ляшко, Варяжко, Ятвяг) личное имя, взятое из народного; срвн. Торчин, именем Беренди, овчюх Святополчь.

Буды (Будый), кормилец и воевода Ярослава. Западнославянское имя, тождественное с оботритским Buthue. Срвн. чешские и польские Buda, Budata, Budek, Budik, Budislaw и пр.

Якун (Акун), имя единственного нам известного по летописи варяго-норманнского конунга (князя), в 1024 году; здесь, без сомнения, тождественное со скандинавским Nakun, Након. Но следует ли отсюда норманнское происхождение самого имени и норманнство его для всех Якунов нашей истории? Скандинавы передают славянское Прислав своим

Fridlevus; славянские Рогволод и Ратибор своими Regnaldus и Rathbardus и т. д.; русь должна была передать норманнское Накун славянским Якун, Акун. Феофилакт упоминает о славянине Якуне, иллирийском воеводе и князе в 531 г. Нынешняя крепость Петервардейн является в Пеутингеровой таблице под формой Ascupum. Что под именем гуннов в VI веке у Феофана и Кедрина разумеются славяне, известно. Юстиниан (Управда), крестивший иллирийского Якуна, был сам славянин; вместе с Якуном упоминается у Феофана и о другом славянском вожде Годиле.

Якун составлено из коренного Як и суффикса *ун*, по примеру общеславянских *Bohun, Marun, Pegun*, Ярун и одинаковой с ними формации *Budon, Drahon, Hnewon, Mladon, Ярон* и т. д.

Улеб, новгородский посадник; киевский тысяцкий в 1147 г. Имя *Улеб* встречается также в числе послов Игоревых. Г. Кунник приводит скандинавское *Ulifr*; Шегрен отыскал даже никоновского *Улеба* в *Ульфе*, сыне *Ярла Рагнвальда*. Байер и Шлецер угадывают скандинавское *Rolf* в *Рулаве Игорева* догавора; но если *Rolf* — *Рулав*, почему же *Ulf* не *Улав*, а *Улеб*?

Я думаю, что *Улеб* русская форма вендского *Godleb* или *Hodleb*, дошедшего до нас в германизированной форме *Godelaibus*. Переход западного *Hodleb* или *Hudleb* в словено-русское *Улеб* совершается по всем правилам славянской лингвистики. Русское наречие не любит придыханий; западное *gmeno* по-русски *имя*; *Holgost* — *Ольгость*. С другой стороны буква *ð* выпадает перед *л*, как в словах: *mydlo* — *мыло*; *sadlo* — *сало*; *Dudlebi* — *дулебы* и т. д. Эйнгардово *Godelaibus* (*Hodleb* или *Hudleb*) не могло быть усвоено русскими славянами иначе, как под формами: *Олеб*, *Улеб*. Другую родственную форму имени *Улеб* являет чешское личное *Weleba* (величество). У нас *велебный* — *вельможный*. *Олеб* (*Улеб*) и *Велеб*, как *Olen* и *Welen*.

Шварно, киевский воевода в 1146 г.; сын Даниила Галицкого в 1213. У Длугоша «Swarno»; у Стрыйковского «Swarno albo Swarmir». Г. Куник указывает, впрочем только условно, на Саксонова Swarinus или Оссианова Swaran.

Карамзин упоминает о супруге Всеволода Георгиевича Марии, дочери чешского князя *Шварна*. Тело ее лежит во Владимире в Успенском девичьем монастыре, в приделе Благовещения, в алтаре, и в надписи сия княгиня именована Марфой Шварновной. Имя Марфы дано ей в монашестве.

Шварно имеет определенный смысл в славянских языках; по-чешски swarnу — опрятный. Под 556 г. Агафий знает славянина Шварна, служившего в греческих войсках.

* * *

Мне остается сказать несколько слов о действительно норманнских именах в династии варяго-русских князей. Таковы: Holti, сын Ярослава Владимировича; Harald (Мстислав), сын Владимира Мономаха; Malmfrida и Ingibiarga, дочери Мстислава. В этом обстоятельстве норманнская школа видит торжество своей системы; она основывает на нем мысль, что при своих славянских именах князья имели норманнские, прилагая, впрочем, это правило только к некоторым князьям Рюрикова дома; оговорка, в сущности, правильная; неверная, как увидим, по выводимым из нее заключениям.

Как у славянских (преимущественно вендских), так и у германо-скандинавских племен было в обычае прилагать к туземным именам детей (по крайней мере одного из них) иноземные имена по народности матерей. Что прозванием детей распоряжались преимущественно матери, узнаем мы из саги Олафа Святого. Отсюда, то есть вследствие брачных союзов со славянками, происходят по большей час-

ти славянские имена в скандинавской истории; напр., Яромир; Воислава (Woizlawa), дочь норвежского короля и супруга оботритского князя Прибислава около половины XII столетия; Борислав, датский принц в 1167 году. Это обыкновение встречаем и у вендов, и на Руси. Сын оботритского князя и датской королевы прозван германским именем Генрих; сын (без сомнения) славянской супруги, славянским именем Буды. Из двух сыновей Прибислава и Катарины, *сестры датского* Валдемара, один носит славянское имя Святополк; другой прозван матерью скандинавским именем Канут. Датский король Эрик, мнимый составитель приведенной выше хроники, был сыном Братислава VII, поморского герцога и *датской* принцессы Марии. Сыновья русского Владимира именуются по народности матерей; один из сыновей вендской Эдлы (у Иоакима Адель) носит западное, нерусское имя Станислава; сын чехини, чешское имя Вышеслава; сыновья болгарыни, болгаро-славянские Бориса и Глеба. Как у норманнов, сын Астриды известен под именем Svein Astridson, так у нас Василько, сын Марии, дочери Мономаха, — под именем Маричич; сын Анастасии — под именем Олег Настасьич. Всего яснее выказывается это обыкновение в отношениях Руси к языческим половцам; мы встречаем у них князей со славянскими именами; у нас бояр и мужей с половецкими; без сомнения, вследствие взаимных браков. Под 1095 г. упоминается об *Ольбеге* (Елбехе) Ратиборовиче, сыне киевского тысяцкого при Мономахе; под 1147 о Судимире *Кучебиче*; под 1159 о Тудоре *Елчиче*; под 1162 о Торчине *Войборе* Нечечевиге и т.д. В Синописе сказано, что Андрей Боголюбский до крещения своего именовался Китаем. Отец Андреев Юрий Долгорукий женился в 1107 году на половецкой, дочери Аэпиной, внучке Осеневой; поэтому Андрей не носит княжого русского имени, а половецкое Китай.

Применяя это правило к норманнским именам в династии руссо-варяжских князей, мы видим, что таковыми от-

личаются *только те члены ее*, которые были норманнского происхождения по матери. Holty сын Ярослава и *шведки* Ингигерды. Harald (Мстислав) сын Владимира Мономаха и *англо-норманнки* Гиды. Malmfrida и Ingibiarga дочери Мстислава и *шведки* Христины. Имена давались обыкновенно в честь *деда по матери*; дедом Мстислава-Гаральда был Harald Gudinson, король английский; дедом Ингибиарги, Inge Stenkilsson, король шведский; о датском Waldemar'e Саксон Грамматик говорит положительно: «*cui et materni avi nomen inditur*», то есть Владимира Мономаха. Если бы вследствие не браков, а норманнского происхождения варяжской династии нашим князьям прилагались норманнские имена при славянских, без сомнения, скандинавские саги, упоминающие так часто о Владимире и Ярославе, знали бы их как Голтия и Гаральда-Мстислава, под их норманнскими именами. Но Владимир был сыном русинки Малуши; Ярослав поморской варягини Рогнеди.

VIII. ВОПРОС ОБ ИМЕНАХ

С) Имена в договорах Олега и Игоря

Как факт уединенный в русской истории и выходящий из круга обыкновенных органических условий русской жизни, письменные договоры Олега и Игоря с греками представляют и в ономастическом отношении явление отдельное, не подлежащее общим законам исторического русского быта. Здесь присутствие германо-скандинавского начала несомненно, хотя далеко не может быть допущено в том преувеличенном размере, ни при тех исторических условиях и значении, на какие указывают представители норманнского мнения. В чем же заключается это значение? Откуда яви-

лись те 12 или 15 скандинавских имен (я более допустить не могу), которые встречаются в договорах? Какой настоящий смысл договорной формулы «мы отъ рода рускаго»? Для разрешения этих вопросов необходимы, с одной стороны, определение отношений, в которых норманны состояли к варяжской руси как отдельные лица и как народ; с другой, точное по возможности изложение системы заключенных между русью и греками дипломатических актов.

Отношения норманнов к руси, как дружинников и товарищей по войне, нам уже отчасти известны. Вместе с Рюриком и, как увидим, еще до него появляются на Руси скандинавские воины промышленники; их было, без сомнения, довольно в дружинах Олега и Игоря. О составном разноплеменном характере русских и скандинавских дружин в IX—X веке сохранилось немало свидетельств; славянские и чудские выходцы являются в скандинавских дружинах, как скандинавские, литовские, печенежские, угорские в дружинах варяжских князей.

Сын Никлотов Прислав воевал вместе с датчанами против руян; он был женат на сестре датского Валдемара. При Владимире стекалось в Киев множество ускоков-дружинников от норманнов и печенегов. Дружина Мстислава Владимировича, кажется, состояла преимущественно из хазар и касогов. Что при заключении мирных договоров храбрые в битвах избирались представителями своих набольших и в посольствах, сообразно с исторической необходимостью и понятиями века; норманн Сигвальд договаривается со Свейном от имени поморского Борислава; Эймунд является послом Ярослава и т.д. Народность дружинников (особенно при многочисленном составе посольства) не имела национального значения; мы видим Ятвяга в числе послов Игоревых. Заключение мирных условий, вероятно, предоставлялось одному или двум избранным лицам; остальные

принимали участие в посольстве ради одного блеска и для получения подарков.

Дружинное, чисто воинское начало проявляется яснее и определеннее в характере похода и форме договора Олега, нежели в Игоревых. Олег подчинил себе русские племена и мелких династов; но Русь еще далека от слияния с варяжским началом. Его послы-дружинники договариваются от его имени, от имени его бояр и сущих под его рукой русских князей; отдельных послов, представителей общих интересов Руси в лице каждого из членов-собственников и правителей новоустроенного общества, еще нет; дружина преобладает над государством; характер дружинника над характером владельца земли. При Игоре уже прежние князья вошли в состав новой монархии; их интересы неразлучны с интересами Игоря; военачальники и бояре поморские обратились из дружинников в наследственных обладателей земли; у каждого из них (так у Свенгельда при Игоре) есть свои сподвижники, приближенные; они-то являются частными послами в Игоровом договоре. Понятно, что в числе этих приближенных должны были находиться личности иноземные; при тогдашнем состоянии русского общества предприимчивых, бывалых дружинников, опытных в морском и ратном деле, было сравнительно более между вендами и норманнами, нежели между туземцами; их назначение послами было наградой за услуги, оказанные на войне; греки дарили послов; а до какой степени варварские народы дорожили подарками, известно; Атилла изобретал предложения к посольствам для обогащения и вознаграждения своих приближенных. Вот почему, при исключительном славянстве княжеских и боярских имен, начало норманнское и вообще иноземное проявляется в именах послов-дружинников; сверх участия в добыче русские князья платили им греческими подарками.

Но кроме особых, случайных отношений норманнских дружинников к варяжским и русским князьям история знает о постоянных, преимущественно торговых и промышленных сношениях норманнов с Русью, а посредством Руси с Востоком и греческой Империей.

Мы уже намекнули (гл. V) на это сотоварищество обоих народов; ниже увидим мы норманнов, торгующих вместе с Русью в Болгаре, Итиле, Царьграде; вступающих вместе с русью на службу к греческим императорам. При этой общности интересов обеих народностей походы Олега и Игоря против греков и последовавшие за ними мирные договоры, представляются как бы общим делом и принадлежностью руси и норманнов; присутствие норманнских личностей и имен в числе русских послов (особенно гостей, поименованных в Игоровом договоре) объясняется само собой. Норманнские гости являются самостоятельными представителями общих интересов норманнства.

Не менее тесно соединен вопрос об именах и народности лиц, принимавших участие в договорах Руси с греками, с вопросом о дипломатической системе, по которой эти акты заключались. Для определения настоящего смысла заглавной формулы «мы отъ рода русаго»; для объяснения причин невероятного искажения имен в договорах необходимо установить, кем и на каких основаниях составлены оригиналы; кем и для кого сделаны переводы. О внешней форме договоров писал Эверс: «Изготавливать договорные грамоты в двух экземплярах было обыкновением греческого двора; разумеется, что при этом употреблены были греческие чиновники и что, следовательно, первоначальный проект договоров писан по-гречески. Варвары получали экземпляр на своем языке, нередко подвергавшемся насилению. Этим объясняется совершенно естественно мудреный язык Олегова договора».

В виде объяснения Эверс прилагает выписку из Менандрова описания договора, заключенного греками с персами в 628 году.

В описании Менандра я отличаю три главных момента: 1) конференция; прения; проект договора, составленный каждой стороной на своем языке; перевод персидского проекта на греческий, греческого на персидский язык; сличение; согласование; 2) изготовление по одобренным проектам двух договорных грамот, персидской и греческой; употребление каждой стороной своих канцелярских и дипломатических форм; приложение печатей; обмен документов; персы получают греческую, греки персидскую грамоту; 3) Зих вручает Петру греческий перевод с персидского оригинала; Петр Зиху персидский перевод с греческого оригинала; переводные экземпляры не носят печатей послов. Существенное отличие в системах персо-греческих и греко-русских договоров следующее: греки договариваются с персами на равной ноге; по согласовании в условиях, каждая сторона изготавливает свой оригинал, на своем языке, по своим дипломатическим формам и церемониалу двора своего. Ничего подобного у нас не было и быть не могло. О составлении оригинальных грамот, одной на греческом, другой на славянском (русском или болгарском) языке, не может быть речи; перевод очевиден. По-гречески были писаны оба экземпляра договорных грамот при заключении мира с болгарями в 765 году; болгарско-славянской или гунно-уральской грамоты в VIII веке не существовало. Император Алексей Комнин посылал еще в конце XI столетия (1083—1096) Синезия к печенегам с заготовленными договорными грамотами; и здесь нельзя думать о печенежском письме. Крещенные хорваты писали, без сомнения, по-латыни; того же мнения и Добровский. Как содержание, так и форма дошедших до нас договорных греко-русских грамот явно доказы-

вают, что оригиналы этих актов, от кого бы они ни шли (от греков ли к руси или от руси к грекам), писаны по-гречески императорской канцелярией от первого до последнего слова. Относительно содержания: в обоих договорах обязующими являются одни греки; в статьях об уголовных преступлениях русин именуется перед христианином; в статьях клятвенных крещеная русь перед некрещеной; общий смысл договоров явствует из заключения статей в (идущем от руси к грекам) Олеговом: «Си же вся да творять русь грекомъ, идеже аще ключится таково». Относительно формы: языческая русь изъясняется чуждыми ей христианскими формулами; титуляция русских князей идет от греков и т. д. Впрочем, система составления греко-русских договорных актов довольно ясно определена словами Игорева трактата: «Мы же совещаще все написахомъ на двою харатии, и едина харатия есть царства нашего, на ней же есть крестъ и имена Наша написана, а на другой послы ваши и гости ваши». Здесь только два экземпляра, две харатьи, писанные византийскими греками; они сами объясняют русским князьям формальное отличие обеих грамот; на одной крест и имена императоров; на другой, писанные греками же, имена русских послов; о двух редакциях или двух языках (как при заключении договора с персами) не говорится. О договоре Святослава сказано в летописи: «Царь же наутрия призва я, и рече царь: да глаголють сли рустии. Они же реша: тако глаголетъ князь нашъ, хочю имети любовь со царемъ гречьскимъ свершеную прочая вся лета. Царь же радъ бысть, повеле писцю писати вся речи Святославль на харатью; нача глаголати солъ вся речи, и нача писецъ писати». Писец был, разумеется, или Цимисхий грек, писавший под диктовкой драгомана, или, в крайнем случае, греческий славянин; писал он не иначе как по-гречески; русский посол своего писца не имеет.

Письменных договоров требовали, разумеется, греки. При заключении подобных актов с варварскими народностями дело византийской канцелярии, относительно внешней формы, было: 1) обеспечить, по возможности, греческую империю на счет ненарушимости со стороны варваров заключенных с ними условий; 2) облечь эти условия в обыкновенную, у греков установленную, форму.

К достижению первой из этих целей у греков было два средства: 1) Клятвенные обязательства со стороны варваров. — Греки знали, что для варварских народов вообще клятвы имели большое значение; поэтому они обращали особое внимание на этого рода обязательства, узнавали подробно религиозные обряды и клятвенные формулы варварских народностей и не пренебрегали в этом отношении никакими подробностями. Русь они заставляли клясться, по русскому закону, языческими богами Перуном и Волосом и оружием своим. Обнажение оружия при клятвах («а некрещеная русь полагають щиты своя и мече свое наги») встречается и у аваров. Клятва золотом имела, кажется, смысл наговора, накликания на клятвопреступника желтого недуга, желтухи или златеницы (лихорадки). О самообречении языческой руси на вечное рабство уже сказано выше. К обряду клятв греки присоединяли заклинания как языческими богами, так и истинным христианским Богом: «И иже помыслить отъ страны Руския разрушити таку любовь, и елико ихъ крещенье прияли суть, да примуть месть отъ Бога Вседержителя, осуженья на погибель въ весь въкъ, въ будущи; и елико ихъ есть не крещено, да не имуть помощи отъ Бога, ни отъ Перуна» и т. д. «А иже преступить се отъ страны нашея, ли князь, ли инъ кто, ли крещень, или некрещень, да не имуть помощи отъ Бога, и да будетъ рабъ въ сий векъ и въ будущи» и т. д. «Будеть достоинъ своимъ оружьемъ умерти, и да будетъ клять отъ Бога и отъ Перуна, яко преступи

свою клятву». «Да имеемъ клятву отъ Бога, въ его же веруемъ, въ Перуна и въ Волоса скотья бога» и т. д..

Некоторые исследователи указывают на имя Бога в приведенных заклинаниях, как на доказательство существования у славян верховного бога, отличного от Перуна; я думаю — это ошибка. Богом богов или прабогом у вендских славян XII века является руйский бог Святovit, тождественный, как увидим, с русским Перуном. Имя Бога в договорах означает христианского Бога, карателя в случае клятвопреступления не только крещеной, но и некрещеной руси; на первую договор призывает мечь Бога вседержителя; на вторую — Бога и Перуна. Далее сказано: «аще ли преступить се... ли крещень, или некрещень, да не имуть помощи отъ Бога»; греки, видевшие в нападении варваров на империю особое небесное наказание, могли полагать, что в гневе своем Бог помогает язычникам против христиан; но отнюдь не призывать на *крещеную* русь мести языческого бога богов. Не придавая религиозного значения нарушению со стороны варваров клятв, которыми они обязывались своим языческим божествам, греки хотели сделать из них клятвопреступников в христианском смысле, почему и требовали от них выражения веры в христианского Бога, что и высказано в договоре Святослава словами «да имеемъ клятву отъ Бога, въ его же веруемъ»; следующие за тем слова «въ Перуна и въ Волоса скотья бога» искажены переписчиками; вероятно следовало «и отъ Перуна», как в Игоревом договоре. История народов показывает, что язычники всегда допускали существование и могущество чужих богов; биограф св. Оттона повествует, что славянский жрец советовал язычникам чтить христианского бога наравне со своими. В мирном договоре с персидским царем Хозроем в 628 году 12-я статья содержала, как и в наших, равные для язычников и для христиан заклинания истинным христианским Богом.

В 579 году аварский хаган клянется сначала оружием и своим языческим богом; потом христианским Богом и книгами Св. Писания.

2) Число и достоинство присягавших язычников. — У всех народов эти условия почитались обеспечением ненарушимости договоров. О многочисленном составе славянских посольств свидетельствуют Эйнгард и т.д. В обычае варварских народов отправлять многочисленные посольства для утверждения мира, греки находили новое ручательство в обеспечении своих интересов. Требуя присяги не от одного великого князя Руси, но вместе с ним и от прочих князей, от бояр и мужей его, греки приобретали тем большую уверенность в ненарушимости клятв со стороны варваров. Отсюда имена всех послов и князей и бояр, от которых они посланы, в договорах.

К внешним дипломатическим формулам греческой канцелярии, внесенным в договорные акты, принадлежали:

1) Заглавная формула: «мы отъ рода рускаго, съли и гостье» и т. д. В этой формуле норманнская школа видит доказательство скандинавского происхождения руси, «ибо кто, — спрашивает Погодин — причислял себя тогда к роду русскому? Карл, Фарлаф, Ингиалд, Рулаф, Руалд, Фаст, Турберн, Ивор и пр.». Г. Куник переводит: «Wir vom russischen Geschlecht», вследствие чего и вынужден отнести к ослабявшимся норманнам имена Святослава, Володислава и Предславы; остальные имена, по мнению его, чисто норманнские. С исторической точки зрения, эти положения решительно невозможны; допустив, засвидетельствованное летописью участие славянских племен в походах Олега и Игоря, нельзя не принять славянских личностей в числе их послов, ни обозначать этих личностей происхождением от русского (т. е. скандинавского) рода. Нельзя видеть одних норманнов и в поименованных в Игоровом договоре гос-

тях. Сама формула «мы отъ рода рускаго» значит ли «мы от племени россов в Швеции» или «мы от племени гредготов в...»? Могли ли норвежцы и датчане причислять себя к русскому роду и племени? Или их не было вовсе в дружинниках и послых Олега и Игоря?

Формула «мы отъ рода рускаго» — техническая, заглавная формула византийской дипломатики, соответствующая обычным формулам договорных актов, писанных греческой канцелярией от имени варварских народностей; она принадлежит Руси не более следующей за ней: «Къ вамъ, Львови и Александру и Костянтину, великимъ о Бозе самодержьцемъ».

Грекам не было дела до рода (в смысле благородства происхождения) тех двадцати или тридцати варваров, которые являлись в Византию менее для заключения договоров, чем для получения подарков от императоров; но тем более до ясного определения той народности, которой они были представителями.

2) Титуляционные формулы. При заключении греками договоров с народами более образованными и грамотными, напр., с персами, каждая из договаривавшихся частей составляла договорный акт от себя и вносила в него титул своего государя. Иначе поступали греки с народами неграмотными и малообразованными, каковы были русь; здесь как редакция обоих договорных экземпляров, так и титуляция русских князей шла от греков; при заменившем скифский титул хаганов словенском великокняжеском титуле русских князей, они прилагают Олегу и его боярам греческие титулы *светлости* и *светлых*; для побежденного Игоря и его приближенных нет особого титула.

3) Христианские формулы при вступлении и заключении договорного акта. «Наша светлость боле инехъ хотящихъ же о Бозе удержати и извъстити такую любовь» — «суть, яко понеже мы ся имали о Божии Вере и любви, гла-

вы таковыи» — «И отъ техъ заповедано обновити ветъхий миръ, ненавидящаго добра и враждолюбъца дьявола разорити» и т. д. — Шлецер пишет: «Все это так по-христиански! Знал ли норманн христианскаго дьявола? Знал ли его славянин?» Конечно, нет; и греки об этом мало заботились. Но так как редакция договоров шла только от них, язычникам же не было дела до иных, кроме договорных статей, они не стеснялись внесением и в составленный от имени Руси договорный акт своих христианскихъ понятий и формул. Здесь не было ни небрежности, ни торопливости, как думает г. Лавровский, а только одно, несколько высокомерное преобладание образованнаго начала над необразованнымъ.

4) Дипломатическiе формулы. — «На утвержеше же и неподвижеше быти межи вами хрестьяны и Русью, бывши миръ сътворихомъ Ивановомъ написаниемъ на двою харотью, царя вашего и своею рукою» и пр.. «Мы же съвещаньемъ все написахомъ на двою харатью» и пр.. «Се же имейте въ истину, якоже пинехрису сотворимъ ныне к вамъ, и написахомъ на хоратьи сей, и своими печатми запечатлехомъ».

Определивъ, такимъ образомъ, основныя начала оригинальной редакци, мы обращаемся къ вопросу о дошедшихъ до насъ переводахъ.

Прежде всего я долженъ восстать противъ мнѣнiя, будто бы мы имеемъ не полныя переводы греческихъ оригиналовъ, а только выписки, вроде сохранившейся у Менандра, изодранный лоскутъ отъ договора Святослава и пр. На какихъ доказательствахъ основаны эти предположенiя? В договорахъ Олега и Игоря передъ нами совершенно полныя документы, содержанiе: вступленiе; договорныя пункты; заключенiе; число года, мѣсяца и дня совершенiя договорнаго акта. Что въ началѣ и концѣ Игорева договора являются договаривающимися русь, а въ серединѣ греки, не доказываетъ ничего противъ его полноты; это палеографическая случайность, которой я

постараюсь представить в своем месте должное объяснение. Шлецер называет договор Святослава изодранным лоскутом, ибо, говорит он, «золотой буллы, наверное не было в Святославовой канцелярии; почему последние строки в отрывке относятся только к греческим императорам», а выше: «В начале говорит Святослав, а в конце греческий император». Русской золотой буллы, конечно, не было в канцелярии Святослава, не имевшего канцелярии; дошедшая до нас и греками, от имени Святослава, заготовленная золотая булла — вышла из канцелярии императорской. Мы уже видели, как, отправляя Синезия для заключения союза со печенегами, император Алексей Комнин снабжал его заготовленными заранее золотыми буллами; что эти золотые буллы предназначались для вписания в них договорного акта от имени печенегов, очевидно; золотой буллой, шедшей от греков, обязывался бы только один император. Русскому князю, стало быть, не греческому императору принадлежат слова: «Се же имейте въ истину, якоже пинехрису сотворимъ ныне к вамъ» и пр. Договор Святослава, как и прежние, имеет все требуемые условия полноты; краткость его объясняется (кроме изменившихся взаимных отношений руси и греков, о чем отчасти уже сказано в гл. V) и тем обстоятельством, что договорный акт писан не в Константинополе, а в Дористоле походной канцелярией Цимисхия, спешившего окончанием войны.

Круг, самый последовательный (последовательный до фанатизма) из норманистов, полагает, что договоры писаны по-гречески и по-скандинавски. Доказательств своему мнению он, разумеется, не представляет; да и прежде всего следовало бы доказать, что скандинавам-язычникам IX—X веков была известна та беглая, обиходная письменность, которой требовала редакция договоров. Но ни из раннего существования у скандинавов рунического письма, ни из

Римбертова известия о письме короля Биорна к Людовику Благочестивому в 831 году нельзя вывести этого поистине баснословного заключения. Сам Круг думает, что письмо, врученное Биорном Ансгария, было только подписано шведским конунгом. Предположение, будто бы постановления о пенях Гальфдана Черного (841—863) были изложены рунами на письме, не имеет исторического основания; по свидетельству Ари Фроде, древние исландские законы, сначала переходившие из рода в род по преданию изустному, облечены в письменную форму не прежде 1118 года. Если бы руническое письмо существовало для скандинавских уложений IX—X веков, норвежские жрецы и именитые люди, переселившиеся в Исландию в 874—930 годах, конечно, перенесли бы эти законы и это письмо в свое новое отечество. А при доказанном отсутствии юридических документов, писанных рунами в Скандинавии, имеем ли мы право предполагать подобные документы у мнимоскандинавской руси, не говоря уже о том, что на всем протяжении России, от Балтийского до Черного моря и Волги не найдено ни одного надгробного камня, со скандинавской рунической надписью, тогда как в одной Швеции их насчитано более 1600; тогда как северная и южная Россия изобилуют курганами и могилами, из коих первые, по мнению Кеппена, все без изъятия принадлежат варягам-норманнам?

Олег, Игорь и Святослав клянутся славянскими божествами Перуном и Волосом. Каким образом могли норманнские жрецы, писавшие договоры руническими северными письменами, заменить славянскими божествами, как мнимого изобретателя северных рун Одина, так и Тора, Ньорда и Фрею?

Наконец, если допустить греко-норманнскую редакцию или норманнский перевод договоров, откуда взялись славянские экземпляры, помещенные в летописи? Для кого пи-

сались они? Для норманнов Höelgi, Ingwar'a и?... норманнское имя Святослава мне неизвестно.

Шафарик, Погодин и все вообще исследователи, имеющие голос в вопросах славянской филологии, принимают болгарское начало в языке договоров.

Вернейшим признаком болгарского перевода должно почтеть те места договоров, в которых Нестор или его списыватели не заменили своим (у болгар не существующим) собирательным *русь*, болгарское множественное руси. Напр.: «и жаловатися почнуть руси», «да на роту идуть наши хрестяни руси».

Договоры переводились в Константинополе греческими болгарам по приказанию византийского двора для лучшего и вернейшего объяснения принятых со стороны языческой руси обязательств. Русь получала переводы не в смысле оригиналов, как думал Эверс, а только для памяти, как греки и персы — переводные экземпляры договорных грамот в Менандровом описании. К торжественной церемонии ратификации, происходившей в присутствии императоров и всего греческого двора, вероятно, принадлежали: 1) вписывание поочередно имени каждого из русских послов в заготовленный уже заранее договорный акт на греческом языке; 2) изустные клятвы и заклинания старшего из послов и присягание самих императоров; 3) приложение императорской подписи к экземпляру, шедшему от греков к руси; печатей русских послов к экземпляру, шедшему от руси к грекам; 4) торжественный обмен оригиналов. — Выдавались ли тут же русским послам или позднее болгарские переводы, решить мудрено; верным кажется, что русь получали: 1) греческий оригинал (снабженный императорской подписью) договора, шедшего от греков к руси; 2) греческую копию с (писанного по-гречески) договора, шедшего от руси к грекам; 3) болгарские переводы с того и другого. — Что

было в самом деле так, а не иначе, я заключаю из тщательного палеографического исследования тех экземпляров, которыми пользовался Нестор при внесении договорных грамот в свою летопись.

От договора Олегова он имел болгарский перевод экземпляра, шедшего от руси к грекам. Он внес его целиком в свою летопись.

От договора Игорева: 1) греческую копию с договора, шедшего от руси к грекам; оригинал находился в Константинополе; 2) болгарский перевод экземпляра, шедшего от греков к руси. — Переводный экземпляр договора, шедшего от руси к грекам, был, вероятно, уже затерян в конце XI — начале XII столетия; к этим предположениям я приведен следующими соображениями.

Мы уже видели, что в начале и в конце Игорева договора речь идет *от руси*; в середине, т. е. в статьях собственно договорных, юридических — *от греков*. Эверс заметил эту несообразность. Он говорит: «Договоры отличаются друг от друга по форме; Олегов составлен совершенно как настоящий мирный трактат между двумя независимыми народами(?); но в Игоревом, в противность всем формам обыкновенного договора, являются говорящими и договаривающимися одни греки». Очевидная и непростительная неверность. Греки являются говорящими и договаривающимися только в середине договора от слов «А великий князь русский и бояре его да посылають въ греки» и пр. до слов «напсахомъ харатью сию, на ней же суть имена наша написана» включительно. Выражения: «мы отъ рода рускаго»; «мы же, елико насъ хрестилися есьмы» принадлежат руси, а не грекам, почему и Эверсово объяснение, будто бы Игорев договор был только позднейшим дополнением Олегова, не имеет значения. Сам Эверс сознает, что оригинальные проекты договоров были изготовляемы греческими чиновника-

ми на греческом языке, а переводы вручаемы руси греками; могла ли византийская канцелярия составить дипломатический акт до той степени несообразный с законами здравого смысла, акт, в котором сначала говорит русь, потом греки, потом снова русь? Ясно, что внесенный в летопись Игореv договор составлен из выбора и соединения двух различных источников и редакций. Начало и конец переведены самим Нестором с находившейся у него греческой копии оригинала, шедшего от руси к грекам и содержавшей греческое начертание имен послов Игоревых. На русский источник указывает собирательное *княжьа* вместо *князей*: «Посланш отъ Игоря великаго князя рускаго, и отъ всякоя княжьа, и отъ всехъ людш Руския земля». На перевод Нестором с греческой копии, а не болгарскими с оригинала, указывает отсутствие в конце Игорева договора числа, года и месяца, выставленных в договоре Олеговом и, без сомнения, внесенных и в оригинальный греческий экземпляр, хранившийся в Константинополе, и в выданный императорской канцелярией Игорю (но затерянный в Киеве) болгарский с него перевод. Середина договора выписана буквально Нестором из переводного болгарского экземпляра греческого оригинала, шедшего от греков к руси. Полагал ли Нестор достаточным представить этот акт в его составной форме? Думал ли он переработать его впоследствии, согласно его назначению? Считал ли он себя неспособным, даже при помощи болгарского экземпляра, к переводу условных статей русским юридическим языком? Каждое из этих предположений имеет свою долю вероятности. Дело в том, что русского летописца (уже внесшего в свой временник копию с договора Олегова) более занимал договор, шедший от руси к грекам, нежели шедший от греков к руси; почему, за неимением славянского экземпляра его, он счел нужным перевести начало и конец с греческого; середину же, как содержащую одинаковые в том и другом экземпляре условия, выписал целиком из болгар-

ского перевода. При этих обстоятельствах искажение имен в обоих договорах совершенно понятно. В Олеговом Нестор имел перед собой болгарскую транскрипцию русских имен, писанных греками; в Игоревом греческое начертание этих имен. А как греки писали варварские имена, нам известно; Менандр, имевший перед глазами подлинник договора, заключенного с персами, называет персидских послов небывалыми персидскими именами. Да и западнославянские имена, коих встретим немало в договорах, были чужды руси и болгарам почти наравне с иноземными; польское *Mesko* (сокращенное *Mecislaw*) пишется в летописи: Мъжекъ, Межець, Межька, Межьско; полабское *Mstivoi* — Мстиуй; *Leško* — Лестько, Лестичъ и пр. Русский летописец XIII столетия пишет *Власлов* вместо *Wlaslaw*: «Той же самодръжець *Власловъ*, его же св. Савва именована *Владиславъ*». То же самое можно сказать и о западных летописцах. Сацавский монах, списывая кведлинбургские летописи, сохраняет немецкие искажения славянских имен: *Abottriti*, *Misacho* и пр. Длугош пишет *Radzyn* вместо *Радим*; *Sczyg* вместо *Щек*. Нестор исправляет только уже слишком ему известные имена; остальные поправки: Улеб вместо Улеп; Якун вместо Акун; Свирко вместо Сфирко — сделаны позднейшими списывателями, угадывавшими славянские имена под греческим искажением.

Принимая в соображение многочисленные варианты русских имен в договорах, я отношу к славянскому началу в договоре Олеговом следующие:

Вельмуд (вар.: Велмуд, Велмид, Веремуд, Веремунд, Вельмудр, Фъвелим). Тобиен думает о составлении формы *Вельмудр* из *велий* и *мудрый*. Но конечное *-р* явно пристало к форме *Вельмуд* от следующего Рулав, как начальное *ф-* в форме *Фъвелим* от предыдущего *Фарлоф*. Я указал в другом месте на равнозначимость коренных *вел* и *ол*: как Волин и Велин, Ольгощь и Велегощь, Олстинь и Велестинь, *Olen* и *Welen*, так *Olotut* и *Вельмуд*; отличие в произношении по наречиям.

Груды (вар. Грудый, Грудыи, Груду, Гроды, Гуды). Hrut, Grut, Crut, Hruto — личные чешские имена. В поэме Любушин суд — *Chrudos Klenowicz*, сокр. *Chrudoslaw*; срвн. Глеб и Хлеб, *Grut* и *Crut*. Окончание на *ы* особенность словенорусского наречия; срвн. формы *Гуды*, *Тукы*, *Буды* и пр.

Карин (вар.: Карн, Кар). Venator *Karen* под 1108 г. и город *Karin* в Далмации. У сербов *Карин* и *Каран*.

Фослав (вар.: Фаслав, Феллав, Фрелав, Феллад). Греческое искажение общеславянского *Воислав*, *Wojslau*. Сокращенное сербское *Фосько* указывает на полное грецизированное *Фослав*, *Воислав*.

Триан (вар.: Труан, Труане). У сербов мифический царь *Троян*, который выезжал только по ночам, боясь солнца, которое, наконец, его застигло и растопило. Окончание на *ан*, *ян* находим в именах *Боян*, *Творьян* и т. д.

Лид (списки читают: Лидульфост, Лидульфосте, Лидольфст, Лидолфост, Лидул Фолст, Лидул, Фест, Андул Фост). Я полагаю, что переписчики смешали и перепутали три последних имени договора: *Лид*, *Ульф*, *Стемир*. Что к скандинавскому имени *Ульф* (*Ulf*) окончание *-ст* приставлено от следующего *Стемир*, видно из варианта *Лидулфо* — *сте*. (Мы видели примеры подобных приставок при исследовании имени *Вельмуд*; в варианте *Друлав*, вместо *Рулав*, начальное *Э-* пристало от предыдущего *Вельмуд*; в *Игоревом* договоре вариант *Востиегнетов* вместо *Стеггетонов* произошел от приставки к последнему буквы *-в* от предыдущего *Колклеков*.) *Лид* западнославянское имя, как видно из составных *Lido-slaw*, *Lido-slawa*; *Lida* сокр. *Ludmila*, *Lidmila*.

Стемир (вар. *Стемид*). У Бочка *Stymir* и *Sdimir*; срвн. *Ztoimar*.

Из 15 имен, дошедших до нас в *Олеговом* договоре, семь являют начало славянское; три (*Ингелд*, *Фарлоф* и *Ульф*) обличают германо-скандинавское происхождение. Имя *Карл*

(вар. Карлы, Карло, Корло, Калар) встречается у тюркских племен: Кобяк *Карлыевич*. Остальные четыре: Рулав, Рулад, Рюар, Актеву — сомнительны.

При чтении имен Игорева договора необходимо придерживаться одной определенной системы; эта система нам указана летописью; имена послов предшествуют именам пославших их князей и бояр; последние определяются прилагательной формой. Этим открытием, замечательнейшим относительно договоров, русская история обязана Погодину.

Что я сказал в конце предыдущей главы о варяго-русских именах летописи до Ярослава, то самое должен я повторить здесь об именах в договорах Олега и Игоря. Нет сомнения, что при разнообразии вариантов и неисчерпаемых средствах германо-норманнской ономотологии, все они могут быть более или менее удачно объяснены из скандинавских источников. Но, допустив требуемое норманнской школой исключительное норманнство лиц, принимавших участие в договорах, откуда сходство их имен с именами славянскими? Я представил не один, не два, а сорок примеров; и если за неимением налицо живых славянских соименников Вельмуду, Лиду, Передславе, Ингивладу норманнская школа откажет им в вероятности славянского происхождения, она не вправе отвергать сходства в именах: Груды — Hruto; Карин — Karen; Фослав — Воислав; Триан — Troyan; Стемир — Stymir; Володислав — Wladislaw; Сфанедрь — Шварнедь; Свирко — Swirczo; Тудко — Thudo; Карк — Kark; Тудор — Тудор; Миско — Межко; Влиск — Wlicek; Воик — Wogyk; Берна — Borna; Гунар — Гуня; Ута — Uta; Адул — Odol; Ивор — Chiwor; Пристен — Priestan; Кары — Karri; Воист — Woyetz; Адун — Hodon; Олен — Olen; Куци — Cussi; Шибрит — Sebrith; Стир — Stir; Тилей — Tiley; Пугар — Pouta; Вузлев — Буслав; Синко — Сина; Борич — Борич. Между остальными есть очевидно германо-скандинав-

ские, напр., Ингельд, Фарлоф, Ульф, Фруди, Бруныалд. Но от сомнительных славянская школа не отказывается; незамеченные мной будут открыты другими; имена: Рулад, Рулав, Рюар звучат по-славянски; имени Истр отвечает сербское *Моистр*; варианту *Драгунист* у Шлецера, сербское *Драгоунь*. *Шихъберн* составлено, по всей вероятности, из двух славянских имен: *Sich* и *Borna*.

* * *

Договоры Олега, Игоря и Святослава — драгоценнейший памятник нашей древней истории — не противоречат, а служат подтверждением мнению о славянстве варяжских князей в тройном отношении к ономаграфии, к внешней редакции и к содержанию. В отношении ономастическом они указывают на исключительное почти, славянское происхождение князей и бояр, территориальных владельцев Руси, устраняя, таким образом, невозможность согласовать по законам истории и здравого смысла отсутствие на Руси скандинавской ленной системы и вообще всех следов норманнства с мнимоскандинавским происхождением этой территориальной аристократии. Утверждая, с другой стороны, присутствие в числе послов-дружинников и гостей иноземных личностей, преимущественно из норманнов, они оказываются вполне сообразными с тогдашним состоянием русского общества и с ходом русской истории; не навязывают ей невозможного, исключительно славянского или исключительно норманнского начала; не заставляют нас, в противность законам здоровой этимологии, отстаивать славянство имен Фарлофа, Ингельда, Бруныальда; тогда как норманнская школа принуждена *volens-nolens* признавать скандинавами Святослава, Володислава, Передславу, Войгостя, Синку, Борича и т.д. Внимательное изучение внешней формы до-

говоров, системы, по которой они составлялись, наречия, на которое переведены, экземпляров, которыми мог пользоваться наш летописец, приводит нас к тому заключению, что они писаны не по-норманнски, а по-гречески и по-болгарски, следовательно, не для норманнских конунгов, а для славянских князей, не для небывалых шведских рѹсов, а для славянской руси. Наконец, по внутреннему содержанию они не являют никаких признаков норманнского права, религии, обычаев; источником им служили не скандинавские законы, а древнейшая, изустная Русская Правда; *уклады* на города не норманнский, а славянский обычай; замогильное рабство для убитых в плену не скандинавское, а собственно русское верование; Перун и Волос не скандинавские, а славянские божества.

IX. СЛЕДЫ ВАРЯЖСКОГО (ВЕНДСКОГО) НАЧАЛА В ПРАВЕ, ЯЗЫКЕ И ЯЗЫЧЕСТВЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

При самом вступлении мы положили, что история живого народа не определяет своих начал из одних только письменных свидетельств и документов. Она требует указаний на фактические следы своих изменений; ими определяется степень вероятия научных теорий и выводов. Этого опыта система норманнского происхождения Руси не выдерживает. То ли самое можно сказать и о славянской системе? Нет сомнения, что при слиянии двух однокровных народностей нельзя требовать, как при столкновении двух разнородных и враждебных начал, указания на всесторонние, многообразные следы влияния одного племени на дру-

гое. Наша письменность начинается в эпоху уже совершенного преобладания русского элемента над вендским; да и вообще она не богата пояснительными памятниками истории и литературы; произведения народного русского духа, песни, былины, сказания, изменяясь по мере развития народной жизни, дошли до нас в таком виде, который едва ли позволяет угадать их значение в IX—XI веках. Тем не менее, и, невзирая на все затруднения и невыгоды, историческая логика не может допустить в историческом русском быту совершенного отсутствия следов вендо-славянского влияния. Мы знаем, что, несмотря на призвание и единоплеменность, западное начало утвердилось на Руси не без борьбы и сопротивления; русские племена не все вдруг подчинились новой варяжской династии; о неприязненном столкновении обеих народностей свидетельствуют и слова умирающего Ярослава детям своим: «Аще ли будете ненавидно живуще въ распряхъ и которающесе, то погыбнете сами и погубите землю отецъ своихъ и дедъ своихъ, иже налезоса трудомъ своимъ великымъ». Следы варяжских трудов должны носить печать варяжского начала.

В первый момент призвания это начало отразилось, без сомнения, во всех частностях новообразовавшегося общества. Если бы западные славяне имели, как мы, свои туземные летописи и грамоты, писанные на родном языке; если бы германские войны не истребили даже до воспоминания о существовании на берегах Эльбы и Одера богатой и некогда славной народности вендов, отличие составных элементов нашей истории, варяжского и русского, выступили бы в более определенном, ярком свете; при отсутствии этих положительных данных мы должны довольствоваться лингвистическими догадками и соображениями, пополняя их сохранившимися у западных, преимущественно германских летописцев, известиями о внутреннем быту, религии и обычаях наших варяжских предков.

Из признаков влияния одной народности на другую самый верный представляет язык. Не много дошло до нас следов древневендских наречий; вся литература полабских славян состоит из собранных в конце XVIII столетия двух с половиной сотен древанских слов и одной древанской песни, уже всей проникнутой германизмами. Мы знаем, однако, что по языку и происхождению поморские славяне стояли между чехами и ляхами. «Вендо-лужицкое наречие, — говорит Копитар, — представляет смесь чешского с польским и, по недостатку характеристических отличий, не может быть включено в число главных славянских наречий». О полабской речи Шафарик: «По особенностям языка своего полабы принадлежат к западной половине Славянщины и стоят между поляками и чехами. Три источника бросают некоторый свет на характеристику полабского говора: нынешний сербо-лужицкий язык; остатки прежнего древанского языка и малое число полабских личных имен в старинных латинских летописях и грамотах». Теперь мы увидим, что из чешского и польского языков, преимущественно из менее изменившегося чешского, объясняются почти все слова не русского склада и происхождения, встречающиеся в древнейших памятниках нашей истории. Каким путем перешли к нам эти слова, и может ли их присутствие на Руси быть объяснено иначе, как из варяжского источника, вопрос, который будет рассмотрен в своем месте.

Понятно, что при обозначении признаков варяжского влияния на Русь мы не можем придерживаться строгого систематического порядка, ни следить за движениями варяжского духа во всех частностях исторического русского быта. В трех главных проявлениях народной жизни — в праве, языке и религии (но в порядке хронологическом и без притязаний на строго выдержанную последователь-

ность) — постараюсь я указать на непреложные, по моему мнению, следы вендского начала в древнерусской истории.

Я начинаю с исключения. В договорах, древнейшем письменном памятнике нашего права, мы не находим признаков западного влияния. Причина ясная; договоры переведены с греческого болгарами. К западным формам принадлежит только встречающееся два раза в Игоровом договоре «ци аще», вместо руссо-болгарского «аще ли». *Āi* (česk.), *czy* (polsk.) = или, ли. Прочие списки читают *аще ли, или аще, или*. Откуда форма «ци аще» вкралась в Игоров договор, довольно трудно угадать.

Олег заповедал «даяти уклады на русские города». *Уклад* — не русское слово; за исключением трех списков, все остальные читают бессмысленное *у глады*. В польском праве *układ* имеет значение *возмездия, удовлетворения*. В чешском уложении рассуждается о том, «как *danie ukiadati*». Слово *уклад* исчезает в русской истории вместе с Олегом.

Из непоименованных в летописи даней на западное происхождение указывает так называемое *поралье*, подать от плуга. «Давати имъ *поралье*... по старымъ грамотамъ, по 40 белъ». Слово *рало* — плуг (у поляков и чехов *radło, radlo*) не русское; подать *от рала* платят хазарам вятичи-ляхи. Вендские князья получали от смердов Вендской земли оброк, платимый хлебом от плуга. Этот оброк назывался плуговым *poradlne*.

При Владимире и Ярославе западное начало отзывается во всех отраслях народного права; князья занимаются уже не делением земли на погосты и установлением даней, а внутренним устройством своей дедины, законами. «Бе бо Володимеръ любя дружину, и съ ними думая о строи земленемъ, и о ратехъ, и уставъ земленемъ». В Правде детей Ярослава, в уставе Владимира Всеволодовича поименованы дружинники, бывшие помощниками князей, при введении новых уложений.

1. Церковный устав Владимира.

Этот устав, коего древнейший список восходит к 1280 году, писан, без сомнения, церковным лицом; но мы знаем, что Владимир гадал о нем со своей княгиней Анной и со своими детьми; вероятно, и с дружиной. Отсюда встречающиеся в нем западные формы и выражения:

Пискупия, Пискуп. «Даль к семь ты соуды, церквамъ митрополитоу и всемъ *пискоупиямъ* по Роуськой земли». Погосдин выводит слово *пискуп* (пискуп, епископ) из немецкого источника, а об уставе Владимира говорит: «Меня затрудняет еще слово *пискуп*, которое, кажется, новгородского происхождения». Таких затруднений мы встретим много и неразрешимых, покуда не обратимся к настоящим источникам своего варяжства. Что слово *пискуп* (как *щляг, стерляг* и пр.) немецкого происхождения — несомненно; но несомненно также, что, к своему несчастью, вендские славяне рано узнали немецких бискупов; Владимир же (как увидим) провел три года в Помории. *Biskup, Biskupstwo, Biskupstwi* — епископ, епископство у поляков и чехов. Западное *biskup* осталось у нас в употреблении и в позднейшее время: «И поставленъ бысть Иванъ *пискупъ*, княземъ Даниломъ... и переведена бысть *пискупья* во Холмъ». Под 1097 г. упоминается о венгерских (латинских) *пискупах, пископах*.

Смилное. Карамзин пишет по догадке: *брачное. Smilny, Smilnost (česk.)* бесчинный, бесчинство, распутство.

Задушный человек. Раб, освобожденный господином для спасения души, как толкует Герберштейн. Но Герберштейн толкует тот же устав Владимиров и, без сомнения, толкует его, как знаток западных славянских наречий и прав. У чехов *zadusnt* значит церковный, духовный. У поляков и сербов заупокойное пиршество известно под названием *zadusnice*.

2. Русская Правда.

«Правда Русская, — говорит Раковецкий, — есть остаток глубочайшей древности; от нее веет законодательством самых отдаленных племен славянских. Все области русские, не исключая Литвы и Галиции, а, может быть, и все другие славянские народы должны были руководствоваться этим правом от времен незапамятных». В другом месте он замечает, что в «правде и договорах (?) встречаются такие выражения, из коих одни употреблялись только старинными польскими писателями, а другие еще доньше слышатся в разных местах Польши; одни сохранились в Великой Польше, другие в Малой, иные в Галиции и т. д., между тем как некоторые из них вовсе неизвестны в нынешнем языке русском».

Не к одной Русской Правде, эти слова могут быть отнесены ко всем памятникам древнерусской письменности; не имея ключа к подмеченному им историческому явлению, Раковецкий не мог объяснить себе (и без сознания западнославянского происхождения варягов оно действительно необъяснимо), откуда западная юридическая терминология в Русской Правде; почему встречающиеся в ней польские (вендские) слова и узаконения не удерживаются ни в последующих русских юридических документах, ни в народном русском быту. Весьма понятно, что при недостатке надежной опоры своим убеждениям, при всеобщем веровании ученой Европы в норманнское происхождение варяжских законодателей, его исследования не могли отвечать потребностям инстинктивно-славянского направления духа его.

Если бы дело шло о сравнении русского права вообще с юридическими постановлениями прочих славянских народов, то не много бы нашлось в Русской Правде законов и технических выражений, которым бы не оказалось противней в дошедших до нас памятниках западнославянской юриспруденции. Но само собой разумеется, что к нам перешло не слишком значительное количество варяжских постановле-

ний и слов; к таковым мы имеем право причислить только те, которым нет объяснения из русского языка, из древнерусского быта. Наши воеводы, мечники, огнищане, дружина, веча, добыток, истцы не от западных wojewoda, mešnik, ohniščenin, družyna, wieča, dobytek, istce; это старинные всеславянские учреждения, за объяснением которых нам нет следа обращаться к правам других славянских народов; как на Западе, так и у нас были свои князья, свои дани, свое деление на *десятников, соцких, тысяцких*, свои *оброки, мыт* и т.д. Я ограничиваюсь следующими (по изданию текста Русской Правды Калачова) собранными примерами оборотов и слов, обличающих западное происхождение.

Список I. § 2. «Или боудеть кровавъ или синь надъраженъ, то не искати емоу видока человткою томоу». Nadraziti, nadrašeti (česk.) = бить сверху. Польское право определяло пеню за *uraženie*; чешское знает о *синих ранах* = *gany modre*.

§§ 4, 8. «Аще оутнетъ мечемъ... то 12 гр. за обиду». «Оже ли кто вынезь мечь, а не *тнетъ*. — Русское выражение ударить: «аще ли ударить мечемъ... да вдасть литръ 5 сребра, по закону рускому» (дог. Олега). В Правде слово ударить осталось только для тупого орудия: «Аще ли кто кого оударить батогомъ, любо жердью». Tnouti (česk.), tne (polsk.) — рубить, бить; utnouti (česk.) отрубить; срвн. «оже ли оутнетъ роукою, и отпадетъ роука, любо оусохнетъ».

§ 13. «Аще познаеть кто, не емлетъ его, то не рци емоу: мое; не рци емоу тако: поиди на *сводъ*, где еси взялъ». Срвн. III. § 32: «А оже боудеть въ одномъ граде, то ити исцу до конца того *свода*; боудеть ли *сводъ* по землямъ, то ити ему до *трехъ сводовъ*». — Если не считать положения о своде всеславянским, доисторическим постановлением, оно указывает на западное происхождение. За *свод* платилась особая пошлина. В §14 и других является форма (быть может, коренная русская) *извод*.

§ 26. «А за лоньщиною полъ гривне». — Срвн. III. § 55: «А отъ лоньскои кобылицы приплода на 9 летъ, 4 кобылы и съ матерью». *Lonscak* (polsk.) годовик; *lonsky* (česk.) прошлогодний.

Список II. § 7. «А се покони вирнии были при Ярославе... а пшена 7 оуборковъ; а гороху 7 оуборковъ». — *Aubog, Auborek, короб, корзина*. У полабов *Wumberak*.

§ 15. «А по костехъ и по мертвечи не платить верви, аже имене не ведають, ни знають его». — Каченовский читал «на гостехъ» вместо на *костях*, полагая, что за найденное мертвое тело *гостя*, незнаемого по имени, никто не обязан платить виры. — По чешскому праву, при следствии уголовного дела должно было вести коморника, т.е. показать ему мертвое тело или могилу, в которой оно было зарыто или, наконец, одежду убитого. В летописи (под 1268 г.) сказано о новгородцах, что они «стояша на костехъ 3 дни», т. е. на месте сражения.

§ 16. «А отъ виры помечнаго 9». — Троицкий список читает ошибочно *помечное* вместо *помочное*: в Карамзинском §16: «А отъ виры помойного 9 кунъ». — В Польше и у чехов *помочным* (*Pomocne*) называлась одна из многочисленных на западе судебных пошлин; уменьшением ее Генрих Брадатый слезвигский приобрел народную благодарность.

§ 47. «О месячныи резъ, оже за мало, то имати ему; заидуть ли ся куны до того же года, то дадять ему куны въ треть, а месячныи резъ *погрннути*». — Акад. Слов, переводит *погрннути* — предать забвению. Это догадка. *Pohrdnouti* (česk.) отбросить, презреть.

§ 53. «Аже оу господина *ролеини*и закупъ, а погубить *воискии* конь, то не платити ему; но еже даль ему господинъ плуть и борону, отъ него его же *куну* емлетъ, то то погубивше платити». — *Rolny* (česk.) полевой; *rola* — плуг. Карамзинский список читает *копа*. Странно, что Карамзин пред-

почитает ошибочное чтение Соф. списка «кову емлеть», а сам приводит правильное объяснение издателей Правды, а именно, что «*копа* есть денежная плата; ибо доныне в Малороссии называется так числительная умственная монета, состоящая из 50 копеек». *Копю* (кора) действительно называлась числительная польская монета, употребляемая при уплате судебных пошлин; счет *копами* существует и доныне в юридической литовской терминологии. Карамзина, кажется, ввело в заблуждение незнакомое ему слово *воискии*. Он читает *свойский* и переводит: «Ежели наемник потеряет *собственную* лошадь, то ему не за что ответственность». *Wojsky* (česk.) тоже, что *войсковой*. Смысл приведенного постановления следующий: «Ежели наемный земледелец потеряет господскую лошадь *на войне* (воискии конь), то за нее не платит: но ежели господин дал ему лошадь, плуг и борону, и он состоит у него на оброке (от него же копу емлеть) то потеряв коня, закуп должен платить за него; буде господин услал его за своим делом и конь пропадет без него, то закупу не платить». Эверс принимал также *копу* в смысле оброка.

§ 69. «Аже пчелы выдереть, то 3 гривны продажи, а за медь, аже будеть пчелы не лажены, то 10 кунъ; будеть ли *олекъ*, то 5 кунъ». «Ясно, — говорит Карамзин, — что *олек* значит *пустой*. Сие неизвестное русское слово напоминает немецкое *leck*». Акад. Слов, переводит Олек: остаток. Не происходит ли это слово от *Oul*, уменьш. *Oulik* (česk.), *Ulik* (polsk.), улей и малый улей? За малый улей *Oulik* (олек) платилось в половину. Улей на древанском наречии *waul*, *ul*.

§ 82. «Аже иметь на железо по свободныхъ людии речи, либо ли *запа* нань будеть, либо прохождение ношное, или кимь либо образомъ аже не ожьжется, то про муки не платити ему; но едино железное кто и будеть яль» — Тобиен производит слово *запа* от греческого *sapo*, мыло, употреблявшееся *по обману*, при испытаниях железом. Но возможно ли предположить закон, явно потворствующий обма-

ну, рассуждающий о нем всенародно? Неужели удовлетворение обманутого при судьях истца состояло единственно в неплатеже за муки? А железный урок падал все-таки на него? А виновный, запасшийся своим мылом, освобождался от всякого иска? Да и что же значат слова «прохождение nocturne», отделяющие запу от выражения «кимъ любо образомъ аже не ожьжетсяя»? Карамзин переводил запу чаянием, подозрением, а *прохождение nocturne* появлением судимого ночью в необыкновенный час, близ того места, где свершилось преступление.

Смысл приведенного закона весь заключается в отличии свидетельства *свободных людей* от свидетельства холопа. Вызванный на железо по свидетельству холопа лицо получало, буде оказывалось невинным, гривну за муку, «зане по холопьи речи яль и». В людях свободных закон не допускает возможности ложного свидетельства, но предвидит возможность ошибки, буде окажется, что обвиненный совершил преступление или *во сне*, или *в припадке лунатизма*, или, наконец, «кимъ любо образомъ не ожьжетсяя». *Ssapa, Zapa* на древанском наречии *сон, спанье*; отсюда известное только у нас и в церк. нар. слово *внезапный*. *Прохождение nocturne*. Во всех трех случаях подсудимый оказывался невинным; но истец, как бравший его на железо по свидетельству свободных людей, не платил про муки, а только следующий суду железный урок.

Список III. § 65. О сиротьем вырядке: «А жонка съ дочерью, темъ *страды* на 12 летъ по гривне на лето, 20 гривенъ и 4 гривны кунами». *Stradza* (polsk.) — утрата; *stradac* — утратить. Сиротий вырядок платился за утрату (страду) отца и мужа.

3. Устав Ярослава о мостовых.

«Отъ великого ряду князя до Неметьго *вымога*, немцемъ до Иваня *вымола*, гтомъ до Гелардова *вымола* до задняго, отъ Гелардова *вымола* огнищаномъ до Боудитина *вымола*, Ильи-

цаномъ до Матеева *вымола*». — Карамзин спрашивает: «Не мельницы ли?». *Wymol* (česk.) рытвина, ров, образуемый водой. Значение этого слова в уставе о мостовых не требует объяснения.

В памятниках русского права XII—XIII столетий влияние западного (варяжского) начала уже прекратилось; мы не находим западных слов и учреждений в жалованной грамоте в.к. Мстислава Юрьеву монастырю (1128—1132); в уставной грамоте Ростислава (1150); во вкладной грамоте преподобного Варлаама (1192—1207); в договорных грамотах смоленского князя Мстислава с Ригю и Готским берегом (1228—1229); в договорной грамоте Новгорода с в. к. тверским Ярославом (1265); в грамоте князя владимирского на Волыни Владимира (1286); в грамоте князя Владимира-на-Волыни-Луцкого Мстислава (1289); в проезжей новгородской грамоте ганзейским купцам (1294—1303); в договорной грамоте Новгорода с в. к. тверским Михаилом Ярославичем (1317); в рядной (1314—1322); договорной (1327); в духовной в. к. Ивана Даниловича Калиты; в договорной грамоте в. к. Семена Ивановича (1341); в новгородской купчей половины XIV века; в договорах с Казимиром Польским и Иоанном Московским. Терминология русского права, а с ней и само право отбросили все иноземное, внешнее, насильственно или искусственно привитое. Случайные ли это явления?

Как в области права договоры, так в древнерусской письменности произведения духовных лиц, писанные на церковном наречии, представляются исключением из общего правила. «Чистоту церковного языка, — говорит г. Срезневский, — берегло более духовенство»; в самом деле, мы не встречаем западных форм, ни признаков западного влияния в похвальном слове митрополита Илариона, в вопросах Кириковых, в церковном правиле митрополита Иоанна, в по-

слании Никифора митрополита к Владимиру Мономаху и пр. Зато варяжское начало оставило положительные, неоспоримые следы в письменных памятниках, стоящих по характеру своему между народными и духовными; в произведениях, писанных русским литературным языком XI и XII столетий. Таковы:

1. Поучение Владимира Мономаха.

100 — строка 13. «Аще ли кому не любя грамотица си, а не поохрѣтаются». — Poogrzytae = sie (polsk.) огрызаться, от предлога *po* и *grzytać*.

101. стр. 39. «И сему ся подивуемы, како птица небесная изъ *ирья* идуть, и первое наши руце, и не ставягься на одной земли, но и силныя и худыя идуть по всемъ землямъ, Божиимъ повеленьемъ, да наполнятся леси и поля». — «Ирь, — говорит Карамзин, — и в нашем древнем языке значит тоже, что греческое *ир*, т. е. весну, утро». Но слово *ирье* (не *ирь*, коего родительный падеж был бы *иря* или *при*) встречается у нас только в показанном месте и мы не знаем ему производных; это, очевидно, не русское слово. Существует ли оно у других славянских племен?

Первобытное *ир* — *ir* проявляется в глубочайшей древности у германских и славянских племен в двояком значении, природном и мифологическом, как весна (восток) и весеннее божество. У германцев *Yrias* означает известный годовой круг; *ear-spica*, колос, срвн. наше *ярь*. *Ir* или *Er*, по Гримму и Миллеру, второе название германского *Zio*. *Jr*, *iro* и у славян древнейшая форма всеславянского *jaro* — весна. Обе формы проявляются в наименовании весеннего бога славян *Ировита* или *Яровита*; в личных *Jira*, *Jiraus* = *Jaros*, *Jaroslav*. Древнейшее *ir*, *iro* сохранилось и доныне у чехов в названиях *Jiřiček*, весенняя лягушка; *Jiřička*, домовая ласточка, провозвестница весны. *Ir*, *iro*, *jiro* (у нас *ярь*, *яро*), стало быть, древнейшее, только у западных славян сохранившееся

ся и от них в Поучение Мономаха перешедшее наименования весны и востока. На восток указывают и слова Мономаха: «и *первее* (в) наши руце»; из христианских земель Русь первая на Востоке.

102. *стр.* 27. «И ночь отвсюду нарядивше около вой тоже ляззати». — *Lasiti* (česk.) подкрадываться.

103. *стр.* 3. «Спанье есть отъ Бога присужено полудне, отъ чина бо почиваетъ и зверь и птицы и челоувѣци». — *Čin* (česk.) дело, труд.

104. *стр.* 22. «Ко Ромну идохъ со Олгомъ и съ детми на нь, и они (половцы) *очитивше* бежаша». — В Акад. Слов, *очитити*, слышать, ощутить. Этому значению соответствует глагол *очютити*: «како еси не *очютиль* скверныхъ и нечестивыхъ пагубоубийственныхъ ворожьбитъ своихъ». *Oczyc* (polsk.) завидеть, заметить; *očite* (česk.) очевидно.

104. *стр.* 25. «А изъ Чернигова до Кыева *нестишь* ездихъ ко отцю». — *Нестишь*, охотно; *nestizny* (česk.), *nicht ungerm* (*Jungm.*).

104. *стр.* 29. «А самы князи Богъ живы въ руце дава: Коксусь съ сыномъ... и инехъ *кмети* молодыхъ 15» — *Kmetu* старейшины и вельможи у древних чехов. Впоследствии значение слова *kmet* изменилось; кметами стали называть у чехов свободных поселян.

104. *стр.* 35. «Конь дикихъ своима рукама связаль есмь, въ *пушахъ* 10 и 20 живыхъ конь, а кромъ того иже по *рови* езда ималь есмь своима рукама теже кони дикие». — *Rucz* (polsk.) куст; *rowina* (česk.) равнина, гладь.

106. *стр.* 8. «Научиша бо и *паропци*, да быша собе налезли, но оному налезоша зло». — *Porobek* (česk.) раб, отрок; на малорусск. нар. испорченное *парубок*.

2. Слово Даниила Заточника.

43 — 1. «Якоже Богъ повелить, тако и будетъ; *поженеть* бо единъ сто, а отъ ста двигается тысяща». — *Zenač* (polsk.), *ženč, hnati* (česk.) гнать, преследовать.

45 — 2. «Или ми речеши: отъ безумия ми еси молвиль: то не видалъ есми неба *польстяна*, ни звѣздъ *лутовяныхъ*, ни безумна мудрость глаголюще». — Plst, plstěny (česk.), войлоко, войлочный. Lut (česk.) лыко; *лутовяный*, стало быть, сделанный из лыка, лыковый.

3. Слово о полку Игореве.

Много было толковано до сих пор о языке «Слова о полку Игореве». В своих сказаниях русского народа Сахаров приводит, а отчасти и разбирает мнения Мусина-Пушкина, Шишкова, Пожарского, Грамматина, Калайдовича, Карамзина, Востокова, Буткова, Полевого, Каченовского, Беликова, Строева, Давыдова, Вельтмана, Максимовича и других. Все они друг от друга отличны; многие противоречат самим себе; ни одно не представляет доказательств, основанных на исследованиях систематической и строгой лингвистики. Дело понятное. Доколе учение о норманнском происхождении Руси не будет изгнано безвозвратно из области русской науки, нет того памятника древнерусской истории и письменности, коего толкование не сокрушило бы всех усилий историка, лингвиста и археолога. С одной стороны, Калайдович обращает внимание на сходство песни Игоревой с нынешним языком польским; с другой полагает, что ее язык «утвердительно можно назвать чистым славянским; слова в оной встречающиеся едва ли не все можно приискать в языке Священного Писания, а более в наречии летописей, грамот и других исторических памятников». Почему же он их не приискивает? и что значит в смысле филологическом выражение «чисто славянский язык»? Востоков думает, что «Слово» писано на северском наречии, а, между тем, считает язык певца Игоря особым произведением даровитой поэтической индивидуальности, вероятно, какой-то, в зародыше увядшей попыткой русского Данте. Карамзин видит в «Слове» подражание в слоге, оборотах и срав-

нениях древнейшим сказкам о делах князей и богатырей; но лингвистического определения этому слогу не делает. Пожарский и Вельтман ищут в Игоровой песне следов влияния западнославянских наречий; но за неимением прочного исторического основания своему мнению не выражают его с последовательностью ученого убеждения. У всех проглядывает внутреннее сознание неразрешимости загадки о языке Слова, как явлению беспримерном в области русской и всеславянской филологии.

«Слово о полку Игореве» не есть, как русские простонародные песни и сказки, произведение чисто народного духа, русской народной фантазии. Это произведение литературное, поэма, сложенная в честь русских князей Игоря и Всеволода Святославичей, сложенная для них, петая им самим, как Боян пел свои песни старому Ярославу, храброму Мстиславу, красному Роману Святославичу. Поэт подражает Бояну, соловью старого времени как в языке, так и в складе, понятиях и картинах своей песни. Он поет *старыми словесами*, т. е. тем самым языком, которым певали княжеские песнотворцы старого времени; которым говорили варяго-русские князья Владимир и Ярослав. Как Боян и его современники, он выводит в своей поэме русские и западнославянские божества; смешивает христианские понятия с языческими поверьями. Русские князья, ревностные христиане в семейном и государственном быту, оставались на войне и в пирах потомками прежних варягов; они любили склад древних песен, слова и понятия, которыми их лелеяли с колыбели. Для песнотворцев внуки св. Владимира оставались внуками Дажь-бога. Во всех отношениях, но преимущественно в отношении к языку, «Слово о полку Игореве» архаическое произведение. Само собой разумеется, что западное начало в нем ощутительнее, чем в прочих памятниках русской письменности.

«Не лепо ли ны бяшетъ, братие, начати старыми словесы *трудныхъ* повестий о пълку Игореве, Игоря Святославлича». Слово *трудный* переведено у Калайдовича, как следует, словом *печальный*. Пожарский ошибается, говоря, что на польском и на богемском (чешском) языках *трудный* значит затруднительный, мудреный, неудобный к исполнению. В молитве св. Адалберта *trud, trudy* мучения: «*Jesče trudy sierpaj bezmierne*». По-чешски, *trud* — мука, печаль; *trudny* — печальный, грустный.

«Тогда пуцашеть 10 соколовъ на стадо лебедей. Который *дотечаше*, та преди песь пояше». — Бутков производит слово *дотчаше* от глагола *течь*, достигать. *Dotčenj* (česk.), осязание, от гл. *dotknauti*; *dociać* (polsk.) пронзить.

«Боянъ же... своя вещиа пръсты на живая струны въскладаше; они же сами княземъ славу *рокотаху*». — *Hrochtám, hrochotám* — греметь.

«А въсядемъ братие на свои бръзья *комони*». — О слове *комон* (česk. *komon*) см. ниже.

«Абы ты сиа плькы ущекоталь, скача славю по мыслену древу». — «*Aby nas uhoval ode vsego zlego*». *Aby* (česk.), *utinam*.

«*Чили* въсптти было втщей Бояне, Велесовъ внуче» (10). — *Czyli* (polsk.) или, аще ли.

«А мои ти куряни сведоми къ *мети*». — Кажется, должно читать *къмети*. О слове *кмет* см. выше.

«Игорь къ Дону вой ведеть: уже бо беды его *насетъ* птицъ; подобию вльци *грозу* въ *сржатъ* по яругамъ; орли *клектомъ* на кости звери зовуть; лисици брешуть на чръленья щиты». — *Passu, pasti* (česk.), поджидать, стеречь; *hrůza* (česk.), horror; *sržeti* (česk.), *saevire, toben; wrzati* (česk.) *stridere*, шуметь, яриться; *клект, klekot*, орлиный крик, от древнечешского *klekati*, кричать. Смысл оборота следующий: уже птицы (птиц здесь собирательное) *стерегут* беды его; вол-

ки навывают страх по болотам; орлы криком сзывают зверей на кости, т. е. на трупы.

«Ночь мркнетъ, заря светъ запала; мъгла поля покрыла, щекоть славий усне, говоръ галичь убуди». — Mhla (česk.), туман: uspiti (česk.), усыпить; ubuditi (česk.), разбудить. Здесь, как во многих других местах песни, дурные предзнаменования противопоставляются светлым надеждам. Дружину Игореву усыпила песнь соловья; разбудил вороний крик.

«Съ зарания въ пяткъ потопташа поганяя пълкы половецкыя; и рассушыся стрелами по полю, помчаша красныя девки половецкыя». — Rozsić sie (polsk.), rozsauti se (česk.), рассеяться, разметаться.

«Ту ся копиемъ приламати, ту ся саблямъ потручати о шеломы половецкыя». — Акад. Слов, переводит: *потручатися* — приломаться, избиться, притупиться. Potrzusk (polsk.) стук, шум; trzaskac — греметь; следовательно, потручати — постучать; потручатися — постучаться. И в других местах певец говорит: «Гремлеши о шеломы мечи харалужными» — «Гримлють сабли о шеломы» — «Позвони своими острыми мечи о шеломы литовские». В настоящем месте подразумевается глагол *придется, доведется*. «Туть-то придется копьямъ приломаться: туть-то доведется саблямъ позвонить въ половецкыи шлемы».

«Се ветри, Стрибожи внуци, веють съ моря стрелами на храбрыя пълкы Игоревы». — Strj (струя?) по-моравски powetřj = aer, aura.

«Яръ туре Всеволод! стоиши на борони, прищещи на вой стрелами, гремлеши о шеломы мечи харалужными». — Замечательное сходство слова с песнями краловдорской рукописи в сравнении своих героев с ярим туром. Бутков производил слово харалужный от ногайского; сделанный из черного железа, булата. Мне кажется, харалуг есть не что иное, как русская (полногласная) форма западного Karoling,

Karling. Круг доказал происхождение Нестеровых *корлязи* от франкского Carolingi, Carlenses; Karling переходит у славян в формы *карляг, карлязин, карлузин*, как Frank в формы *фряг, фрязин, фрузин*. От формы *карлузин* — карлужный (*харалужный*), карлуг (*харалуг*). «Ваю храбрыя сердца въ жестоцець *харалузе* скована, а въ буести закалена». *Харалуг*, стало быть, западное стальное оружие; слова *харалуг, харалужный* употребляются в смысле франского оружия, франской стали, как на западе слово Scavina в смысле одежды славянского покроя. Вендские славяне мало ковали сами; они получали свои мечи и оружие от франков-корлягов; Карл Великий запрещал вывоз их в вендские земли. О Руси X столетия Ибн-Фоцдан говорит, что мечи их были европейской работы, efrandschije.

«Кая раны дорога братие, забывъ чти и живота, и града Чрънигова, *отня злата стола*, и своя милья *хоти*, красныя Глебовны *свычая и обычая*». — Слова «отня злата стола» напоминают эпический оборот в поэме Любушин Суд: «Роце кнежна *s otνια zлата stola*». Бутков полагал, что слово *хоть* (супруга) перешло к нам от хазар или половцев; это старославянское слово, сохранившееся и донныне у чехов и у венгерских словаков: Chot, consors. «*Свычая и обычая*, — говорит Каченовский, — слова употребительные в польском языке в виде поговорки, как, например, в немецком: handeln und wandeln и пр. Это пахнет *чем-то новым*; ибо польский язык XII и XIII столетий никому не известен». Аллитерации и рифмованные поговорки были всегда и всеми филологами относимы к древнейшим проявлениям народного духа; а что польская поговорка могла перейти к нам варяжским путем, нисколько не удивительно.

«Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе, и на *канину* зелену *наполому* постла, за обиду Олгову храбра и младя князя». — *Каня, канюх* — полевой коршун (*Слов. Даля*),

у чехов — Káně; у пол. Kania; *канина*, может быть, тело обреченное на съедение коршунам. *Паполома* (покрывало) от средневекового латинского *perplum*.

«Тогда по Руской земли ретко ратаеве *кикахуть*». — «*Кикахуть*» от чешского *kychati*, чихать.

«А галици свою речь говоряхуть, хотять полетети на *уедие*». — *Oujed* (česk.) падаль.

«За нимъ кликну *Карна* и *Жля* по скочи по Руской земли, *смагу мычючи* въ паламяне розе». — *Карна* и *Жля*, должно быть, злые духи древнеславянской мифологии; *Карна* от чешского *krneti*, изрезать, измаять; *krnawu* — измаянный, изведенный. В Лузичах находилась *Карнова* гора, *Karnberg*, вероятно, посвященная *Корне*, как другие Триглаву, Перуну и т.д. *Krnow*, воеводство в чехах. *Zelu, Zela* у Неплаха, *Гела* у Мартина Вельского, западнославянское божество; у нас *жля* или *желя* = печаль. «Наведе на ня Господь гневъ Свой, въ радости место наведе на ны плачь и во веселье место желю, на рець *Каялы*». Значение этого божества определяется названиями тех местностей, в которых существуют следы древнеславянских могил; таковы в чехах *Zalkowice, Zalkow, Zalany*; у нас *Желянь*, городище *Ельня*, реки *Елань* и *Желень* и т.д. По Стоглаву, кладбища назывались у нас *жалъниками*. — *Smaha* (česk.), пожар, огонь, дым от пожара; как у нас *кресник*, так у лужичан *смажник*, месяц огня, июнь. — *Мычючи* от чешского *myseti, метать*. Смысл и картина следующие: «За ним взвыли *Карна* и *Жля*, поскакали по русской земле, бросая огонь из пламенного рога».

«У Плесньска на *болони*, беша дебрь *Кисаню*». — Скептическая школа причисляла слово *болонье* к свидетельствующим о подложности Слова о полку Игореве; мы находим его и у Даниила Паломника и в летописи: «Володимеръ же мя ако къ нему идуть, ста исполчивъся передь городомъ на *болоньи*». Акад. Слов, толкует *болонье*: «Пространство ме-

жду двумя валами окружавшими город». На каком основании? *Blonie* (polsk.), *blana* (česk.), луг, болотистое место.

«Рано еста начала Половецкую землю мечи цвелити, а себъ славы искати». — *Kwilić sie* (polsk.), *kwiliti* (česk.), плакать, выть; мучать. В Волынской л. под 1263 г. «сестра твоя умираючи вельла ми тебъ поняти за ся, ати инаа детии не *цвелить*».

«...Съ черниговьскими белями, съ *могуты*, и съ татраны, и съ шельбиры», *mohuty* (česk.) могучий. Не указывают ли татраны на карпатцев?

«Не рекосте *мужаимеся* сами, преднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся сами поделимъ». — «Мужаймося, мужаймеся», польский и доньнъ еще существующий оборотъ.

«Не се зло княже ми не пособие: *на ниче ся години обратиша*». — *Niče* = ничто; *ničety* = *w nic se obraceti* = обратиться в ничто. К тому же корню *niče* - *ничто* должно отнести встречающиеся в Слове выражения: «ничить трава жалощами» — «а веселие *пониче*» «*тониче* веселие».

«Ярославнынъ гласъ слышитъ: *зегзицею* незнаемъ, рано *кычеть*». — Зегзица (česk. *zeshulka*), кукушка. *Kyhati* (česk.), кричать по-журавлиному, по-гусиному.

«Уныша цветы жалобую, и древо стугою къ земли приклонило, а не сорокы *встрошкоташа*». — *Stauha* (česk.) *stuha* (ol. et. sic), привязь. — *Troskotati* (česk.), трещать.

Я не думаю, чтобы в виду этих примеров было возможно отвергать присутствие западного начала в языке Игоревой песни. Слова: *трудный* (печальный), *рокотать* (греть), *комони* (кони), *абы* (*utinam*), *чили* (аще бы), *пасти* (стеречь), *сржати* (яриться), *клект* (орлиный крик), *успити* (усыпить), *убудити* (разбудить), *рассушаться* (рассеяться), *потручати* (позвонить), *хоть* (супруга), *уедие* (падаль), *кикати* (чихать, тешиться), *смага* (пожар), *мычети* (метать), *болонье* (луг), *цвелити* (мучать), *ниче* (ничто), *кычати* (кричать по-

гусиному), *стуга* (привязь), *троскотать* (трещать) встречаются по большей части только в Игоревой песни; у чехов и у поляков они существуют и доныне в тех же формах и при одинаковом значении. Кроме отдельных слов, мы указываем и на тождественные с нашими западнославянские эпические обороты и выражения: *jar tur, otnia zlata stola, váleno deň, váleno deň vtery* (в Слове: бишася день, бишася другой), *свычая* и *обычая* и пр. — Форма *русичи* (в двух местах русици), которую г. Куник напрасно считает бессмысленной, принадлежит языку того народа, коего племена назывались лутичи, лютомиричи, ветничичи, вятичи, радимичи и т.д. Само собой разумеется, что языком, на котором писано «Слово», не говорили ни русские люди XII столетия, ни потомки первых варяжских князей; как духовные лица XII века выражались славянским наречием IX, так певец Игорева *старыми словесами* X и XI; так и в наше время Лермонтов подделывался под лад древнерусского сказочного слога в песне про купца Калашникова. «Слово о полку Игорева», как по мифологическим представлениям, так и по слогу принадлежит не XII, а XI и даже X веку; оно дает нам живое понятие о княжеском языке и народных повериях времен Владимира и Ярослава.

4. *Летописи.*

А. Лаврентьевская и Троицкая летописи.

Стр. 11: «они бо ны онако учать». — *Onako* (česk.), иначе.

23. «Бе бо тогда вода текущи *въздоле* горы Киевския». — *wzdelj, wzdylj* (česk.); *wzdluz* (polsk.), вдоль.

24. «И повеле людемъ своимъ съсути могилу велику, яко соспоша, и повела трызну творити». — *Ssutj* (česk.), ссыпать; *ssuty* — ссыпанный.

28. «Изъ угорь сребро и комони». — см. ниже.

37. «Си бо омывають *оходы* своя» и пр. — *Ochod* (česk.), *intestinum rectum, vagina uteri*.

50. «Перуна же повеле привязати коневѣ къ хвосту, и влещи съ горы по Боричеву на Ручай, 12 мужа пристави *тетѣ* жезльемъ». — Tjti, tetj (česk.), бить, рубить; tjti bicem, сечь.

«Яко пустиша и пройде сквозъ пороги, изверже и вѣтръ *нарене*, и оттоле прослу Перунына *ренъ*». — Reyna (česk.), луг, пажить.

52. «Володимеръ же приде въ товары, посла *биричи* по товарамъ». — Biřic (česk., biruc, mat. verb.), proclinator, глашатай.

62. «Да то ти прободемъ *трескою* черево твое толстое». — Treska (pro trestka ex trest), камыш.

62. «Онъ же въ немощи лежа, въ *схочивъся* глаголаше; о се *женуть*, побегнете». — Wzchorpiti se (česk.), wspiac sie (polsk.), привстать, приподняться. Слово «женуть» см. выше.

73. «Се бо по дьяволу наученью кобъ сию держать, друзии же и *закыханью* веруютъ, еже бываетъ на здравье главе». — Zakychati (česk.), чихнуть; zakychati koĥo, чиханьем помянуть. Другие списки вместо западного *закыхание* читают «чиханью» «зачиханью».

76. «Сима же тепенома и браде ею поторгане *проскепомъ*, рече има Янь». — Prostep, prostjř, prostepes (česk.), клещи, клещики.

114. «Пойди съ нами Берестью, яко се вабить ны Святополкъ на *снемъ*. — Одно из многозначных для нашего предмета варяжских слов. То, что у нас *вече*, у сербов *сборы*, у ляхов *сеут*, *зует*, *сует*, то у чехов *снемы*, *спет*, *спету* — собрание кметов, лехов и владык, под верховым началом великого князя; впоследствии всякого рода собрание. Отсюда перешедшее и к нам выражеше *snjti se*, *сняться*. В летописи: «Братья вся сняшася, Святополкъ, Володимеръ, Давыдъ, Олегъ».

214. «Князь Мстиславъ проехавъ трижды сквозъ полкы княжи Юрьевы и Ярославли, секучи люди, бе бо у него

топоръ съ *паворозою* на руже». — *Павороз* осталось у нас в употреблении и донныне; так называется снурок, вдеваемый в отверстие кошелька для открытия и закрытия оногo (*Акад. Слов.*). Но корень этого слова находим только у чехов. Powraz (польск. rowroz) искаженное Prowaz, веревка.

В. *Ипатьевская летопись*.

Стр. 9. «И поеха Ярославъ преехати отъ города, и бывшу ему въ увозе, идеже ляха та ловяшета его, съсунувшася въ увозъ пободоста и *оскепомъ*». — Oščer, Oštěr (česk.), копье. Слово oščer является впоследствии уже под обруселой формой *скепище*.

104. «Володиславъ же замысли взяти стягъ Михалковъ, и натъче на нь *прильбицю*, и собрашася и толкнуша на не. — Přjlbice (česk.), Przlybica (polsk.), шлем.

125. «Князь кыевський... за Глеба поя Рюриковну, а за Мьстислатва Ясыню изъ Володимера Суждальского, Всеволожу *свесть*». — Swěst (česk.), Swiecz (polsk.), своячина.

168. «И возводный мостъ и жеравецъ вожьгоша». — *Акад. Слов*, толкует *жеравец*: «Столб, на котором утверждается поперечина с привязанном в конце блоком или какою-либо тяжестью для поднятия другого конца ее на случай надобности; глаголь, *журавец*». Здесь дело идет о костре, разложенном под городскими воротами; корень слова жеравец чешское žerawý, žerewý — распаленный.

185. «Падшу снегу и *серену*». — Бутков производит слово *серен* от финского sieraun, siereun, земля, покрытая зимой твердой корой. Но мерзлая земля падать с неба не может. Памва Берында толкует: «Слана: серень — роса змерзлаа, слота, елань: слота». — Sřjn (česk.), śrzeń и śrzoń (polsk.), мерзлый иней.

С. *Новгородская летопись*.

Стр. 4. «Единъ отъ дьякъ *зараженъ* бысть отъ грома». — Zarasiti (česk.), забить, убить.

6. «И бысть встань велика въ людьхъ». — Wstánj (česk.), восстание.

7. «Въ то же лето стрелиша князя *милостьници* Всеволожи, нъ живъ бысть» (срвн. 16. «Убиша Володимири князя Андрея свои *милостьници*»). — Milostnjik (česk.), любимец.

19. «И паде головъ о сте *къметьства*». О слове *кмет* см. выше.

35. «И погоре до удъния все полъ, не остана ни хорома». — Udnňnj, (česk.), рассвет.

36. «И бысть заутра пусти князь Матей, учювь *гълку* и мятежь въ городе». — Hluk (česk.), шум, сборище.

37. «Нъ зряху *перезора*». — Přezor (česk.), осмотр.

38. «И *възвади* всь городъ» — Wzváděti (česk.), взвести, возбудить.

45. «И ради быхомъ *небози*». — Напрасно сомневаются новые издатели Новгородской летописи в тождестве, по смыслу этого слова, с русским *убогий*. Nebožak, nebože (česk.), бедняжка; nieboże, niebożatko (polsk.), бедное дитя.

Любопытное варяго-русское слово сохранилось случайно у Льва Диякона. В описании войны Святослава с греками он говорит, что русский князь собрал боярский совет, называемый на русском языке *коментос*. Коментос, по всем вероятностям, есть не что иное, как *komonstwo*, боярская конная свита князей у западных славян. «Лехи, — говорит Палацкий, — высшее чешское дворянство, любили показывать себя народу в полном блеске и величии, выражая их преимущественно посредством многочисленной конной свиты — *komonstwo*». То же самое было и у вендских славян; влияние и могущество поморского дворянства определялись количеством конных дружинников. Отсюда зашедшее к нам западное слово *когной* для означения княжеского коня. Святослав говорит: «Отъ грекъ злато, паволоки, вина, оwoщеве разноличныя, изъ чехъ же, изъ угоръ сребро и ко-

мони». «А Изяславъ же отъ себе, и дарми многими одариста и, и съсуды, и порты, и *комонми* и паволоками, и всякими дарми». В Слове о полку Игореве: «*Комони* ржутъ за Сулою». Само учреждение *комонства* держалось у нас недолго под этим названием; *комонством* в XII столетии уже означаетя доблесть коня: князь Андрей Юрьевич приказал похоронить своего коня на берегу Стыря «жалуя *комоньства* его».

Только у древан и у нас существуют слова *jeweran* — иверень (осколок); *pinka* — нянька.

Мы видели, что как старославянский язык, так и древнерусский придыханий не терпит. Откуда же вместо русских форм Олег, Ольга, закравшиися в летопись западные *Вольг*, *Вольга*? «Вольга же бяше въ Кieve съ сыномъ своимъ» — «и иде Вольга по Дервьвстей земли». Лужицкие венды говорят до сих пор *wobaj* (оба), *wohen* (огонь), *woko* (око), *wokno* (окно), *wogač* (орать), *worech* (орех) и т.д.; у древан, по Генигу, *widginn* (огонь), *watgi* (око), *wakni* (окно), *wrech* (орех). Не сохранилась ли для варяжских князей на Руси древнейшая варяжская форма их имени, как у германских летописцев средних веков древнейшие формы *Hludowicus*, *Hlotharius* при латинизированных *Ludovicus*, *Lotharius*?

Замечательно, что изо всех славянских языков только русскому свойственно одновременное и безразличное употребление форм *из* и *вы*, *раз* и *роз*. Известно, что наречия восточной отрасли отличаются формами *из* и *раз*; западной — формами *вы* и *роз*.

В литературном языке западное влияние держится более, чем в юридическом; между тем, и здесь оно уже приметно слабеет со второй половины XII столетия. «Слово о полку Игореве», писанное архаическим слогом, исключение. Начиная с первой четверти XIII столетия, т. е. около эпохи нашествия татар, это влияние прекращается совершенно. В сказании о нашествии Батыя на Русскую землю,

в современных летописях и грамотах, в сказании о Мамаевом побоище почти уже нет западных оборотов и слов; а из оставшихся от прежнего времени многие или изменили свое значение, или возвратились к первобытному русскому; таковы: убор, заразити, трудный, ткнуть и уткнуть, пасти, мутный и пр.

К каким заключениям ведет совокупность представленных нами лингвистических особенностей? Если варяги норманны, откуда в русском языке, в русском праве западное славянское начало? Принять ли, что эти мнимозападные слова были исконной, незапамятной принадлежностью древнерусского языка? Но в таком случае, почему исчезают они в XIII веке? Почему исчезают именно те, которые живут и доныне в чешском и польском языках? Почему почти каждое из них имеет современную, соответствующую ему русскую форму? Так, пискуп и епископ, войский и войсковой, запа и спанье, чили и или, кихать и чихать, мычети и метати, онако и иначе, ссути и ссыпати, снем и сонм. Почему гадательное объяснение этих слов из русских источников привело и Карамзина, и Каченовского, и Калайдовича, и Буткова к одним только ошибкам? (срвн. слова: смилное, на костех, воискии, олек, запа, вымол, пасти, смага и пр.). Без пособия западных славянских наречий памятники древнерусского права и письменности от X до XII столетия необъяснимы; отчего же не требуется познания русского языка для уразумения чешских поэм кралодворской рукописи?

Быть может, присутствие на Руси западного начала объясняется из ранних ее сношений с Польшей, из слияния ляшских племен (радимичей и вятичей) со словенорусскими?

Характер наших сношений с Польшей в первые два века нашей истории не таков, чтобы допустить возможность подобного влияния польских обычаев и польского языка на

русский язык и русское общество. Теснейшие сношения южной Руси с Польшей начинаются со времени политического развития Галицкого княжества, около половины XII столетия, т.е. именно с той эпохи, когда влияние западных наречий на русское исчезает; волынские и галицкие летописи, начинающиеся 1200 годом, не содержат почти вовсе западных слов; в государственных актах не встречаются они уж и прежде. Еще труднее предположить влияние на Русь забредших в нее польских племен, вятичей и радимичей, или покоренных Владимиром червенских земель; такому влиянию следовало бы обнаружиться в произведениях народного духа, в песнях, а не в документах юриспруденции и литературы. Ни в том, ни в другом случае вошедшие в русский язык западные слова не могли бы выйти из народного употребления; их добровольное восприятие от соседних или покоренных ляшских племен свидетельствовало бы о необходимости, по крайней мере, об удобстве подобного займа вследствие потребностей языка и народа. Иноземные слова, внесенные завоевателями в язык покоренного племени не исчезают; не исчезают и заимствованные от покоренных племен; не исчезают и введенные в употребление внешними случайностями развивающегося народного образования. Примеров находим довольно в составе романских и английского языков; в германских словах, вошедших в итальянский язык; в германских, французских и английских, получивших право гражданства в русском языке после Петра Великого. Ни один из этих примеров не может быть применен к настоящему случаю. Как водворение на Руси варяжских князей, так и влияние варяжского начала на Русь имело характер преимущественно династический; большая часть приведенных нами понятий и слов принадлежит не народу, а князьям и дружине; они могли держаться только покуда сохранялась память о варяжском, нерусском происхождении владетельного рода.

Составление древнейшей Новгородской летописи восходит не далее XIII—XIV столетия; сверх того, первые пятнадцать тетрадей, в которых заключалась летопись Нестора, утрачены; этим объясняется незначительное количество дошедших до нас в Синодальной харатейной рукописи западнославянских слов. Между тем, мы имеем доказательства, что в формах своего наречия Новгород хранил более Киева печать лингвистического влияния варягов. Известия о Руси, внесенные Константином Багрянородным в книгу *De administrando imperio*, вышли из Новгорода; отсюда встречающиеся у него западнославянские *prah* вместо *порог*; *wlntu* вместо *волнистый* и т.д. В первой Новгородской летописи, под 1058 г., *Годлядь* вместо *Голядь*; так, в западнославянских наречиях *sadlo*, *modlitba*, *Dudlebi* — вместо русских *сало*, *молитва*, *дулебы*. Слово *бискуп* вместо *епископ*, употребляемое на юге под формой *пискуп* только в письменных памятниках, является народным названием новгородской *Бискоупли* улицы. Русское выражение «срубить город» встречается в Новгородской летописи под западной формой «чинить город». «И начаша чинити городъ на Нарове». Вместо южного (малороссийского и польского) названия *червец* для июня месяца новгородцы употребляли западное *Исок*. К варяжскому влиянию отношу я и форму *Ильмень* вместо древнерусской *Илмер* (*Halmuris?*); *Ильменью* называлась одна из рек, протекавших по Вендской земле. Наконец, новгородское наречие являет один из главных признаков, отличающих, по мнению лингвистов, западные наречия от восточных, а именно употребление *ц* вместо *ч* и *щ*. Так, в Новгородской летописи: Цернигов, луце, через, Свеневиць, Твердятиць и пр.

Мы указали уже выше на вероятность варяжского (вендского) поселения в Новгородской области еще задолго до Рюрика. Северное предание сохранило память о Валите-Варенте (лутиче-варяге), новгородском поселенце и данни-

ке в эпоху доисторическую; другое предание знает о незапамятном поселении вендов на берегах реки Wyndo в Курляндии; Dicuil, писавший de mensura orbis около 825 года, полагает Вендов на чюдском берегу Балтийского моря. Нельзя, разумеется, придавать особого значения этим сказаниям; в связи с тем, что нам известно о славянских поселениях в Германии, Батавии и т.д., они свидетельствуют, по крайней мере, о колонизационном духе полабского племени. Более положительные следы варяжского поселения в Новгороде представляет его собственный исторический быт; западнославянским началом проникнута вся домашняя новгородская жизнь. Новгородские местности носят западные названия: Волоотово, Прусская улица, Боркова, Бискупля, Иворова. Боркова улица указывает на знаменитый и древнейший в Поморий род Борков. Концы в Новгороде, вероятно, тоже, что штетинские *кончины*. Эти *кончины* (особый род храмов) имели каждая свое *вече*, как без сомнения и *концы* в Новгороде. В Первой Новгородской летописи находим намек и на позднейшее знакомство Новгорода с Штетиной. «Томъ же лете (1165), поставиша церковь Святыя Троиця шетициници (вар. шетеничи), а другую на Городищи Святаго Николы князь Святославъ». Карамзин принимает слово *шетициници* в смысле прилагательном и читает «Троицы шетициницы»; но значения этого слова не дает. Да и кто же «поставиша церковь Святыя Троиця»? Единственным правильным чтением я полагаю вариант шетеничи (штетеничи), т.е. обитатели города Штетени (Штетень, от Stet — щеть, щетина; в Книтлинга-саге). Известно, что в христианском Боге штетинцы преимущественно видели и ненавидели бога немецкого «Teutonicum deum»; не раз отлагались они от христианства из отвращения к своим германским и польским преследователям; удивительно ли, что иные из них обратились за христианским учением к своим новгородским родичам? На подобное принятие в Новгороде православного испове-

дования вендами указывает и другое место летописи: «Въ тоже лѣто (1156) поставиша заморѣстии церковь святыхъ Пятнице, на Търговици». Что дело идет не о латинской, а о православной церкви уже видно, как из ее посвящения Преп. Параскеве (Пятнице), греческой, но не латинской святой, так и из приводимого по этому случаю объяснения Третьей Новгородской летописи: «Въ лето 6664. Заложиха церковь каменную, въ Великомъ Новеграде, въ Торгу заморские купцы, святыхъ Пятницы; а совершена бысть въ лето 6853, при Василии архиепископе, что порушилась въ велики пожаръ, повелениемъ рабъ Божиихъ Андрея сына тысяцкого и Павла Петровича». Под этими *заморскими купцами*, кажется, трудно разуместь кого-либо другого, кроме поморских гостей. «Имя Новгорода, — говорит г. Котляревский, — становится совершенно понятно, когда вспомнить о Старьграде (даже не одном, а двух), находившемся на балтийском Поморье; имя *Славъно* кажется противнем такого же балтийского Славна; характер новгородской вольницы и торговой знати точно тот же, что и поморской; характер веча, вечевого устройства и вечевой степени сходен до подробностей; одинаково и устройство княжьего двора». У нас отвергали вероятность призвания князей из Помория на том основании, что у Нестора вместо Святовита и Триглава поставлены Перун, Волос и т.д.. При племенном значении большей части славянских божеств, очевидно, что многие из них разнились между собой только названиями; Святовит — Триглав — Белбог — Перун были прироками одного и того же верховного бога Сварога, как прироком германского *Zio* был *Ir*. Варяжские князья на Руси поклонялись Святовиту в Свароге-Перуне, как в Риме афинский грек поклонялся Афине в Минерве, Афродите в Венере. Заменить своими вендскими племенными названиями народные русские названия богов (если даже и допустить что вне Арконы Святовит, вне Ретры Радегаст имели общеславянское значе-

ние и смысл), значило принести на Русь семя новых, бесконечных раздоров; возобновить, в большем размере, кровавые беспорядки, вынудившие призвание; ибо нет сомнения, что как в прочих славянских землях, так и у нас княжеские усобицы и вражда племен имели и религиозное основание. Первым условием призвания, со стороны словено-русских племен, была, конечно, неприкосновенность их языческого богослужения; новгородцы хотели князей, которые бы их судили *по русскому праву*; и мы видим, что Олег и мужи его клянутся *по русскому закону* Перуном и Волосом. Не должно забывать и того, что известия о язычестве прибалтийских славян — Дитмара, Адама, Гельмольда, Саксона и других, относятся не к IX, а к XI и XII столетиям, т. е. к эпохе сильнейшего искусственного развития идолопоклонения в Вендской земле. Мы не можем требовать от варягов-язычников IX—X столетий перенесения на Русь обрядов, суеверий, а быть может, и названий богов XII.

Начальная летопись сохранила память о факте, уже не раз обращавшем на себя внимание исследователей; а именно о перевороте, происшедшем в русском язычестве в первые годы княжения Владимира. Г. Соловьев толкует поведение Владимира в эти первые годы торжеством языческой стороны над христианской; объяснение, представляющее все признаки исторической вероятности. Но проявление этого торжества, постановление новых кумиров на холму в Киеве, идола Перунова в Новгороде едва ли не окажется прямым следствием трехгодичного пребывания Владимира в земле варяжской, т. е. в балтийском Поморьи. Из приводимых Нестором славянских божеств, по крайней мере, *Дажьбог* являет положительные следы вендского происхождения. О значении *Дажьбога* в славянской мифологии свидетельствует внесенный в Ипатьевскую летопись из болгарского переводного хронографа отрывок, в котором эллино-египетские божества объясняются славянскими, им соответствующими

языческими названиями богов. Болгарский хронограф переводит из Иоанна Малалы; основой известиям оригинала служат, по обыкновению, Евсевий и Манефон.

С другой стороны, мы читаем в Слове Христороубца: «И огневи молятся, зовутъ его сварожщем... и огневи молятся подъ овин(о)м». *Сварог* бог света, Световит (Святовит); его дети *Солнце-Дажьбог* и *Огонь*. Теперь, наш Дажьбог-Сварожичъ является у вендов под формой *Zuarasici*. Но этот Сварожичъ (*Zuarasici*) тождествен с Радегастом; по Дитмару, Сварожичъ был главным божеством города Радгоща, *Redigost*, Ретры; по Гельмольду, главным божеством города Ретры был *Redegast*. Очевидно, *Радогость* и *Дажьбог* прироки одного и того же божества, выражающие, быть может, одно и то же понятие о гостеприимстве. Неизвестный Нестору и в русской мифологии незнаемый Сварог, тот же вендский Перун, сокрытый в Арконе под прироком Святовита; Дажьбог, занесенный Владимиром из Оботритской земли в русскую, тот же *Zuarasici* — Сварожичъ — Радегаст.

На западное происхождение Дажьбога указывает и первобытная форма его имени. Лаврентьевская и Ипатьевская летописи читают: Дажьбог. Но в «Слове о полку Игореве», сохранившем древнейшие предания вендского края, удержана западная форма Даждьбог, проявляющаяся и в названии мазовецкого урочища *Dadzibogi* у Ходаковского. В «Слове» варяжские князья являются внуками, нерусского Перуна, а западного Радогостя-Даждьбога. «Тогда при Олзе Гориславличи сеяшеться и растяшеть усобицами; погибашеть жизнь *Даждь-Божа* внука; въ княжихъ крамолах вѣци человекомъ скратишась». — «Въстала обида въ силах *Дажь-Божа* внука». Как гомеровские цари от Зевса, как скандинавские богатыри от Одина и Ньорда, так варяжские князья ведут свою родословную от ретарского Сварожича; как Владимир внук Даждьбога, а не Перуна, так и Боян внук не русского Волоса, а западного Велеса, «чили въспети было вещей Боя-

не, Велесовъ внуче». *Veless-pan*. Мы видели, как в XII веке св. Авраамий ниспровергнул в Ростове идол *Велеса*; не забудем, что о Ростове летопись говорит: «И по темъ городамъ суть находници варязи; а первое насельници... въ Ростове меря» и пр.

Не одними названиями богов, приведенное место летописи замечательно и известием о постановлении в Киеве и Новгороде новых кумиров. Что у нас были кумиры и до Владимира, нам известно по летописи и из Ибн-Фоцлана; но сохранившееся и до Нестеровых времен предание о невиданном дотоле великолепии Перунова идола («постави... Перуна древяна, а главу его сребрену, а усъ златъ»), напоминает об изваяниях вендских богов у Масуди, Дитмара, Сефрида, Саксона Грамматика и других. Как у нашего Перуна *серебряная*, так у вендского Сатурна голова *золотая*; идол Черноглава в Книтлинга-саге является «*Argenteo mystace insignis*»; у нашего Перуна «усъ златъ». Не наводит ли это на мысль, что Владимир вывез из Помория или готовые уже изображения богов, или, по крайней мере, вендских художников?

О присутствии вендского начала в нашем идолопоклонении свидетельствует и другое любопытное обстоятельство. В истории изящных искусств Аженкура приводится русская икона (XIV века?), на которой, между прочим, изображены, под видом попираемых крестом и изгоняемых в преисподнюю демонов, древнеславянские, вендские божества, в чем меня преимущественно убеждает сходство иконы с описанием Поренутова идола у Саксона Грамматика. Поликефализм — отличительный знак вендских идолов; о включении в грудь или чрево идола добавочной головы (как у двух из изображенных на нашей иконе демонов) мне неизвестно никакое другое свидетельство, кроме Саксонова о Поренуте. Собачья фигура должно быть Чернобог. Сатана под видом языческого бога взывает к своим демонам:

«О друзи и сила моя, подвигнетесь по мне, яко древомъ мя уязвъ въ сердце Марія изъ Вефлиема». Каким путем, если не варяжским, могло перейти на Русь, одним только вендам известное изображение языческих идолов? И не доказывает ли сохранившаяся до XIV столетия память об этом нерусском языческом представлении, что дело идет здесь о факте, когда-то сильно взволновавшем народное воображение?

Из Поморья же перешло к нам и выражение *дынить*, делать *дыню*, которым означалась у западных славян обрядная пляска, совершаемая над могилой усопших. В житии св. Константина Муромского читаем: «*Невернии людие видяще сѣя, дивляху сѣя, еже не по ихъ обычаю погребете творять, яко погребаему благоверному князю Михаилу въ знакъ на востокъ лицемъ, а могилы холмомъ не сыпаху но ровно со землю; ни тризница, ни дыни не деяху, ни битвы, ни кожи кроеша не творяху, ни лица драша*». *Дупа*, польский припев вроде наших *гой, люли* и т. д.; *дупас* — плясать; *dynda* — качели; *dyndac, dyndati* — качаться.

Олег говорит о Киеве «се буди мати градомъ рускимъ». Это не русское выражение; оно не встречается более в летописи и в истории; оно неизвестно в простонародии, в песнях. Народ называет Москву *матушкой*, но не матерью городов; этим названием не отличаются на Руси ни Великий Новгород, ни древние Ростов, Суздаль и пр. К тому же нельзя допустить, чтобы это название было дано *впервые* городу, носившему, подобно Киеву, имя мужского рода. По всей вероятности, варяжские князья перенесли на свой русский стольный город то прозвище, которым знаменитая Штетень славилась у поморских славян.

В списках летописи древнего текста, кроме Лаврентьевского, читаем: «И придоша къ словеномъ первое (пръвое), и срубиша городъ Ладогу (Лагоду) и съде старейший въ Ладозь (Ладоге) Рюрикъ». Выражение *срубиша город* обыкно-

венно принимают в смысле: пристроили крепость, острог. Допуская возможность этого толкования в других случаях, я не могу принять его здесь, потому что имя, а следовательно, и построение Ладоги, варяжская принадлежность.

Настоящим древнейшим названием Ладожского озера было *Нево*; так называется оно и у Нестора: «Изъ него же озера (Илмеря) потечеть Волховъ и вѣтчеть въ озеро великое *Нево*». В книге Большого Чертежа: «А корельское озеро пало въ озеро *Нево*, а *Ладожское* озеро тожь». Теперь откуда два названия для Ладожского озера? Откуда для озера Нево новое имя *Ладожского*!

Имя озера *Нево* и реки *Невы* производят от финского *Newa* — топь, болото; имя *Ладога* от финского *Altokas*, волнистое. Савельев думает, что финское имя Нево перенесено на озеро новгородскими славянами, потому что финны не могли же назвать озера «болотом». Но если от болотистых берегов Невы финны могли прозвать ее *Newa* — топь, болота, то по какой причине не допустить того же названия и для озера? Находим же мы в Паннонии известное Блатное озеро (*Blatno, Platten-See*), соответствующее по значению финскому *Newa*; город Мосбург, лежащий при впадении Салы в Блатенское озеро, именуется *Urbs Paludarum*; древнее *Labeatis* ныне *Crnogorsko Blato* и т.д. Дело в том, что двух финских названий для одного и того же озера принять невозможно; еще менее одно финское *Altokas*, данное финнами; другое финское же *Newa*, Нево — славянами. Да и когда же и вследствие каких причин последовало это изменение имен? По мнению Шегрена и Савельева, озеро Нево именовалось Ладожским еще до Рюрика, ибо отсюда имя Ладоги для города в котором он поселился. Откуда же у Нестора имя Нево? Почему держится оно и впоследствии, т.е. еще и в XVII веке при названии Ладожского? Вероятно, Шегрен не впал бы в смешную ошибку, если бы знал, что имя Ладоги для озера отроду не существовало и есть не

что иное, как перевод с немецкого *der Ladoga-See*; русское же название озера Нево, от Нестора до наших дней, всегда и без исключения является *под прилагательной формой* «Ладожское озеро», от построенного на его берегу города Ладоги. Этим объясняется совершенно естественно двойное название Ладожского озера; и Адриатическое море слывет под названием Венецианского залива. Излишним считаю доказывать, что имя города Ладоги не от финского *Altokas*; волнистые города неизвестны в географической номенклатуре народов.

Нево финское; *Ладожское* — славянское имя Ладожского озера. По прибытии в землю новгородских славян, Рюрик выстроил или срубил на южном берегу озера Нево город Ладогу-Лагоду, т.е. увеселение (*Lahoda*, *česk.* — любезность; *lagodny*, *polsk.* — любезный; *лагодить* — тешить, и в Поучении Мономаха), название, соответствующее по смыслу славянским: Любеч, Любно, Тешень, *Potech* и т.д. Перестановка согласных в формах Ладога-*Lahoda* (не говоря уже о варианте *Лагода* хлебниковского списка) явление обыкновенное, как у вендских славян, так и у нас.

Х. ОБЩЕСЛАВЯНСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВАРЯЖСКИХ (ВЕНДСКИХ) КНЯЗЕЙ И ДРУЖИННИКОВ

Как в занесенных к нам с балтийского Поморья вендских словах, учреждениях, формах язычества и т.д. мы находим доказательства западославянскому происхождению варяжских князей; так из дошедших до нас общеславянских особенностей их быта мы заключаем о невозможности их неславянского происхождения. Избегая повторения

уже всем известных доказательств, я только для памяти указываю на совершенное тождество княжеского родового начала у нас и у прочих славянских народов; на поклонение Олега, Игоря, Святослава — Перуну и Волосу, по русскому закону; на постановление Владимиром славянских идолов в Киеве и т.д. Только для памяти повторяю, что мнимонорманнское начало не оставило у нас ни одного следа ни в языке, ни в религии, ни в праве, ни в обычаях. Оспаривать общие места, на которых, за недостатком более существенных доказательств, норманнская школа утверждает свое мнение о скандинавизме варяжской руси, я не буду; всякий поймет, что если на примеры воинственности, сластолюбия, гордости, мстительности и т. п. у норманнов и русских князей я не отвечаю сотнями подобных примеров из прочих славянских историй, я это делаю не по недостатку материалов, а потому что одна только частная характеристика варяжских князей может вести нас к определению их народности.

Из малоисследованных до сих пор общеславянских частности домашнего быта варяжских князей, особенно замечательны следующие:

Бритье головы и бороды. — Лев Диакон описывает, что у Святослава борода была бритая; он *безбородый*, *nudatus barba*. Руяне брили голову и бороду; волосы на голове иногда подстригали коротко. Только один верховный жрец у руян носил длинные волосы и бороду *противно народному обычаю*. И у нас белозерские волхвы являются с бородами: «Янь же повеле бити я, и потергати браде ею»; обстоятельство, подтверждающее мнение Моне о финно-литовском происхождении арконских жрецов. Ибн-Гаукал свидетельствует о языческом обычае руси брить бороду друг другу; Димешки рассказывает, что из русов одни бреют себе бороду, другие окрашивают ее сафрано-желтым цветом; Эдриси, что некоторые из русов бреются, между тем, как другие от-

рашивают себе бороды; в последних мы угадываем или норманнов, сокрытых под общим названием руси, или крещеную русь. На миниатюрных рисунках вольфенбиттельской легенды и вышеградского кодекса (1006 и 1129 гг.) древние чехи представлены с коротко подстриженными волосами, длинными усами и без бороды. Славянином, по бритой голове, оказывается Саксонов «Sveno, superne tonsus», уже тождественный по имени со славянским Свеном, о котором упоминается в числе Гаральдовых спутников. Мы не имеем положительных данных о славянских чубах; носили ли их одни князья у известных племен или отличались только длиной чубов? Дитмар говорит о лутичах: «*Racem abraso aine supremo et cum gramine, datisque affirmant dextris*». Из этих слов Воцель заключает, что славяне имели обыкновение носить пучок волос на передней части головы; мне кажется, что Дитмар указывает именно на чуб и на темя; при совершении клятв лутичи, вероятно, обрезали конечные волосы своих чубов, а, быть может, и самые чубы; слово чуб, чуприна (польск. *czub*, *czurгуна*, чешск. *sub*, *сургуна*) существует у всех славянских народов. На Руси стали отпускать волосы и бороду только вследствие принятия христианской веры. В договорах, памятнике языческих времен нет статьи о *бороде*; в Правде, составленной под влиянием новых христианских обычаев, положено 12 гривен продажи за порвание бороды: «А кто порветь *бородоу*, а вьньметъ знамение, а вылезуть людие, то 12 гривенъ продаже; аже безъ людии, а вь поклене, то нету продажи».

Приношение волос в жертву богам было у всех народов обычаем глубокой древности; постоянное бритье головы отличительной чертой азиатских религий, преимущественно фригийского идолопоклонения; у Гомера фракийцы названы *чубоносцами*; Плутарх указывает на аравийское происхождение бритья бороды и волос у еввийских абантов.

От того же восточного источника ведут, вероятно, свое начало и постриги славянские. О польских пострижинах свидетельствуют Мартин Галл, Кадлубек, Длугош и прочие; у нас языческие постриги переходят (подобно другим древнеславянским религиозным обычаям) в соответствующий им христианский обряд восточной церкви, удерживая от первобытного своего значения *сажание на коня* и духовное свойство между постригающим и родственниками постригаемого. Мацеевский, нисколько не заботящийся об изучении источников, силится доказать чисто христианское (восточное) происхождение славянских постриг; он не понял существенного отличия обоих обрядов; языческим знаменовалось *пожизненное* соблюдение народного обычая пострижения или бритья; христианский — был временным символическим жертвоприношением.

Как славянские источники свидетельствуют о всеславянском обычае бритья или пострижения бороды и волос, так, напротив, германские о неприкосновенности и религиозном значении той и других у всех народов германского племени. Длинные волосы были отличительным знаком свободного мужа; бритая голова клеймом раба. Германские язычники клялись волосами и бородой Водановой. Скандинавский Один прозывался Harbardr, Tor — краснородым. В древней Эдде говорится о волосах и бороде свободных людей, ярлов и конунгов. Jomsvikinga saga сохранила предание о том, как осужденные на обезглавление норманнские викинги заботились перед смертью о неприкосновенности своих волос. Обритие головы почиталось у германских и скандинавских народов высшим бесчестьем. И теперь, на скандинавское ли происхождение указывает бритая голова Святослава? И возможно ли допустить, чтобы уже во втором поколении династии *знаменем благородства* норманнского конунга явилось то, что у норманнов почиталось клеймом позора и рабства?

Верховая езда. До XII столетия норманны не знали у себя верховой езды. При Эрике III (1137) они переняли у *поморских славян* обычай сражаться верхами: «И с тех пор, — говорит Саксон — потомство тщательно хранило этот обычай». О неумении ездить верхом норманнов IX века в Англии и во Франции свидетельствуют все летописцы. Круг и г. Куник переносят эту особенность скандинавских народов и на варяжскую русь. Что как у прочих славянских племен, так и у руси простое войско сражалось пешим и не знало верховой езды, явствует и из рассказа Льва Диякона о неумении руси 972 года сражаться верхами и из позднейших свидетельств наших летописей: «И рекоша новгородци; княже, не хочемъ измерети на конихъ, нъ яко отчи наши билися на Кулачке пеши; князь же Мъстиславъ радъ бысть тому. Новгородци же, съседавъше съ конь и порты съметавъше, боси сапогы съметавъше поскочиша, а Мъстиславъ поъха за ними на конихъ». В Воскресенской летописи и других, новгородцы отвечают: «На конехъ не едемъ». Но если простое войско сражалось пешим, то по западному, преимущественно вендскому обычаю, князья и их приближенные были всегда на конях. Здесь перед нами славянская конная дружина — *komonstwo*. В 1010 году вендский князь Метиной предпринимал поход в Италию с тысячею отборных конников. У языческих чехов воеводы были всегда на конях.

То же самое и у нас. Кудесник, предвещавший Олегу смерть от коня, говорит: «Княже! Конь, его же любиши и едиши на немъ, отъ того ти умрети». Собираясь взглянуть на кости умершего коня своего, Олег призывает «старейшину конюхом», велит «оседлати конь». Игорь идет на греков «в лодях и на коних»; Святослав еще ребенком сражается верхом против древлян: «Суну копьемъ Святославъ деревляны, и копые летъ сквозь уши коневи, удари въ ноги коневи, бъ бо дътескъ». Верхами, разумеется, были и его воево-

ды Свенгелд и Ясмуд. Впоследствии он делал все свои походы верхом и спал с седлом в головах; отборная дружина его именовалась комонством; о ней говорит Свенгелд: «Пойди, княже, на конихъ около, стоять бо печенъзи въ порозехъ». Олаф Тригвасон научился конной езде на Руси. Дружина Владимира состояла из коней и оружия; в Слове о полку Игореве князь всегда на комонях; мы видели символическое сажание на коня княжеских сыновей при обряде постриг. Под Дористолом Святослав хотел посадить простое войско на коней, следуя примеру греческой конницы; попытка оказалась неудачной, ибо, подобно прочим славянским народам, русь вообще, т. е. масса простолюдинов, была пешесражающимся народом. Норманны переняли от франков, бриттов и вендов обычай ездить и сражаться на конях; от кого же переняли этот обычай Олег, Игорь, Свенгелд, Ясмуд, Святослав? И каким образом не умеющие ездить у себя верхом скандинавы становятся конниками на Руси, когда и русь такой же пешесражающийся народ, как и они сами?

Оружие. Главного скандинавского оружия, двуострой секиры, варяжские князья и их приближенные не знали. Известно, какое значение имели у скандинавов их секиры. Как арабы своим коням, так норманны вели родословные своим секирам; Гакон снаряжает призрак Торгарда секирой, некогда принадлежавшей Гергию; Магнус был вооружен секирой отца своего Олафа Святого, прозванной *Hel*; Кнут требовал от Норвегии 36 секир в виде дани. «Какие бы выходцы не вступали в корпус варангов, — говорит г. Куник, — двуострая датская секира всегда оставалась его характеристическим отличием». По этим огромным секирам получили варанги у греков специальное название секироносцев.

Дело другое, русские топоры, и донныне неразлучное домашнее орудие русского селянина; они употреблялись, состоявшими на собственном иждивении простолюдинами

и на войне, и на кораблях; только напрасно видит в них норманнская школа огромные двуострые норманнские секиры. Из иноземных писателей, упоминающих о топорах у руси, мне известны: 1) Никита Давид Пафлагонский. — Он говорит о топорах, которыми в 865 году русы изрубили на корме одного из своих кораблей 22 служителей патриарха Игнатия. 2) Ибн-Фоцлан. — «Каждый из них, — говорит он о русах, — имеет при себе топор, нож и меч. Без этого оружия их никогда не видать». 3) Константин Багрянородный. — В числе снарядов для 9 русских кораблей, отправленных в поход против Крита в 949 году, выведено: 500 топоров на сумму 50 нумизмов; 200 топоров на 20 нумизмов. 4) Лев Диакон. — Императорский воевода Иоанн Куркуа изрублен русами в 972 году мечами и топорами. Какие это были топоры, видно из свидетельства наших летописей: «Пешци же не ожидаючи Ивора, удариша на Ярославлихъ пещцевъ и кликнута, о́ни верьгше кий, а о́ни топорь, отбежати имъ». Конечно, здесь дело идет не о норманнских секирах, ибо сражаются босые новгородцы и смоляне. Таковыми же домашними топорами были вооружены и вендские простцы; и печенеги в XI столетии. Летописец удивляется Сбыславу Якуновичу, который «бьяшеться единымъ топоромъ»; странно было бы удивляться норманнской секире. Ибн-Фоцлан, подробно описывающий харалужные мечи руссов, молчит о бранных секирах; значит, он видел не скандинавские, серебром и золотом обитые о́ха, а простые славянские топоры. Цена каждому русскому топору у Константина Багрянородного составляет на наши деньги, около 35 копеек серебром; неужели Кнут требовал от Норвегии двенадцать рублей шестьдесят копеек дани?

Кроме топоров, которыми сражались смерды простолюдины, наша летопись знает *потешные топорцы*, оружие князей, воевод и дружинников в мирное время. Таковы то-

порец Яна, топор, который Глеб держал под скутом и пр. Круг мечтает и здесь о норманнской секире; как справедливо видно из текста летописи: «Они же сташа исполчившеся противу, Яневи же идущю съ топорцемъ, выступиша отъ нихъ 3 мужи... Они же сунушася на Яня единъ грешися Яня топоромъ, Янъ же оборотя топоръ удари и тыльемъ, повеле отрокомъ сечи я; они же бежаша въ лесъ». *Топорец Яна с тыльем* является у Круга *двуострой* норманнской секирой! Глеб держит «под скутом» норманнскую секиру, величиной в человеческий рост. Из примеров употребления на Руси настоящей бранной секиры (но только не норманнской) древнерусская история знает, кажется, только один, почему о нем и упоминается особо в летописи; это топор с паворозой на руке, которым князь Мстислав был вооружен в знаменитой Липицкой битве. Как на Руси, так и у западных славян бранная секира мало известна; в кралодворской рукописи упоминается о ней только раз. Безымянный биограф св. Оттона величает напрасно именем бранной секиры простой топор, которым вендский поселянин ударил епископа, хотевшего срубить ореховое дерево, посвященное идолам.

Народным славянским оружием был меч. О крещеных русах, бывших при приеме тарсийских послов в Константинополе в 946 году, Константин Багрянородный говорит, что они держали в руках небольшие знамена и были вооружены щитами и своими (национальными) мечами. Эти русы не варанги ни по имени, ни по вооружению; где у них славянский обоюдоострый меч, там у варангов датская секира. Обоюдоострыми мечами были вооружены и славянские телохранители у калифов. Претич, воевода Святослава в 968 году, меняясь оружием с печенежским князем, дает ему броню, щит, меч. Греческий император посылает Святославу не секиру, а меч, по сказочному, но тем более народный обычай

обличающему, преданию Нестора. В договоре Олега: «Аще ли ударить мечемъ или бьеть кацемъ любо съсудомъ, за то ударение или убъение да вдасть литръ 5 сребра по закону рускому». В Игоре: «Ци аще ударить мечемъ, или копьемъ, или кацемъ любо оружемъ русинъ гръчина, или гръчинъ русина, да того дея греха заплатитъ сребра литръ 5, по закону рускому». В Русской Правде: «Аще оутнетъ мечемъ, а не вынемъ его, любо роукоятью: то 12 гривень за обиду». Некрещеная русь 944 года клянется, полагая «щиты своя, и мъче свое наги, обруче свое и прочая оружья». Неужели, если бы русь и варяжские князья были от норманнов, не было бы упомянуто ни в одном из этих мест о норманнской секире? В «Слове о полку Игоре» исчислены из различных орудий: мечи, копья, сабли, сулицы, шерешеры, стрелы, луки, шеломы, щиты; о секирах ни слова. Сами скандинавы свидетельствуют о существенном отличии между норманнским и русским оружием. Немой раб, купленный на Руси, признан норвежцем потому только, что умел выделять оружие, употребляемое вэрингами. Очевидно, это оружие было отлично от туземного русского.

За исключением сабель и, кажется, шерешир, перешедших к нам от степных народов, все остальное оружие руси обретается и у других славянских племен под одинаковыми названиями.

Мореходство. — Эверс справедливо заметил, что русь не переняли от норманнов ни одного названия своих кораблей и принадлежащих к ним снастей и орудий; он ошибается, утверждая, что, за исключением *ладии*, остальные русские названия кораблей заняты от греков. Славяне охотно плавали по морям и по рекам; в особенности венды и русь (черноморская русь по преимуществу) отличались склонностью к мореходству. Они находили в своем языке все нужные слова для обозначения морских и речных су-

дов, снастей и т.д. Но, сохраняя туземные названия для своих туземных кораблей, они (по крайней мере русь) обыкновенно прилагали кораблям иноземных народов названия, взятые из языков этих народов.

Для финских судов летопись знает финское слово *лойва*, которым до сих пор чухны называют большие суда.

Для германо-норманнских, 1) *Шнека*. По-скандинавски *Snaeka*, англосакс. *Spassa*. «Въ то же лето приходи свьискеи князь съ епископомъ въ 60 *шнекъ* на гость, иже изъ заморья шли въ 3 лодьяхъ». 2) *Буса*. «Того же лета пришедши мурмане войною, въ 500 человекъ, въ *бусахъ* и въ *шнекахъ*, и повоеваша въ Варзуге погость корельский». «А будетъ товаръ у немчина въ *бусе*, и новгородцу той товаръ у немчина добровольно взяти и съ *бусы* черезъ край въ *лодью...*» и т. д.

Для греческих судов. 1) *Дроманы*. «Романъ же царь посла на *дроманы*, елико бяху въ Константине граде, с Феофаномъ патрикиемъ, на Русь лодейныя вой». 2) *Кувары*, *Кубары*. «И о томъ, аще обрящють русь *кубару* гречьскую въвержену на коемъ любо месте» и пр.». Длинное судно, ходящее на веслах и называющееся теперь галерою. 3) *Оляди*. «Феофанъ же устрете я въ *олядтьхъ* со огнемъ» и пр. *Оляди* ничто иное, как словенская (руско-болгарская) форма греческого *χελάνδια*. 4) *Скедии*, *скеди*. «Яко идутъ русь на Царьградъ *скедий* 10 тысящъ». «Приплу русь на Костянтинь градъ лодиами, тысящъ 10, иже и *скеди* глаголемъ». Это слово, очевидно, тождественно с греческим: *σχεδια*. Норманнская школа не преминула указать на сходство датского *skeid* с русским *скеди*; но едва ли есть что общее между этими словами.

Общеславянскими названиями судов оказываются: 1. *Лодия*, *ладия*; у чехов *lod*, *lody*, *lodie*; polsk. *lodzi*, *lodzi*; vind. *ladja*. Мы находим в летописи собирательные *лодь* и *лодье*. Лодьями назывались *однодеревки*, на которых русь отправлялись для торговли или войны к Царюграду. Такие одноде-

ревки или лодьи были посланны Ярославом против греков в 1043 году. «И поиде Володимерь въ лодьяхъ, и придоша въ Дунай, поидоша ко Царюграду». На таких же туземных лодиях-однодеревках нападали на Царьград черноморские русы VII столетия (тавроскифы) в качестве аварских союзников. Замечательно, что по числу людей Олеговы лодии совершенно схожи с большими хорватскими, о которых упоминает Константин Багрянородный; и те, и другие вмещали каждая по 40 человек; то же число и у вендов; лишние 4 человека для двух коней. Савельев говорит, что «однодеревками эти лодьи названы не потому, что выдолблены были из одного дерева, то были бы челны, а по той причине, что, не зная еще искусства распиловки досок, тогда употребляли для постройки судна цельные деревья, распластанные надвое». Я не могу согласиться с этим объяснением. Во-первых, распиловка досок искусство довольно первобытное; во-вторых, однодеревки всегда означают у греков суда выдолбленные из одного дерева; по свидетельству Зонары, сами русь называли свои лодьи *однодеревками*. Мне кажется всего естественнее объяснение Круга, взятое из Бопланова описания казацких судов в XVII столетии, что однодеревками наши лодии назывались потому, что в основу им полагалось одно выдолбленное дерево.

2. *Корабль*. Шлецер производил русское слово *корабль* от греческого *κάραβος*. Круг полагает, что выражения *κάραβος*, *сарабус*, очевидно, тождественны со славянским *корабль* и постройка их была, по всей вероятности, одинакова. Родство этих названий со словами *кора*, *корзина*, *corbis*, *korb* приводит на мысль, что стены тогдашних русских судов были сплетены из прутьев (как во время Гельмольда стены домов у поморских славян или в наше время в Украине), и эта вероятность вполне подтверждается свидетельством некоторых писателей. Напр., Исидор говорит: «*Sarabus* малая

лодия из сплетенных прутьев, обтянутых кожей. Обшивка кожей была необходима против всасывания воды; в числе припасов для снаряжения этих судов Константин упоминает именно о кожах».

Заняли ли славяне слово *корабль* от греков? Этому предположению (кроме существования слова *корабль* во всех славянских наречиях) противоречит и его чисто славянская этимология. *Kořáb* по-чешски древесная кора и большая лодия. Форма *корабль* прилагательное коренного *kořáb*; так Святослав — Святославль; Премысл — Премышль. У Эксарха Болгарского встречаем формы *кораб*, *кораби* и *корабль*. Первобытный славянский *корабль* был, стало быть, сплетен из прутьев и древесной коры; впоследствии это название могло перейти на лодьи, обшитые воловьей кожей. Такие корабли из прутьев и кожи существовали и у британцев, и в Лузитании, и даже в Египте.

Перешло ли славянское *кораб*, *корабль* в греческое *κάραβος*, в латинское *carabus*? Может быть; в смысле *корабля* эти выражения являются уже поздно. Верным кажется то, что сходство обоих названий (*κάραβος*, *корабль*) имело решительное влияние на практическое значение этих слов в Византии; под этим названием Константин Багрянородный понимает только *русские* корабли в греческом флоте. Император Лев Премудрый (от славянского рода) дал начальникам императорских дромонов титул *протокарабов*.

Русская летопись не отличает *корабля от лодии*; кораблем называется лодия и в церковном языке; в Олеговом договоре везде *лодия*, в Игоревом *корабли*. В сущности, лодия однодеревка словенорусское судно; мы знаем из Константина, что изготавливаемые кривичами, лучанами и прочими северными племенами русские лодии спускались до Киева по рекам и по волокам, а оттуда по Днепру и *вдоль берегов* плыли в Царьград, совершая таким образом свое трудное путе-

шествие, «полное забот и опасности». О мелкодонных русских лодях упоминает и император Лев. Вдоль берегов на лодях и на конях совершались и русские походы на Царьград; ратный обычай совершенно противный тому, что нам известно о норманнах; эти не знали конной езды и плавали по открытому морю. *Корабль, Koráb*, быть может, судно вендского происхождения: вендами были, вероятно, первоначально снаряжаемы русские корабли в греческом флоте; они вмещали до 60 человек.

3. *Насады* или *носады*, «князь же съ новгородьци встѣдавъше въ *насады*». «Ты лелеялъ еси на себе Святослави *носады* до плъку Кобякова». Быть может, слово перешедшее к нам от варягов: *násadiště*, малый челн, употребляемый на Дунае.

4. *Челн*. У поляков *czoln*, *czolno*; у чехов *člun*.

5 и 6. *Струг* и *учан* принадлежат едва ли не одной руси.

Скандинавские корабли отличны от славянских как по названиям, так и по форме, постройке, величине и т.д. Норманны не знали кораблей из плетеных прутьев и кож; почему Круг считает таковыми Снопроновы «*nigricantes ex pice naves... ex austro per undas saltantes*», остается неизвестным; не знаю также, на каком основании г. Куник передает Константиновы однодеревки, построенные славянскими племенами германо-скандинавским *ask*, означающим ясневое дерево и корабль, но отнюдь не однодеревки. Между прочими, русским судам совершенно чуждыми особенностями, скандинавские корабли отличались изображением зверей, от которых получали свое название.

Другие корабли назывались *Tranan*, *Buffeln*, *Karlshufud*. Такая особенность не могла бы не остаться в памяти греческих и русских летописцев; о ней упомянул бы и Ибн-Фоцлан, видевший русские корабли на Волге, и Лев Диакон при описании однодеревки, на которой Святослав переправлял-

ся через Дунай. «Странно, — говорит Шлецер, — что русы, мореходные названия, которыми так богат норманнский язык, заняли от греков». Что русы не получили от греков ни одного названия своих кораблей, а вместе с варягами-вендами употребляли свои туземные, словенские, кажется, можно считать доказанным; а что, умея отличать финские суда названием *лойва*, шведские и германские названиями *шнека* и *буса*, греческие названиями *дромоны*, *оляди*, *кувары* и *скедии*, варяжская русь не удержала для себя ни одной клички норманнских кораблей — *Byrdinger*, *Snaeka*, *Knortar*, *Bussa*, *Sker* и т.д., было бы не только странно, но даже совершенно непонятно, если бы варяжские князья происходили из Скандинавии.

Кормильцы и воспитание. — «Вольга же бяше въ Киеве съ сыномъ своимъ съ детьскомъ Святославомъ, и кормилецъ его Асмудъ». «И бе у Ярослава *кормилецъ* и воевода, именемъ Буды». — Эти слова указывают на постоянный обычай, на учреждение; о нем упоминается и в Русской Правде: «А за *кормильца* 12, также и за *кормилицу*, хотя си буди холопъ, хотя си роба».

Кормильцы и воспитатели были у франков, у визиготов, у греков, у норманнов. Ингигерда обязывает Эйнара быть *кормильцем* одиннадцатилетнему Магнусу. Как скандинавские конунги, так и славянские князья отдавали своих детей на воспитание иноземным князьям; Роман Волынский воспитан при дворе польского Казимира, Олдрик Чешский при дворе императора Генриха и т.д. Но этими общими чертами и ограничивается сходство в обычаях того и другого народа; у норманнов воспитатель считался ниже отца или рода своего воспитанника; что у славян ничего подобного не было, можно заключить из готовности, с которой русские, оботритские и польские князья берутся за воспитание норманнских и иных княжичей. Должно еще заметить, что у сканди-

навов было в обыкновении между частными людьми, брать к себе на воспитание детей друзей своих; в знак принятия на себя обязанности отца воспитатель сажал ребенка к себе на колени: такие воспитанники назывались *Knetsetringr*, а в отношении к другим своим совоспитанникам *Fosterbruder*, отсюда, по мнению Стрингольма, начало норманнских общин или гильд, именуемых *Fosterbrodrlag*. Все это совершенно чуждо нашим обыкновениям и понятиям.

Круг основывает на известии Константина Багрянородного мнение, будто бы русские князья посылали своих детей в Новгород, как норманнские герцоги своих в Баиё для изучения скандинавского языка. Как у германских народов неразлучна с идеей о княжеской власти идея о *возвышении, поднятии на щит*, так у нас и у прочих славянских народов идея о *сажании, сидении на столе*. Известие, внесенное Константином в свою книгу, относится к эпохе, в которую Святослав, как единственный сын великого князя, сидел на княжении в Новгороде. Мы знаем, что вследствие перенесения Олегом великокняжеского стола в Киев, Новгород стал после Киева старшим городом на Руси; туда обыкновенно посылался на княжение старший в семье великого князя; прочие князья *сидели* по старшинству по другим городам. На это основное славянское учреждение возраст князей не имел никакого влияния. В 970 году Святослав посылает своих трех сыновей на княжение. Если принять годом рождения Ярополка 961, в 970 году сыновьям Святослава было от 6 до 9 лет. В 980 шестнадцатилетний Владимир взял за себя первую жену Рогнедь; в 988 у него было от разных жен двенадцать сыновей, которых он сажает по городам. Старшему из этих двенадцати князей было 7 лет. То же самое видим и впоследствии: «Присла великий князь Всеволодъ въ Новъгородъ, и рече тако: въ земли вашей ходить рать, а сынъ мой, а вашъ князь Святославъ малъ, а вдаю вы сынъ мой ста-

рейший князь Костантинъ». Обряду сажания на стол малых княжичей должно быть предшествовали их постриги. «Въ то же лѣто князь *Михаиль створи пострегы* сынови своему Ростиславу, Новегородъ, у святеи Софии; и уя влась архепископъ *Спиридонъ*, и посади его на столе, а самъ поиде въ Църниговъ». Детей княжеских постригали 2, 3 и 4 лет; после пострига они переходили из женских рук в мужские. Вероятно, новгородские послы спешили в Киев к постригам Ярополка, Олега и Владимира, как означавшим их близкое распределение по волостям; сидеть без князя было бесчестно для города и для земли: «Новгородци не стерпяче безо князя седити». Они и впоследствии любили князей *вскормленных* у себя: «И реша новгородци Святополку: се мы, княже, прислали къ тебе, и ркли ны тако: не хочемъ Святополка, ни сына его; аще ли 2 главе имеетъ сынъ твой, то пошли и; сего ны далъ Всеволодъ, а *въскормили есмы собе князь*, а ты еси шель отъ насъ». У каждого из этих малых князей был, разумеется, свой кормилец, представитель его княжеской власти и прав; не сами Ярополк и Олег, а их пестуны «отпреся» за них от новгородцев; шестилетний Владимир пошел в Новгород со своим кормильцем-дядей Добрыней. Я заключаю: малолетний Святослав еще при жизни Игоря сидел в Новгороде на столе как русский князь, а вовсе не для изучения шведской грамматики; иначе пришлось бы спросить, каким языкам и грамматикам обучались осьмилетний Олег Святославич у древлян, двух-, трех- и пятилетние Вышеслав, Изяслав, Святополк, Ярослав, Станислав, Позвизд и т. д. в Полоцке, Ростове, Турове, Муроме, Тмутаракани?

Воеводство. Первообразом скандинавского общества, основанного подобно германским союзам на воинском становлении, был *Hérad* или дружина; отсюда неразлучная с достоинством конунга обязанность военачальника; названия *hárkonungar* (князя дружин), *sjökonungar* (князя мо-

рей) для предводителей скандинавских викингов в IX и следующих веках. Учреждение *воеводства* в славянском смысле неизвестно норманнам даже по имени, противно норманнскому характеру. У славянских племен оно было прямым следствием высокого нравственного значения княжеской власти. Славянский князь не был герцогом, воеводой, предводителем и военачальником по преимуществу; его первобытное значение было законодателя и жреца. Вот почему и впоследствии, при изменившихся обстоятельствах и понятиях, у каждого славянского князя, как бы воинственен он сам ни был (так напр., у Святослава), являются воеводы; но и самое воеводство представляется не исключительно воинским, а, как увидим, и правительственным постановлением. О воеводах у вендов, ляхов, чехов свидетельствуют все западные историки; мы видели в другом месте, что уже в VI и VII столетиях греки умели отличать славянских воевод от князей. У нас воеводство проявляется как коренное учреждение, от Игоря до позднейших времен: «И бе у него (Игоря) *воевода*, именовъ Свентеадъ (Свенгелд), и премучи угличи, и возложи на ня дань Игорьъ, и даде Свентеаду». «Вольга же бяше въ Кieve съ сыномъ... *воевода* бе Свинделдъ». «Рече же воевода ихъ именовъ Претичь». «Володимеръ же посла къ Блуду, *воеводе* Ярополчю». «Бе у него *воевода* Волчий хвостъ». «Посла Ярославъ сына своего Володамера на грекы, и вда ему вой многъ, а *воеводство* поручи Вышате, отцю Яневу». «И взя князя въ корабль Иванъ Творимиричь, *воевода* Ярославль». Основываясь на словах летописи «*воеводство* держащю киевскыя тысяща Яневи», г. Соловьев полагает, что воевода и тысяцкий одно и то же, т.е. предводитель земских, гражданских полков, выбиравшийся князем из дружины. Объяснение правильное только отчасти; уже при Ярославе *воеводство* уклонилось от первобытного, всеславянского своего значения; для Мономаха и современного

ему летописца, воеводой каждый начальник воев безразлично. Но чем далее восходим в древность, тем ярче выдается двойное значение *воеводы-судьи*, *воеводы-наместника* в славянских землях. По свидетельству Мартина Галла, воевода был облечен и верховной гражданской властью, творил суд и расправу именем князя. В том же самом значении является русский воевода у Ибн-Фоцлана в начале X века: «Он (т.е. русский князь) имеет *наместника*, который предводительствует его войсками, сражается с неприятелем и занимает его место у подданных». О славянах говорит почти то же самое Ибн-Даста. Как у Льва Диакона Икмор, у Кедрина Свенгельд считаются *первыми* по Святославе, так Честмир Стур у Козьмы Пражского *первым* по Неклане. В договоре с греками имя Свенгельда упомянуто при великокняжеском: «Равно другаго свещанья, бывшаго при Святославе велицемъ князи Рустемъ и при *Свенальдте*». О высоком значении *воеводства* у всех славянских народов свидетельствуют и позднейшие летописатели. У Богухвала польский воевода Доморад назван «*magnus Judex Poloniae*». Ничего подобного нет у норманнов.

Характер. Не по одним частностями, но и по общим чертам своего характера варяжские князья и окружающие их личности принадлежат исключительно славянскому миру, не допуская и мысли о возможности их скандинавского происхождения. Повествуя о воинской деятельности Аскольда, Олега, Игоря, Святослава, норманнская школа восклицает на каждом шагу: кто кроме предприимчивых, бесстрашных норманнов был в состоянии совершить такие походы, бороться с такими опасностями? Общее избитое место, на которое легко отвечать примерами из всевозможных историй, не исключая славянских. Что от IX до XII века норманны, то от IV до VI, IX и XII вв. гунны, авары, сарацины, венгры; походы дунайских славян на империю из-

вестны; и они, подобно Олегу, стояли не раз под стенами Царьграда. Дело в том, что в наших варяго-русских походах (несмотря на то, что в них, без сомнения, участвовали и скандинавские воины-наемники) нет решительно ничего норманнского; они совершаются массами; набеги норманнов, по большей части, малочисленными партиями; русское войско идет в лодиях и на конях вдоль берегов; норманны коней не знают, а корабли их плывут по открытому морю; у нас воеводы; у них о воеводстве нет и помина. Подобно прочим народам германской крови скандинавы ценят выше всего подвиги личного удальства, личной силы, ловкости в телесных упражнениях, дерзости в частных, отдельных предприятиях, все вообще необыкновенное и не доступное другим. Исландские саги полны рассказов об удальстве и ловкости в разных *идротах*¹ северных конунгов и мужей. Исландец Гунар из Глидаренны прыгал выше человеческого роста в полном вооружении; норвежский конунг Олаф Тригвасон на всем ходу корабля своего бегал по его краям, играя тремя в воздух брошенными мечами. Гаральд Блантад отличался ловкостью в катании на лыжах и на коньках. Одни были необычайными пловцами, другие лазили и карабкались с неимоверной быстротой по крутизнам и утесам; скальд называет эти *идроты* художествами князей, а Гаральд Гардред удивляется равнодушию Ярославны к его осьми хитростям. Где черты подобной характеристики наших князей и мужей их? Где упоминается о личном удальстве Рюрика, Олега, Игоря, Святослава, Владимира? Летописец говорит о Святославе: «Князю Святославу възрастшу и възмужавшу, нача вой совкупляти многи и храбры, и легко ходя аки пардусь, войны многи творяше. Ходя възь по собе не возяше, ни котъла, ни мясь варя, но потонку изрезавъ конину ли, зверину ли, или говядину, на углехъ ис-

---

¹ *Idrott* — игра, вид состязания.

пекъ ядыше, ни шатра имяше но подъкладъ постлавъ и седло въ головахъ; такоже и прочии вой его вси бяху. Посылаше къ странамъ глагола: хочю на вы ити». Здесь нет ни игры в мечи, ни катанья на лыжах, ни необычайных прыжков. Точно таким же описан Святослав и у византийцев. На предложение Цимисхия решить войну поединком он отвечает, что лучше врага своего знает, что ему делать; если же римскому императору жизнь наскучила, то есть бесчисленное множество родов смерти, из которых он может выбрать любой. Никаких подвигов северного фи́глярства не знают и богатырские песни времен Владимира, «Слово о полку Игореве» и т. д. В рассказах о подвигах и трудах своей жизни Мономах упоминает только о войне и об охоте, как о занятиях, приличных русскому князю. Богатырь и князь встретились на поле битвы под Липицами: «И прииде на него (Мстислава) Александръ Поповичъ, имея мечъ нагъ, хотя разсеци его, бе бо силенъ и славенъ богатырь. Онъ же возопи глаголя: яко азъ есмь князь Мстиславъ!.. и рече ему Александръ Поповичъ: княже, то ты не дерзай, но стой и смотри; егда убо ты глава убиенъ будеши, и что суть иныя, и камо ся имъ дети?». Этот характер, основанный на сознании русского достоинства в князе и простом человеке, выдержан в русской истории от Рюрика и Олега до позднейших времен. Петр Великий — прямой потомок святого Владимира; Карл XII — Рагнара Лодброка.

Часть вторая

«РУСЬ»

XI. О МНИМОНОРМАННСКОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ РУСИ

Полных систем норманнского происхождения руси есть две: тунманно-шлецеровская (к которой отчасти примыкает и Круг) и погодинская, с вариантами Крузе, Буткова, г. Куника и других. Соглашаясь в основном положении, то есть в происхождении так называемых варягов-руси от скандинавов, они существенно разнятся в образе толкований и доказательств. Тунманн, Шлецер и Круг не знают ни славянской, ни скандинавской руси; по мнению Тунманна, славяне прозвались русью от финского Ruotsi, названия, которым и доныне народы финского происхождения отличают Швецию и шведов; Шлецер дополняет его предположение объяснением финского Ruotsi из шведского Рослагена; Круг выводит имя руси от греческого ρούσιος, ροῖς.

Другая система утверждает, что будто бы перешедшее к нам от финнов скандинавское имя руси имеет свое начало в предполагаемом туземном скандинавском наименовании россами, русами, рюссами — или шведского племени россов в Рослагене, или обитателей фризской области Рустринген, или датских поселенцев сакского Rosengau или готских обладателей финского Risaland'a и т.д. Впрочем и та, и дру-

гая одинаково стараются умалить важность точного указания на происхождение русского имени. «Принесено ль было имя руси норманнами, или только усвоено, — говорит Погодин, — основателями государства в том и другом случае остаются норманны». Но на чем же основана вся система норманнская, если не на доказательствах (конечно, не совсем убедительных) скандинавского начала имени русь?

Тунманно-шлецеровскому мнению возражал Эверс с одной логической точки зрения, но с последовательностью и успехом, открыто признаваемыми и в среде противного лагеря. Оно иначе и быть не могло. Как все системы, основанные не на исторической действительности, а на одних ображениях, так и эта разрешает только известные отдельные пункты вопроса, оставляя другие не только без объяснения, но и без возможности удовлетворительного ответа. На первый взгляд, случайное сходство между финским Ruotsi, шведским Рослагеном и славянским русь может соблазнить исследователя, уже предубежденного в пользу скандинавизма Несторовых варягов-руси; но этой случайностью и ограничивается торжество тунманно-шлецеровской гипотезы; она не объяснит нам ни перенесения на славяно-шведскую державу финского имени шведов, ни неведения летописца о тождестве имен свей и русь, ни почему славяне, понимающие шведов под именем руси, прозывающие самих себя этим именем, перестают называть шведов русью после призвания; еще менее, почему свеоны Вертинских летописей и норманны Ахмед-эль-Катиба отличают себя в Константинополе и Севилье тем названием, под которым они известны у чюди.

Разумеется, что эти возражения идут одинаково и к системе Круга, и ко всякой другой системе, признающей имя руси иноземным названием шведов. В сущности, система Круга отличается от тунманновской только тем, что

он относит начало русского имени для шведов не к финскому Ruotsi (сознавая, таким образом, случайность его созвучия со славянским русь), а к греческому Ῥῶς, будто бы происходящему от прилагательного рыжий. Г. Куник замечает справедливо, что несклоняемая форма Ῥῶς (имя народное, не существующее как слово в греческом языке) обличает явно свое негреческое происхождение; я прибавлю, что вымышленными словами исторических предположений не доказывают. Да и едва ли кто поверит, чтобы славяне, ближайшие соседи шведов, заняли от греков, с которыми еще не вступали в сношения, ими новоизобретенное для этих шведов имя Ῥῶς — красные. Вся система Круга рассчитана в виду только одного известия Вертинских летописей; греческому Ῥῶς до Ингельгейма ближе, чем финскому Ruotsi. Он говорит: «Греки, не финны употребили впервые (в 839 году) название Ῥῶς для обозначения норманнов; Нестор нашел его в первый раз в греческой летописи; византийские императоры в своих письмах к германским называют их Ῥῶς; Лиутпранд также; славяне заняли это имя от греков. Почему ж бы норманнам 839 года было не принять этого имени для самих себя?». Но если славяне заняли от греков форму Ῥῶς — русь для обозначения шведов, если приняли их к себе под названием руси, то когда и почему, спрошу я опять, перестали шведы называться русью у этих славян? Каким образом могло греческое Ῥῶς перейти на всех шведов от трех-четырех норманнов, случайно попавших в Константинополь в 839 году?

Оставить вопрос в этом положении было невозможно. Единственным средством, если не к спасению самой системы, то, по крайней мере, к более рациональному объяснению известий Вертинской летописи и Ахмед-эль-Катиба было открытие генетических шведских россов, наших варягов-руси. Их открыли. Сначала Погодин просто предполагал

существование в IX веке шведского племени россов, будто бы давших свое название Рослагену; но вследствие замечаний о Рослагене и о Rodhsin (гребцах) барона Розенкампа, принял, что нарицательное Rodhsin перешло со временем в собственное или племенное. Об этих Rodhsin было довольно писано в 1862—1863 годах; под влиянием возбужденных в то время насчет их исторической состоятельности сильных сомнений автор «Исследований» отказался окончательно и от Rodhsin, и от финского Ruotsi и возвратился к своему прежнему, самовольному тезису. «Для меня, — говорит он, — очень просто и ясно: было племя норманнское русь, которое в 838 году посылало послов в Царьград (Вертинские летописи), в 844 г. нападало на Севилью (Ахмед-эль-Катиб), в 862 году призвано словенами в Новгород (Нестор)».

В самом деле, очень просто и ясно; только едва ли помирится наука с этим уже чересчур незатейливым способом решать силой аксиоматического приговора один из самых трудных и сложных вопросов всемирной истории.

Г. Куник, выводивший когда-то славянскую русь из шведских гребельных общин (Rodslagen, Rodhsin), является ныне с новооткрытым (пятым или шестым, по порядку старшинства) мнимонародным, у шведов IX века именем русь. Это имя отозвалось ему в эпическом прозвище *Hredhgot'kami* понтийских готв II—III веков по Р. Х. Форму *hredh* объясняли различно; Конибер переводит *hreda here* — *ferox exercitus*. Г. Куник отождествляет англо-сакское *hredhe* (*gloriosus*) с северным *hrodr gloria*; *hrodr* наводит Ферстеманна на догадку о готском *hrops*; г. Куник также думает, что «основная первоначальная шведская (или гото-шведская?) форма могла быть *Hrôds*». Это основное *hrods* и слышится, по мнению автора призвания родсов, и в финском *Ruotsi* и в славянском русь. С лингвистической точки зрения, догадка г. Куника замеча-

тельна по ученой замысловатости своих выводов; требованиям истории она не удовлетворяет.

Мифические Hredhgot'ы и приводимое с ними в связь полусказочное Reidgotaland не имеют ничего общего с историей шведского племени в IX веке. Баснословная Hervararsaga полагает Reidgotaland на берегах Днепра во времена гуннов; главным городом Рейдготаланда называет Danpstadir, Danparstadis, вероятно, Киев (днепровский город). Англо-сакская поэма VII века, известная под названием «Песнь странника», указывает на гредготов, с их королем Эрманариком, в Привислянском краю. В Швеции нет и помину о Рейдготаланде и гредготах; да и вообще имя гредготов принадлежит не IX, а III веку по Р. Х. С другой стороны, нет причины полагать, чтобы готское племя, отличавшее себя прозвищем Hredhot'ов (gloriosi Gothi), сказывало народам, с которыми входило в сношения, только первую половину своего имени, hredhe-gloriosus; по крайней мере, нет примеров, чтобы остготы называли себя остами, новгородцы новыми, лангобарды лангами. Откуда же тогда имя Ῥως у греков для шведов 839 года, имя Ruotsi у финнов, имя русь у славянских племен? Мы вправе, наконец, требовать от системы, выводящей славянскую русь из Швеции, от гредготов, некоторой определенности в этнографических, с этим новым учением соединенных понятиях: все ли шведы в IX веке прозывались гредготами? или имеется в IX веке особое шведское племя гредготов? или гредготами (чит.: русь) назывался один только княжеский (шведский) род, призванный незадолго до 865 года из-за Балтийского моря? Ни на один из этих вопросов я разъяснения у г. Куника не нахожу.

Впрочем, ни самовольное предположение Погодина о каком-то, никому в мире не известном шведском племени русь в IX веке, ни указания г. Куника на мнимую связь это-

го небывалого племени с гредготами Эрманарика не спасут норманнской теории от противоречий и несообразностей. Непонятно было, почему славяне, издавна знающие шведов под их финским названием русь (Ruotsi), перестают называть их этим именем после призвания; еще непонятнее, почему имя руси для шведов прекращается у славян, когда сами шведы зовут себя русью; почему генетическое шведское русь не встречается, как народное или племенное, ни в одном из туземных шведских памятников, ни в одной из германо-латинских летописей, так много и так часто говорящих о шведах и о норманнах; почему, наконец, шведская русь не именует русью своей словено-русской колонии.

Об этих фактах, положительно уничтожающих всякую систему иноземного происхождения руси, норманнская школа молчит. Но за недостатком прямого ответа есть косвенные намеки. Погодин утверждает неоднократно, но без окончательно выводимого заключения, что Рюрик взял с собою всех русов; Крузе думает, что о ютландских русах после Рюрика нет помина, потому что он взял с собою всех русов; г. Куник, хотя и относил выражение летописи «пояша по собе всю русь» к подражанию греческим хронографам, однако признает и возможным объяснить из него отсутствие шведской руси в Скандинавии.

Предположить выселение откуда бы то ни было целого племени, с женами и детьми, довольно трудно; нам известны выселения англо-саксов, франков, болгар, норманнов; ни одно из них не представляет подобного исторического явления. «Полное выселение многочисленного народного племени, — говорит Луден, — совершенное удаление из земли, в которой покоится прах отцев, без сомнения, редкий до крайности случай, быть может, даже и никогда не имевший места». В настоящем случае вопрос затрудняется и от противоречий норманнской школы; где дело идет о выселе-

нии к славянам всех шведских русов, она должна поневоле принять и совокупное с ними выселение жен, детей, стариков, *всего*, по выражению г. Куника, что носило русское имя; норманнских женщин (*skialdmeyar*) находит она еще в войсках Святослава; норманнскими женами наделяет и наших первых князей. Напротив, где речь идет об отсутствии следов скандинавизма в русском быту, языке и религии, оказывается, что «юные норманнские воины, приходившие по большей части без жен, заводили себе маленькие славянские гаремы в славянских землях, почему славянский язык и сделался родным языком их детей». Предоставляя норманнской школе окончательный выбор между тем и другим предположением, я спрашиваю: какое значение, общее или племенное, имело и могло иметь в IX веке у финнов и у славян их финское *Ruotsi*, их славянское русь, названия, под которыми они понимали призванный ими шведский народ? Известно, что в настоящее время финны и эсты понимают всех шведов под именем *Ruotsi*, *Roots*; это финское *Ruotsi* краеугольный камень норманнской системы. Теперь, кого понимали финны под именем *Ruotsi* в IX столетии? Особое шведское племя, одних поселенцев приморского Шеланда? Но тогда должно принять, что по выселении к славянам и финнам всего племени шведских руссов, с женами и детьми, финны не только что не оставили русского имени за его единственными законными обладателями, то есть за выслившимися, из Швеции руссами (которых, с самой минуты призвания, смешивают со славянами-вендами, *Wennelaiset*), но еще перенесли это имя на прочих, в Швеции оставшихся шведов, между коими уже не было ни одного русса. Было ли имя *Ruotsi* у финнов общим, народным именем шведов в IX веке, как ныне? Тогда оно было общим народным именем шведов и у славян, узнавших его от финнов, прозавших самих себя русью от имени своих шведских покорите-

лей под его финской (по мнению норманистов) формой. Но все шведы выселиться из Скандинавии не могли. Почему же имя руси для шведов исчезает и в летописи и в народном говоре? Каким образом является оно у Нестора племенным, наряду с именами свеев, урмян, готов, англян? Видно, слова летописи «пояша по собе всю русь», имеют какой-то другой, особенный смысл.

Г. Соловьев, а за ним и некоторые другие исследователи останавливаются на следующем решении вопроса о происхождении руси. «Под именем варягов разумелись дружины, составленные из людей, волею или неволею покинувших свое отечество, и принужденных искать счастья на морях или в странах чуждых; это название, как видно, образовалось на западе, у племен германских; на востоке у племен славянских, финских, у греков и арабов таким же общим названием для подобных дружин было русь (рос), означая, как видно, людей-мореплавателей, приходящих на кораблях, морем, входящих по рекам внутрь стран, живущих по берегам морским. Прибавим сюда, что название русь было гораздо более распространено на юге, чем на севере, и что, по всем вероятностям, русь на берегах Черного моря была известна прежде половины IX века, прежде прибытия Рюрика с братьями».

Какому именно народу и какому именно языку принадлежит это название руси для морских дружин, не сказано; не могло же, однако, оно быть в одно и то же время словом славянским, финским, арабским и греческим! Норманнов г. Соловьев исключает из числа народов, называвших русью морские дружины; значит, имя руси не норманнское; значит, Рюрик и братья его не были русь; между тем г. Соловьев основывает на сказании летописи мнение о скандинавском происхождении варягов-руси. Русь, думает он, была известна на берегах Черного моря до призвания Рюрика; но это сознание, уничтожая Несторово сказание о призвании

руси, уничтожает с тем вместе и всю, г. Соловьевым однако же допускаемую теорию скандинавистов.

В исследовании под заглавием: «Источник летописного сказания о происхождении Руси», г. Ламбин ищет согласования норманнской системы с историческим воззрением г. Соловьева на начала русской земли. Он говорит: «Никакого народа русь никогда и нигде не бывало, и ниоткуда к нам не приходило, а пришли к нам из-за моря князья, три брата «с роды своими», и привели с собою «всю русь», то есть всю дружину, называвшуюся русью (Rôds), как назывался и самый род княжеский». Эта дружина была скандинавская, морская.

Мнение о существовании в древней Швеции дружинного Rôds, Rös основано преимущественно на том обстоятельстве, что у нынешней чюди (финнов и эстов) шведы именуются Ruotsi и Roots. Но Suomi именуются у шведов Finnar; у руси — чюдь. Заключение ли отсюда, что имя Finnar было некогда туземным, народным именем суми; а чюдь наименованием морской суомской дружины? Да и когда же и вследствие каких побуждений стали чюдские племена понимать шведов под именем Ruotsi? Г. Ламбин утверждает, что имя Rôds перешло к финнам и эстам из уст тех шведов или готов, которые *при первой с ними встрече* сами так называли себя, в каком бы то ни было смысле. По мнению г. Куника, эта встреча, а следовательно, и название, восходит к временам Тацита. Но в Тацитовскую эпоху, судя по малочисленности выселившегося к нам *сполна* княжеского рода Rôdhs в IX веке, этот род, по всей вероятности, состоял из одной только первобытной четы, давшей ему свое имя. От этой ли уединенной четы чюдское Ruotsi для всей шведской народности?

С тою же целью доказать существование для шведской дружины в IX веке имени Rôds, приводятся слова Вертинских летописей «qui se, id est gentem suam, Rhos vocari

dicebant». В какой мере эти слова могут служить опорой скандинавской системе происхождения руси, будет показано ниже; здесь я замечу только, что Вертинские летописи говорят о народе Rhos, gens; под тем же выражением gens понимает Пруденций и весь шведский народ: «Comperit eos gentis esse Sueonum». (И Нестор говорит, что призванные варяги назывались *русь*, как другие *шведами*, норвежцами, датчанами.) Где же дружина?

Или нам скажут, что греки, не угадавшие и шведского имени Након (Гакон) под его тюркской формой Хакан, не разобрали, что шведы 839 года назвали себя Rhos не по народности, а по имени своей дружины и своего княжеского рода Rôds? Но тогда мы в праве спросить: есть ли примеры, чтобы шведы или им однокровные норвежцы и датчане именовали себя у других народов не своими народными, а своими дружинными именами? Морских дружин, подобных дружине Rôds, было много в IX веке на водах, окружавших Скандинавию, говорит г. Ламбин; княжеских родов было также немало в Норвегии, Дании, Швеции. Между тем, в дошедших до нас письменных памятниках мы встречаем только названия: Normanni, Sueones (Suebi, Suevi), Dani. Никогда датчане не именуют себя гаральдцами, шведы инглингами или сигурдцами. То же самое можно сказать и о землях, принявших имя своих скандинавских или германских завоевателей; Британия не прозвалась ни генгистией, ни горсландией; Нормандия рольфией.

О самом призвании князей г. Ламбин говорит: «И хотя вскоре потом эти племена (чюдские и славянские), вследствие возникших между ними раздоров и междоусобий, и принуждены были обратиться опять к тем же варягам-руси и призвать от них князей для установления наряда, но они призвали не прежних своих властителей, не тех вассаллов руси, которые были изгнаны, а их верховных господ, сюзе-

ренов, то есть самих князей руси, и призвали при том, *по своей воле, на основании договора, как племена свободные*. Не останавливаясь на изображаемой г. Ламбиным несколько странной картине устройства морской скандинавской дружины в IX веке, я замечу, что признанная всеми исследователями невероятность призвания славянами и финнами князей из тех же самых, только что ими изгнанных варягов-грабителей, остается и ныне той же исторической невероятностью. Что касается до справедливой, в сущности, мысли о предшествовавшем призванию варягов договору (*раста конвента*), как согласовать ее с основным положением г. Ламбина: «Князья привели с собою «всю русь» то есть всю дружину, называвшуюся русью»? Стало быть, князья не только пришли сами, со своими ближниками, но еще возвратили со собою и всех тех варягов-русь, которые вимали дань со славяно-чюдских племен и были изгнаны? Ибо эти варяги-русь были же частью *всей* той дружины, которая называлась Rôds и которая, вкупе с Рюриком, *сполна* выселилась из Швеции в землю, принявшую от нее имя Руси. Этого ли наплыва шведских Rôds'ов в гораздо большей, против прежнего, силе требовал договор, заключенный с ними славяно-чюдскими *свободными* племенами? Впрочем, г. Ламбин говорит в другом месте о дружине Rôds: «Ее князья пришли, чтобы княжить и владеть племенами, их призвавшими; а она — дружина, *которую не призывали*, пришла, чтобы воевать другие племена и приобретать себе и князьям новых данников, чтобы продолжать свое ремесло завоевателей на новом обширнейшем поприще». А договор? А *раста конвента*? А самый факт призвания? Шведские дружины, изгнанные и вновь не прощенные, разъезжают свободно по славяно-чюдским рекам и озерам для приискания себе новых данников, а, глядя на них, славяне и чюдь не нарадуются своей дипломатической предусмотрительности? Но про-

тив кого же, если не против этих изгнанных варягов, срубил Рюрик крепость Ладогу тотчас после призвания с тем, чтобы запретить им вход в Волхов, а по Волхову в Новгород?

Нам остается сказать несколько слов о грамматической форме имени русь, с точки зрения его мнимоскандинавского происхождения.

Имя руси является впервые в 839 году, под формой *Rhos*, в известном месте Вертинских летописей: «*Misit etiam cum eis quosdam, qui se, id est gentem suam, Rhos vocari dicebant*». Что здесь латинское *Rhos* буквальный перевод греческого Ῥῶς, а беспримерное в греческом языке этническое несклоняемое ὁ Ῥῶς, οἱ Ῥῶς, τῶν Ῥῶς, по существу своему, совершенно противно духу греческого словосочинения, два лингвистических факта, ясных до очевидности, признаваемых исследователями всех систем и всех мнений. Отсюда логически следует, что греки могли принять неудобную, беспримерную для них форму Ῥῶς только по крайней необходимости, то есть, если этого требовало непременно употребление формы Ῥῶς у того народа, который отличал себя этим именем и первый им его передал.

Теперь спрашивается: могли ли шведы отличать себя именем, грамматически соответствующим несклоняемой форме Ῥῶς? За исключением собирательных словено-русских имен, народные и племенные не являются ни в одном из европейских языков под формой единственного числа; никакой народ не именует себя римлянином, франком, германцем, шведом. Ясно, что беспримерному греческому Ῥῶς соответствует только одна собирательная, славянская форма русь; эта собирательная форма имен, одинаковая в единственном и множественном числе, неизвестна, как сказано, германо-скандинавским наречиям. Древнеготское предполагаемое *hrôps*, pl. *hrôpsar*, новейшее шведское *Ryss*, pl. *Ryssar*, или какая бы то ни была другая германо-скандинавская

форма имени русь, проявилась бы у греков не иначе, как под формами: ὁ Ῥώσος, οἱ Ῥώσοι и т. п. Таким образом передавала они все германо-скандинавские имена. Мы видим, что и вынужденное необходимостью у греков несклоняемое Ῥώс переходит со временем в более удобное простонародное Ῥώσος с соответствующим ему множественным числом, а обыкновенно склоняемое готское hrôrs, hrôrsar проявилось бы у них под беспримерной, крайне неудобной формой Ῥώс? Это Ῥώс прямо указывает на подобную ему форму в том языке, из которого оно занято; стало быть, шведы Вертинских летописей передали грекам не свое (положим) готское hrôrs, а славянское русь. Но возможно ли, чтобы шведы склоняли свое собственное туземное имя не по-шведски, а по-славянски?

Г. Куник ищет ныне объяснения этому, не иначе, как из славянского русь объяснимому Ῥώс, в том предположении, что греки, увлекаясь воображаемым тождеством библейских и балтийских (?) Росов, приложили этим (впрочем никогда не существовавшим) балтийским Rôсам несклоняемую библейскую форму Ῥώс. О происхождении руси от Езехиилевых Ῥώс заговорил первый Лев Диакон; ему вторят и позднейшие русские летописи.

Мне кажется весьма сомнительным, чтобы канцелярия императора Феофила сочла Rhos'сов 839 года тождественными с закавказскими Ῥώс пророка Езехиила и сверх того еще поверила, что из Константинополя всего легче попасть на Кавказ через Ингельгейм. Если бы совершенно уединенное этимологическое умничание Льва Диакона было в ходу уже в первой половине IX века, невозможно чтобы Фотий не коснулся его ни в своем энциклическом послании, ни в своих проповедях. К тому же и Ῥώс Езехиила и имя сына Валова Ῥώс акцентируются отлично от народного Ῥώс; да и у самого Льва Диакона Ῥώс (Езехиилево) и Ῥώс (народное)

разнятся по акцентировке. Не странная ли, наконец, эта случайность перенесения несклоняемого библейского 'Ρῶς на то именно племя, которому суждено, около той же эпохи, проявиться в истории под склоняемую только в единственном числе собирательной славянской формой русь?

Мне кажется, пора бы ученым представителям скандинавизма отстать от системы, основанной, с одной стороны, на изобретенном Wâring, а с другой, на изобретенном Rôdhs, да и то еще под несуществующею у норманнов грамматической формой.

Я ожидаю вопроса: откуда же, за отсутствием шведской руси, финское Ruotsi, эстское Roots для шведов?

При разборе предположений Шлецера о происхождении этих имен от названия Рослагеном приморской части Шеланда Паррот замечает: «Если бы в лексиконе Гупеля, из которого Шлецер приводит переводное имя шведов, он отыскал настоящее значение слова Roots, он конечно бы не вздумал опираться на его созвучие (с Рослагеном). Оно означает вообще хребет, ребро, а в особенности ствол на листе. Перенесение этого понятия на береговые утесы или скалы, коими преимущественно изобилует Швеция, делает понятным, почему финны называют Швецию Ruotsimaa, а эсты Rootsima, страну утесов, Scherenland».

Эстское roots передает, стало быть, значение нашего шест, хребет, скала, как латинское crista значение петушьего гребня и горной вершины, как наше гребень значение горного хребта. Как германские народы понимали чюдь под именем Finne, скандинавские под именем Finnar, то есть луговых жителей, так эсты и финны называли шведов ротсами от слова roots, хребет, скала. Rootsmaa, Швеция — утесистая страна; Rootsmees, швед — обитатель утесов, горец. Точно в таком же смысле прозваны и хорваты обитателями горных хребтов, поляне от полей, древляне от дерев и т. д.

Окончательный свет на значение этнического эстского Roots, финского Ruotsi проливает то имя, которым прозвали себя шведские лопари. Шведа они зовут не шведом и не родом, а Taro, Tarolats (купец) или Laddelats (обитатель страны, Landbewohner); себя же отличают названиями Ruothi и Ruotteladz. Гейер (еще производивший финское имя шведов от Рослагена) полагает, что это имя перешло, неизвестно когда, и на лопарей; г. Куник приводит замечание Гейера, но без объяснений. Я оставляю за шведским историком высказанное им, с осторожною небрежностью, предположение; факт, о котором он свидетельствует по собственному дознанию, стоит особенного внимания. Горные лопари в Швеции, называют себя Ruothi и Ruotteladz. Если принять, что они перенесли на себя генетическое, древнейшее имя шведов Rôds, hrôps или какое-либо другое, выйдет, что в то самое время (около половины IX века), когда славяне прозвались шведским именем Rôdhs-русь, лопари прозвались тем же туземным именем шведов Rôdhs-Ruotteladz; что, подобно славянам, они тогда же перестали звать шведов Россами; что, наконец, шведы, уступив свое родское имя, с одной стороны, славянам, а с другой, лопарям, отказались от своего древнейшего туземного наименования. Пусть верит, кто хочет, в эту фантазмагорическую, да и сверх того, на отжившем рослагенском мифе основанную операцию.

Приняли ли для себя шведские лопари имя Ruothi и Ruotteladz от эстов и финнов или сами прозвались этим, на общем им чюдском языке обозначавшим горных жителей именем, ясно, что начало его восходит к эпохе древнейшего их поселения на восточном берегу Скандии. Когда, оттеснив лопарей к северу, шведы заняли их места, имя Ruothi, Ruotteladz перешло у эстов и финнов (под формами Roots, Ruotsi) на новых поселенцев приморского Шеланда, как у греков скифское имя на разные, друг друга из Черномории

вытеснявшие племена, как у литовцев имя Gudai (готы) на наследившую от готов днепровские земли, южную славянскую русь. Быть может, знатоки финских наречий приищут еще другие, более научные объяснения указанному историческому явлению; как отголосок мнимотуземного названия шведов Rôds'ами, эстское Roots, финское Ruotsi может отныне стать наряду с варяжским происхождением фарганов.

ХII. СЛАВЯНСКОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ РУСИ

Как у германских народов, племенные названия которых преимущественно основаны на исторических особенностях, на политическом или воинском значении племен, так названия славянские взяты по большей части от природных, местных отличий, т.е. от названий рек, гор, лесов, озер и т. д. Таковы народные и племенные — моравы, хорваты, дубрава, загорцы, озеряты, полабы, полочане, чрезпеняне, бужане и пр. Законы исторической аналогии наводят на вероятность одинакового происхождения имени Русь.

Коренное *рс, рѣс* проявляется по преимуществу в названиях рек, источников и озер у славянских народов. Удивленный необъятным множеством происходящих от этого корня славянских названий рек и лежащих близ них городов и селений, Шафарик производит эти названия от *предполагаемого* праславянского *rusa* — река, соответствующего по ономастопиитическому выражению подобным звукам и у прочих европейских народов. «Корень этого слова, — говорит он, — находится и в других, особенно древних языках, в том же смысле и значении; Байер, отличный знаток европейских и азиатских языков, говорит о нем: имена *ra, ros* из древнейшего общего языка перешли к скифам и к другим народам

и значили *реку*; в кельтс. языке *rus, ros* значит *озеро*; с ним сродно и немецкое *rieseln*; и, быть может, слово *роса, ras*».

Допуская *отчасти* основательность замечаний *Байера* и *Шафарика*, я, однако, вижу, что ими определено только оно-матопиитическое значение коренного *рс* в тех словах индоевропейских языков, которые означают воду или течение воды. Форма, под которой каждый из европейских народов усвоил себе коренное *рс*, особое значение, которое он придал у себя производным от этого корня, наконец, историческая судьба этих производных, оставлены без объяснения. Слова *θεός, deus, Teut, Tiv, Div* также происходят от одного общего, древнего корня и представляют одинаковое значение во всех языках. Противоречит ли это происхождению народного германского имени *Teutsch* от первобытного *Teut*? Или мы не должны признавать народного германского начала в тевтонах *Пифеаса* и *Плутарха*, в названиях *Теутобургского леса* и *Теутендорфа*, потому что есть греческий город *Θεοδοσία*? У скандинавских народов первобытное *alp, elb* перешло в название рек вообще под формой *elf* и *elv*. Заключить ли отсюда о нарицательном значении германского *Elbe*, славянского *Лаба*, а *нордальбингов* и *полабов* объяснять обитателями речных берегов? Между германским *Teut* и греческим *θεός*, между скандинавским *elf* и германским *Elbe*, как между славянским *русь* и кельтским *ros*, существует различие *имени от слова*. У греков, латинов, германцев, кельтов производные от общего коренного *рс* сохранили первобытный смысл воды и течения; отсюда латинское *ruo, rivus*, германское *rieseln*, кельтское *ros*; отсюда, пожалуй, и наше славянское *река*. Но ни одно из этих слов не перешло в собственные имена рек и озер у греков, у римлян, у германцев, у кельтов. Откуда же у одних славян это множество названий *рось, русь* для славянских вод? Неужели это явление случайное, не представляющее особен-

ного значения? Ошибка славянских исследователей и преимущественно наших русских состоит не в указании на очевидную связь между народным именем *русь* и коренными *рось, русь* в речных и местных названиях у всех вообще славянских народов, а в неверном и нелогическом производстве этих названий от *народного*, по всей Славянщине произвольно проводимого *русь*. Это значит отыскивать тевтонов в греческой Феодосии. Напротив, в производстве народного *русь*, от общеславянского *рось, русь* (при настоящем определении этих названий для славянских вод) я вижу столько же произвола и случая, сколько в производстве народного *морава* от Моравы, *полочан* от Полоты, *нордальбингов* от Эльбы (Albis).

Уже *Нарбутт* попал на ту мысль, что святые реки у будинов именовались *goss*. Оставляя в стороне схваченное с воздуха предположение о будинах и их переселении с берегов Волги на берега Немана, я останавливаюсь на двух фактах, имеющих особое значение для русской истории.

I. От Волги-Рось до Немана-Русь и до Куришгафской Русны все пространство земли, занимаемое словенскими и родственными им, по языку и по вере, литовскими племенами, покрыто реками, носящими названия Рось, Русь, Роса, Руса.

1) Волга-Рось. *Агафемер*, писавший около 215 лет по Р. Х., говорит: «Reliquorum vero per Asiam fluminum et in diversa maria se emittentium Jaxartes et Oxus, et Rhyrnus et Rhos, et Cyrus et Araxes Caspio mari miscentur». Г. Куник опровергает 'Рѡс Агафемера Птоломеевым 'Рā, Аммиановым Rha, именами Волги, совпадающими с существующим и доньше у мордвы именем Волги-Rhau. Но разве прусское Memel исключает литовское Неман, германское Elbe славянское Лаба? Все, что можно заключить из разногласия между Агафемером и Птоломеем, между Эдриси и Аммианом, состоит в

том, что одни получили свое название Волги от народа славянского, говорившего *Рось*, а другие от народа финского, произносившего *Rhau*. На древность существования имени Рось для Волги указывает и название роксаланов, т. е. приволжских аланов; этому имени Рось отвечает, может быть, и название Волги у *Геродота* 'Οάρος, напоминающее венгро-монгольскую форму имени русь — Orosz, Urus.

2) Оскол-Рось.

3) Неман-Рось. Так называется часть этой реки, протекающая волковский повет.

4) Неман-Русь. Название нижнего Немана (правого рукава его) до самого устья; иные называют его также Рось.

5) Куришгаф-Русна.

6) Рось, впадающая в Нарев с правого берега, ниже Остроленки.

7) Рось, впадающая в Szesczur с левого берега, недалеко от Нового места.

8) Русь или Руса в Новгородской губернии, впадающая в озеро. По сохранившемуся в некоторых списках летописи преданию, славяне прозвались русью от этой реки. Царевич *Иоанн* перед службой св. Антонию Сийскому: «Приписано бысть сіе ...многогрешнымъ Иваномъ, во второе по первомъ писатели, колена Августова, отъ племени варяжскаго, родомъ русина, близъ восточныя страны, межъ предель словенскихъ и варяжскихъ и агаряньскихъ, *иже нарицается Русь по ректь Русе*». Густинский летописец говорит, что имя Русь производят «иныи отъ реки глаголемыя Рось».

9) Рось украинская, впадающая в Днепр с правого берега, ниже Канева. По этой «Рси» завел *Ярослав* поселение из пленных ляхов и ставил города.

10) Руса, впадающая в Семь.

11) Рось, впадающая в озеро Jeziorozy.

12) Эмбах-Рось, по Кожину у *Шлецера*.

Сверх того Роска в Волини; Порусье или Порусья, падающая в Полисть и множество других.

II. Названия Русь, Рось для славянских вод проявляют особое религиозное начало и значение святости.

О русских славянах, как водопоклонниках по преимуществу, дошло до нас немало прямых и достоверных свидетельств как в летописи *Нестора*, так и в современных ей памятниках: переводе *св. Григория* Назианзина, правилах митрополита *Иоанна* и т.д.; для подробнейших указаний отсылаю к исследованиям *Снегирева*, *Гануша*, *г. Срезневского* и т.д. Принимая покуда преимущественное господство водопоклонения у русских славян за исторически доказанный факт, я в повторении одного и того же названия для рек и источников вижу явно религиозную мысль, тем более, что имя Рось, как нередко прилагаемое к другому речному имени (напр., Волга-Рось, Неман-Рось, Оскол-Рось и т.д.), обличает первобытно-нарицательное значение; а какое же могло оно иметь у славян водопоклонников, если не значение святости?

На это значение указывает и этимология словено-русского (только у русских славян существующего) названия русалок. *Шафарик*, а за ним *Юнгманн* производят их от русла; того же мнения и *г. Буслаев*. «Понятие о свете, — говорит он, — глубоко лежит в названии русалок и в веровании в эти существа. Хотя они живут в воде, но свет был начальной их стихией. Речное название *руса*, откуда русалка через форму русло ведет свое происхождение от слова русый, распространившегося не только на север, где находим фин. *rus*, красный, рыжий, но и на юг, так что у сербов *руса* постоянный эпитет головы: «и русу му осижече главу». В значении же воды встречаем не только в чехах: на *potoku Rusawě*, но и в кельт, *rus, ros* — озеро. В древнейшем периоде языка санскритского, именно в языке Вед, находим *русат* —

rutilans, глагол же рус остался и впоследствии, но только в значении *ferire, occidere*, с переменной же небного ζ в χ перешел в *руч lucere, splendere*». Начальная мысль этимологии г. *Буслаева*, быть может, верна; но, если не ошибаюсь, основное смешано в ней с производным. По-санскритски *ruć* — *splendere*; в зендском языке *raoc* *splendere* и *lux*; отсюда, с одной стороны, производные *russaeus, rutilans*, русский, фин. *rus* и т.д.; с другой, значение блеска и света для вод и росы (срвн. *alp. elb, albus* и формы *Elf, Elbe*) в индоевропейских языках. У славянских племен *gue, гаос* переходит из нарицательного в собственное, под формой *Рось, Русь*; здесь начало мифологического (славянского, а в теснейшем смысле, словено-русского) периода его. Этому периоду принадлежит существующее только в русском языке (подобно названию русалок) слово *русло*, быть может, первоначально божественное олицетворение русла; и русло, и русалка от речного, священного русь. «Овь реку богыню нарицаеть и зверь живуць въ шеи іако Бога нарицая требу творить». Как от Немана и Свитязя немнянки и свитезянки, так от Реи или Русы, русалки. Литовская русалка именуется гуделкою, *gudielka*; но по-литовски *guddusemme* — украинская русь; *gudas-русин; gudai-русь* в множ. числе.

От первобытно общего всем славянским племенам верования осталось известное у всех почти славянских народов под названием *русалий, rusadla* весеннее празднество. В толковании на 62 канон Трулльского собора Феод. *Вальсамон* (около 1100 г.) упоминает о русалиях, как о празднестве, справляемом, по худому обычаю, во внешних землях; известие, относимое *Шафариком* к славянам болгарским.

Сюда, быть может, принадлежит и народное выражение «святая Русь», как отголосок нашей языческой старины. В книгах до XVI века не встречаем его; у Курбского: *святоторусская земля*. Как у германских народов, так и у нас по-

нятия языческие нередко переходили в христианские; миф об Иване Купале вошел в соединение с праздником в честь св. Иоанна и т. д.

«*Нестор* справедливо ведет происхождение моравского имени от реки Моравы, — говорит *Шафарик*, — название которой было так древне и уважаемо у славян, что едва ли есть славянская земля, где бы не нашлась или река, местечко, или область, носящие имя Моравы». То же самое можно сказать и о славянах-росопоклонниках. Как Морава, так и Русь — имя реки и народа.

На странное заявление г. Куника относительно предполагаемого им неславянства формы имени Русь я скажу только, что это имя составлено по первообразу и следует лингвистическим законам простых собирательных, — грамматической формы, принадлежащей к древнейшему слою языков; что, следовательно, нет ни малейшей причины принимать обязательно финского происхождения русских народных собирательных имен с окончанием на *ь*. Форма чюдь, по всей вероятности, древнее племенных *любь, ямь, пермь, вель*; к какому же финскому первообразу должно ее отнести?

В другом месте, на основании принимаемой им за неизменное лингвистическое правило мнимой невозможности перехода звука *у* в звук *о*, г. Куник утверждает, что греки и мадьяры, произносящие *Orosz*, узнали имя Руси не от славян, а от призванных славянами шведов-россов. Ученый исследователь, конечно, не обратил внимания на свойственную греческому языку склонность к передаче своим *ω* звука *у* в словах, заимствованных из иноземных наречий. Мадыры произносят *Orosz*; персияне и татары *Urus*; немцы *Riuze* и *Reussen*; шведы *Ryss*, голландцы *Ruysschen*. Единственное заключение, которое можно вывести из различности этих форм, то, что каждый народ передает по духу языка своего имя другого народа.

ХІІІ. СЛОВЕНЕ И РУСЬ

Исследователи, не хотевшие отличить полученных за-тей печерского монаха от сокрытой в его летописи прямой и безыскусственной истории фактов, доводили *систему* его до безвыходных заключений. Шлецер допускает по Нестору, что тотчас после пришествия варягов имя руси превратилось в общеславянское народное имя, явление, которому у других европейских народов история определяет целые века. Это не мешало ему делить Олегово войско на *русов*, т.е. норманнов, и на *словен*, представителей всего прочего войска, не исключая чюди и мери, а в другом месте утверждать, что *русами* при *Олеге* и *Игоре* были еще одни только норманны, т.е. варяги. Одних норманнов под именем руси (до *Ярослава* включительно) понимают и последователи шлецеровского учения. У *Круга* норманнская русь везде противопоставляется славянам, под именем которых мы должны разуместь все славянские племена, подвластные варяжской династии. «Резкое отличие между собственно русью (норманнами) и славянами, финнами и т.д. продолжается до поздних годов XI столетия». У г. *Кушка*: «Так как и поздняя русь отличается у *Нестора* от славянских племен, мы и здесь должны («тем и русь корятся радимичем») разуместь под именем руси господствующее (норманнское) племя в противоположность славянам». По примеру *Шлецера* и *Круга* он приводит начальную формулу договоров: «Мы от рода русского» в доказательство существенного отличия руси (норманнов) от славян. *Погодин*: «Ясное показание отношений между русью и славянами: «Народ платил только дань, а жил по-прежнему в полной свободе».

Все эти исследователи подметили факт, действительно существующий в нашей истории, а именно, деление руси на

словен и на собственную южную русь. Они, кажется, ошиблись только в определении причин и значения этого факта, относя к началу норманнского коренное явление словенорусского быта. Настоящий смысл этого явления ясно высказан в летописи; от самого *Нестора* узнаем мы два начальных положения нашей истории:

1) Имя руси, как *народное*, принадлежит всем племенам союза восточных славян; как *племенное*, одному только югу.

2) Имя *словен*, исключительно *племенное*, принадлежит только Новгороду и его области; на Руси оно никогда не имеет общего значения *народного славяне*.

Аскольд и *Дир*, мниморусские выходцы из заморья, оставляют Новгород, притон мниморусской (варяжской) народности. Они говорят киевлянам: «И мы есмя князи *варяжские*», *нерусские*. При поселении в Киеве они призывают своих единоплеменников из Новгорода: «*Аскольдъ* же и *Диръ* остаа въ граде семь, и многи варяги скуписта, и начаста владети польскою землею». До сих пор мы не видим руси; но при выступлении из *Киева* в поход против греков русь является единственной действующей народностью, как в греческих летописях, так и в *Несторовой*; из Новгорода они вышли *варягами*; из *Киева* выступают, из *Царьграда* возвращаются *русью*.

«Въ лето 6389. Поиде *Олегъ*, поимъ воя многи, *варяги*, *чюдь*, *словени*, мерю, весь, *кривичи*». И здесь, при выступлении из *Новгорода*, исчисляются только северные племена; о руси ни слова; это имя является уже по водворении *Олега* в *Киеве*, переходя не от *Олега* на Киев, а от *Киева* на *Олега* и варягов его: «И рече *Олегъ*: се буди мати градомъ *рускимъ*. Беша у него *варязи* и *словени*, и прочи прозвашася *русью*».

Игорь посылает за море к *варягам*: «И посла по *варяги* многи за море, завя е на греки»; но из *Киева* идет с *русью*:

«Въ лето 6452. *Игорь* же совокупивъ вой многи, варяги, русь, и поляны, словени, и кривичи, и теверьце, и печенеги» и пр. Поляне-русь названы поименно в противоположность словенам-новгородцам.

Владимир из Новгорода: «*Володимеръ* же собра вой многи, варяги и словени, чюдь и кривичи, и поиде на Рогъволода». *Ярослав из Новгорода*: «И събра *Ярославъ* варягъ тысячу, а прочихъ вой 40». *Святополк из Киева*: «Пристрой безъ числа вой, руси и печенеге». *Ярослав на Святополка из Киева*: совокупивъ русь, и варягы, и словене». *Ярослав на печенегов из Новгорода*: «*Ярославъ* събра вой многоъ варягы и словени, приде Киеву».

Имеют ли эти факты особое историческое значение? А если имя руси не случайным образом выпущено во всех местах Несторовой летописи, где дело идет о Новгороде и северных племенах, каким образом могло это имя исчезнуть для тех именно городов (Новгород, Полоцк, Ростов и т.д.), в которых находчиками были варяги? Каким образом, если имя руси было принадлежностью призванного племени норманнских родов, именуется русью только перешедшие в Киев? Новгород и северные города были главным притоном варяжства, поселениями тех самых варягов-родов, что вышли с *Рюриком* из заморья: «Ти суть людье новгородьци отърода варяжъска, преже бо беша словени»; а в других списках: «И суть новгородсти и людие и до днешняго дне отъ рода варяжска». «Я по темъ городомъ суть находници варязи; а перьвии насельници въ Новъгородъ словене, Полотьски кривичи» и т.д. В Новгороде норманнская школа видит русский Вауеух: «Первые обитатели Новгорода и его области, — говорит *Круг*, — были некогда славяне; но в эпоху *Рюрика* там поселилось такое множество скандинавов, что языки обеих народностей слышались одновременно; даже нет сомнения, что некогда норрена была господ-

ствующим наречием». Куда же девалось имя руси для этих новгородцев-варягов, говоривших норреною еще во времена *Святослава*? Под каким именем (словен, или кривичей, или чюди) должны мы искать их в войсках *Олега*, *Игоря*, *Владимира*, *Ярослава*? Мы благодарны *Нестору* за его противоречия; забыв с первых строк летописи о своей *системе* происхождения Руси, он приводит факты в их настоящем, историческом виде; *словенами* зовет исключительно северные, *русью* — южные племена; о небывалой варяжской руси нет более и помину.

Только из этого основного факта могут быть объяснены иные, доселе неистолкованные или превратно понятые особенности нашей истории. Таково сохранившееся у *Нестора* народное предание или сага о наволочных парусах для руси и кропивных для словен. *Шлецер* и *Круг* за ним полагают, что имя руси означает норманнов, а *словене* все остальное войско *Олега*; *г. Соловьев*, что «под именем руси здесь должно принимать не варягов вообще, но дружину княжескую, под славянами остальных ратных людей из разных племен». Но где же и когда употребляет летопись имя *словен* (новгородцев) в его ученом общеславянском значении XIX столетия? И то не для одних славянских племен, а вместе с ними и для чюди и мери? Мы не имеем права, вопреки здравому смыслу и неизменному словоупотреблению наших летописей, предполагать в имени словен на *возвратном пути* не тот же самый смысл, что при *выступлении в поход*. А что *словене* в исчислении Олегова войска («поя же множество варягъ, и *словенъ*, и чюди, и кривичи, и мерю, и поляны, и съверо» и т.д.) означают новгородцев, кажется ясно. Как Новгород-словене во главе северных племен (словене, чюдь, кривичи, меря), так поляне-русь поименованы в главе южных (поляне, север, древляне и т.д.). Народному преданию, взятому без сомнения, из песни, не было дела до «Вели-

кой *Скуфи*» грамотея, ученика византийцев; оно знает только объемлющие все русские племена названия *русь* и *словене*, и прямо указывает на древний антагонизм юга и севера. «И рече Олегъ: исшийте пре паволочиты *руси*, а *словеномъ* кропийныя... «И въспяша *русь* пре паволочитые, а *словтне* кропийныя, и раздра я ветръ; и ркоша *словене*: имъмся своимъ тольсти-намъ, не даны суть *словеномъ* пре кропийныя». При всей испорченности Несторова текста здесь видна одна основная мысль; умышленное унижение *Олегом словенского* племени перед новогосподствующим русским; Новгорода перед Киевом.

На том же этнографическом делении Руси основана и древнейшая терминология Русской Правды. «Еще в Правде *Ярослава*, — пишет Круг, — русы и славяне формально противопоставляются друг другу». *Погодин* не мог, разумеется, впасть в эту ошибку, ни принимать выражение *словенин* в общеславянском значении. Для согласования текста со своею системой он обращает Русскую Правду в волостной, новгородский устав. «Русская Правда, — говорит он, — написана в *Новгороде*, ибо в первой статье сказано: аще ли будет русин... любо словенин, и пр. Словенами назывались только новгородцы; в Киеве были бы упомянуты поляне, в Чернигове северяне» и т.д. И в другом месте: «Правда называется Русской, следовательно, она принадлежала руси. Какой руси? Той руси, которая отличает себя от туземцев в первой строке документа: если будет русин, словенин...» и пр., т.е. норманнской.

От документа юридического мы вправе требовать некоторой точности. Если *русин* означает норманна, а *словенин* новгородца, значит, что в Правде, данной *киевским князем*, нет места для туземцев, славян киевских, черниговских и т.д.? Положим, что *Ярослав* норманн, что Правда дана в Новгороде и одним новгородцам: разве между ними и южны-

ми племенами сношений не было? А в таком случае, какую пеню платил новгородец за убиение полянина и обратно? Или Киев, Чернигов и пр. были вне права? Древнегерманский закон исчисляет не только туземные, но и иноземные племена; по праву ринуарских франков платилось виры за салийского франка 200 сол.; за бургундца, аламанна, фриза, баварца, сакса 160; за римлянина только 100 сол.

Дошедший до нас под заглавием Русской Правды юридический устав есть, вероятно, первый письменный свод древних законов, искони известных на Руси под названием *Русской Правды*. Быть может, первоначальная, изустная редакция статьи о душегубстве восходит к эпохе древнейшего деления Руси на словен и на русь; но и в XI веке выражения *русин-словенин* были совершенно понятны, как обозначающие с полной точностью все племена, входившие в состав русской народности. Таковы были на юге (кроме коренных четырех русских племен), и слившиеся уже с собственной русью, славянские племена уличей, тиверцев, хорватов и т.д.; на севере Новгород и кривичи, чюдь, меря, мурома и прочие данники (быть может, также вятичи и радимичи) были вне *права*, если не принадлежали к одному из исчисленных в первой статье званий, т.е. если не были ни гридями, ни купцами, ни мечниками, ни ябетниками, ни изгоями. Варяги и колбяги подлежали, без сомнения, особому праву, определенному особыми условиями.

Первобытное племенное деление Руси проглядывает и в сказании о Словене и Русе, как о прародителях русского народа. Следы предания, на котором основана эта басня, восходят к X веку, до времен Игоревых.

И у иноземных писателей встречаем намеки на этот самый исторический факт. *Константин* Багрянородный называет Новгород *внешней Русью*, выражение крайне счастливое и без сомнения переводное; у *Нестора* его уже не находим; в позднейших летописях говорится о *верхних землях*:

«Изяславъ да дары Ростиславу что отъ Рускыи земле и отъ всихъ царьскихъ земель, а Ростиславъ да дары Изяславу что отъ веръхнихъ земель и отъ варягъ». Из арабских писателей, коих известиями, однако, трудно пользоваться, потому что под именем славян они часто разумеют волжских болгар, Масуди (943 по Р. Х.) причитает ладожан, т.е. новгородцев, к русским племенам и знает, что словене и русь обитали в особом квартале города Итиля под управлением одного общего судии и служили вместе в хазарских войсках. К тому же источнику относим и смущавшую Эверса терминологию исландских саг, отличающих Русь от Гардарикии. Под названием Гардарикии они понимали всю Русь вообще; под названием Голмгарда Новгородскую область, словен. Собственную Русь, в племенном смысле, они называли Кенугард, т. е. Киевской областью, а в историях баснословных или позднейшего времени Русью. Отсюда, наконец, и двойное название руси у литовских племен; они понимали словен под именем *kreewy*; русь под именем *gudai*.

Ни летопись, ни история не знают на Руси двух друг другу противоположных народностей, скандинавскую и славянскую.

Делению руси на словен и на собственную русь отвечает у прочих славянских народов деление полабов на оботритов и лутичей, моравы на мораву и словаков, иллирийских словен на хорутан и словенцев. Но если в племенном значении словене противопоставляются руси, в общем смысле они русь, как в общем смысле словаки моравы, как мизийские словене болгары, иллирийские словенцы хорутане. Для *Нестора* русью являются все восточные племена, говорившие словенским наречием: «Се бо токмо словенескъ языкъ въ Руси: поляне, деревляне, ноугородъци, полочане, дреговичи, съверъ, бужане, зане седоша по Бугу, после же вельняне». О Новгороде он не мог бы сказать: «Отъ техъ (варяг) про-

звася Русская земля, новгородъци», если бы действительно имя руси не было, в общем смысле, принадлежностью как южных, так и северных племен. Отсюда и выражение о Ярополке: «Слышавъ же се *Володимеръ* въ Новегороде, яко Ярополкъ уби *Ольга*, убоаяся бежа за море; а Ярополкъ посадники своя посади въ *Новегороде*, и бе володея единъ въ Руси». По словам *Всеволода Георгиевича*, Новгороду следовало старейшинство во всей Русской земле.

Как общее достояние всей словено-русской народности в сношениях с иноземцами употребляются исключительно имена русь и русин. Олег, Игорь, Святослав договариваются с греками от имени руси, русин противопоставляется христианину. У Адама Бременского Новгородская область именуется Русью. В любекской привилегии императора Фридриха I в 1187 г. новгородцы названы русью. У Гельмольда на берегах Балтики русь. В латинском тексте договоров Новгорода с Любеком и Готландом новгородцы именуются русью.

Смоляне, отличающиеся, как и новгородцы, от собственной руси в летописи, названы русью в договорах 1229 г. с Ригию.

В новгородской летописи под 1314 г.: «Избиша корила городчанъ (т. е. новгородцев), кто былъ руси въ корельскомъ городе».

При выселениях русь всегда сохраняет общее народное имя; так — галицкие и венгерские русины; Русь Пургазова — в мордовской земле.

Из этих двух исторических данных о делении руси на словен и на собственную южную русь и, с другой стороны, об общности имени русь для всех словено-русских племен мы можем составить себе довольно верное понятие о значении имени Русь до Нестора и в эпоху его.

Как народное, оно принадлежность всех славянских племен, входивших в состав словено-русского союза. Только

этим именем отличает себя русский народ в сношениях с иноземцами.

Как *племенное*, имя Руси принадлежит южным племенам, искони признававшим старейшинство Киева; сначала только полянам, древлянам, северянам и, кажется, южным дреговичам; впоследствии и прочим, с ними слившимся югославянским народностям.

В теснейшем смысле Русью именуется только поляне и Киев; *русский* синоним *киевского*; Киев был настоящим центром Руси. Мы читаем у Нестора: «Бе единъ языкъ словенскъ: словени, иже седяху по Дунаеви, ихъ же прияша угри, и марава, чеси, и ляхове, и *поляне*, яже нынъ зовомая *русь*». И далее: «А словенскъ языкъ и русский одинъ, отъ Варягъ бо прозвашася *русью*, а первое беша словене: аще и *поляне* звахуся, но словенская речь бе». Олег назван русским князем в смысле *киевского*, старшего: «А отъ перваго лета *Михайлова* до перваго лета *Олгова русского* князя, летъ 29; а отъ перваго лета *Олгова*, понеже седе въ *Киеве*, до перваго лета *Игорева* летъ 31».

Значением имени *русь* определяется и соответствующее ему *словенское*.

Словенами, в общем смысле, именуется славянские племена, признававшие областное старейшинство Новгорода, т.е. новгородцы с их подразделениями на псковичей, ладожан, новоторжцев; полочане и, быть может, верхние дреговичи; по крайней мере, при выступлении в поход из верхних земель в войсках варяжских князей не упоминается ни о полочанах, ни о дреговичах; они должны быть сокрыты под общим названием словен.

В теснейшем смысле словенами именуется одни новгородцы.

Таково было древнейшее этнографическое деление Руси до половины XI столетия; *Нестор* знал о нем по предани-

ям и по дошедшим до него прежним запискам; в летописи деление на племена прекращается со смертью Ярослава; встречающиеся в известиях XII столетия племенные названия являют уже чисто географический характер. Причиной прекращения древнего порядка деления на племена было, с одной стороны, введение христианской веры, сравнявшей религиозные отличия племен посредством одинакового уничтожения народного и племенного языческих богослужений; с другой, возникшее отсюда (на размножении княжеского рода и колонизации северо-восточного края основанное) развитие *вотчинного* начала. Уже при *Несторе* имена словен, полян, северян сменились названиями Новгорода, Киева, Чернигова; по мере размножения новых центров княжений (в Ростове, Смоленске, Суздале и т.д.) русское имя, как принадлежность собственно днепровских земель, переходит из племенного в территориальное; отсюда неизвестные *Нестору* выражения его продолжателей: «Иде архиепископъ новгородьскыи *Нифонтъ въ Русь*, позванъ *Изяславомъ и Климомъ* митрополитомъ». «Въ тоже лѣто поиде *Гюрги* съ сынми съ своими, и съ ростовци, и съ суждалци, и съ рязанцы, и со князи рязаньскими въ *Русь*». «Се ся уже тако створило, князь нашъ убьенъ, а детей у него нету, сынокъ его въ *Новегороде*, а братья его въ *Руси*». Название Руси все более и более сосредоточивается на одном Киеве; в конце XII столетия является для Киева особое имя *русской области*: «Да то ты, а то Киевъ и *русская область*». Русским именем отличаются киевские князья от черниговских: «И пршде ту вся земля Половецькая, и вси ихъ князи, а изъ Киева князь *Мстиславъ* со всею силою, а изъ Галича князь *Мстиславъ* со всею силою, *Володимеръ Рюриковичъ* съ Чернеговци, и вси князи *рустїи* и вси князи *чернеговскии*». Русским именем ругается *Владимир* Галицкий киевлянину *Петру Бориславичу*: «Поеха мужъ Рускый обѣймавъ вся волости». С перенесением в Москву великокняжеского стола имя

Руси, как областное, пропадает и для Киева. Здесь изумленный исследователь останавливается и спрашивает: что же случилось с народным именем русь? Где оно? *Его нет нигде, потому что оно везде*, отвечаю словами Пфистера на вопрос об исчезновении в средние века народного германского имени. Смоленск не Русь, но смолянин XIII века русин; Новгород не Русь, но новгородец XIV столетия русин. По соединении в одно целое всех частей государства при Иоаннах, собирателях Русской земли, русское имя, сокрытое для историка, но никогда не исчезавшее для народа, внезапно является общим, связующим наименованием всех частей обновленной и окрепшей России.

XIV. ЛЕТОПИСЕЦ НЕСТОР

Норманнская школа не допускает сомнений в непреложности Нестеровых известий о началах Руси; но странная бы вышла история народов, основанная на сказаниях о их происхождении, первых летописцев! Не говоря уже о римской волчице, я напомним о Григорие Турском, выводившем франков из Трои, о Дудо, производящем датчан от греков. Нам говорят, Несторова повесть отлична от прочих как достоверностью и простотой рассказа, так и совершенным отсутствием чудесного; это правда; на место легенды у него система; но с этой системой мы свыклись только вследствие несчастной, в продолжении полутора столетий повторяемой мысли о скандинавской основе русской истории. Исследователю, не посвященному в литературные тайны варяжского вопроса, не верится ни в изобретенную Нестором небывалую варяжскую Русь, ни в изобретенную Шлецером небывалую скандинавскую.

Нестор писал около двух с половиной столетий по основании государства; откуда мог он узнать что достоверное о началах Русской земли? Положим, что до него были монастырские записки, даже краткие хронографы; но эти записки начались не прежде XI столетия, не прежде введения на Русь христианской веры. Известно, что на севере христианство принялось очень медленно; первые монастыри построены в Киеве: киевские монахи не знали и не заботились о новгородских делах. Для них, судя по внесенной в Несторову летопись древнейшей хронологической таблице, первым русским князем, представителем новой династии был Олег. Что известие о варяжском происхождении руси взято Нестором не из письменных, достоверных источников, видно уже из совершенного отсутствия подробностей, как о предшествовавших призванию варягов северных происшествиях, так и о семнадцатилетнем княжении Рюрика.

Имел ли он материальные доказательства основанию государства варяжской русью? В его летописи не находим и намек на какой-нибудь, с этим событием неразлучный исторический памятник; ни одного положительного факта, который бы свидетельствовал о варяжской руси, как, например, свидетельствуют о варягах названия Варяжского моря, Варяжской пещеры и острова; предание о варягах-мучениках при Владимире, о варягах, убийцах Ярополка и Бориса; как свидетельствует о убиении Аскольда и Дира известие о местоположении их могил близ Киева.

Но если Нестор не взял своих известий о варяжской руси ни из письменных свидетельств, ни из живых исторических памятников, ясно, что они или заняты из народных преданий, из саг и из песен, как напр., сказания о славянах; или основаны на исторической системе, им самим выведенной вследствие соображения известных исторических фактов. О норманнских известиях и сагах говорит и Погодин:

«Варяги точно так же могли рассказывать Нестору о своих подвигах и подвигах предков, как их соотечественники рассказывали дома сочинителям саг. Норманны и саги неразлучны, и, без всякого сомнения, их было у нас много. Варяги-то наговорили ему сказок, известных также на севере, и о колесах, на которых Олег в лодках подъехал к Царюграду, и о змее, которая ужалила его по предсказанию волхвов, и о воробьях с голубями, которые сожгли Коростень, и другие баснословные известия, в которых есть, однако же, историческое основание. Нестор спокойно поместил все их рассказы в свою летопись. Они же сообщили ему известия о разных иных племенах, живших преимущественно (не горячий ли это след правды, не крепкое ли доказательство достоверности?) по берегам морей Балтийского и Немецкого, столько им известным; они же сообщили ему известие и о пути из варяг в греки, о своем Auster-Wegi и Vestr-vegi». То есть, они рассказали ему все, кроме касающегося до их скандинавского мира. Они рассказали ему о призвании руси, но не сказали, что русь и шведы один и тот же народ, вследствие чего Нестор и не знает, что делать с заморской русью после призвания; они рассказали о Рюрике, но скрыли от Нестора его шведское происхождение, и кто были его родственники, и где княжили до призвания трех братьев славянами; они рассказали и о колесах, и о змее, и о воробьях, по поводу югорусских событий; а о Новгороде и семнадцатилетнем княжении Рюрика не сказали ни слова; ни слова о норманнских предприятиях и подвигах в Германии, в Англии, во Франции, в Испании. Точно также поступали они и у себя дома; рассказывали преимущественно о колесах, о змее и о воробьях; но что русь те же норманны, что на востоке от упландского берега основалось огромное скандинавское государство, коего конунги Hraerekr, Helgi, Ingwar, Svenotto (по Байеру, Святослав) и т.д. доходили за-

воевателями до Волги и Миклагарда, этого они не сказали, чем и объясняется молчание о словено-русской Нормандии в источниках севера.

Взял ли Нестор свои известия о начале Руси из туземных преданий? Но в преданиях славян русь всегда отделяется от варягов; народ производил имя Руси от реки Рось, от Руса сына Лехова, от рассеяния; грамотеи от Езехиелева Ῥώς или от русских волос.

Остается допустить вероятность существования системы, по которой Нестор мог производить имя Руси от варягов.

Но был ли Нестор, по образованию своему и своего времени, в состоянии соображать исторические системы?

Норманнская школа выставляет в личном характере летописца преимущественно две черты: добросовестность и невежество. «На всем этом обширном поприще, — говорит Шлецер, — Нестор есть один только настоящий, в своем роде полный и справедливый (выключая чудес) летописатель». А в другом месте, по поводу мнимых побед Святослава над греками: «Глупый монах, лгавший так безрассудно, верно, думал, что патриот непременно должен лгать». Характеристика поверхностная и одинаково несправедливая в порицании и похвале.

В Несторе должно отличить две индивидуальности: летописца и писателя. Как летописец, в сравнении с первыми историками других народов, он замечателен более по отсутствию неправдоподобного, нежели по безусловному правдолюбию. По крайней мере, его добросовестность подчинена влиянию как национального, так и христианского чувства. Если из греческих летописей он имел, как думаю, в руках один только перевод Амартолова временника с продолжением по 963 год, понятно, что ему остались неведомы летописные известия греков о крещении руси в 865 году и под-

робности о войне Святослава с Цимисхием. Но он не мог не знать о крещении Аскольда и вообще о распространении христианства на Руси до Владимира по другим, не менее достоверным источникам. На могиле Аскольда поставлена церковь св. Николы; русские епископы именовались Фотиевыми еще при Владимире; при императоре Льве Русь считалась 61 епископством восточной церкви; при Игоре была в Киеве церковь св. Илии, куда водили к присяге христианскую Русь и т.д. При этих живых, положительных фактах, нельзя допустить в духовенстве XI столетия неведения общественного явления, коего они были представителями; между тем, за исключением двух-трех указаний, именно свидетельствующих о его знании предмета, Нестор молчит о христианстве до 988 года; молчит, без сомнения, из ложно понятого рвения к варяжской династии и памяти св. Владимира. Он не знает о почти современных ему западных миссионерах и мучениках св. Адалберте, Бруно и других; но рассказывает подробно о двух мучениках-варягах, пришедших из *грек*. Все это не ложь, но и не простодушие, добросовестность. Те же догадки, те же намеки нахожу я и у Круга по поводу истории Рогнеди; я указываю в другом месте на причины молчания летописца о малых князьях, о язычестве, о самом варяжском Поморьи. Его правдолюбие сообразно с идеями века и нередко проистекает от недостатка последовательности в понятиях; оно проявляется особенно внесением в летопись и тех фактов, которые явно противоречат предшествующим им положениям. Мы видели это на деле. Он знает варяжскую Русь за морем только в той мере, которая ему необходима для поддержания системы о происхождении русского имени от варягов; но не жертвует этой системе ни исторической истиной, ни существовавшей на Руси этнической терминологией; он не выводит ни разу Руси из Новгорода, чем и опровергает прежде сказанное о *варяго-*

русском населении северных городов. Точно так же поступает он и в рассказе о взятии Киева Олегом; от Киева переносит он имя руси на Олега и его варягов, а не наоборот. Из преданий и песен заимствует он рассказ о победоносной войне Святослава с греками; а вслед за рассказом вносит в летопись договор, свидетельствующий о ее неудаче. Этими противоречиями мы обязаны не его честности, как пишет Погодин, ибо честность противоречий не допускает, а свойственным всем первоначальным историкам забывчивости и неумению согласовать свои положения с известными фактами. Как писатель, Нестор прежде всего ученик византийцев и их болгарских учеников; отсюда почти совершенное в нем отсутствие языческого сказочного начала, так не кстати превозносимое Шлецером под влиянием, всемогущим в его время, энциклопедической школы. Из народных преданий, сохранившихся в песнях и в былинах древних славян, выбрал он свою историю переселения славянских племен, очистив ее предварительно от всех мифологических легенд и намеков, связав ее по-византийски с библейским преданием о столпокрушении; подвиг благочестия и разумности, которому радоваться мы не можем, но обличающий в летописце критическую сообразительность, до которой не возвысился и Тит Ливий. Критиком является он и в рассказе об основании Киева: «Ини же не сведуще рекоша, яко Кий есть перевозникъ былъ; у Киева бо бяше перевозъ тогда съ оной стороны Днепра, тьмъ глаголаху: на перевозъ на Киевъ. Аще бо бы перевозникъ Кий, то не бы ходилъ Царюгороду» и т.д. Такой склад ума далек от первобытной наивности какого-нибудь нотариуса короля Белы. Греческий рассказ о поражении Игоря он умеет и сократить, и облечь в историческую русскую форму; умеет приноровить к руси и самые греческие присловия, ибо знаменитая, чисто библейская притча: «Есть притѣча въ Руси и до сего дне: погибоша

аки обре ихъ же несть племени, ни наследъка» была известна грекам уже за два столетия до Нестора; в письме к Симону Болгарскому патриарх Николай говорит об аvaraх.

Нестор был, стало быть, в состоянии соображать исторические системы; на системе основано и его сказание о происхождении Руси.

Прежде всего, следует дать себе возможный отчет в тех убеждениях и фактах, по которым летописцу приходилось располагать свой рассказ о началах Русской земли.

Варягами, в смысле народа, Нестор знает, *в свое время*, только те четыре племени, из которых около конца XI столетия набиралась греческая варангская дружина, то есть шведов, норвежцев, датчан и англичан.

Но, с одной стороны, по верному, в народной памяти сохранившемуся преданию, с другой, по варяжским особенностям новгородского быта ему известно, что в эпоху призвания на берегах Балтийского (Варяжского) моря обитало еще другое племя, отличное от шведов, норвежцев, датчан и англичан; между тем, как они, именуемое варягами. Это варяжское племя, по словам летописца, выселилось *сполна* вслед за князьями («пояша по собъ всю русь») в землю словен и чюди в 862 году.

Кто же были, к какой народности принадлежали, в убеждениях Нестора, эти загадочные варяги?

«За кого он (Нестор) принимает варягов-русь, — говорит Погодин, — это имеет тяжелый вес для всякого мнения о происхождении варягов-руси»; а затем решает, что он их считает норманнами и сверх того, что и я чувствую себя принужденным согласиться с этим толкованием убеждений летописца. Мне кажется, я ничем не дал повода к подобному обвинению.

Как в народной жизни, так и в самой летописи, нас поражает совершенное, почти непонятное, при многообраз-

ности сношений древней Руси со Скандинавией, отсутствие германо-скандинавского элемента. Летописцу, знавшему о норманнском происхождении князей, о поселении в Славянской земле на востоке целого племени норманнов пришельцев или завоевателей, о резком отличии в продолжении около двух столетий господствующего норманнского племени от подвластных ему туземцев, были, разумеется, известны такие подробности о скандинавизме князей и пришлых с ними варягов, коих опущение представляется беспримерным фактом в летописях исторической письменности, неразрешимой исторической загадкой. Он не мог не знать о супружестве Ярослава с Ингигердой, Гаральда с Елисаветой, о пребывании при дворе Ярослава норманнских конунгов Олафа и Магнуса; наконец, о блестящих завоеваниях норманнов на западе. Его молчание, при известной ему одноплеменности русских князей со Скандинавами, непонятно. Непонятно, с другой стороны, каким образом в обнимаемом начальной летописью периоде двух с половиной столетий русь противопоставляется в ней словенам только один раз (в истории о парусах), русин словенину ни одного. Еще долго по завоевании Галлии франками, Англии норманнами слышатся в летописях выражения: такой-то родом франк, норманн; такой-то родом галло-римлянин, сакс. Я уже не говорю о законном отличии между победителями и побежденными. Для Нестора (в понятиях норманнской школы) Рогволод, Тур, Асмуд, Свенгельд, Претич, Блуд и т.д. были варяги-шведы-русины; возможно ли, чтобы он ни одного из них не отличил по роду и по народности от туземцев? Умеет же он назвать митрополита Илариона русином в противоположность предшествовавшим ему митрополитам из греков! Где же тут (по крайней мере, в убеждениях летописца) два народа, шведы и славяне, так удачно отысканные норманистами?

За исключением первых строк летописи, в которых излагается воззрение самого Нестора на начала Русской земли, он никогда и нигде не отделяет руси от туземцев, в смысле этнографическом; зато, как известно, положительно отличает свою варяжскую русь от остальных четырех варяжских (чисто норманнских) народностей. Говорят, он в свое время уже не знал, что русь и шведы одно и то же; положим; но он знал по крайней мере, что русь — скандинавы, немцы? А в таком случае имя руси должно же хотя в одном месте летописи, хотя в первые годы Олега и Игоря представить это значение. Он пишет: «А Ольга водиша и мужий его на роту; по русскому закону кляшася оружиемъ своимъ, и Перуномъ богомъ своимъ, и Волосомъ скотымъ богомъ, и утврдиша миръ». По норманнскому ли закону клянутся Олег и шведы его Перуном и Волосом? «Седе Олегъ княжа въ Кieve, и рече Олегъ: се буди мати градомъ рускимъ». Неужели норманнским? «Мы же рцемъ къ ней (Ольге): радуйся, руское познанье къ Богу». Норманнское познание? «А словьнескъ языкъ и руский одинъ». Словенский и шведский?

Для летописца, знавшего шведов и вообще норманнов *de visu*, вполне сознававшего их отличие от славян по народности и по языку, эти выражения, если допустить, что Нестор считал своих варягов-русъ скандинавами, решительно непонятны.

Нам скажут: летописец молчит как о норманнском, так и о славянском происхождении руси. Справедливо; но в славянской гипотезе этому молчанию найти объяснение не трудно. Скандинавов Нестор видел лицом к лицу; славянских варягов он не знал; для них уже сто лет как прекратилось и самое варяжское имя; русского они никогда не носили. Что и Нестор, и его современники, и русские князья знали вообще о западном происхождении, из варяжского Поморья Рюрика и братьев его, несомненно; собственно

о племени, из которого они вышли, уже никто не помнил; племенные названия оботритов, вагиров, руян и пр. поглощались для них общим наименованием варягов. С принятием христианства должна была порваться связь с языческим Поморием; вероятно, и сами язычники требовали этого разрыва, если судить по примеру их отношений к тем из близких к ним славянских племен, которые подчинялись влиянию западных миссионеров. Язычники руяне, узнав о принятии штетеничами христианской веры, отшатнулись от них совершенно. Каким же из славянских народных имен мог Нестор назвать свою варяжскую русь? А при предполагаемом им тождестве наречий мог ли он отличать варягов-русь от словен по языку?

Я тем не менее убежден, что летописец знал о происхождении варяжских князей более того, что он говорит. В этом ручается дошедшее до нас, по другим источникам, предание о Гостомысле, о выходе Рюрика из прусских земель варяжского Помория и т.д. Нестор имел основательные причины к молчанию. Его время было блестящей эпохой вендского язычества; и в отношении к князьям, и в отношении к народу, еще сильно державшемуся своих прежних, дохристианских верований, было неловко напоминать о родстве благоверной династии русских князей с языческими еще потомками Святовита и Радогостя. С другой стороны, для Нестора балтийские славяне были те же ляхи; он понимает их (конечно, ошибочно, как и Кадлубек) под названием двух ляшских племен, лутичей и поморян; но мог ли он назвать своих князей ляхами? Потомки Рюрика (уже сами по себе, как поморяне, враждебные ляхам) наследовали народную ненависть бывшую между Русью и Польшей; эту ненависть поддерживали непрерывные войны между обоими народами; русские князья говорили в знак пренебрежения: «Мы есме не угре, ни ляхове».

Кроме сказанного, убеждение Нестора в славянском происхождении князей проглядывает и в формах и духе его рассказа об основании государства, о первых действиях на Руси новой династии. Что варяги, имевшие дань на словенах и изгнанные в 859 году, были скандинавы; что скандинавами их считал и сам Нестор, более чем вероятно; между ними и призванными не существовало, в его мысли, другой связи, кроме общности имени. В самом деле, так называемая варяжская русь летописца не только не представляется ему враждебной, по действиям и происхождению словенам народностью; но он еще, видимо, признает за ней какое-то законное право обладания, не одними призывавшими племенами, но и всей Русской землей вообще. На право указывают сохранившиеся в одном из позднейших списков летописи слова Аскольда и Дира киевлянам: «И мы есме князи варажьские». Будь варяги норманны, Аскольдова мысль выразится словами: «И мы тоже норманнские конунги». На право указывают и слова Олега: «Вы неста князя, ни роду княжа, но азъ есмь роду княжа и се есть сынъ Рюриковъ». Эти слова невозможны, если род варяжских князей не имел особого права на покорность и уважение всех славянских племен. «Вы неста князи» ответ на Аскольдово «и мы есме князи». Олег обличает их обман перед киевлянами, принявшими их только в качестве старших, варяжских князей; а старшими, законными князьями для киевлян не могли быть норманнские конунги. Победив северян, Олег «взложи нань дань легьку, и не даетъ имъ козаромъ дани платити, рекъ: азъ имъ противень, а вамъ нечему». Шлецер переводит ошибочно: «Я против хозар, почему вы не должны им ничего платить». Слова Олега значат: «Я враг хазарам, а с вами враждовать мне незачем». Эти слова не норманнского конунга, которому было равно обладать хазарами или славянами, а славянского, уже русского князя, ибо

северяне входили в состав шести словено-русских племен. Я не смотрю на рассказ Нестора и его дополнителей как на выражение действительных исторических фактов; никто из них не слышал Аскольдовых слов киевлянам, Олеговых Аскольду и северянам; но форма рассказа и образ изложения действий первых варяжских князей, свидетельствуя о их законности на Руси, свидетельствуют в то же время об убеждении летописца и его современников в славянском происхождении этих князей.

Впрочем Шлецер справедливо заметил, что известие об основании государства дошло до Нестора только в неопределенном, смутном предании. Ни князья, ни он сам не знали ничего *положительного* о происшествиях IX века, о земле, из которой вышли призванные варяги, об имени, которым отличались до призвания и т.п. Коренные убеждения Нестора ограничиваются, если не ошибаюсь, следующими положениями:

1) Варяжская династия не туземная, но призванная откуда-то, из варяжского помория.

2) Она не шведская, не германская, не финская, не хазарская.

3) За исключением заморской родины, она не отличается ничем другим (или отличается весьма мало) от словено-русского племени.

Таковы положения, с которыми приходилось летописцу приступить к выполнению данного им обета показать «откуда есть пошла Руская земля».

Нестор был ученик византийцев; для него греческие хронографы, хронограф Георгия Амартола были ученой святыней; они казались и не могли не казаться ему всеведущими. Не зная ничего исторически положительного о происхождении Руси, пренебрегая народными преданиями, тесно связанными с языческими, он отыскивает у греков начало

русского имени, и не встречая его до 865 года, т.е. до первого похода руси на Царьград, пишет: «Въ лето 6360, индикта 15, наченшу Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руска земля. О семь бо увѣдахомъ, яко при семь цари приходиша русь на Царьгородъ, якоже пишется въ летописаньи гречьстемъ; темже отселе почнемъ и числа положимъ». Этого места, краеугольного камня Несторовой системы, никто, насколько мне кажется, еще не передал в его положительном, для меня до очевидности ясном значении. Шлецер переводит: «Въ лето 852, индикта 15, при начали царствоваша Михаила, началось имя Русской земли. Ибо намъ известно, что при семь царе русы пришли къ Константинополю, какъ написано въ греческомъ времяннике». Погодин: «Первый слух об Русской земле в начале царствования Михаила; мы узнали об этом, потому что русь при этом царе приходила на Царьград, как написано в летописях греческих». Во всех этих переводах и переделках выражение «о семь» («о семь бо увѣдахомъ») приводится в неправильную связь с последующим «яко» («яко при семь цари»), принимаемым в смысле наречия *что, как*. Взятое в этом значении наречие «яко» плохо вяжется с союзом «бо» («о семь бо увѣдахомъ»), да и весь оборот вообще делается непонятным. По крайней мере, я не нахожу логической последовательности в словах: «Русское имя началось при Михаиле. Ибо нам известно, что при нем русь приходили на Царьград». Мне кажется, слово *яко* имеет здесь значение *понеже, потому что, так как*. «Не воскреснуть нечестивии на судъ ниже грешницы въ советъ праведныхъ: *яко* весть Господь путь праведныхъ, и путь нечестивыхъ погибнетъ. Смысл Несторовых слов: «В царствование Михаила земля наша начала прозываться Русью; мы же (бо) узнали (догадались) об этом (т.е. о том, что при Михаиле Русская земля стала именоваться Русью), *потому что* (яко) при этом царе русь приходили (в первый раз) на

Царьград, как сказано в греческом времяннике» или другими словами: «Потому что при этом царе греческая летопись упоминает о руси впервые по случаю похода на Царьград». Я заключаю: 1) при самом вступлении в историю руси Нестор чистосердечно объявляет о системе ее происхождения, основанной не на фактах, а на предположении; 2) предположение Нестора о начале русского имени в девятом столетии основано, по собственному его сознанию, на первом помине о руси у византийского летописателя, не знавшего и не говорящего ни слова о ее происхождении.

В самом деле, византийские летописцы узнают русь только вследствие похода 865 года; каким бы хронографом ни пользовался Нестор (а, по всем вероятностям, ему был известен только один Георгий Амартол), он находил в нем и описание похода, и сказание о руси, как о новом, дотоле неизвестном народе.

Принимая точкой отправления русской истории первый помин о руси в византийских хронографах, он действовал, как несколько десятков лет тому назад те европейские ученые, которые не допускали присутствия в Европе славянского племени до VI века, потому что имя славян встречается впервые у Прокопия и у Иорнанда. Эти ученые рассуждали: если бы славяне жили в Европе до V или VI столетия, о них без сомнения было бы упомянуто у греческих и латинских писателей. Нестор, для кого вся классическая литература сосредоточивалась в Георгие Амартоле, говорит: если бы имя руси для славян существовало до половины IX века, Георгий Амартол непременно упомянул бы о нем до 865 года. Не то ли самое и с одинаковой силой логики повторяют и те исследователи, которые, не находя имени русь у Феофана и ал-Фергани, заключают отсюда о невозможности существования славянской руси до эпохи призвания варягов?

Но если до 862—865 года имя руси у нас не существовало, откуда, по соображениям Нестора, явилось оно? Кем занесено?

Нестору достоверно известно около тех же 862—865 годов призвание и водворение на Руси варяжских князей. Год пришествия Рюрика он мог приблизительно рассчитать уже по соображению с известным, всеми византийцами засвидетельствованным походом его сына, Игоря Рюриковича в 941 году. Он, естественно, приводит факт призвания в соединение с началом русского имени, определенным, по его мнению, первым помином о руси в греческом хронографе. В самом деле, имя руси является у византийцев впервые в царствование Михаила; к тому же времени относится начало варяжской династии. Не должна ли прийти ему в голову мысль об исторической связи этих двух, современных фактов? Историк нашей эпохи не рассудил бы иначе. С другой стороны, не естественно ли в летописце XI столетия побуждение отнести честь прозвания руси к первому князю владеющего рода? Не будь имя Рюрика так народно и так положительно знакомо самому Нестору, он назвал бы его Русом, как называли чехи и ляхи мнимого прародителя русского народа, и как летописец XVI века готов прозвать самого Рюрика: «Но мню, яко паче всъхъ сихъ достовернейши се есть, еже преподобный отецъ нашъ Несторъ, льтописца Руский, глаголетъ, яко отъ вожа, си есть князя своего Рурика, сие имя приять Русь: понеже въ оная времена отъ вожовъ своихъ славныхъ и храбрыхъ народы и языки обыкошася именовати, якоже ляхи отъ Леха, чехи отъ Чеха и проч.».

На систему Нестора о происхождении русского имени от варяг в IX веке могло иметь влияние и другое обстоятельство. Языческая Русь поклонялась святым рекам; предание о реке, «глаголемой Рось», как прародительнице народа, уцелело еще в XVII веке; при Несторе оно, вероятно,

еще жило в обрядах и песнях повсюду празднуемых русалий. Благочестивый монах не мог терпеть для имени своего народа этимологии, пригвоздившей его навеки к языческому идолу; он искал этому имени объяснения на пути исторических соображений.

При всем том, производством от варягов имени русь, вопрос еще окончательно решен не был; как большая часть новейших исследователей, так и Нестор понимал, что без положительного, специального тому объяснения здравый смысл не может помириться с исчезновением, тотчас после призвания, варяжской руси из ее первобытной, приморской отчизны. Отсюда, в наше время, это множество германо-скандинавских русей (или, лучше сказать, их туманных призраков) у Фатера, Буткова, Гольманна, Крузе, гг. Куника, Бруна и других; отсюда и придуманная Нестором героическая разделка с русским гордиевым узлом: «Пояша по себе *всю русь*». Этой, конечно, не слишком хитрой уловкой устранялась возможность нескромных вопросов о небывалой заморской руси; насколько, между тем, летописец крепко и последовательно держался примышленной им гипотезы, видно из слов: «Сице *бо ся зваху* тьи варязи русь, яко се друзии *зовутся* свие, друзии же урмяне» и пр. О существовавших в его время варягах шведах, норвежцах, датчанах, англичанах он говорит в настоящем наклонении: *зовутся*. О выморенных им со дня призвания варягах-руси в прошедшем: *звахуся*.

Как видно, система Нестора не имеет ничего глубокого, основного. Она не касается вопроса о словено-русской народности, но вертится единственно на задуманном им объяснении имени русь от варягов. Ее коренные положения: 1) «А словенескъ языкъ и рускый одинъ, отъ варягъ *бо прозвашася* русью, а первее беша словене». Словенский язык и русский язык; словенский народ и русский народ — один язык и один народ; различие только в названиях; 2) «Сице *бо ся*

зваху тѣи варязи русь, яко се друзии зовутся свие, друзии же урмяне, анѣгляне, друзии гѣте; тако и си». Русь не шведы, не норвежцы, не англичане, не датчане; сходство только в общем наименовании варягами. Если бы между своими варягами-русью и словенами, при отличии в названиях, летописец предполагал отличие германской народности от славянской, шведского языка от словенского, он сказал бы: «А словенскъ языкъ и рускый ныне одинъ», как в другом месте, где дело идет только об имени, он говорит: «Поляне, яже ныне зовомая русь». Но он заботится об одном только прозвании; его система далее не идет: «Въ лето 6360 — нача прозывати Руска земля»; «Отъ техъ прозвася Руская земля, новугородци»; «Поляне, яже ныне зовомая русь»; «Отъ варягъ бо прозвашася русью». И Шлецер заметил, что летопись повторяет эти положения, «как будто боясь, что ее не поймут». Нестор этого в самом деле боялся.

XV. 'ΡΩΣ У ПАТРИАРХА ФОТИЯ

В продолжении многих годов, от Байера почти до наших дней, известие патриарха Фотия о руси 865 года считалось первым помином греков о неизвестном им до той поры народе русь. С этим воззрением согласовалось и дошедшее до нас в Вертинских летописях сказание императора Феофила о руси 839 года. В последнее время явилось новое мнение, будто бы в своем окружном послании и проповедях Фотий ясно выразил, как свое убеждение в норманнстве народа 'Ρώσ, так и давнее знакомство греков с этим народом. Это мнение основано на следующих доводах:

1) Одна из XIV проповедей или гомилий Фотия, произнесенная по случаю нападения руси на Царьград в 865

году, — замечает г. Куник, — указывает на высший север, куда греки полагали Скандинавию.

2) В своем окружном письме 866 года Фотий называет русь воинственным и кровожадным народом. «Какому другому европейскому народу того времени, — говорит Круг, — можно применить эти слова, кроме норманнов, которые так прославились именно в последние десятилетия IX века?» — «Кто же эти многие, которым до половины IX столетия русь давала себя часто узнать как воинственный, кровожадный народ? Разумеется, под этими многими должно преимущественно понимать такие народы, с которыми греки были в частых сношениях, напр., италианцев, испанских мавров и франков».

3) Патриарх говорит о руси: «Postquam vicinos in circuitu sub jugum miserunt». — Выбор предоставляется между Ирландией, Шотландией, Англией, Шетландией и Фрисландией — с одной, между славянами и финнами — с другой стороны.

Против значения слов, будто бы указывающих на Скандинавию, я замечу, что ни древние, ни новейшие греки не обозначали ими исключительно тот или другой северный народ. Геродот искал своих гипербореев в Скифии, на север от Черного моря. Если котраги, хазары и половцы были для греков гипербореями, удивительно ли, что и русь причислены Фотием к гиперборейским народам?

Кому же русь давала себя часто узнать как воинственный, кровожадный народ? Здесь речь идет о народной молве, а не о той положительной известности, какую норманны могли стяжать у франков, мавров и т.д. Весьма понятно, что в 866 году греки, еще не опомнившиеся от ужаса, много и часто говорили между собой о неизвестном дотеле народе 'Ρῶς, явившимся как молния с севера, под стенами

Царьграда. Смысл Фотиевых слов, если только не исказить его в угодность невозможной системе, совершенно ясен и прост: «Не только болгары... но и так называемые русь, о которых так много и часто говорится (в народе)... приняли веру Христову» и т.д.

Наконец, не проще ли считать, что речь идет об одолении Аскольдом древлян, полочан, уличей, печенегов и пр., нежели об неизвестных на востоке норманнских опустошениях Германии, Англии, Франции, Испании и т.д.? Вникая в общий смысл окружного послания 866 года и цели, с которой в нем приводится известие о крещении руси, очевидно, что патриарх ищет, с одной стороны, представить народ Ῥως по возможности кровожадным и необузданным до крещения; с другой, придать ему возможную степень значительности, чтобы тем более возвысить цену нового приобретения восточной церкви. Но допустив, что в руси 865 года Фотий видел норманнов, ужас Западной Европы и латинской церкви, мог ли он не намекнуть ни словом на бесполезность усилий западного духовенства к их обращению в христианскую веру? В продолжении многих годов Рим и Византия спорили о причислении новообращенных болгар к западному или восточному патриархату; а о победе, одержанной греческой церковью над латинской по крещению норманнов, Фотий не упомянул бы и намеком в послании, имевшем целью ниспровержение папской власти? Настоящую характеристику руси 865 года должно искать не в энциклике, писанной под влиянием известных политических побуждений, а в проповедях патриарха, произнесенных немедленно после удаления варваров из-под стен Царьграда. Здесь русь является народом скифским, бесчисленным, рабствующим, неизвестным, живущим где-то вдали от греков, степным или кочевым. Это характеристика не скандинавского племени.

XVI. ДРОМИТЫ И ФРАНКИ

Из известных до сих пор византийских историков только три упоминают, под тем же 941 годом, о названии руси дромитами и их происхождении от франков.

a) *Theophan. Contin. ed. Bonn. 423-425.*

b) *Georg. Hamart. Cod. graec. Vatican. № 153. p. 219.*

c) *Symeon Magister ed. Bonn. 746.*

Сомнения г. Куника насчет подлинности *С. Логофета*, которому он прилагает название *Pseudometaphrastes*, переносят его свидетельство из X в XI столетие; остаются, тождественные в этом месте, продолжатели *Феофана* и *Амартола*, оба современники Игоря. Который из них списывал другого? Не взято ли их известие из одного общего, древнейшего источника? Последнее мне кажется вероятнее.

Из слов *продолжателя Феофана* и *Логофета* представители норманнского мнения заключают, что в X столетии греки знали о происхождении норманнов-руси от франков, т.е. народов германского языка.

Но каким путем попали они на это этнографическое известие? Вследствие ли собственных лингвистических и иных наблюдений?

Эверс заметил справедливо, что общий характер византийских историков той эпохи не допускает ни в ком из них особого умения отличать варварские народности по признакам их родственных отношений. О *продолжателе Феофана* можно сказать это с полной уверенностью; если, с одной стороны, он знает о франкском происхождении руси, то, с другой, причисляет русь к скифским народам. Что из этих понятий одно исключает другое, не требует доказательств.

Принять ли скандинавский источник греческого известия?

Ученый франк IX или X века мог бы, конечно, похвалиться происхождением от норманнов на основании приводимого *Иорнандом*, *равенским географом*, *Павлом Диаконом*, *Рабаном Мавром* и другими ученого мнения о выселении из Скандинавии всех народов германской крови; непонятно, каким образом из тех же свидетельств можно заключать о франкском происхождении норманнов. Они говорят именно противное. Норманны никогда не называли себя и не были называемы от рода франков.

Известие продолжателей и Логофета основано не на собственном их наблюдении, не на норманнском источнике, а на недоразумении, коего ключ находим в болгарском и русских временниках, повествующих о походе 941 года.

«Иуныя же месяца 18 день, 14 индикта, приплу русь на Костянтинъ градъ лодками, тысящъ 10, иже и скеди глаголемъ, *отъ рода варяжска сущимъ*».

«Все списки, кроме *Радз.*, — говорит Шлецер, — прибавляют здесь: русы, глаголемые от рода варяжска. Очень ясно, что это занято из продолж.: *Dromitae, qui a Francis genus ducunt*. Смешно, что рус узнает от византийца о происхождении собственного своего народа. С дромитами не знал он, что делать, почему и выпустил их, а франка и варяга по единозвучию счел за одно».

Ошибка произошла действительно от единозвучия; только эту ошибку сделал не русский летописец XI, а греческий X века.

В войске *Игоря* (если и принять именно 941 год исходом нашего известия) было много варягов; греки, разумеется, и не думали отличать их от руси по народности. Между тем, варяжское имя должно было дойти и до них. Они сочли его, по единозвучию, тождественным с именем франков, как по единозвучию, *Лев Диакон* смешивает древлян с германцами. Эти франки не ввели в заблуждение русского

летописца; он не думает здесь о фрягах, а исправляет, как следует, греческое фряги своим русским *варяги*.

Теперь о дромитах.

В своих дополнениях к изысканиям Круга г. Куник возвратился к мнению, производящему имя дромитов от названия Тендерской косы Ахиллесовым бегом — «дромос Ахиллос». Против этой, впрочем, с грамматической точки зрения, безупречной этимологии, восставал преимущественно Келер и, кажется, не без основания. От греков название руси дромитами выйти не могло не потому только, что никакая русь, да и вообще никакой другой народ не жительствовавший на Тендерской косе, но и по причине самой неопределенности этого имени. Слово «дромос» имеет множество различных значений в греческом языке; кроме основного *бег*, оно означает место ристалища, гуляние, крытый портик, преддверие храма, оркестр, а впоследствии и церковную службу. Производное отсюда «дромитос» получало географический смысл не иначе, как в соединении с другим, определенным местным названием. О производных от местностей, посвященных памяти Ахиллеса, Стефан Византийский говорит: «*Gentile, Achilleotes, et etiam Achilleites esse potest, et Achilleodromites*». Взятое отдельно слово «дромитос» относилось бы к Ахиллесову бегу, как слово «политос» (*civis, municeps*) к жителям Неаполя, Константинополя и т.п. Странно также, что дромитами русь названы у греков только один раз, по поводу Игорева похода; географические названия так скоро не исчезают; еще страннее, что Симеон Логофет, большой охотник до заимствованных из мифических преданий Древней Греции словопроизводств, не обратил внимания на классическое, общепринятое (по г. Кунику) толкование слова «дромиты» от Ахиллесова бега, а предпочел ему прозаическое «от скорого бега». Не кроется ли здесь перевод? Круг думал о варягах; но производить варягов от

глагола *варяю* лингвистически неудобно. Быть может, греческому «дромитос» легло в основание другое славянское слово, именно: хоусарь, *chusar*.

Из сличения рукописи Синодальной библиотеки № 148 (из сербских) с рукописью костромского Богоявленского монастыря № 295 оказывается, что где первая читает об Игорева руси: «И убо сихъ *пльку* мнозехъ пославшу въ Вифиниисцеи стране, яко пищу себе и ину потребу купити, и обреть *плькъ* ихъ реченный Варда», вторая (по всем признакам на Руси обновленная) переводит: «И *се* Русь *хусы* послаша въ Виоинийския, яко да пищу имъ и прочее припасуть; приключися *се* и *хусть*, Варда Фока зле сие преложи» и пр. Слово *хуса* передает здесь греческое «полк». Первоначальное, коренное значение *хусы* есть *ход* и *поход*, как уже видно из сохранившегося в чешском и моравском наречиях слова: *chûze, chûza* — *incessus, peregrinatio*. То же самое должно сказать и о слове *полк*; в смысле *похода* оно встречается в летописи: «Беша бо многи погibli на *полку*». Самое «Слово о *полку* Игореве» то же, что «слово о *походе*». В смысле *похода-хусы* следует понимать и выражение Игорева песни: «Рекъ Боянъ, и *ходы* на Святъславля пестворца» и пр. Княжий *полк, полчане* — жениховы бояре, поезжане.

Слова *хуса* и *хусар*, означавшие сначала *ход* и *ходака*, получили впоследствии, как и средневековые *cursarii*, значение *разбоя, разбойника*. Дунайские славяне, вероятно, называвшие русских грабителей IX—X века *хусарями* (ходаками, полчанами), передали это слово грекам в то время, когда, при переносном уже значении (*chodes* у чехов; у нас *ходак*, мироед, волокита), оно еще сохраняло свой начальный этимологический смысл, вполне соответствующий греческому «дромитос». С прекращением разбойничьих набегов на Царьград (Святослав вел уже регулярную войну с греками) название руси *хусарями-дромитами* вышло из употребления.

XVII. 'ΡΩΣ У СИМЕОНА ЛОГОФЕТА

Любопытное известие о происхождении русского имени от некоего храброго Роса сохранилось у *Симеона Логофета*. До сих пор, сколько мне известно, один *г. Куник* занялся у нас исследованием этого известия *Логофета*; но при желании подвести его под сказание летописи о призвании Рюрика, едва ли не затемнил еще более смысл его. Не входя в подробности его предположений, я только замечу, что предание, носящее тройной характер таинственности, отдаленности и чудесного, не может быть отнесено к историческому, почти современному событию: «Русы, они же и дромиты, прозвались своим именем от некоего храброго *Роса*, после того как им удалось спастись от ига народа, овладевшего ими и угнетавшего их по воле или предопределению богов». Кто был народ-притеснитель, кто избавитель *Рос*, к какому времени относится это таинственное предание, определить нет возможности; только, без сомнения, не к *Рюрику* и *Олегу*. Быть может, к аварскому игу? Или древнейшему, нам вовсе неизвестному событию?

Сказание о Лехе, Русе и Чехе, как прародителях трех славянских народов, записано у Богухвала (1250). Густинская летопись упоминает о Русе, сыне Лехове. Наши сказки знают о Словене и Русе. Добровский, Добнер, Шлецер, Карамзин и другие доказывали позднейшее изобретение этих басней; они принадлежат к исторической школе, не понимавшей цены и значения преданий. И Погодин упрекал меня в том, что позднейшие нелепые предания я принимаю в соображение, а древнейшее, ясное, прямое (предание о небывалой варяжской руси) я опровергаю. Мне кажется, я опровергаю это ясное и прямое предание не одними басня-

ми. Что же до самих басен, на чем основано мнение Погодина и других о их составлении в позднейшее время? Нестор производит радимичей и вятичей от двух братьев, Радима и Вятка; кралодворская рукопись и Козьма Пращский знают Чеха прародителем чешского племени; это не позднейшие, это наидревнейшие сказания славян, сказания, равные по историческому значению греческому об Эллине, сыне Девкалиона и Пирры, римскому о Ромуле, германскому о Туиско. Уже одной этой аналогии было бы достаточно, чтобы укрепить свое место в русской истории за этим баснословным Русом, прародителем русского племени. Что же, когда дошедшее до нас в источнике XIII столетия предание оказывается буквальным почти повторением предания, занесенного к грекам при Олеге, а, быть может, и при Аскольде! Норманисты и даже Шафарик напрасно восстают против того, что они находят и что может действительно быть нелепого в сказании о Русе; Перуну и Волосу, насколько мне известно, не поклоняется ныне никто из ревнителей славянства в русской истории; тем не менее, как существование, так и давность их в славянском язычестве определяются показаниями летописи и Вацерада. Дело, стало быть, не в том был ли действительно какой-то Рус прародителем русского племени, а в том, что любознательному византийцу, допрошавшему русина IX—X веков о происхождении его народа и народного имени, этот киевский русин не сказал (по общепринятому со времен Шлецера мнению), что народ 'Ρως, нападавший на греков в 865—907 годах, получил свое имя от поработивших его за три или за сорок лет до того шведских родсов; а производил русь и имя Руси от туземного, славянского Руса, любимца богов, не завоевателя, а избавителя в доисторическую, баснословную эпоху русского племени от чужеземного ига.

ХVIII. ВЕРТИНСКИЕ ЛЕТОПИСИ

До водворения в Киеве варяга Олега южная Русь состояла под властью хаганов, по всей вероятности, наместников великого Хагана Хазарии. Это положение утверждается на следующих свидетельствах:

а) Помещенное в Вертинских летописях под 839 г. извлечение из письма греческого императора Феофила к Людовику Благочестивому.

б) Ответ Людовика II на письмо, в котором Василий Македонянин упрекал его в присвоении себе не следующего ему титула римского императора. Письмо Василия до нас не дошло; ответ Людовика напечатан у Барония. Отстаивая свои права на титул римского императора, Людовик возражает по пунктам (впрочем по большей части ошибочно) на присланную ему от Василия роспись императорским, королевским, княжеским и иным, греческой канцелярией утвержденным титулам. Отсюда видно, что, по мнению Василия, *хаганский* титул следовал князьям аваров, газанов (хазар?) и того народа, который в письме Людовика назван нортманнами, но который, конечно, был обозначен иначе в письме греческого императора. Дело идет о руси, это несомненно; но под каким именем? Круг и г. Куник полагают, что под именем 'Ρῶς; но имя 'Ρῶς для норманнов в Германии неизвестно; канцелярия Людовика не угадала бы их под непонятным для нее псевдонимом. В письме Василия стояло то имя, которым император Лев (886—912) отличал русь своего времени, т.е. скифских бореев. Где греческий император думает о своих русских северянах, Людовик полагает, что речь идет о северянах германских, действительно не титуловавших своих конунгов хаганами. Ошибиться было тем легче,

что у скандинавских и германских грамотеев средних веков Скандинавия не редко именуется Скифией.

с) Положительное свидетельство арабского писателя Ибн-Даста (903—913 г.) «Русь имеет царя, который зовется хакан-русь».

d) Похвальное слово митрополита Илариона В.К.Владимиру:

1. «О законе Моисеомъ... и похвала *кагану* нашему Владимиру, отъ него же крещени быхомъ»;

2. «Похвал имъ же и мы, по силе нашей, малыми похвалами великая и дивная сътворшаго нашего учителя и наставника, великаго *кагана* нашеа земля, Владимера»;

3. «Сей славный отъ славныхъ рождься, благородный отъ благородныхъ, *каганъ* нашъ Владимиръ»;

4. «Съвлечежеса убо *каганъ* нашъ и, съ ризами ветхаго человека, сложи тленныя, оттрясе прахъ неверьствия»;

5. «Паче же помолися о сынъ твоємъ, благоверномъ *кагане* нашемъ Георгии, въ мире и въ сдравии пучину житиа преплуту»;

6. «Азь милостпо... Бога мнихъ и прозвитеръ Иларюнь, изволишемъ Его, отъ богочестивыхъ епископъ священь быхъ и настолованъ въ... граде Кыеве, яко ми быти въ немъ митрополиту, пастуху же и учителю. Быша же си въ лето 1051 владычествующу благоверному *кагану* Ярославу сыну Владимиру».

е) «Слово о полку Игореве»: «Рекъ Боянь, и ходы на Святъславля песнотворца стараго времени Ярославля Ольгава *коганя* хоти».

С этими свидетельствами согласен и смысл летописи, упоминающей о хазарской дани в 859 году: «Въ льто 6367. Имаху дань варязи изъ заморья на чюди и на словънехъ, на мери и на всехъ кривичехъ; а *козари* имаху на полянехъ, и на съверехъ, и на вятичехъ, имаху по беле и веверице отъ дыма».

Ни одно из начальных явлений нашей древней истории не утверждено на доказательствах более положительных, официальных, не зависящих друг от друга. Русский хаганат в 839—871 годах вернее призвания варягов, договоров Олега, Игоря, Святослава, летописи Нестора. Между тем, норманнская школа, допуская (разумеется, при своих объяснениях) приведенные нами свидетельства, отвергает одно, а именно, показание Вертинских летописей. Дело понятное. Существование в 839 году народа Rhos под управлением хаганов уничтожает систему скандинавского происхождения руси; шведы хаганов не знали.

Струбе и Шлецер отыскивали в хагане Вертинских летописей скандинавское личное *Насон-Наquinus* (у Струбе), *Накан* — *Гокан* (у Шлецера). Круг и г. Куник доказали до очевидности, что выражение *Chasanus vocabulo* не имеет отнюдь исключительного значения личного имени, но точно также означает титул или звание; тем не менее и опять-таки на основании Пруденциева выражения «*Chasanus vocabulo*» г. Брун выводит снова на сцену небывалого шведского королька *Hâkon'a*, будто бы отправившего небывалых шведских Россов послами к императору Феофилу в 839 году. Мне кажется, вопрос этот поставлен не так, как следует. Ни из вероятных слов греческого письма, ни из их латинского перевода у Пруденция «*Chasanus vocabulo*» нельзя угадать наверно, шло ли дело о титуле или о личном имени; да, признаться, и не стоит угадывать. Суть вопроса в том, какое русское слово или какое шведское имя легло в основание грецизированной, в письме Феофила, форме «Хаканос»? Я считаю таковым тюркское *хакан* и утверждаю свое мнение (независимо от исторической оценки известия Вертинских летописей) на целом ряде положительных свидетельств о хаганском титуле первых русских правителей. Г. Брун указывает на личное скандинавское *Hâkon*. Но против этого толкования (еще покуда с одной лингвистической точки зре-

ния) говорит, что в шведском языке нет слов, начинающихся на *ch*; мягкому же германскому *h* может отвечать только греческий *spiritus asper*, но отнюдь не *χ*. Заметим еще, что в предположении г. Бруна, Пруденций именно думал о скандинавском личном *Hakon*; но мог ли он, если угадал скандинавское *Hakon* под греческим искажением *χакάνος*, оставить это искажение неисправленным в своем переводе?

Круг, которому не посчастливилось найти те «другие древненемецкие формы имени *Hakon*, к которым подходит форма «*Chacanus*», искал объяснения месту Вертинских летописей, на ином пути. Хаганский титул, думает он, не был *туземным* титулом правителя народа *Rhos* в 839 году; этим титулом обзывает его *от себя* император Феофил, имея в виду сравнивать князя *Rhos* по чину с правителями аваров и хазар, соседствовавших руси (какой руси? уж не шведской ли в 839 году?) народов. То же самое делает в 871 году император Василий; он тоже прилагает *от себя* титул хагана княжившему в то время в Киеве норманну Аскольду. Из приведенных выше пяти свидетельств об управлении южной доваряжской Руси хаганами, Кругу были известны только два первых; он не знал ни Ибн-Даста, ни Похвального слова митрополита Илариона, ни «Слова о полку Игореве»; не знал, стало быть, что восточные и русские документы подтверждают исторический факт, засвидетельствованный греческими и латинскими. Но и при отсутствии этих, поистине неопровержимых пояснительных текстов, непонятно, как он мог увлечься системой до той нелогичной догадки, будто бы Феофил приложил *от себя* хаганский титул князю неизвестного ему народа шведов, жившего не в соседстве аваров и хозар (следовательно, не имевшего ничего общего с ними), а где-то на дальнем, в Греции неизвестном севере. Или Феофил не мог просто писать: «*Quos rex illorum, ad nos, amicitiae sicut asserunt, causa direxit?*» Своим «*Chacanus vocabulo*» он обманывал без нужды франкского

императора. Если есть что исторически и логически верное, это то, что греческий император приложил правителю народа Rhos титул хагана, потому что слышал этот титул от русских послов. Но если в 839 году владыки Руси титуловались хаганами, то должно принять, что ни они, ни народ Rhos не были скандинавами, так как шведы хаганов не знали, мнимые же норманнские варяги-русь водворились у восточных славян не прежде 862 года.

Автору призвания родсов предстояла неблагоприятная обязанность согласовать мнение Круга с разрушающими его окончательно русскими свидетельствами о доваряжском хаганате в южной Руси. Он не изменил и не мог изменить системы своего предшественника. И у него титуляция хаганом русского князя в 839 году идет от греков. Сознывая на основании русских источников, что славяне перенесли на Аскольда и Рюриковичей почетный титул хаганов (Феофил *угадал*, стало быть, в 839 году тот титул, под которым русские правители будут известны в 864), он, однако же, не допускает официального подтверждения этого титула греческой канцелярией. Греки писали именно противное. Василий писал: «Владыкам (прелатам) аваров, газанов и северных скифов прилагается титул хаганов». Канцелярия Людовика, имевшая в виду опровергнуть (правдой или неправдой) каждое слово восточного императора, могла, разумеется, отыскать такие греческие тексты, в которых правители аваров и хазар (если только считать газанов хазарами) обзывались не хаганским, а другим каким-либо титулом; *наверное*, знала она, что конунги нортманнов (ибо она угадывала или *хотела* угадать нортманнов в Васильевых «борях скифских») хаганами не назывались. Да и что же становится в этом новом предположении г. Куника с хаганом 839 года? В этом году Феофил *изобрел* для шведской руси несуществующий у нее титул хаганов; а в 871, когда славяне действительно перенесли этот титул на родса Аскольда, Василий отказы-

вает в нем ему? Он не хочет оказать хаганам аваров, газанов и руси чести принадлежащего им хаганского титула, а Феофил прилагает его *от себя* и без всякой нужды князю незнакому ему даже по имени народа Rhos?

Покуда о хаганате 839 года было известно одно свидетельство Вертинских летописей, еще можно было допустить возможность сомнения в настоящем смысле Пруденциевых слов «Chasanus vocabulo». В теперешнем положении вопроса отвергать без малейшего повода прямую связь между показанием 839 года и четырьмя остальными, между свидетельствами греческими, восточными и туземными, значит идти наперекор всем законам исторической критики и оценки материалов.

Существование русского хаганата в IX веке (839—871 гг.) неопровержимый исторический факт, а вместе с ним и существование в соседстве хазар и аваров, совершенно чуждого скандинавскому началу народа Rhos.

Кроме верховного хагана были у аваров и хаганы второстепенные, титулуемые, однако ж, великими. У хазар, по свидетельству арабских писателей, при верховном или *великом хагане* был наместником или халифом *хакан-бех*; а под ним *кендер-хакан*. Таким второстепенным хаганом, быть может, наместником из туземных князей великого хагана Хазарии был, по всей вероятности, тот династ народа Rhos, о котором Вертинские летописи упоминают под 839 годом. В 864 году хаганом (наместником?) южной Руси является Аскольд; в Дире едва ли не придется признать русского князя-данника из рода Киева. Аскольд был венгр; а мы знаем по Константину Багрянородному, что в IX веке угры состояли к великому хагану Хазарии в полусоюзном, полуданничьем отношении. Беспристрастное изучение русской летописи привело г. Соловьева к той мысли, что само предание о том, что Аскольд и Дир были члены дружины Рюриковой, могло явиться вследствие желания дать Рюрикову роду право на Киев; о *завоевании* Аскольдом Киева не говорит и сама ле-

топись; а из списков, упоминающих о ратях его против болгар, полочан, печенегов, древлян и уличей, ни один не знает о войнах с хазарами или с теми из славянских племен, которые признавали хазарскую власть. Северяне, радимичи и вятичи платят хазарскую дань при Олеге и Святославе, как платили в 859 году. Подобные отношения к хазарам непонятны в норманне Аскольде, мнимом избавителе Киева от хазарского ига. На отношения далеко не враждебные южной Руси к угорскому племени намекают и известие летописи о том, как в 898 году (или еще ранее) угры, никем не тревожимые, стояли вежами под Киевом; и засвидетельствованное историей выселение вместе с ними в закарпатские земли многочисленной русской колонии, предков нынешних венгерских русинов. Память угро-хазарского державства на юге сохранилась в прозвании Киева венгерским именем Szombat (крепость). Это не по-славянски и не по-скандинавски.

С водворением в Киеве варяга-славянина Олега титул хагана исчезает для русских князей. В 871 году Василий называл Аскольда хаганом северных скифов; в 920—946 Константин и Роман титулуют Игоря *архонтом* Руси, как сербских, хорватских, моравских князей — архонтами Сербии, Хрватии, Моравии. В договорах Олег и Игорь названы великими князьями русскими.

Но в памяти русских людей некогда знаменитый и поэзией прославленный титул хагана (отсюда и слово *коган* в «Сл. о п. Игоре») живет еще долго по заменении его княжеским. Митрополит Иларион (русин) воскрешает для Владимира и Ярослава поэтическую формулу древнейших времен; и в наше время народ и поэзия величают русских императоров царским титулом.

Я обращаюсь ко второй половине вопроса, возбужденного известием Вертинских летописей.

Из всех исследователей, трудившихся в течение с лишком столетия над объяснением Пруденциевых слов, один только Шлецер понял, что свеоны его назвались русами-Rhos отнюдь не в Германии, а в Константинополе и только в Константинополе. Эверс полагает, что эти шведы выдали себя за Rhos в *Ингельгейме*, а в Константинополе явились под своим настоящим именем шведов. Ошибочность этих толкований, придуманных под влиянием полного убеждения в существовании генетической шведской руси или, по крайней мере, в неславянском происхождении русского имени, объясняется основанным на этом убеждении вековым невниманием к фразеологии Вертинских летописей. Беспристрастный исследователь видит с первого взгляда, что Пруденций вносит в свою летопись не столько рассказ о содержании письма Феофила к Людовиду, сколько собственный, переводный текст этого письма.

Видно совершенно ясно, что при начале рассказа, т. е. от слов «qui se» до слова «direxerat» включительно, Пруденций говорит не *от себя*, а от имени греческого императора, *его собственными словами*. В этом первом периоде летописец употребляет весьма обыкновенную (преимущественно Тацитовскую) фразеологию, посредством которой передается в сокращенном виде сам текст письма или речи действующего лица. Этим объяснением, утвержденным на положительном грамматическом правиле, устраняются предположения Эверса, Круга и других, будто бы шведы назвали себя русью и в *Ингельгейме*; из слов Вертинских летописей видно только, что именем Rhos они назвались в *Константинополе*. Замечание г. Куника, будто бы пояснительные слова «id est gentem suam» принадлежат собственно Пруденцию, основано на том же не вполне верном уразумении синтаксических форм его речи. Я повторяю: весь начальный период, от слов «qui se» до слова «direxerat», буквально перенесен

в летопись из бывшего в руках у Пруденция письма греческого императора.

К одинаковому заключению приводит и грамматическое исследование формы того имени, под которым свеоны Вертинских летописей значатся в письме Феофила. Я заметил в другом месте, что какова бы ни была скандинавская форма мнимого русского имени шведов, этой форме нельзя было проявиться под несклоняемым греческим Ῥῶς, явно передающим несклоняемое, или точнее, рудиментарно склоняемое славянское *русь*. В Ингельгейме еще менее, чем в Константинополе. Если бы слова летописи «qui se, id est gentem suam Rhos vocari dicebant» относились к шведам в Германии, если бы эти шведы назвались своим шведским Rodhsar у франков, Пруденций передал бы это имя не под непонятным для него Rhos, а под германо-латинской формой Rodsi, Rossi, Russi. В ушах Пруденция, для которого шведский язык разнился от франкского только в мере наречия, греческое Ῥῶς — Rodhs, передающее не множественное Rodhsar, а единственное Rodhs, звучало бы как единственные Danus, Northmannus. Если бы под собирательной русской формой *свеа* в словах летописи: «Придоша *свеа* подъ Ладугу», франкский летописец угадал шведов, он, конечно, перевел бы «venerunt Sueones», а не «venerunt Svea».

Наконец, о невозможности допустить это неслыханное в Швеции и Германии имя Ῥῶς — Rhos для шведов свидетельствуют и подозрения, которым подверглись эти шведы при дворе франкского императора. Для каждого непредубежденного судьи причина подозрений Людовика понятна с первого взгляда. Люди, о которых Феофил пишет с их собственных слов, что они принадлежат к какому-то народу Rhos, состоящему под управлением хаганов, оказались шведами. Этого мало. Они уверили Феофила, что им из Ингельгейма легко вернуться на родину, т. е. с берегов Рейна в землю этого неслыханного азиатского племени Rhos. Под влияни-

ем этих более чем странных показаний франкский император принимает их за норманнских лазутчиков. Этого простого, непринужденного, единственно возможного толкования Пруденциевых слов норманнская школа допустить не может, не отказавшись от своих основных положений. Шлецер пишет с видимой неохотой: «Неизвестно, почему сочли их (свеонов) теперь здесь за шпионов; может быть, потому, что у них были два по наружности различные названия». По Шлецеру, вследствие принятой им системы финно-скандинавского происхождения руси, эти шведы назвались в Константинополе тем именем Ruotsi, которым их обзывали чюдские племена. Принять ли, что и в Ингельгейме они явились под своим чюдским названием? На это не достало духа и у самого Шлецера. Но если в Ингельгейме они назвались настоящим своим именем шведов, то почему же не назвались они этим именем и в Константинополе? Круг понимает не менее Шлецера, что неслыханное для шведов имя Rhos должно было поразить своей дикостью западного императора; но указать на это имя, как на прямую причину подозрений Людовика, он не смеет; греческое посольство разъяснило бы тотчас, что этим именем Ῥῶς (красные) называли себя не сами шведы, а были так прозваны греками; ибо такова, как известно, придуманная Кругом система происхождения русского имени. Что же побудило Людовика признать шпионов в этих свеонах-Rhos? То, думает Круг, что живущие на дальнем севере шведы отправили посольство в Константинополь!

Еще более затруднений представляет этот вопрос для тех исследователей, которые подобно Погодину и г. Кунику считают имя Руси туземным шведским. Они принуждены допустить, что имя Rhos для шведов не могло возбудить никаких подозрений при франкском дворе, так как тождественность обоих имен (шведов и Rhos) была совершенно известна или, по крайней мере, без затруднения объяс-

нима в Германии. В самом деле, для франков Швеция была не terra incognita; миссия Ангария в Швецию относится к 829—831 годам; норманнские посольства являлись часто при франкском дворе; еще до Ангария в 823 году Людовик посылал своих графов Теотария и Родтмунда в Скандинавию для точного исследования этого края; они донесли императору все, что могли узнать об этих землях. И Круг и г. Куник приводят всевозможные свидетельства о тесном знакомстве франков со Швецией 839 года: «Как же легко было Людовику, — говорит г. Куник, — получить совершенно верные сведения о народности этих Rhos!». Но не по одному же бессмысленному произволу решился он задержать их у себя? Отыскивая причину недоверчивости франкского двора, г. Куник останавливается преимущественно на показанной шведами цели их посольства в Константинополь — amicitiae causa. Здесь я позволю себе заметить, что, если причиной подозрений Людовика не считать двуименности этих свеонов-Rhos, останется допустить, что в своей длинной об этом деле реляции (бывшей, как видно из письма Гинкмара, в руках самого императора) Пруденций не сказал ни слова о том положительном факте, который является исходной точкой действий Людовика. Но это, как сейчас увидим, логически невысказано.

Ведение государственных летописей (Reichsannalen) при Каролингах было делом не частной инициативы, а официальной обязанностью тех лиц из духовного звания, на которых оно возлагалось. Этим, приближенным к императору лицам (реймский архиепископ Гинкмар был значительнейшим государственным мужем времен Карла Лысого) предоставлялись все, до их должности касавшиеся официальные документы; собранию таких положил начало сам Карл Великий, внесший в особую книгу всю свою переписку с папским двором. Как письмо Феофила, так и копию с ответа Людовика Пруденций имел, следовательно, в руках.

Но возможно ли предположить, чтобы в этом ответном послании к греческому императору не были изложены причины, побудившие Людовика к более чем немилостивому обращению с людьми, порученными его благосклонности? Людовик удержал этих Rhos у себя и, разумеется, в заточении. Такой образ действий требовал дипломатического объяснения, основанного на факте, коего значение было бы довольно важно, чтобы оправдать принятые франкским двором (вопреки народному праву и посольскому званию свеонов-Rhos) строгие меры предосторожности. Этот факт нам хорошо известен; люди, которые в Константинополе назвали себя Rhos, признаны в Ингельгейме свеонами, следовательно, обманщиками. На этом основании Людовику было не трудно убедить Феофила в законности своих действий; между тем, для полнейшего оправдания себя в глазах греческого императора (ибо и в IX веке учтивость соблюдалась в интернациональных отношениях дворов) он счел долгом прибавить, что в этих свеонах он подозревает лазутчиков, подсланных для разведки не только франкской, но и *византийской* империи; в случае же, если они будут признаны в самом деле виновными, он не возьмет решения их судьбы на себя, но возвратит их в Константинополь на суд императора. По всему видно, что это дело было не без важности, по крайней мере, в дипломатическом отношении. Теперь, если признать действительными те побудительные причины действий Людовика, на которые указывают Круг и г. Куник (но о которых не сказано ни слова в рассказе Пруденция), в каком свете представится нам, предназначенная преимущественно для франкского императора, реляция летописи? Окажется, что или Людовик в письме к Феофилу не счел нужным объяснить своему союзнику, на каком основании он заподозрил в шпионстве порученных его попечениям послов и повелел заточить их; или, что Пруденций выпустил из своей полуофициальной реляции объяснение, без кото-

рого поступок Людовика являет все признаки сумасбродства. И то и другое невероятно.

Шлецер писал: «Люди, называемые в Германии шведами, Sueones, в Константинополе называют себя Русами, Rhos. Вот главное положение выводимое нами из сего места». И я принимаю это положение, но только при следующей оговорке: «Люди, всегда и везде именующие себя шведами, называемые и в Германии шведами, Sueones, назвали себя в Константинополе, в апреле-мае месяце 839 года русами, Rhos. По прибытии их в Ингельгейм с посольством греческого императора, оказалось, что они не Rhos, а шведы, Sueones. Вследствие чего они, как обманщики и шпионы, были задержаны по приказанию Людовика».

Кто же, однако, были эти люди? Шведы, наверное; но почему под именем Rhos?

Посылать посольство в Константинополь ради дружбы, в самом же деле для получения подарков, было в обычае варварских, преимущественно тюркских народов того времени; о жадности к подаркам хазар, угров, руси свидетельствуют все греческие писатели. Что и вице-хаганы имели своих послов, знаем мы от Менандра. Киевскому династу легко могло прийти в голову отправить посольство в Константинополь; величие и богатство империи были известны во всей Черномории. Шведов он послал потому, что они состояли при нем дружинниками и были известны ему как люди опытные в бою и в совете; быть может, и потому только, что они сами вызвались на опасный подвиг. Что употреблять при посольствах иноземных гостей было в обычаях того времени, нам известно. В Царьграде шведы сказались русью, то есть представителями русской народности; иначе и быть не могло; и в настоящее время австрийские послы из чешских и итальянских магнатов объявляют об австрийской, не о чешской и итальянской народности. Узнав об отправлении греческого посольства в Германию, они вздума-

ли присоединиться к нему, потому ли, что действительно боялись возвратиться в Русь по прежней дороге, или потому что надеялись на получение новых подарков в Германии. Вернуться в Киев они могли как двинским, так и северным варяжским путем.

Быть может (и это вероятнее), они были и обманщики, как, например, мнимые послы от Ольги к Отгону. Выдать себя за послов от хагана Руси, получить греческие подарки и, обманув Феофила, обмануть и Людовика было совершенно в характере тех норманнов, которые по несколько раз принимали крещение для того только, чтобы приобрести новые одежды и подарки.

Людовику, как уже сказано выше, не могло не показаться подозрительным, что люди, принадлежащие к неслыханному на западе и, без сомнения, азиатскому народу Rhos (так как они сказались посланными от хагана Руси; хаганский же титул был хорошо известен у франков вследствие их сношений с аварами), что эти люди, говорю я, явились на берега Рейна, чтобы оттуда возвратиться по Германии к себе, на свою азиатскую родину. Император велит навести справки; узнать причину их прибытия в Германию, *adventus causam*; оказывается, что эти Rhos — шведы. На сделанный им запрос эти шведы (без сомнения, уже заранее приготовившиеся к ответу) объявляют, что на востоке, в соседстве и под властью хазар есть действительно народ русь, состоящий под управлением *царя, который зовется хакан-русь*»; что они, шведы, дружинники и гости хакана Руси отправлены им послами к греческому императору ради дружбы; что в Константинополе они должны были сказать себя, то есть народ, от которого были посланы, *русью*; что им удобнее возвратиться на Русь варяжским, нежели черноморским путем; наконец, что, если бы они были обманщики, то, конечно, бы не явились ко двору Людовика, где их тотчас же должны были признать шведами. Это объяснение было естественно

и правдоподобно; оставалось узнать, все ли действительно обстоит как они говорили. Но добиться на Рейне известий о Руси 839 года было делом времени и случая.

ХІХ. АХМЕД-ЭЛЬ-КАТИБ. — ЛИУДПРАНД

О присутствии в древнерусской истории скандинавского элемента говорят как наши летописи (варяжский путь, варяги-союзники *Олега, Игоря и Владимира*; договоры и пр.), так и скандинавские саги *Олафа Тригвасона, Эймунда* и т. д. О ранних сношениях скандинавов с востоком свидетельствуют открытые в Швеции, Норвегии, Дании многочисленные клады куфических монет; с Грецией, кроме саг и византийских историй, находимые в рунических (иногда дохристианских) надгробных надписях, прозвания *Girdski, Gerski, Gyrdskur*, которыми отличали себя норманны, ездившие в Константинополь и в Русь.

На Руси норманны слыли под общим именем варягов.

На востоке и в Греции они причислялись к руси и были называемы русь. Почему, мы скоро увидим. Существование самого факта неоспоримо; его научное значение в нашей истории определяется следующей, на положительных данных основанной оговоркой: *норманны действительно являются в иных известных случаях под именем руси, но у писателей тех только народов, или имевших дело с теми только народами, к которым они приходили через русь или вместе с русью.* Таковы были арабы и греки; таковы, между западными летописцами — *Пруденций* и *Лиудпранд*. У себя дома и у тех летописцев, которые знали их не по арабским или по византийским известиям, норманны никогда не именуются русью. Ясно, что этим наименованием они обязаны своим отношениям к славянской руси.

Недосмотр этого основного исторического явления произвел немало замешательства в вопросе о началах русского народа.

Первым связующим началом между норманнами и землей восточных славян были сношения (преимущественно торговые) с Востоком и Грецией. Что торговые сношения Руси с Востоком предшествовали скандинавской торговле, естественно; эти сношения восходят исторически до последних годов VII века, «хотя, — говорит *Савельев*, — вероятно, они существовали (впрочем в меньшем размере) и в шестом и в пятом столетии». Норманны стали принимать в них участие едва ли прежде VIII—IX века. Немногие из них, и сначала, вероятно, не часто, ходили сами в Итиль и в Болгар; основанная на взаимных выгодах торговля производилась преимущественно по передаче от норманнов славянам, от славян арабам и наоборот; о такой скандинавской торговле по передаче свидетельствует и *Иорнанд* в VI веке. Здравый смысл, указывающий на торговлю норманнов с Востоком, как на одну из ветвей древнейшей русской торговли, убеждает нас и в ее невозможности без предварительных дружеских сношений со славянскими племенами-посредниками. Не тремястами гривен, платимых варягам *мира дея*, не мнимым родством между русью и скандинавами объясняются их нередко приятные отношения к восточным славянам со второй половины IX века, а самой необходимостью мира, которым предоставлялось норманнам несравненно более выгод неверного по своим результатам нападения на славянские земли. Те из них, которые ходили сами в Болгар и Итиль, примыкали без сомнения к *русским* караванам, пользуясь, таким образом, русским знанием местностей и обычаев; в Итиле жили на *русском* подвории; слыли под именем *руси* и называли себя *русью*, так точно как немецкий купец, ездящий для торговли в Кяхту, должен называть себя и быть называем *русским* у китайцев.

У тех из арабских писателей, которым были известны племенные подразделения руси, норманны, приходившие в Болгар и Итиль с северными, словенскими караванами, причислялись к словенскому (новгородскому) племени. Так у Масуди: «Русы состоят из многих, различных народов. Один из них называется лодагия (ладожане) и есть многочисленнейший. Сии (ладожане) производят торговлю в Испанию, в Рим, Константинополь и Хозарию». Это известие относится не к одним новгородцам; под именем ладожан здесь должны быть сокрыты норманны.

Сношения норманнов с греками основаны на тех же началах. Они или участвуют в походах *руси* против греков в качестве наемников, или торгуют *с русью*, или вместе *с русью* вступают на службу к греческим императорам. Приходят они всегда *через русь* и до конца X века не иначе как *с русью*; живут на *русском* подворье у св. Мамы, вступают в *русское* отделение флота и т.д. Норманнов (хоть и не одних) узнаем мы в иноземцах *гостях*, о которых упоминается в договорах: «Да приходять русь, хлебное емлють, елико хотять, и иже придуть *гостье*, да емлють мясячину на 6 мясяць» и т. д.. Эти *гости* отличаются от руси не только оказанными руси перед ними явными преимуществами, но и *народностью*; *гость* противопоставляется *руси*; челядину *русскому*, т.е. принадлежащему *руси*, *гостиный*. По смыслу статьи «о работающихъ въ грецехъ руси», наследие русина передается в Русь «отъ взимающихъ куплю руси»; наследие иноземца «отъ различныхъ ходящихъ въ грекы». Без *русской* княжеской грамоты («аще ли безъ грамоты придуть» и т. д.) не допускался в Царьград никто из приходивших в Грецию *через Русь*; мы видим, что и в конце XV столетия новгородцы не позволяли литовским гостям торговать с немцами помимо себя: «А гостю твоему торговати съ немци *нашею братьею*». Греки не могли и не хотели обращать внимания на случай-

ности народных отличий между варварами-наемниками или купцами. Желаящие могли вступать в отделение фарганов или хазар, не будучи ни хазарами, ни фарганами.

Не забудем, что у норманнов, как и у прочих народов средних веков, было в обычае прилагать себе имя того народа, с которым они вели торговые или иные сношения. Русские купцы, торговавшие с Грецией, назывались *гречниками* и просто *греками*: «...Половци... шедше въ пороги начата пакостити *гречникомъ*». *Поляками* назывались чехи, торговавшие с Польшей; *рузариями* — регенсбургские купцы, ездившие в Русь для торговли. Норманны именовали своих гречников *греками* (Gerski, Gerskir); *Дальманн* полагает, что Gerski, Girski означает не грека, а русина (обитателя Гардарикии), и есть не что иное, как измененное Gardski от Gardhr, Gardhar. Если так, то встречаемое в рунических надписях Gerski (Gardski) оказывается туземным, скандинавским переводом того имени, которым норманны отличали себя и были отличаемы на Востоке и в Греции, т.е. имени русь. Под этим именем должно искать их у греков, до учреждения особого варангского корпуса в последние годы X века.

Совокупностью этих обстоятельств объясняется поразившее всех исследователей древнерусской истории, перенесение русского имени на норманнов; но, повторяю, это явление ограничивается теми источниками, которым они известны по своим отношениям с Востоком и Грецией при посредничестве Руси. Норманны, как особое германское племя, Скандинавия, как особая северная земля, неизвестны арабам и грекам. Понимая скандинавских пришельцев под общим именем руси (если и допустить, что они умели отличать один народ от другого), они следовали принятому искони обыкновению разуметь под одним каким-нибудь общим названием все варварские народности, состоявшие между собой в географической, или торговой, или иной связи.

Для греков все народы, жившие на север от Черного моря, были скифами; по сношениям южных славян с гуннами и аварами они причисляют их к аварам и гуннам: на Востоке и донныне все западноевропейские народы — франки. «Было время, — говорит Шлецер, — в которое слово *угры*, *унгары* употреблялось летописателями точно как слово *турки* и *гунны*; всякому, вновь пришедшему с Востока дикому народу, давали они это название, пока не узнавали его короче».

Этого-то обычного исторического явления не хотели понять, в жару своих полемических увлечений, те самые исследователи, которым кажется так естественно смешение волжских болгар со славянами у *Якута* и даже совершенное перенесение на болгар славянского имени.

Только при одинаковом перенесении русского имени на норманнов становятся понятны противоречия арабских писателей в их известиях о языческой руси. «Иные из руси, — говорит *Димешки*, — бреют себе бороду, другие красят ее желтою краскою». В последних мы угадываем норманнов. К норманнам, принимавшим участие в походе 968—969 годов руси на болгар, относится *отчасти* и приводимое у Ибн-Гаукала известие, что тотчас по разорении Итиля и Семендера они (руссы) пошли на Грецию и Испанию. На Грецию пошла славянская русь со *Святославом*; в Испанию отправилась большая часть норманнов, которых, собственно в своем войске, *Святослав*, кажется не терпел.

Итак, норманны являются под именем руси у арабских и византийских писателей, как: мадьяры под именем турков у тех же византийских писателей; болгары — под именем славян у *Якута*; мордва — под именем руси у *Ибн-Гаукала*; авары — под именем гуннов у греков; славяне — под именем аваров и гуннов; русь — под именем греков у *Адама Бременского*; а в настоящее время у европейских народов все кавказские племена под общим названием черкесов.

Теперь становится понятно, почему норманны, *никогда* не именующие себя русью в своих туземных исторических документах, неизвестные под этим именем и западным летописцам, знавшим их по прямым с ними сношениям, являются под именем руси у арабских писателей, а до водворения в Греции варангского имени и у греческих (или у их западных передатчиков), т. е. у писателей таких народов, которые знали норманнов не иначе, как по их сношениям со славянскую русью. Этот факт дает нам ключ к объяснению двух многоизвестных в истории варяжского вопроса, письменных иноземных свидетельств.

Ахмед-эль-Катиб

Египетский уроженец *Ахмед-эль-Катиб*, писавший свою «*Книгу земель*» в 889—891 годах, говорит: «На запад от города именуемого *Elg'esira* (*Algesiras*) есть город, именуемый *Ischibilija* (*Sevilla*), лежащий на большой реке, которая есть река Кордобы. В этот город ворвались в 229 году (844 по Р. Х.) *неверные* (*Mag'us*), именуемые русью, и грабили, и разбойничали, и топили, и жгли».

Мы узнаем из свидетельства христианских и арабских историков, что эти *неверные*, грабившие Севилью в 844 году, были никто иные, как скандинавы, норманны.

Отсюда норманнская школа заключает: норманны, грабившие Севилью в 844 году, именуются русью у *Ахмед-эль-Катиба*; следовательно, норманны и русь — один и тот же народ; имя руси есть племенное или общинное имя норманнов.

Прежде всего, откуда у *Ахмед-эль-Катиба* имя руси для норманнов 844 года?

Ахмед-эль-Катиб, говорят, вероятно, был лично в мухаммеданских землях Западной Африки; здесь он узнал имя руси для норманнов 844 года от арабов, которым оно было

сообщено шведами, взятыми в плен после неудачной осады Севильи и их поражения *Абдерраманом*.

Но не говорили же эти шведские пленники своего *русского* имени только тем арабам, которым было суждено передать его *Ахмед -эль-Катибу!* Под этим русским именем должны были узнать их и сражавшиеся с ними испанские мавры, и Рамировы астурийцы. Почему же современная ал-баильдская хроника и другие христианские летописи знают не русь, а одних только *норманнов*? Почему арабские летописцы, повествующие о нашествии 844 года, без сомнения, по современным источникам, знают не русь, а одних только *Mag'us*?

Если в 844 году шведы назвались русью в Испании, отчего не назвались они русью и прежде, и после 844 года, в Германии, в Англии, во Франции? Сначала *г. Куник* думал, что, исключительно занятые набегами на восточные земли, они не участвовали в походах норвежцев и датчан на западные; во второй части своей книги он берет это положение назад и не без основания; к собранным у него доказательствам можно прибавить свидетельство древней хроники у *Дюшена*: «*Dani Sueuique, quos Theotisti Norman. Aquilonares appellant, a Turoni S.Martini preci-bus fugati sunt, tempore Caroli Stulti. Hi per XL annos nunc Ligerim, nunc Sequanam invehebantur, urbes vastantes*». Но если так, то непонятно, каким образом имя руси, которым шведы отличают себя *постоянно и исключительно* в России, в Греции и на Востоке, является для них на Западе только раз и только у одного писателя в 844 году.

Ахмед-эль-Катиб, путешествовавший из одной страсти к науке по многим мухаммеданским землям, бывший, как полагают, и в Западной Африке, посетил, без сомнения, и приволжские мухаммеданские владения, о которых, должно быть, говорил в не дошедших до нас главах об Армении

и кавказских странах. Перед ним были, стало быть, две категории источников (западная и восточная) его сведений о норманнах вообще, о норманнах 844 года в особенности. На Западе или по известиям с Запада он узнал, что *Mag'us* (арабское *appellativum* норманнов) разорили Севилью в 844 году; на Востоке, что эти *Mag'us* приходят для торговли в Итиль и Болгар и слынут у его единоверцев под общим именем *русь*. В 889—891 годах это имя было уже известно арабам вследствие воинских предприятий *Аскольда* и *Олега*; мы знаем, что в них участвовали и норманны-варяги. *Ахмед-эль-Катиб* соединяет в одно полученные им из двух разных источников, сведения и разорителей Севильи называет «неверными, которых именуют русью».

У арабских писателей, как западных, так и восточных, норманны даже после крещения именуется постоянно и исключительно *Mag'us*. Это имя для скандинавов перешло едва ли не в особое, этнографическое название. О *Mag'us* 844 года знают из восточных писателей *Масуди* и *Абульфеды*. Но если русь-норманны, т.е. *Mag'us*, почему не именуется они *Mag'us* ни у *Масуди*, ни у *Абульфеды*, ни у *Ибн-Фоцлана*, ни у *Муккадези*, ни у кого из других арабских писателей? Ответ находим у *г.Куника*: арабы не прилагали имени *Mag'us* славянским народностям. Если же в известных случаях или по неведению, или по принятому обыкновенно, они и понимали под именем руси приходивших на восток вместе с русью отдельных норманнов, то все же знали, что русь славянский (или даже тюркский), но отнюдь не скандинавский народ.

Лиудпранд

Желая по возможности возвысить цену свидетельств *Лиудпранда* о тождестве руси и норманнов, *Круг* представляет его одним из ученейших мужей своего времени, све-

дущим в немецком, латинском и греческом языках. Скорее бы можно назвать его полуученым педантом, охотником до цитат из *Виргилия* и *Цицерона*, а пуще всего до классических и не классических словопроизводств. Лангобард по рождению, италианец по воспитанию и по образу мыслей, он мало заботится о точности своих этнографических показаний и в этом отношении далеко отстоит от писавшего слишком за сто лет до него *Эйнгарда*. В 949 году он был в Константинополе послом от короля *Беренгара*; в 968 от императора *Оттона II*. По убеждению эльвирского епископа *Ресемунда*, он написал в 958 году, во Франкфурте-на-Майне, историю под заглавием: *Liudprandi Ticinensis Ecclesiae Levitae rerum ab Europae Imperatoribus et regibus gestarum lib. VII*. Описание посольства 968 года помещено в боннском издании *Льва* Диакона.

Эверс доказывал, что *Лиудпранд* причислял к норманнам все народы, которые слыли у греков под названием северных, т.е. венгров, печенегов, русь и т.д.; Круг замечает справедливо, что он следовал не греческому, а франкскому словоупотреблению; но он, кажется, ошибается насчет значения норманнского имени у франков и *Лиудпранда*.

Говоря вообще, нет сомнения, что под именем норманнов германо-латинские писатели средних веков понимают обыкновенно или одних норвежцев, или только три скандинавских народа. Между тем есть случаи, в которых это имя прилагается и не одним скандинавам.

Уже *Дальман* заметил, что *Адам Бременский* зовет и шведов норманнами. Он не мог восставать против употребления франкскими летописцами слова *Nordmanni* в общем смысле скандинавов, когда сам именует нордманнами шведов и готов и притом указывает на это словоупотребление как на лучшее. Об общности норманнского имени для скандинавов у германских летописателей свидетельствует

и древнефранкская хроника у Дюшена: «Dani Suevique, quos Theotisci Norman, i. e. Aquilonares appellant».

В предположении Круга, выражение: «Ceterique trans Daniam populi» должно относиться к норвежцам. Но норвежцы, Nordmanni по преимуществу, понимаются сами собой под названием нордманнов. Так у Эйнгарда: «Dani et Sueones quos Nordmannos vocamus»; в приведенной выше древней хронике у Дюшена: «Dani Suevique quos Theotisci Norman, i. e. Aquilonares appellant». Не хотели же они сказать, что у германцев и франков норманнами называются датчане и шведы, за исключением норвежцев. Адаму Бременскому было известно для норвежцев, кроме племенного Nordmanni, и другое племенное Norwegi. Он сказал бы: «Dani vero et Sueones, nec non Norwegi», если бы словами «ceterique trans Daniam populi» он не означал и нескандинавские, за Данией живущие племена. Приступая к своему Libellus de situ Daniae, он говорит: «Non incongruum videtur, simul etiam de situ Daniae, vel reliquarum, quae trans Daniam sunt, regionum natura scribere». Под этими «остальными за Данией находящимися краями» он понимает, кроме Скандинавии, земли славян, эстов и финнов.

Он сравнивает употребление слова Nordmanni у франкских историков с употреблением слова Hyperborei у римских. Но известно, что у римлян и греков имя гипербореев не прилагалось никакой определенной народности, а поочередно всем, на отдаленном севере обитавшим народам. Что именно Адам Бременский разумел под выражением Hyperborei, видно из его слов: «Quamuis omnes Hyperborei hospitalitate sint insignes, praecipui sunt nostri Sueones» etc..

Как франкский летописец (Dani Suevique quos Theotisci Norman appellant) свидетельствует об исключительности норманнского имени для скандинавов у германских этнографов, так Адам Бременский о распространении норманн-

ского имени и на нескандинавские народности у *франкских* историков.

Разумелись ли при случае и поморские славяне под названием норманнов? Это следует уже из общности географических наименований *Transalbiani, Nordalbingi, Marcomanni, Nordliudi. Ordericus Vitalis* утверждает, что около половины XI века в земле лутичей было племя, поклонявшееся Водану, Тору и Фрее; что до XII столетия население бранденбургской марки состояло из смеси славян и саксов.

Из прямых свидетельств о приложении славянам норманнского имени я знаю только два. *Annal. Fuldens. ad ann. 889* повествуют: «*Advenientibus etiam ibidem (т. е. в Forchheim) undique nationum legatis Nortmannorum, scilicet ab aquilone Sclavanorum, pacifica optantes, quos rex audivit et sine mora absolvit*». В тех же *Annal. Fuldenses ad ann. 880* упоминается о епископе *Маркварде*, убитом в сражении против *норманнов*.

Уверять, после приведенных примеров, что под названием *нордманнов* *Лиудпранд* должен был непременно разуметь только три скандинавских народа, требование решительно невозможное. Он писал во *Франкфурте-на-Майне*, одном из центров тогдашней образованности; ему были хорошо известны те *Dani-Nortmanni*, которых он описывает разорителями *Кельна, Ахена, Триера*; он не мог полагать их между венгров, печенегов и хазар, ни считать киевского *Игоря* владыкой всех *норманнов* вообще. Ясно, что он говорит только о том народе, который назывался у греков *Ῥώς* (т. е. о киевской руси) и который он, *Лиудпранд*, причисляет к *норманнам*, как по северному его положению, так и по национальному свойству с теми племенами, которые у *франкских* историков обыкновенно слышат под названием северных, *Aquilonares, Nortmanni*. Всего решительнее

повлияли на этническую терминологию его известия о народе 'Ρῶς, которые ему сообщил его отчим, бывший в Константинополе послом от короля Гугона и очевидцем поражения Игоревой руси.

Отчим Лиудпранда присутствовал при казни русских пленников в Царьграде. Что в числе Игоревых войск были варяги и печенеги, более чем вероятно. Варяги-наемники, как отличные моряки, более других привычные к морским битвам, стояли, без сомнения, впереди русского флота; им первым пришлось испытать губительное действие греческого огня; из них, кто не был убит, непременно попался в плен. Этих пленников, если судить по словам Лиудпранда, было немного; большая часть из них принадлежала, вероятно, к норманнскому племени. Расспрашивал ли Гугонов посол этих людей? Может быть; во всяком случае, он узнавал и норманнов в числе привезенных в Константинополь пиратов; но вместе с тем узнавал для них и общее греческое наименование 'Ρῶς. Почему они так назывались у греков, он не разведывал, а сообщил своему зятю простое (и отчасти справедливое) известие, что морские разбойники, слывущие на Западе под именем норманнов, называются у греков 'Ρῶς.

Ему было тем легче допустить для руси название норманнов, в смысле Aquilonares, что в Италии все северные народности разумелись под общим географическим Septemtrionales, как напр., в булле папы Григория IV: «Ipsuraque filium nostrum iam dictum Anscharium et successores eius legatos in omnibus circumquaque gentibus Danorum, Sueonum, Nortwehorum, Farriae, Gronlandan, Halsingolandan, Islandan, Scrideuindum, Slauorum, nec non omnium Septentrionalium et Orientalium nationum, quocunqne modo nominatarum delegamus». В Греции он слышал для руси название *северных скифов*.

На это неправильное употребление Лиудпрандом норманнского имени и намекает, кажется, Адам Бременский в приведенных выше его словах о франкских историках. Адам знал славян народом северным, гипербореями; но не смешивал их с норманнами. Он знал и Русь, но русов скандинавами-норманнами не считал. Едва ли и само выражение «*Francorum historici*», вместо более обычного *scriptores*, не относится к Лиудпранду-историку: «*Ab hoc tempore Luitprandus diaconus Ticinensis aecclesiae hystoriam suam orditur*».

Как Адама Бременского, так и его современника, бельгийского монаха Сигберта, ученого и начитанного летописца жамблузского монастыря (1030—1112), поразило в истории Лиудпранда непонятное перенесение на русь норманнского имени и обратно. Этим опущением норманнского имени для руси, в выписке многоуважаемого им Лиудпранда Сигберт явно свидетельствует о степени удивления, какое возбудила в нем невероятная этнографическая ересь его заальпийского авторитета.

Не настолько осмотрительным и благоразумным оказался Диакон Иоанн, составитель венецианской хроники в конце X — начале XI столетия. О славянской руси Диакон Иоанн, вероятно, никогда не слышал; а от кремонского епископа, коего хроника быстро разошлась по всем городам северной Италии, он узнал, что под именем ‘Рѡс греки разумели норманнов. Вычитав в византийских источниках рассказ о походе этих ‘Рѡс в 865 году, он счел долгом заменить неслыханное в Италии имя руси издавна и хорошо известным на Западе, и Лиудпрандом с русским именем отождествленным, норманнским. Большого шума из-за этого мнимого «*наидрагоценнейшего*» известия делать не стоило, по крайней мере, не доказав предварительно, что оно взято из писанной скандинавскими рунами реляции Аскольда и Дира о походе на греков.

XX. ARGUMENTUM A SILENTIO

Против славянского происхождения руси обыкновенно замечают, что из предшествующих эпохе Рюрика армянских, византийских и арабских писателей ни один не знает о руси в ее славянских пределах; тогда как многие из них сообщают более или менее точные известия о населяющих восточную часть Европы народах финского, славянского и турецкого происхождения. За доказательствами отсылается к сочинениям Моисея Хоренского, Прокопия, Стефана Византийского и ал-Фергани.

Моисей Хоренский (370—489) действительно упоминает о славянах, но только о славянах греческих, придунайских. «Фракия, — говорит он, — разделена на пять малых округов и один большой, в котором обитают семь славянских племен». Требовать на основании этих данных подробных известий о русском племени довольно странно. И почему же не о чешском, хорутанском, моравском?

Прокопий знает о славянах и антах к северу от Черного и Азовского морей. От Прокопия до Фотия византийские известия о славянах не касаются более восточных земель; они относятся исключительно к славянам, населявшим Молдавию, Валахию, Трансильванию и южную Венгрию и занявшим впоследствии древнюю Мизию, Фракию, Македонию, Албанию, Фессалию, Элладу и берега Адриатики. Имя антов держится в греческой литературе еще в продолжение осьмидесяти годов; мы встречаем или угадываем его под искажениями позднейших списывателей, у Агафия (590 г.), Менандра (594 г.), Маврикия (582—602 гг.) и Феофилакта (629 г.). Пасхальная хроника и Павел Диакон не упоминают об антах как о современном народе; первая приводит название ан-

тийского в титуле Юстиниана; второй повествует о покорении лангобардами земли Anthaib в 370 г.; Феофан списывает Феофилакта. Разбирая свидетельства этих писателей, мы узнаем, что за исключением Прокопия анты им мало известны в своих жилищах на севере от Черного моря; они знают преимущественно передовые отряды восточных славян на левом берегу Дуная. С 629 по 865 год, т. е. в течение 236 лет нет и помину о славянах или антах в пределах европейской России; там великая Скуфь, там народы финно-уральского происхождения. Патриарх Никифор (806—826) знает болгар и котрагов на Доне; хазар выходцами из Берзилии (Барзелх), страны прикаспийской; кого он понимает под именем сарматов, неизвестно; славянами он зовет исключительно болгарских и македонских. Где же, при совершенном неведении греков о словено-русском севере, возможность русского имени в византийских источниках до половины IX века? И как можно сослаться на Стефана Византийского, которому неизвестно и самое имя славян?

Еще страннее требовать известий о руси от арабских писателей, предшествовавших эпохе Рюрика. Мирные сношения арабов с хазарами, от которых впоследствии они получают сведения о северо-восточной Европе, начались не прежде 868 года, то есть после введения исламизма в Хазарию; ни один из них не знает о славянах, как о хазарских данниках, еще в 862 и 885 годах. До второй половины IX века арабские известия об этнографии восточных европейских земель заняты ими от греков, не имевших понятия о славянах в пределах нынешней России. По случаю помина о славянах у ал-Фергани Френ не обратил внимания на то, что ал-Фергани говорит исключительно о славянах дунайских и адриатических, тогда как позднейшие арабские географы упоминают именно о славянах русских, восточных.

Что речь у ал-Фергани идет не о волжских, а о дунайских болгарях, не о днепровских, а об иллирийских славянах, едва ли требует объяснения. Болгария приводится после Константинополя как страна, прилежащая к западному океану; вместе с ней, но еще далее к западу, упоминается о славянах. Здесь нет места руси. По мнению Френа, ал-Фергани выписывал греческие источники; они поведали ему о руси не более как о печенегах, уграх и т. д.

Народы варварские становятся известны под своим именем не иначе, как по вступлении на поприще самобытной исторической деятельности или по поводу особых, частных сношений с народами образованного мира; до той поры имена их сокрыты под общими географическими названиями или под переводными, или под теми, которыми их обзывают соседние племена и т.д.; все это давно уже высказано и доказано Шафариком, Лелевелем и другими исследователями. Ограничиваясь историей народных имен у славян, мы видим, что и родовое славянское имя является в греческих и латинских источниках только вследствие вторжения славян в пределы Римской империи; из славянских народов (за исключением, быть может, сербов, о которых случайно упоминают Плиний и Птолемей) ни один не известен под своим именем до IX столетия, а иные, напр., чехи и ляхи до X и XI. Вследствие каких же сношений и особых исторических переворотов надлежало изо всех славянских народов именно *только русскому* достигнуть ранней исторической известности? Потому ли, что восточные славянские племена более других жили в уединении от образованного исторического мира? Здравый рассудок говорит, что русское имя получало право гражданства в европейской истории не прежде основания самобытной варяго-русской державы, не прежде столкновения руси с Византией во второй половине IX века.

Но из того, что (до срока определенного ходом политического развития руси) мы не вправе требовать известий о ней от писателей таких народов, которые не могли, да и не хотели знать о ее существовании, еще не следует, чтобы случайный помин о народе или об имени русь в дорюриковскую эпоху не мог дойти до нас какими-нибудь косвенными путями. Правда, сделанные до сих пор на этом основании попытки, оказались неудачными; Езехиилево Ῥώς, русы Клавдия Мамертина, мнимая русь Моисея Хоренского и Иосифа бен Гориона — исторические призраки и не более; тем многозначительнее, по-моему, два, все известные, но с точки зрения славянской системы еще мало оцененные свидетельства о древнейшем существовании славянской руси и русского имени.

О первом из этих свидетельств я уже сказал, что мог сказать, в главе XVIII; это известие Вертинских летописей. Пусть продолжает норманнская школа приводить это известие в доказательство своих мечтательных мнений; пусть основывает она свои убеждения в тождестве руси и шведов на том обстоятельстве, что порученные благосклонности Людовика шведы приговорены им к заточению как обманщики и шпионы, *единственно* потому, что они присвоили себе *не принадлежащее* им имя руси в Константинополе; пусть возвращается эта школа, спасения ради, к торжественно забракованному Кругом и г. Куником превращению азиатского хакана в шведского Гакона; для меня драгоценные слова Пруденция останутся верным свидетельством, как существования задолго до Рюрика южной славянской Руси, под управлением хаганов; так и коренного отличия русской от шведской народности; останутся, по крайней мере, до тех пор, пока не будет логически доказано, что итальянцу стоит выдать себя за китайца и быть посаженным в тюрьму за этот обман, чтобы тем са-

мым укрепить итальянское происхождение за уроженцами небесной империи.

Другое свидетельство сохранилось в сказании Жития св. Кирилла о найденных им в Херсоне русских письменах. В этом древнеболгарском житии, писанном, по мнению Шафарика, одним из учеников наших первоучителей, свидетелем деяний и предприятий св. Константина, имевшим даже под рукой записки его, читаем по поводу его путешествия в Хазарскую землю:

«Абие же поути се кть, и Херьсона дошедь... и обрет же тоу еваггелие и псалтирь роушькыми писмены писано, и человека обреть глаголюща тою беседою, и беседовавь съ нимь, и силоу речи прпемь, своей беседе прикладае различии писмень, гласнаа и съгласнаа, и къ Богу молитвою дръже, и въскоре начеть чисти и сказовати».

По Ассемани и Добровскому, Шафарик относит путешествие Кирилла к хазарам к 840 году; другие принимают 858 год; во всяком случае, оно предшествовало водворению Рюрика в Новгороде. Теперь, что такое эти *русские письмена*; что такое этот человек, говоривший русской беседой?

Шафарик думает, что «слово *русский* употреблено здесь еще в том значении, в каком оно слышалось около 857 года (зачем именно около 857-го?) и относится не к славяно-русам, а к варягам-руси в Таврии, преемникам готского богослужения. Здесь *русские письмена* суть письмена *готские*». Об этой новой, дорюриковской, таврической, готской, да еще вдобавок и христианской варяжской руси он не дает объяснения; к утвержденным на внутренних и палеографических приметах возражениям г. Бодянского я имею прибавить следующее: если Кирилл мог беседовать с херсонским русином (мнимым готом) без предварительного изучения его языка («и человека обреть глаголюща тою беседою, и

беседовавъ съ нимъ, и силоу речи премь»), значит, он уже знал по-готски до путешествия к хазарам; а тогда знал и перевод св. писания Вулфилы; следовательно, ему готскому чтению учиться не приходилось. Что речь идет о славянском, Кириллу знакомом наречии, видно из собственных слов его биографа. Готовясь к богословским прениям с хазарами, Кирилл «Херьсона дошьдь, *наоучи се тоу* жидовской беседе и книгаь, осьмь чести преложь грамматиие, и оть *того разоумь въспреемь*». И тут же о самарянских книгах: «И оть Бога *разоумь преемь* чисти начеть книги бес порока». Здесь явно *изучение незнакомого, неразумного языка*; срвн. в еврейско-русском словаре 1282 года «речь жидовскаго языка, предложена на роускою, *неразумно на разоумь*». О русской беседе не говорится в Житии «*разоумь преемь*», а «*силоу речи преемь*», выражение, которым и в наше время можно означить усвоение себе одного из наречий уже знакомого языка. При известной речи письменна *неизвестные*; отсюда выражение Жития «*своей беседе прикладае различни письмене, гласнаа и съгласнаа, и въскоре начеть чисти и сказовати*». Объясняться с русином Кирилл мог без труда и при первой встрече; читать его книги он мог не иначе, как приложив к своей болгарской беседе различие русских письмен от бывших в употреблении у крещеных болгар, то есть греческих.

Под влиянием той же норманнской системы, налагающей свое veto на уяснение какого бы то ни было памятника древнерусской или до Древней Руси относящейся славянской письменности, ученый и многоуважаемый автор монографии «О времени происхождения славянских письмен» вынужден объявить место Жития о русских письменнах вставкой или подлогом. Он приводит, с одной стороны, для примера, перенесенный из Жития в псковскую Палею XV века и там разукрашенный сказ о том, что грамота

русская «никимъ же явлена, но токмо самемъ Богомъ вседержителемъ» и далее: «Явилася Богомъ дана въ Корсоуне роусиноу, отъ него же наоучися философъ Костянтинъ, и отоуду сложивъ и написалъ книги Роускымъ гласомъ»; с другой, объясняет, что принадлежи место о русских письменах составителю самого Жития, он сам бы себе противоречил, представляя вскоре затем (то есть за повествованием о пребывании в Херсоне) рассказ о посольстве Ростислава в Царьград и тут же об изобретении славянской азбуки уже до того, по собственным же его словам, отысканной Константином в козарех.

Место о русских письменах находится во всех известных списках Жития св. Кирилла, представляющих противни с древнеболгарского подлинника. Из этих списков только два: Московский и Львовский II — русского происхождения. Списки: Рыльского болгарского монастыря (по которому напечатано Житие) и Львовский I, Сербского извода; северо-угорский и Ватиканский XVI—XVII столетия не определены; но, вероятно, также составлены не под русским влиянием. Откуда же во всех вставка, явно обличающая *русское* происхождение? Неужели исчезли все списки, прямо восходящие к первоначальному древнеболгарскому Житию; уцелели только передающие искаженный русской вставкой оригинал? Не принадлежит же вставка эта болгарским или сербским переписчикам; те скорее бы выпустили из подлинника, нежели приняли в свои списки место Жития, по-видимому, утверждающее за русским письмом его первенство над славянским.

Главной причиной позднейшей вставки о русских письменах г. Бодянский считает желание объяснить, откуда в Кирилле знание языка славянского, который здесь разумеется под именем русского, тем более, что на Константина и

брата его по большей части смотрели, как не на славян. Но мнимая вставка объясняет только, что Константин знал по-славянски (ибо беседует с русином без предварительного изучения его языка), а не откуда знал. Да и к чему же было прибегать к изобретению этих русских письмен, этого Евангелия и Псалтыря, писанных русскими буквами, когда для достижения предполагаемой цели было совершенно достаточно одной беседы Константина с русином? Всего же легче и проще было отнести знание в Кирилле славянского языка к его рождению в полуславянской Селуни, обстоятельству, которое могло быть забыто другими, но не сочинителем вставки, имевшим под рукой второй § Жития.

Другой, косвенной целью подлога считается патриотическая ревность к прославлению русской народности. Это мнение основано на той неверной мысли, что слова Жития о русских письменах будто бы предполагают заимствование Константином своих письмен от русина; и Шафарик и г. Бодянский отвечают здесь не мысли самого подлинника, а каким-то, из его слов выводимым произвольным заключением. Если бы мнимый автор подлога имел целью произвести кириллицу от древнейших русских письмен, он сделал бы, по примеру Палеи, новую вставку в том месте, где говорится об изобретении славянских письмен Константином по возвращении из хазарских земель; но сказание об изобретении осталось нетронутым. Константину открывает славянскую грамоту сам Бог вследствие молитвы; о русских письменах нет и помину. Вся эта история эпизодический факт и не более; такой же эпизодический факт, как история о самарянских книгах. Биограф св. Кирилла вносит и ту и другую в свое Житие, во-первых, потому что, он знал о них, или как очевидец, или, что вероятнее, по запискам самого Константина; во-вторых, потому, что и та, и другая равно служат к прославлению философа: «И див-

ляахоу се емоу, Бога хвалеце». Но дело на этом и кончилось. Житие не упоминает о русских письменах, в рассказе об изобретении славянских по той причине, что Кирилл (даже допустив, что он снял и сохранил у себя снимок с этих письмен) не думал полагать их в основание своему новому алфавиту, так как они, без сомнения, показались ему, на греческой письменности воспитанному грамотею, неуклюжими и неудобными. В Венеции, по поводу прений о так называемой триязычной ереси, Кирилл высчитывает народы «*книги оумеюще: Яве же соуть си: армены, перси, авазгы, ивери, соугды, готфи, обри, турьси, козари, аравляне, египты и ины мнози*», но о руси не упоминает, несмотря на сказанное в § VIII, потому что в IX веке русь была народом вполне и по преимуществу языческим; да и нельзя было назвать книгами уединенную, никому не известную, двумя только, вероятно, крайне недостаточно переведенными отрывками, ограниченную попытку предложения книг, случайно обретенную в Херсоне.

В чем же состоит противоречие, о котором говорит г. Бодянский?

В том ли, что указанием на существование русских письмен до изобретения Кириллом славянского алфавита составитель Жития как будто умаляет заслуги философа? Но Черноризец Храбр делает то же самое; «Прежде оубо, — говорит он, — словене не имеху книгъ, ну чрътами и разами чьтаху и гатааху, погани суще»; это сознание всеизвестного исторического факта не мешает ему признать Кирилла изобретателем словенских письмен: «Потом же човеколюбець Богъ... посла имь святаго Костантина философа, нарицаемаго кирила, мужа праведна и истинна, и сътвори имь писмена и оемь, ова же по словеньстеи речи... ». Дело в том, что рунические алфавиты (а русские письмена Жития, без со-

мнения, не что иное, как славянские руны) были слишком неполны, неуклюжи, одним словом, рудиментарны, чтобы удовлетворить потребностям той оконченной письменности, которой обуславливалось приличное предложение священных книг; вот почему крестившиеся славяне «римскими и гръчьскими писмены нуждаху ся писати словеньску речь безъ оустроения»; почему моравские славяне считаются не имеющими «боуквы въ езыкъ свои»; почему наконец, за 500 лет до Кирилла готф Вулфила положил не готский рунический, а византийский алфавит в основание своему новосоставленному; руническими же готскими знаками воспользовался только в той мере, какой требовало выражение несуществующих в греческом и латинском языках звуков. Кирилл сделал то же самое и остается изобретателем славянских письмен, как Вулфила готских.

Если ко всему вышесказанному прибавить, что кроме свидетельства Черноризца Храбра о чертах и резах, которыми читали и гадали славяне язычники до принятия христианства, у нас сохранилось современное показание араба эль-Недима о собственно русском языческом письме около 987 года; да и что это показание подтверждается Ибн-Фоцлановым о надписи на могиле русина-язычника, виденной им на берегах Волги в 922 году, то едва ли кому вздумается, из непредубежденных заранее исследователей, отрицать логическую связь этих русских рун с виденными Кириллом в Херсоне русскими письменами. Где же надобность укорять Житие Кирилла ничем не доказанной, ни на какой палеографической или иной вероятности не основанной, Шафариком не признаваемой вставкой?

Насколько мне кажется, приисканное норманнской школой *argumentum a silentio* может быть обращено с большим правом против собственного ее учения. Отношения герман-

ского и вообще западноевропейского мира к скандинавскому не те, что греков к русским славянам до второй половины IX века; от Эйнгарда до позднейших летописцев норманны народ всеизвестный на Западе.

Почему же ни до, ни после призвания не находим мы у этих летописцев и следа русского имени для мнимой шведской руси? Почему не знают о шведской руси ни Vita Anskarii, ни Адам Бременский, ни исландские саги? Откуда, с другой стороны, это никакими случайностями не объяснимое молчание скандинавских источников о Рюрике и об основании Русского государства? Но здесь (и я, конечно, не могу лучше завершить этой главы и вообще всей моей книги) я уступаю место моему знаменитому предшественнику и руководителю Эверсу:

«Ослепленные великим богатством мнимых доказательств скандинавского происхождения руси, историки обращали слишком мало внимания на то, что в древнейших письменных памятниках Севера не находится и намек на действительность подобного факта. Мне кажется, это обстоятельство стоит тщательного исследования, особенно в отношении к источнику наших первых и достовернейших сведений из Скандинавии.

Снорри Стурлесон жил долго при шведском и норвежском дворах; под конец, в качестве лагманна, в своей родине, Исландии, где он был умерщвлен в 1241 году, то есть около 130 лет после смерти Нестора. Любопытно и не раз уже замечено, до какой редкой степени научного образования достигли с X века обитатели этого сурового острова и как они умели узнавать о дальних землях и народах, не исключая новгородских и киевских славян, с которыми норманны вообще вступили так рано в близкие отношения. Что Снорри повествует нам древнейшего о Руси, соверши-

лось около 250 лет до него. Откуда знал он о том? Не из одних песней скальдов, не из преданий, а из древнейших хроник. На одну из них, *Imago Mundi*, он случайно ссылается при повествовании о принятии Владимиром христианской веры; это доказывает в то же время, что остальные рассказы взяты не из нее.

В Исландии, как известно, были древнейшие анналисты — Сомунд Сигфуссон (1056—1133) и Ари Фроди (1068—1148). Шлецер, кажется, не верит, чтоб они когда-либо писали; но в введении к своему сочинению Снорри объявляет, что он пользовался книгой Ари Фроди. Из него ли, из Сомунда ли взял он свои русские известия, его совершенное молчание о Рюрике доказывает, что и эти древнейшие исландские летописцы не знали *ничего* ни о каком Рюрике. Ведь не забыли же они о нем или умолчали умышленно?

Уже Миллер указывал на это *argumentum a silentio*, а Ломоносов находил в нем довод против скандинавского происхождения Рюрика. Шлецер возражает ему: «Но разве у шведов и датчан был хоть один писатель IX—X века? Ведь только после долгого времени узнали они, как посчастливилось в Нормандии их соотечественнику, морскому разбойнику Рольфу».

Я не знаю, был ли Ломоносов (конечно, плохой критик) так мало сведущ, что отыскивал историю Рюрика в современном шведском или датском писателе. Но ему казалось, может быть, так же невероятным, как и мне, что эта история, если она в чем-либо относилась к скандинавскому северу, не дошла путем предания до какого-нибудь позднейшего слагателя саг. Дело-то ведь идет не о каком-нибудь счастливом предприятии, известном только тем немногим, которые принимали в нем участие и для которых оно имело особое значение. Судьба Рюрика не могла не привлечь на себя внимания того народа, к которому он принадлежал; она должна была иметь

на него и влияние, так как он выселился в достаточном количестве, чтобы силой подчинить себе славян и финнов.

Никто не вправе возразить мне, что господство Рюрика на востоке могло быть так же легко позабыто преданием, как первое завоевание норманнами славянских и чюдских земель. Я, однако же, в этом завоевании не сомневаюсь; но оно не было настолько продолжительно и богато последствиями, чтобы молва о нем могла повсюду распространиться; окончание же его не представлялось довольно чудным и уважительным, чтобы лечь в основание поэтическому сказанию. Но мог ли бы родной Рюрик не обратить на себя внимания людей, так охотно щеголявших романическим элементом своей истории? Ведь после Одина нет в древней истории севера ни одного события более знаменательного, более способного к прославлению отечества. Еще бы, если сага ничего не знала о Голмгарде и Гардарикии до времен Владимира, мне казалось бы менее странным ее молчание о Рюрике. Но она довольно болтливо рассказывает о ранних походах своих витязей на восточные земли; не упоминает только о трех братьях-счастливых. Норвежский стихотворец Тиодольф был их современником; но в сохранившихся у Снорри остатках его песней нет об них речи, хотя и говорится о восточных вендах, то есть о руси.

Шлецер говорит, что шведы и датчане узнали только после многих лет, «как посчастливилось в Нормандии их соотечественнику, морскому разбойнику Рольфу». Это правда; однако ж узнали и узнали от самого достоверного и сведущего летописателя скандинавского севера, от многопомянутого Снорри. Они, может быть, узнали бы об этом и прежде, если бы не пропали древнейшие исторические памятники. И эти-то памятники сказали бодрому лагманну о дальнем Рольфе, а позабыли о ближнем Рюрике?

Я заключаю: Снорри пользовался северными песнями и сагами IX века и исландскими летописями начала XII, в которых упоминалось о русских происшествиях, бывших в связи с отечественной историей; Снорри не говорит *ничего* о Рюрике; следовательно, *ничего* о нем не знает; следовательно, *ничего* о нем не говорили и не знали и те древнейшие скальды, слагатели саг и летописатели. Но общее молчание современных и к ним близких писателей о замечательном, всенародном историческом факте уже само по себе дает сильный повод к подозрению и даже совершенному отрицанию позднейших свидетелей. Всего менее, при подобном молчании, может устоять гипотеза, построенная на недоразумениях и неправильных выводах и не имеющая за собой ничего, кроме вполне заслуженной, на ином поприще, известности своих составителей.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. «ВАРЯГИ»

I. О норманнском начале в русской истории	5
II. Кто призывал варяжских князей?	41
III. Основные причины призвания	63
IV. Призвание	97
V. Варяги-Вараггои-Vaeringjar	115
VI. Вопрос об именах. а) Рюрик, Синеус, Трувор, Олег, Ольга, Игорь, Владимир	132
VII. Вопрос об именах. б) Имена прочих князей, княгинь, воевод, мужей и т. д.	157
VIII. Вопрос об именах. с) Имена в договорах Олега и Игоря .	178
IX. Следы варяжского (вендского) начала в праве, языке и язычестве Древней Руси	198
X. Общеславянские особенности варяжских (вендских) князей и дружинников	233

Часть вторая. «РУСЬ»

XI. О мнимонорманнском происхождении Руси	253
XII. Славянское происхождение Руси	268
XIII. Словене и Русь	275
XIV. Летописец Нестор	285
XV. 'Ρώς у патриарха Фотия	301
XVI. Дромиты и франки	304
XVII. 'Ρώς у Симеона Логофета	308
XVIII. Вертинские летописи	310
XIX. Ахмед-эль-Катиб. — Лиудпранд	324
XX. Argumentum a Silentio	337

Литературно-художественное издание

ДРЕВНЯЯ РУСЬ

Гедеонов Степан Александрович

ВАРЯГИ И РУСЬ

Разоблачение «норманнского мифа»

Редактор *В. Малягин*

Художник *Б. Протопопов*

Художественный редактор *А. Финогенова*

Компьютерная верстка *А. Кувшинников*

Корректор *Н. Самойлова*

ООО «Алгоритм-Издат»

Лицензия ИД 00368 от 29.10.99, тел.: 617-0825

Оптовая торговля: 617-0825, 617-0952

Мелкооптовая торговля: г. Москва, СК «Олимпийский». Книжный клуб.

Торговое место: № 30, 1-й эт. Тел. 8-903-5198541

Сайт: <http://www.algorithm-kniga.ru>

Электронная почта: algorithm-kniga@mail.ru

Интернет-магазин: <http://www.politkniga.ru>

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное.

Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»

E-mail: international@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact

Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.

international@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2115, 2117, 2118. E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

Подписано в печать 13.10.2010.

Формат 84×108 ¹/₃₂. Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,48.

Тираж 3000 экз. Заказ № 4002757

Отпечатано на ОАО «Нижполиграф»,
603006 Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

ISBN 978-5-699-45930-8

9 785699 459308 >

«Варяги и Русь» известного отечественного историка
Степана Александровича Гедеонова (1816–1878) –
одна из главных книг, наносящих сокрушительный удар
по норманнской теории возникновения русской государственности.

Впервые изданная в 1876 г.,
она была сразу отмечена как значительное явление
в русской исторической науке,
как образец объективности и научной добросовестности.

Книга не утратила актуальности и до сего дня является
одним из основных пособий для тех,
кто изучает происхождение Руси.
Адаптирована для популярного чтения.

ISBN 978-5-699-45930-8

9 785699 459308 >

ЭКСМО